

МИНИСТЕРСТВО ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ
ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
УКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

А. А. ОПАРИН

МЕДИЦИНА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Монография

Харьков «Факт»
2022

УДК 28
О 60

*Утверждено к печати Ученым советом Харьковской медицинской академии
последипломного образования (Протокол № 7 от 20.09.2021 г.).*

*Утверждено к печати Ученым советом Украинской Академии
Истории Медицины (Протокол № 8 от 12.09.2021 г.).*

Издается в авторской редакции

Рецензенты:

*Жаловага А., проректор по учебной работе института Подкова Лесна
(Варшава, Польша), доктор философских наук, доктор юридических наук,
профессор;*

*Пасиешвили Л.М., заведующая кафедрой общей практики — семейной
медицины Харьковского национального медицинского университета,
доктор мед. наук, профессор;*

*Рогожин Б.А., проф. кафедры социальной медицины, управления
и бизнеса в охране здоровья Харьковской медицинской академии
последипломного образования, Академик Украинской Академии Истории
Медицины.*

Опарин А. А.

О 60 Медицина средневековой Европы / А. А. Опарин. Харьков: Факт,
2022. 432 с.

ISBN 978-617-8072-36-0

В монографии на основании комплексных исследований, как источников, так и работ отечественных и зарубежных ученых в области истории медицины, Всемирной истории, философии, археологии и религиоведения представлена в Средневековой медицины Западной Европы.

Монография может быть рекомендована студентам медицинских и гуманитарных вузов, их преподавателям и всем, интересующимся медициной и историей.

УДК 28

ISBN 978-617-8072-36-0

© Опарин А. А., 2022

Предисловие

Западноевропейская медицина Средних веков, начинающаяся с 476 года — года падения Западной Римской империи и продолжающаяся до 1517 года — года начала Великой Реформации, относится, с одной стороны, к наиболее длительному этапу в истории медицины и одновременно наиболее статичному периоду во всей медицинской науки. «Во весь этот длинный, тысячелетний период «материал медицины» оставался неизменным, едва-едва обогащаясь некоторыми приобретениями, и то благодаря более случаю, нежели духу изобретения»¹. Недаром, «англичане называют Средние века «темными», dark ages, dark time. Действительно, семьсот-восемьсот лет, отделяющие падение Западной Римской империи от эпохи Возрождения весьма скудно светящимися точками, маяками и оазисами просвещения... тянется целый ряд веков без всякого умственного просвета, без всяких признаков живой умственной жизни»².

«В эту эпоху умственное движение Западной Европы и экономическое положение простого народа были крайне незавидны. Народ, угнетаемый тройным игом — духовенства феодалов и цехов, был лишен всех гражданских прав и зачастую даже постоянного куска хлеба; нередко целые деревни десятки лет скрывались в лесных и болотных трущобах, давая повод создавать легенды о ликантропах, т.е. человеко-волках, и урсогомах — человеко-медведях. Забитый, загнанный, обнищавший народ был во владении умственного невежества и темного суеверия; это было настоящее бесправное темное царство, без малейшего светлого луча надежды на что-нибудь лучшее в будущем»³.

И действительно, мы не найдем более периода, в котором бы в течение тысячи лет уровень медицинских знаний не только не обогащался принципиально новыми достижениями, но, напротив, в самом конце эпохи Средних веков мы наблюдаем необыкновенный всплеск безраздельного господства в медицине суеверий и откровенно мистических представлений, апогеем чего становятся психические эпидемии Средневековья, не имевшие места более ни в один из периодов истории человечества.

Также мы не найдем более за всю историю медицины периода, в котором столь бы повсеместно господствовала антисанитария, как в жизни городов в целом, так и в личном быту жителей того времени,

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 494.

² Тарле Е.В. История Италии в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 187.

³ Быков А.А. Лойола. Его жизнь и общественная деятельность. — М.: Республика, 1995. — С. 328—329.

вне зависимости от их социального происхождения. Период средневековой медицины являет пример и периода с самой низкой продолжительностью жизни и одновременно с самыми высокими показателями детской смертности, голодоморов и алкоголизма. И это все происходит при безраздельном господстве во всех сферах жизни тогдашнего общества средневековой церкви и ее идеологии¹. И потому, только с учетом этого мы можем понять и объяснить эти особенности всей средневековой медицины и особенности медицины средневекового города, в частности.

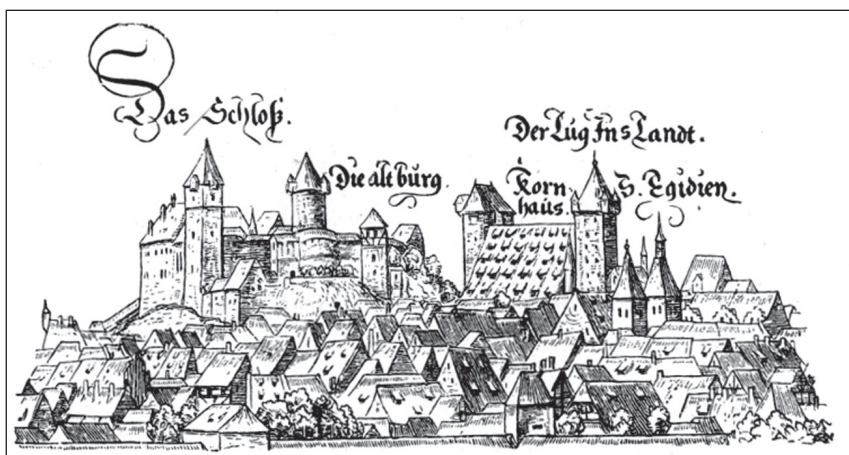
Именно эти основополагающие вопросы и раскрываются впервые в истории медицины на страницах монографии профессора Алексея Опарина, являющейся одной из ведущих работ европейских ученых, посвященных истории Западноевропейской средневековой медицины.

В представленной монографии впервые комплексно показана роль религиозно-философских представлений на развитие медицинской науки и практики средних веков. Впервые показано, что именно эти религиозно-философские учения средневековой церкви и обусловили статическое состояние медицины на протяжении всего Средневековья. В работе впервые показаны истоки и причины формирования тех или иных методов лечения, широко применявшихся в Средние века. Раскрыты причины отсутствия развития медицинской помощи населению. В монографии впервые комплексно исследован феномен психических эпидемий Средневековья, раскрыты религиозные корни, обусловившие их появление. Особый интерес представляет и исследование феномена Крестовых походов и их роль на развитие медицинских представлений того времени. Особое внимание в работе уделено исследованию формирования и особенностей Медицинских факультетов Средневековых университетов. Автор впервые комплексно раскрывает причины длительного господства суеверных и магических представлений, господствующих в программе медицинских факультетов Средневековых университетов и их статического состояния вплоть до эпохи Великой Реформации. Таким образом, данная монография представляет несомненный научно-практический интерес и может быть рекомендована к переводу на польский и английский языки для последующего внедрения в учебный процесс для студентов медицинских и гуманитарных ВУЗов.

*Профессор А. Жаловага,
Варшава*

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 494.

Часть I
МЕДИЦИНА
СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА:
БОЛЬНИЦЫ. ВРАЧИ.
АПТЕКИ

Глава 1

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Наше исследование медицины эпохи Средних веков мы начнем с изучения особенностей медицины средневекового города, для которого было весьма характерно наличие нескольких принципиальных особенностей.

— Отсутствие канализационной и водопроводной системы

В отличие от городов античного мира, располагавших прекрасными водопроводными и канализационными системами, охватывавшими практически весь город, города в эпоху Средневековья, включая и столицы государств, вообще не имели данных систем. Редко какие дома во дворах имели колодцы и поэтому за водой ходили чаще всего к городскому фонтану¹.

Первые водопроводы начинают строиться в Европе только в XV веке, т.е. только через тысячу лет с момента крушения античного мира². Более того, «отхожие места были далеко не в каждом доме. Грязную воду и твердые отбросы выливали в специальные ямы для нечистот, которые опорожнялись, время от времени»³.

Поэтому нечистоты обычно выбрасывались прямо на улицу. Туда же из окон и воду «к величайшему недовольству прохожих — просто выплескивали на улицу из окна»⁴. Первые водосточные каналы появляются только в XIV-XV вв., да и то лишь в крупных городах⁵.

— Антисанитария улиц средневекового города

Средневековый город не только не имел канализационной системы, но в нем вообще не проводилась уборка мусора. Более

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 45.

² Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013.

³ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 45.

⁴ Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004. — С.36.

⁵ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 53—54.

Башенка сухого туалета замка Чешского Штернберка. Чехия.
Фото А.А. Опарина

На переднем плане башня Мигулка Пражского града - место проведения
алхимических опытов. Прага, Чехия. Фото А.А. Опарина

того, отсутствовали элементарные баки для его сбора, и все помои выбрасывались прямо на улицу, на тротуар и проезжую часть¹.

«Отбросы пищи, мусор выбрасывали прямо на улицу»². Или в лучшем случае в реки, или во рвы³. «Служба мусорных повозок была организована в Париже лишь в XIV веке, в Амьене — в XV веке»⁴. «В средневековой Европе весь мусор и пищевые отходы горожане выбрасывали прямо на улицы»⁵. «Хозяйки выливали помои прямо на улицу, так что по городу трудно было проехать»⁶.

«В жаркий день в городе было трудно дышать из-за едкой и зловонной пыли»⁷. К тому же узкие улицы способствовали тому, что вентиляции воздуха не было, и в городе стоял тяжелый воздух⁸.

Средневековые хроники сохранили нам многочисленнейшие документы, рассказывающие о состоянии центральных улиц самого Парижа, одного из крупнейших средневековых городов. В одном из этих документов, описывается, как во второй половине XIV века на улице Святой Женевьевы мясники прямо на улицу выбрасывали потроха животных, которых забивали, отчего и на без того грязной улице воцарился полнейший смрад. В начале XV века хроники живописно повествуют о том, что площадь Мобер, один из центральных перекрестков средневекового Парижа, была буквально завалена мусором⁹! В конце XV столетия «жители города Рейлилингена уговаривали императора Фридриха III (1440—1493) не приезжать к ним, однако, он не послушался и едва не погиб в грязи вместе с лошадью»¹⁰.

Тот же император, несмотря на аналогичные предостережения жителей Тутлинга, при посещении их города погряз вместе с

¹ Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 12.

² История Средних веков //Под ред. Н.Ф. Колесниченко. — М.: Просвещение, 1986. — С. 174.

³ Ястребичкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 53.

⁴ Там же. — С. 53.

⁵ Сорокина Т.С. История медицины. — М.: ПАИМС, 1994. — С. 183.

⁶ Гуревич, Харитонович. Указ. соч., с. 114.

⁷ Сорокина Т.С. Атлас истории медицины. Средние века (476—1640). — М.: Т-я университета Дружбы народов, 1983. — С. 93; История Средних веков //Под ред. С.Д. Сказкина. — М., 1977. — Т.1, с. 185.

⁸ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 117.

⁹ Ру С. Повседневная жизнь средневекового Парижа. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2008. — С. 47-48.

¹⁰ Ястребичкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 53.

лошадью в грязи, которая доходила до ляжек его коня¹. «Канцлер императора Карла IV Иоганн фон Неймаркк жалуется, что в Нюрнберге из-за постоянного дождя на улицах образовалась такая масса грязи, что верховым стало небезопасно ездить, потому что либо лошадь упадет в глубокую грязь и „замарает верхового, как свинью, в вонючей уличной грязи“, либо его забрызгают грязью чудил лошади»². «Тротуаров не было; улицы были немощеными, поэтому летом в жару было очень пыльно. А весной и осенью очень грязно; с трудом можно было пройти и проехать по улице; лужи бывали столь глубокими, что через них нельзя было проехать на лошади»³.

Проблема заключалась и в том, что улицы средневековых городов до XIV века не мостились. «Только в особенно важных случаях улицы средневекового города закидывались щебнем или устилались соломой, причем каждый из городских обывателей покрывает соломой часть улицы, прилегающую к его жилищу. В обычное время, до появления мостовых, накидывались камни и деревянные обрубки только на уличных перекрестках. Камни разбрасывали друг от друга на расстоянии человеческого шага, так что переправа через такие места напоминала переправу через широкий ручей или непросыхающую лужу в современной деревне»⁴.

Недаром в хрониках города Аугсбурга Буркард Цинк писал, что «во всякое время повсюду в городе было грязно»⁵. «В некоторых местах улиц были сделаны деревянные настилки для перехода»⁶.

В осенне-весенний период, вследствие выпадения осадков, улицы превращались в настоящие реки помоев и зловонные стоячие болота, что служило прекрасной средой для формирования очагов инфекций. Примечательно, что если дожди даже «выпадали на какой-либо праздник, то монахи ближнего монастыря откладывают назначенные заранее церковные процессии по случаю «уличной грязи»⁷.

Так, к примеру, в договоре, «который заключило между собой в 1318 г. во Франкфурте на Майне духовенство церквей св. Варфо-

¹ Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. — М.: Либроком, 2019. — С. 36.

² Там же. — С. 36.

³ История Средних веков //Под ред. Н.Ф. Колесницкого. — М.: Просвещение, 1986. — С. 174.

⁴ Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 12.

⁵ Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. — М.: Либроком, 2019. — С. 33.

⁶ Там же. — С. 33.

⁷ Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 11.

ломея и св. Леонарда, между прочим, стоит, что члены этой последней корпорации только тогда должны были являться в собор для совместного празднования известных праздников, когда это позволяла погода и „уличная грязь». В четырнадцатом веке, чтобы сделать возможным передвижение по улицам во время франкфуртской ярмарки, приходилось предварительно (только для такого случая!) вывозить нечистоты из города и местами устилать улицы соломой»¹.

Добавляло грязи и то, что «бывало, что по улицам разгуливали свиньи и всякий домашний скот»². Это было обусловлено тем, что «горожане вели полукрестьянскую жизнь»³.

Дело в том, что «почти каждый, даже мелкий горожанин держал в стойле корову или козу и откармливал одну или нескольких свиней. Содержание этих домашних животных не требовало больших забот; городской пастух выгонял их на общее поле или в лес на желуди и буковые шишки, между тем как их владелец мог спокойно продолжать свою промышленную деятельность. Свиней пускали беспрепятственно бегать по всему городу. По-видимому, долгое время не обращали внимания на то, что свиньи (как сказано в одном постановлении франкфуртской думы) часто подолгу простаивали перед чужими дверьми. Во Франкфурте в четырнадцатом веке вместо „на площади Золотых Щипцов“ (около проезжей улицы) говорили просто „на свином навозе“. Прогресс сказывается в том, что свиньи лишаются такой свободы. Но как раз известия об этих прогрессивных мероприятиях бросают яркий свет на прежнее положение вещей. В 1410 г. в Ульме издается распоряжение выпускать свиней только в полдень, от одиннадцати до двенадцати, и ни в какие другие часы дня или ночи. Из нюрнбергских полицейских распоряжений пятнадцатого века о „содержании свиней“ мы узнаем, что из гигиенических соображений и потому, что город вообще славится своей хорошей полицией и порядком, и потому, что это возбуждает неудовольствие не только горожан, но и князей, сеньоров и других знатных приезжих, горожанам отныне воспрещается выгонять свиней перед домами, на мостовую и общественную площадь. В Регенсбурге в 1452 г. дума издала распоряжение по случаю процессии тела Христова, „чтобы каждый

¹ Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. — М.: Либроком, 2019. — С. 36.

² Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 11.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 273.

вывозил из города навоз, а у кого перед домом грязно, немедленно постелил соломы и через неделю вывез навоз". В 1481 г. во Франкфурте было совсем воспрещено держать свиней, и разрешено только в Саксенхаузене и в Новом городе; в 1553 г. франкфуртская дума предписывает казначею, так как масса свиней бегают по улицам и портит воздух, заплатить живодеу, чтобы он убивал на улицах собак и свиней. В Бреславле лишь в 1495 году было воспрещено пускать свиней по улицам. Нередко прибегали к ограничению числа свиней, которых имел право держать каждый горожанин»¹.

Вследствие разведения горожанами скота и свиней на городских улицах «высились навозные кучи»².

Здесь же в уличной грязи вместе со свиньями и домашней птицей играли дети, что создавало прекрасные условия для развития различных эпидемий и многочисленных детских инфекций, которые были одной из главных причин смертности детей эпохи Средневековья³.

На улицы средневековых городов выбрасывались помимо помоев и трупы умерших домашних животных! Недаром, в средневековых городах были специальные работники, «которые каждый день ходили с чаном и смотрели, не выбросил ли кто мертвую свинью, собаку или кошку, гниющих кур или крыс; когда они их находили, они подбирали их и уносили их в чане за ворота, чтобы улица была чиста»⁴. На картинах средневековых художников, изображавших городскую жизнь, наверняка вы с удивлением обращали внимание на странную обувь женщин, и особенно мужчин: с загнутыми носами и неестественно длинную⁵, чем-то напоминавшую... маленькие лыжи. Но если вспомнить ту жуткую антисанитарию, царившую на улицах городов, и то, что большинство улиц не мостили, и грязь, глина, смешиваясь с помоями, создавали буквально непроходимые «болота», то удивляться не приходится. В такой длинной обуви с загнутыми носами горожане даже не шли, — так как было скользко, и можно было запросто упасть, — а скользили по непролазной грязи.

¹ Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. — М.: Либроком, 2019. — С. 38.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 273.

³ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 114.

⁴ Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. — М.: Либроком, 2019. — С. 40.

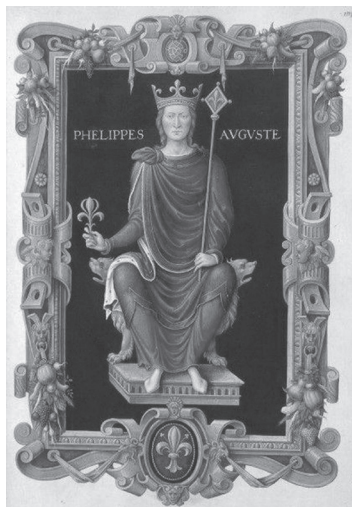
⁵ Вейс Г. История цивилизации. В 3 т. — М.: Эксмо-Пресс, 1998. — Т.2, с.582; т.3, с. 48, 65-66.

С этой же целью использовали специальные деревянные башмаки¹. «Эти башмаки играли роль современных галош и снимались с ног при входе в здание. Собственно говоря, это дополнительная обувь вовсе не была башмаками, хотя и называлась так: она представляла собой просто деревянные подошвы, прикреплявшиеся ремнями к сапогу, напоминая, таким образом, древние сандалии. Знатных и богатых людей в случае особенно большой грязи носят на носилках»².

«Сами члены городской средневековой думы, отправляясь на заседание, нередко должны были надевать деревянные башмаки; постановление 1441 г. предписывало им снимать их перед заседанием... И когда сидели в зале совёта, деревянные башмаки стояли за дверью: тут можно было прекрасно сосчитать, сколько человек явилось на заседание»³. Иногда, чтобы преодолеть уличную грязь приходилось ходить на ходулях⁴.

Чистки улиц, хотя и регламентировались городскими законами, проходили весьма нерегулярно, о чем свидетельствуют указания, что еще в XVI веке, не говоря уже о более ранних временах, требовались часто специальные указы самого высокого уровня. Так, к примеру, «в 1562 г. по особому настоянию имперского маршала, по случаю коронавания Максимилиана II, некоторые улицы нового города во Франкфурте-на-Майне и в Саксенхаузене были очищены от навоза»⁵.

Мощение первых улиц впервые в Европе происходит в Париже в конце XII века, а в Праге только в 1331 году, а в немецких го-

Король Франции
Филипп Второй Август

¹ Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. — М.: Либроком, 2019. — С. 36.

² Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 11—12.

³ Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. — М.: Либроком, 2019. — С. 36; Грацианский Н. П. Средние века. — М., 1939. — С. 40.

⁴ Там же. — С. 40.

⁵ Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. — М.: Либроком, 2019. — С. 38.

родах в основном только к началу XV века появились первые мощеные улицы¹. При этом каждому горожанину вменялось в обязанность, чтобы улица перед его домом была замощена².

— Система сухих туалетов

Крайне неприглядной в средневековом городе была и система так называемых сухих туалетов³, располагавшихся в небольших навесных башенках домов, и фекалии попадали прямо на улицу, на голову идущих прохожих. Правда, богатые дома были оснащены специальными колокольчиками, предупреждающими прохожих о выбросе очередной партии фекалий на улицу. Все это приводило не только к отсутствию эстетичного вида улиц, но способствовало развитию эпидемий и их поддержанию.

Большую проблему составляло и то, что в средневековых городах вследствие отсутствия системы канализации, под домами располагались выгребные ямы, которые очищались крайне редко, а учитывая то, что средневековые дома, практически не проветривались, мы можем себе представить, какой был воздух в средневековом жилище. Именно поэтому фекалии часто выбрасывались прямо наружу. К тому же, в отличие от античного времени, в средневековых городах общественных туалетов не было, и потому такими «общественными» туалетами становились все укромные уголки средневекового города⁴.

Весьма популярный вид туалета того времени описал Д. Боккаччо. «В узком проулке, как это нам нередко приходится наблюдать, от дома к дому были протянуты две перекладки, к ним были прибиты доски, а на досках сооружено сиденье»⁵.

До нашего времени дошли постановления, которыми «запрещалось устраивать частные уборные над более или менее значительными улицами и площадями — убедительное свидетельство, что прежде поступали именно так!»⁶ «Отправление естественных потребностей, в Новое время, уходящее целиком за кулисы общественной жизни и замалчиваемое, в Средние века не было окружено такою же стеной стеснительности. В поучениях о добрых

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 53.

² Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 53.

³ Сорочан. История культуры Европы. Указ. соч., с. 175.

⁴ Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004. — С.36.

⁵ Боккаччо Д. Декамерон. — Харьков: Прапор, 1991. — II, 5, с. 83.

⁶ Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004. — С. 36.

Система сухого туалета в замке Мальборк, Польша. Фото А.А. Опарина

Сухой туалет в башне Гадиска,
Мальборкского замка. Польша.
Фото А.А. Опарина

Сухой туалет замка Мальборк,
Польша. Фото А.А. Опарина

Сухой туалет града Локет, Чехия. Фото А.А. Опарина

нравах XVI—XVIII вв. благородным юношам внушается мысль о том, что эти потребности нужно удовлетворять не на глазах других людей, но в среде простолюдинов, где подобные нормы не были в ходу. Иллюстрацией могут служить хотя бы полотна Брейгеля. На картине «Крестьянская свадьба» видны несколько участников сельского праздника — мужчин, которые отходят к стене помочиться, и ни для них, ни для пляшущих тут же рядом пар в этом нет ничего неестественного или неприличного»¹.

— Антисанитария средневекового дома

Средневековые дома строились без какого бы то ни было учета элементарных гигиенических норм, когда вследствие узких и кривых улиц, маленьких узких окон солнечный свет практически не поступал ни на улицы, ни в дома².

«Свет и воздух проникают через отверстие, зачастую единственное, которое, если кухня занимает первый этаж, нередко служит и входной дверью, а если она расположена на верхних этажах — окном. Окно не застеклено, есть лишь деревянные ставни, поэтому оно, естественно, вместе со светом пропускает холод и сырость»³. И это было в домах горожан со средним достатком. Дома же городской бедноты вообще составляли еще более ужасающее зрелище.

«Обзор дома бедноты не займет много времени. Примыкая непосредственно к городской стене или к развалинам какого-нибудь феодального замка, разрушенного в ходе гражданских войн, он, как правило, состоит из единственной комнаты — и кухни, и жилого помещения одновременно. Построенный из кирпича или чаще всего из дерева, крытый соломой, возведенный прямо на земле, без фундамента и подвала, он становится легкой добычей пожара, уничтожающего город. Примитивное пристанище, закопченное дымом от очага, расположенного посередине единственной комнаты, плохо освещенное через открытую дверь или единственное окно без стекла, этот дом — при всей его крайней бедности — лучше, чем подвал большого дома или комнатка за лавкой или мастерской — без воздуха и света, которой довольствуются чернорабочие и домашние слуги... не говоря уже о множестве нищих и их берлогах»⁴.

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 327.

² Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 88; Сорокина Т.С. История медицины. — М.: ПАИМС, 1994. — С. 183.

³ Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004. — С. 31.

⁴ Там же. — С. 30—31.

«Из-за ограниченности городской территории улицы были очень узки. Дома строились в несколько этажей. Причем часто верхний этаж нависал над нижним, так что на улице всегда был полумрак, даже в солнечные дни»¹. Так же из-за того, что улицы были очень узкими, дома вплотную примыкали один к другому, и когда возникала необходимость увеличить размеры дома, то он рос не вширь, а вверх»². Это еще более делало улицу темной.

Это способствовало снижению естественного иммунитета, развитию рахита, заболеваний глаз. В средневековом доме вследствие отсутствия системы водоснабжения не только отсутствовали ванны, но и сама уборка дома, в котором, к тому же, жили часто и домашние животные, проводилась крайне редко. «Во время уборки не следовало расходовать слишком много воды, так как если поблизости не имелось колодца, надо было отправлять служанку за водой на реку, к общественному источнику, где ей приходилось долго стоять в очереди. Однако вынос помоев и мусора порождал еще больше проблем, почти неразрешимых для подавляющего большинства парижан. В домах не всегда имелась уборная или выгребная яма. Обычно грязную воду выливали в желоб, выходивший на улицу!»³

Дома буквально кишели насекомыми, и, в первую очередь, блохами⁴. Поэтому неслучайно средневековые кровати в богатых домах оборудовали «балдахином, нужным для того, чтобы насекомые, которых хватало в домах того времени, не падали с потолка на спящих»⁵.

Средневековые хроники многократно упоминают о страшной антисанитарии не только домов горожан, но и королевских замков! Ибо в замках также, «мылись не слишком часто, и в комнатах водилось множество насекомых. Луи Пойон, врач и советник Генриха II, рассказывает про одного из представителей герцога Эркуля Феррарского, в 1528 году приехавшего в Фонтенбло для переговоров о браке своего господина с Рене Французской. Высокий гость всю ночь не мог уснуть из-за кусавших его клопов, вшей, блох и мух, а также из-за бегавших по комнате крыс»⁶.

¹ История Средних веков //Под ред. Н.Ф. Колесниченко. — М.: Просвещение, 1986. — С. 174.

² Гуревич, Харитонович. Указ. соч., с. 113—114.

³ Ру С. Повседневная жизнь средневекового Парижа. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2008. — С. 231.

⁴ Там же. — С. 233.

⁵ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 163.

⁶ Клуас И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2006. — С. 195.

— Отсутствие элементарной личной гигиены

Обычно понятия Средневековья ассоциируются у нас с понятиями прекрасной дамы и неотразимого рыцаря. Однако действительность была совершенно иной. Дело в том, что жители Средневековья, включая и самых высокопоставленных вельмож и королей, мылись... один-два раза в год! Ни о каком утреннем умывании, чистке зубов не было и вовсе речи. Общественные бани, столь популярные в античную эпоху, в Средневековье исчезают¹.

«Баня — столь характерное явление греко-римского мира — стала в Средние века редкостью. Общественными банями (типа римских терм) западное Средневековье практически не пользовалось, во всяком случае, до XIII века, да им и не было места в условиях, когда общественная жизнь резко сократилась. Не было бань и в частных жилищах, пожалуй, только в некоторых монастырях строились помещения для мытья: так, в Ключийском аббатстве в XI веке существовала дюжина деревянных клетушек, служивших умывальнями»².

Общественные бани начинают в Европе возобновляться в Париже в конце XIII века, но они отличались весьма низким гигиеническим состоянием, а также тем, что мужчины в них мылись одновременно с женщинами³, что негативно сказывалось и на уровне нравственности населения и на распространении инфекционных заболеваний.

Причем начавшие с XIV века появляться бани представляли собой не столько места гигиены, сколько откровенные места разврата. «Вот описание эрфуртских бань XIII в. «Бани в этом городе доставят вам истинное удовольствие. Если вам необходимо помыться и вы любите удобства, то можете входить туда спокойно. Вас примут любезно. Красивая девушка как следует разотрет вас своими нежными ручками. Опытный брадобрей побреет вас, не уронив вам на лицо ни капельки пота. Утомившись ванной, вы найдете кровать, чтобы отдохнуть, хорошенькая женщина, которая не причинит вам беспокойства, с видом девственным искусно расчешет вам волосы. Кто же не сорвет у нее поцелуй, если только захочет, поскольку она отнюдь не сопротивляется?

¹ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 79.

² Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 45.

³ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 45.

А когда у вас потребуют платы, то хватит и одного денье»¹. Понятно, что при таком обслуживании бани становились ни центрами гигиены, а центрами распространения венерических и грибковых заболеваний.

История нам сохранила многочисленные свидетельства того, что даже монахи в монастырях-местах наибольшего просвещения в эпоху Средневековья, не только так же редко мылись, но и наказывали того, кто мылся чаще! Так, «цистерцианцы отлучали от причастия того, кто мылся без разрешения (но речь здесь шла об общественных банях, пользовавшихся дурной репутацией). Картезианцам запрещалось купаться в реках и прудах (то есть опять-таки публично, тогда как они имели воду в кельях). Монахам Монте-Кассино позволялось мыться только в крайних случаях, для чего требовалось разрешение генерального капитула! Пожилые монахи конгрегации Бурсфельда ходили в баню четыре раза в год, а молодые — два раза. Монахи Гирсау мылись два раза в год. В других местах мылись на Рождество, на Пасху и Пятидесятницу»².

«Тело следовало принизить. Григорий Великий называл тело «омерзительным одеянием души». «Когда человек умирает, он излечивается от проказы. Каковой является тело» — говорил Людовик Святой Жуанвилю. Монахи, служившие средневековым людям примером для подражания, беспрестанно смиряли плоть, культивируя аскетические привычки. В монастырских уставах указывалось максимальное количество дозволенных ванн и туалетных процедур, поскольку все это считалось роскошью и проявлением изнеженности. Грязь была добродетелью. Крещение должно было отмыть христианина раз и навсегда в прямом и переносном смысле»³.

Весьма и весьма часто не проводились элементарные гигиенические процедуры после отпращиваний естественных надобностей. Вот типичная сцена, оставленная нам той далекой эпохой. «Именно на берегах этого ручья люди всех возрастов и обоих полов ежедневно платят дань, которую на них налагает пищеварение. Вот каков церемониал, соблюдаемый в этих случаях: сначала размещаются так, чтобы не быть повернутым ни на восток, ни на запад; задирают и спускают белье и одежды, которые покрывают ис-

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 332.

² Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов. — М.: Молодая гвардия, Классик, 2002. — С. 136—137.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 330—331.

пражняющиеся части тела; приседают, поставив локти на колени и подставив ладони под голову; испражнение произошло, одеваются, не воспользовавшись ни тряпками, ни бумагой; смотрят на содеянное, и уходят»¹.

Одежда стиралась также весьма редко, и поэтому можно себе только представить, какой запах царил на балах, не говоря уже о домах простолудинов. И, конечно же, обильно применяемые духи и использование распространенного тогда такого косметического средства для кожи, как масло, на которое затем наносилась в изобилии пудра, что считалось в высшем обществе эталоном красоты, не решали эту проблему. Все это служило источником для многочисленных кожных заболеваний, заболеваний желудочно-кишечного тракта и легких. Обычай частой смены грязного белья и устройство горячих бань начал входить в европейский обиход вообще только во времена Крестовых походов, как в Палестину, так и в Испанию, когда его участники увидели высокую личную гигиену арабов². «В период раннего Средневековья европейцы умывались только холодной водой, и то лишь изредка, а платье носили до тех пор, пока оно не приходило в ветхость»³.

Подавляющее большинство жителей средневековой Европы «едят руками, вытирая их о полы одежды; они едят из общей тарелки и не стесняются положить в нее кусок, от которого уже откусили, плебеи пьют суп из общей миски и вино из одной чаши или кубка, не утирая рта, плюют на стол, рыгают, сморкаются, не отворачиваясь от соседей»⁴.

Одновременно с этим была крайне низкая культура половой жизни, при которой гости ложились с хозяевами в одну постель⁵. «Долгое время спали по два или несколько человек в одной постели, не говоря уже об одной комнате.

Сексуальная жизнь на протяжении Средневековья еще не была окружена тою тайной, которая окутала ее в более позднее время, и, в частности, не была столь радикально устранена от взоров ребенка»⁶.

¹ История тела. В 3 т. //Под ред. А. Кобрена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т.1. От Ренессанса до эпохи Просвещения. — М.: Новое литературное обозрение. 2017. — Т.1, с.97.

² Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 229.

³ Там же. — С. 229.

⁴ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 326.

⁵ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 163.

⁶ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 327.

Узкая средневековая улица с видом на церковь Св. Духа, Таллин.
Фото А.А. Опарина

— Недоброкачественное питание

Средневековые рынки были лишены элементарных санитарных норм. И хотя при въезде в город привозимые товары проверялись представителями городских властей, которые, например, худое вино, худое пиво выливали на дорогу, дурной хлеб уничтожали, а с хлебником поступали весьма сурово: его кидали в реку¹», мясо, овощи, фрукты продавались на грязных прилавках, а сами базары представляли собой такие же грязные и зловонные улицы, с той лишь разницей, что на базарах продавались еще и живая птица, рогатый скот, фекалии которых никто и не думал убирать. Если же учесть, что продукты практически не мылись, кулинарная обработка проводилась должным образом далеко не всегда, все это способствовало широкому распространению кишечных заболеваний, и, в первую очередь, дизентерии².

История нам донесла постановления, принимаемые в разное время, чтобы хоть, как-то преодолеть это антисанитарное состояние. Так, в частности, в Дортмунде в XIII веке было выпущено постановление, запрещавшее трогать руками выставленные на продажу продукты, которое гласило следующее: «Если какой-нибудь горожанин наш, находясь на нашем рынке, желает купить свежее мясо или свежую рыбу, он должен сказать торговцу: переверни мне вон ту рыбу, или: переверни мне вон то мясо, но отнюдь не должен трогать собственной своей рукой. Если же тронет и уличен будет двумя очевидцами, то без всяких возражений уплатит 4 солида»³.

О качестве подаваемого товара в эпоху Средневековья и средневековых представлениях о его качестве говорит хотя бы такой факт, что вплоть до XIII века для улучшения качества пива в бочки принято было класть веревку повешенного. Так же, «поблизости от хозяйского места ставился невысокий шкафчик, в котором хранились магические предметы, предназначенные для того, чтобы проверить доброкачественность подаваемых блюд: рог единорога (на самом деле нарвала), окованный золотом, и так называемая лангье — подставка из драгоценных металлов, с помещенными на ней «змеиными зубами» (видимо это были зубы акулы). Считалось, что при соприкосновении с мельчайшими долями отравы рог единорога начнет кровоточить, как и змеиные зубы»⁴.

¹ Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 24.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 223.

³ Средневековье в его памятниках // Под ред. Д.Н. Егорова. — М., 1913. — С. 192.

⁴ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 69.

— Детская смертность

Средневековье — это эпоха небывалого роста детской смертности¹. Страшная антисанитария средневековых городов и домов, отсутствие личной гигиены родителей, отсутствие гигиены при уходе за ребенком, недоброкачественное питание, гиповитаминозы, отсутствие лечения приводили к огромному проценту детской смертности или ранней инвалидизации детей². При этом никаких методов лечения и профилактики детских болезней не предпринималось. Лечили эти бесчисленные детские болезни с помощью святых. Зубную боль с помощью св. Агапита, конвульсии — св. Корнелия и св. Жилия, колики — св. Агапит, св. Сиром и св. Герман³.

Обобщё отношение к детям в Средние века существеннейшим образом отличается от современного. «В ту эпоху никто не задумывался над особенностями ребенка. Конечно, все понимали, что он мал и слаб. Но не обращали никакого внимания на то, что у ребенка свои интересы и особая нервная система, что он иначе воспринимает окружающий мир, чем взрослые, и нуждается в заботе. Ребенка считали маленьким взрослым. Если посмотреть, как изображали детей художники того времени, мы убедимся в том, что черты лица ребенка — это черты лица взрослого, что дети наряжены в такую же одежду, какую носили взрослые, отличавшуюся только размерами; каких-либо детских платьев не существовало. В глазах взрослых детство было очень коротким»⁴.

Заканчивалось детство примерно к 12—14 годам, когда уже можно было вступать в брак⁵. И понятно, что столь ранние браки у еще не до конца сформировавшихся организмов давали весьма часто болезненное, а порой и нежизнеспособное потомство.

Более того, Средние века характеризовались частыми голодоморами, «когда лишние детские рты трудно было прокормить, в некоторых странах довольно долго держался обычай: отец мог решить, оставить ли новорожденного в семье или вынести, т.е. унести его в пустынную местность и обречь на смерть. Особо часто так поступали с девочками, полагая, что от них меньше помощи в хозяйстве, чем от мальчиков. Многих матерей обвиняли в том, что

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 323.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 226; Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 138.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 226.

⁴ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 136.

⁵ Там же, с. 136.

они «заспали» своих младенцев. Новорожденный спал в постели вместе с матерью, и она, якобы во сне, случайно навалилась на него и задушила тяжестью своего тела»¹.

Примечательно также, что по учению средневековой церкви «до тех пор, пока новорожденный не подвергся акту крещения, его не считали принадлежащим к числу христиан; он как бы стоял вне рода человеческого. И потому дети умершие, не получив крещения, не могли, согласно учению церкви, быть допущены в рай, несмотря на то, что они не грешили»².

При этом, вопрос, как могли считаться христианами крещенные младенцы, тоже не имел ответа. Ибо, крещение по Библии — это договор человека с Богом, его осознанный выбор, и потому не случайно даже Христос, оставив нам пример, принимает крещение во взрослом возрасте. При этом, никто, никакой крестный отец или крестная мать не могут за ребенка решить этот вопрос, не говоря уже о том, что фактически нигде и никогда крещенные родители не обучали со временем своих крестных основам христианства, как то провозглашалось церковным учением. Не могли научить хотя бы по той причине, что и сами не были ему научены и имели о христианстве мягко говоря крайне общее представление. Тогда, как их повседневная религия представляла собой смесь суеверных представлений и обрядов, замешанных на откровенном язычестве.

Более того, «многие богословы видели в ребенке дурное и даже злое существо, которое еще предстоит приобщить к религиозным ценностям христианства»³.

Все это способствовало и без того жестокому отношению в Средние века к детям.

Ребенок, особенно в простонародных семьях, трудился наравне со взрослыми с раннего детства и нередко подвергался суровому обращению. В силу чрезвычайно высокой детской смертности на нее смотрели как на неизбежное зло. При этом, в церковно-приходских книгах сохранились записи о смерти взрослых, но лишь редко — о смерти детей, и возникает вопрос: что думали и чувствовали родители, потерявшие ребенка»⁴. При этом, как показывают исследования, многие родители относились к их смерти безразлично. «Это вырабатывало взгляд на ребенка: «Бог дал,

¹ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 138.

² Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 138.

³ Там же, с. 138.

⁴ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 328.

Бог взял»¹. Более того, на ребенка распространялось с самого раннего детства уголовное право. В частности, детей, заподозренных в ереси, пытали наравне со взрослыми и сжигали на кострах! И только позднее был издан церковный указ, «запретивший «сожжение на костре девочек в возрасте до двенадцати лет и мальчиков в возрасте до четырнадцати лет»². И это считалось проявлением милосердия со стороны правящей церкви, которая спокойно разрешала сжигать детей старше указанного возраста. «Судьи не щадили и маленьких детей!»³

При этом дети становились и постоянными зрителями страшных расправ, которые средневековая церковь осуществляла публично над еретиками, прилюдно подвергая их страшным казням, с вырыванием частей тела, оскотечением, выматыванием кишков и т.д. Одновременно с этим, дети становились и зрителями, а, порой, и участниками страшных еврейских погромов с их массовыми изнасилованиями и зверствами. И мы можем лишь догадываться, насколько при этом ломалась детская психика, и к каким непоправимым последствиям это приводило.

— Алкоголизм

Страшной и распространеннейшей болезнью Средневековья был алкоголизм. В средневековой Европе пили очень много, на юге преимущественно — вино, на севере — брагу, позднее пиво (спирт стал известен около 1000 г. х.э.)⁴. При этом, алкогольные напитки употреблялись с очень раннего возраста, причем употребление воды в те времена не было распространено, учитывая же, что пища была по преимуществу, весьма жирной и очень соленой, можно только предполагать, какое количество алкоголя при этом употреблялось. Для примера отметим, что, согласно средневековым хроникам, употребление литра вина за обедом считалось умеренным потреблением⁵.

«Пили много. По полтора литра вина или пива ежедневно на человека. В разных областях были свои любимые напитки: во Франции — вино, в Нормандии — яблочный сидр, в Англии — эль (ячменное пиво). Варварские вторжения вызвали запустение виноградников к северу от Альп: разведение винограда в Южной Англии, Северной Франции, Баварии и Швабии (где римляне на-

¹ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 138.

² Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 329.

³ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 241.

⁴ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 164.

⁵ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 67.

садили виноградники) практически прекратилось. Но постепенно виноделие отвоевало свои позиции, и к 1200 году оно уже перешагнуло через Эльбу. Вино было нужно не только для трапез, но и для изготовления лекарств (вместе с оливковым маслом оно было по тем временам лучшим растворителем) и для церковных нужд: литургия не могла обходиться без вина. Виноградное сусло удовлетворяло потребность в сладком — привозимые с Востока сласти оставались предметом роскоши. Ячменное пиво (брага) было известно и в древности, но применение хмеля для пивоварения — открытие Средневековья; первое достоверное упоминание о нем относится к XII веку. С XII столетия о пиве упоминают постоянно. В Англию пивоварение на основе использования хмеля проникает с континента довольно поздно — около 1400 года. Изготовление спирта в перегонных аппаратах было изобретено около 1100 года, но долгое время оставалось в руках аптекарей, видевших в спирте лекарство, дающее ощущение «теплоты и уверенности». Только в XIV веке итальянский ликер, изготавливавшийся из винограда и „солнечной росы“, как в те времена говорили, сделался серьезным соперником вина и пива. В то же столетие научились гнать спирт и из перебродившего зерна, во второй половине XIV века уже приходилось принимать серьезные, но безрезультатные меры для борьбы с „водочным чертом“, как окрестили спирт¹.

Как «остается лишь догадываться, каких масштабов могло достигать бытовое пьянство»².

— Генетические аномалии

Улицы средневекового города были наполнены карликами и людьми с самыми разнообразными уродствами, в частности, великое множество слепцов с бельмами или дырами вместо глаз³. Весьма много было карликов, горбунов, паралитиков, хромых⁴. Это было обусловлено авитаминозами, длительной эндогамией деревенских общин и широким распространением до и послеродовых травм⁵. Способствовала этим аномалиям и ранняя половая жизнь, которая была распространена в то время. Так было при-

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 68-69.

² Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 68.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 225.

⁴ Там же. — С. 225.

⁵ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 73, 74.

нято, что «девочки, достигшие 12-летнего возраста, и мальчики в возрасте 14—15 лет считались совершеннолетними, могли жениться и обзаводиться потомством»¹.

Эти инвалиды были поставлены вне общества, ибо, как учила средневековая церковь «уродство считалось внешним знаком греховности и те, кто был поражен болезнью, был проклят Богом и, следовательно, и людьми. Слова бедный, больной, бродячий были синонимами в Средние века»². В Средние века даже талантливые юноши, имеющие, пусть и незначительные, какие-либо телесные повреждения лишались стипендий в колледжах³.

— Низкая продолжительность жизни

Средневековье характеризуется самой краткой средней продолжительностью жизни, составляющей в среднем 30 лет⁴. В эпоху Средних веков отмечались также наиболее низкие демографические показатели по сравнению не только с современностью или Новым временем, но даже эпохой античности. Так, население средневековой западной Европы составляло в 950 г. около 22,5 млн. жителей, в то время, как в 200 г. х.э. население Европы составляло 67 млн. человек⁵! Стоит особо отметить, что к XIV веку население самых больших средневековых городов Западной Европы, к которым принадлежали Венеция и Милан, не превышало 100 тысяч человек. Население Парижа насчитывало около 80 тысяч, Лондона, Брюгге, Гента, Гамбурга, Любека колебалось в пределах от 20 до 40 тысяч человек⁶.

Низкая продолжительность жизни в Средние века была обусловлена в первую очередь заболеваниями, причем не только инфекционного генеза, но и вследствие употребления недоброкачественного питания, чрезмерного употребления алкоголя и хронического авитаминоза⁷.

«Средневековый рацион отличался от современного прежде всего недостатком белков (во всяком случае, рацион простых людей — крестьян и ремесленников, мясо ели сравнительно редко,

¹ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 48.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 298.

³ Там же. — С. 299.

⁴ Там же. — С. 224.

⁵ Там же. — С. 230.

⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 273.

⁷ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 73.

Фигуры демонов, высящиеся на соборе св. Витта. Прага. Чехия.
Фото А.А. Опарина

во время праздников), а также сахара, который почти не был известен в Западной Европе, а мед не заменял его. К северу от Альп не знали оливкового масла, так распространенного в Греции и на Ближнем Востоке. Недостаточную питательность пищи обитатели средневековых городов и деревень компенсировали количеством: чувство сытости ассоциировалось с тяжестью в желудке, люди наедались, лишь когда желудок переполнялся. Особенно много потребляли хлеба. М. Руш (исследовавший рационы питания в ряде французских монастырей и светских вотчин) определяет ежедневное потребление хлеба монахами и светскими людьми к концу раннего Средневековья в 1,6—1,7 килограмма; по расчетам Э.Эштора в более поздний период состоятельный горожанин съедал до одного килограмма хлеба ежедневно, солдату или моряку выдавалось до 700—750 граммов. Хлеб был преимущественно ржаным, невысокого качества. Кроме того, ели много каши, бобов (под чесночным соусом) и изредка сыр и рыбу (свежую, сушеную и соленую), доля овощей и фруктов в рационе тоже была небольшой. Из-за малого потребления свежих овощей в пище почти отсутствовали витамины А, Д, Е, К, и особенно С; не случайно отшельники, питавшиеся дикорастущими плодами, отличались долголетием.

Пище не хватало остроты: пряности стоили дорого, в обычной еде их заменяли соусами из чеснока, лука и всевозможных трав, а также уксусом и горчицей»¹.

Массовый характер носило распространение рахита в весьма тяжелых формах, полиомиелита, глаукомы, слепоты, немоты и глухоты².

— Голодоморы и «Священный огонь»

Огромным бичом Средневековья были и очень частые голодоморы, которые самым негативным образом сказывались на показателях здоровья отдельно взятого человека и общих демографических показателях общества. «Средневековый Запад — это, прежде всего, универсум голода, его терзал страх голода и слишком часто сам голод»³. Именно поэтому значительнейшая часть «чудес» Средневековья посвящена именно чудесному избавлению людей от голода⁴.

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 67.

² Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 73.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 216.

⁴ Там же. — С. 216—217.

«Частые голодовки были бедствием средневековой Европы, особенно в городах, зависевших от ввоза продовольствия. Хроники описывают неурожайные годы, столь же бедственные, как и эпидемии. Накануне 1033 года, по рассказу бургундского монаха, историка Рауля Глабера (985—1047), Нормандия была охвачена столь страшным голодом, что люди питались лесными кореньями и травами, растущими по берегам рек, а кое-где голодающие нападали на путешественников, убивали и пожирали их или заманивали детей, чтобы съесть их. Они доходили до того, что вырывали трупы, и даже на рынках стала появляться вареная чело-вечина»¹.

Причинами практически постоянных голодоморов Средневековья были следующие.

Первое, низкий уровень развития средневековой техники: «преобладание ручных орудий над механическими, малая эффективность оборудования, убогое состояние сельскохозяйственного инвентаря и агротехники, результатом чего были очень низкие урожаи²», обусловленные плохой обработкой земли, недостаточно глубокой вспашкой, плохой прополкой³.

Второе, недостаточное количество удобрений. «Искусственных химических удобрений, разумеется, не существовало. Оставались естественные удобрения. Они были крайне недостаточны. Главной причиной тому была нехватка скота, вызванная его болезнями, но прежде всего тем, что луга отходили на второй план по отношению к пашне»⁴.

Третье, господство в рамках одного хозяйства поликультур. Вследствие того, что средства транспорта были дороги, дороги не надежны, обмен развит слабо, то в рамках одного хозяйства пытались разводить все те сельскохозяйственные культуры, которые были необходимы. В результате тот же виноград разводили в самом неблагоприятном для него климате⁵. «Результат всего этого — низкая продуктивность сельского хозяйства»⁶.

Четвертое, отсутствие государственной политики по заготовке. Голодоморы были и в античное время, но тогда, благодаря хорошо продуманной и проводимой государственной политики

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 70.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 188—189.

³ Там же. — С. 196, 197.

⁴ Там же. — С. 197.

⁵ Там же. — С. 198—199.

⁶ Там же. — С. 199.

создавались запасы для раздачи или продажи зерна населению во время голодомора. Была хорошо поставлена система заготовки и распределения продовольствия. Была также создана система зернохранилищ. «Хорошее содержание сети дорог и связи наряду с административным единообразием позволяли также в некоторой мере доставлять продовольственную помощь из района избытка или достаточного обеспечения в район, где ощущалась нехватка»¹. В средневековой Европе не только не было ничего подобного, но из-за феодальной раздробленности, множественных сборов и пошлин, взимаемых многочисленными феодалами, частых войн, разбойников и пиратов системы государственной политики по хлебозаготовкам не было вовсе.

Пятое, частые природные катастрофы в виде наводнений и засух.

Шестое, плохое хранение продуктов. Вследствие низкого развития экономики, уровня образования и общей культуры продукты хранились в крайне неблагоприятных условиях, что приводило к их порче и вследствие этого массовым отравлениям. Главным среди них стала поистине пандемия Средневековья, вошедшая в историю под именем «Священного или Антониева огня».

«С проказою во многих отношениях сходен так называемый «священный огонь», как болезнь, находящаяся в связи с общим состоянием цивилизации в Средние века. Летописцы, особенно французские, весьма часто упоминают об одной повальной болезни, которая в наибольшем своем развитии выражалась омертвлением конечностей»².

«Невыносимые, сильные боли были до того мучительны, что больные громко кричали и скрежетали зубами; с течением болезни, они становились все больше и больше, ежеминутно повергая больного в предсмертные муки. — Невидимый огонь, скрытый под кожей, отделял мясо от костей и пожирал его. Кожа на пораженных членах, а в некоторых эпидемиях (1128, 1141 гг.) также на лице, груди и половых частях становилась багровою, была цвета тутовых ягод, или черноватою; лишь в редких случаях (857 г.), на ней показывались пузыри; в других случаях, она омертвевала и прикрывала только кости. При этом наружные части оставались холодными, а больные ощущали столь сильный озноб, что их ничем нельзя было согреть. Впоследствии, пораженные части или

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 218.

² Гезер. указ. соч., ч.1 с. 76.

чернели, как уголь, т. е. поражались омертвением, или же покрывались язвами и отвратительною гниlostью. Мясо отпадало от костей, зловоние заражало воздух. Как в том, так и в другом случае, пораженные члены, особенно кисти рук и стопы, часто отпадали; у некоторых оставались лишь туловище и голова (1089 г.). Несчастные желали смерти, которая облегчила бы их страдания; но она обыкновенно наступала уже тогда, когда болезнь, уничтожив руки и ноги, поражала, наконец, органы, более важные для жизни. Больным казалось при этом, будто бы внутренний огонь пожирал их внутренности. Среди самых страшных мук, они или быстро умирали, или же таяли мало-по-малу. Иногда внутренние органы, по-видимому, поражались в самом начале, и тогда больные умирали без наружных признаков омертвения. Если болезнь шла к лучшему, что нередко случалось лишь по отпадении членов, то в частях, дотоле холодных, как лед, появлялся сильный жар, который требовал еще особого лечения, иначе же к нему присоединялся рак. — Исхудалое лицо, рубцы и отсутствие некоторых членов придавали выздоравливающим от этой болезни ужасный вид»¹.

Это заболевание, как было установлено много позже, было обусловлено спорыньей (лат. *Claviceps*) — родом грибов семейства спорыньевых (*Clavicipitaceae*), паразитирующих на некоторых злаках, в том числе, на ржи и пшенице. Спорынья поражает рожь, преимущественно в сырые и холодные годы. «Антониев огонь» или эрготизм представляет собой пищевой токсикоз алкалоидами спорыньи, попавшими в муку из зёрен ржи и некоторых других злаков, заражённых склероциями (продолговатые или округлые тела различной формы и величины, состоящие из тесно сплетённых нитей мицелия грибов и составляющие стадию покоя гриба, возникающую в неблагоприятных условиях для их переживания). Алкалоиды вызывают сокращения мышц; высокие их дозы приводят к мучительной смерти, низкие — к сильным болям, гангрене, умственным расстройствам, агрессивному поведению. Выделяют две формы эрготизма: гангренозная (лат. *ergotismus gangraenosus*) — «огонь святого Антония» («Антониев огонь», «священный огонь») — сопровождается нарушением трофики тканей из-за сужения капилляров в конечностях и конвульсивная (лат. *ergotismus convulsivus*) — «ведьмина корча».

Анализ средневековых хроник показывает, что «священный огонь» появлялся преимущественно в те годы, которым предше-

¹ Гезер. указ. соч., ч.1 с. 76.

ствовали суровые зимы и необыкновенно сырые и дождливые летние месяцы. Весьма часто одновременно с ним господствовали также неурожаи, дороговизна, голод, причины эти нередко производили в то же время и другие повальные болезни. Напротив того, в плодородные годы священный огонь не появлялся никогда. Эти эпидемии обыкновенно были ограничены не только в пространстве, но и во времени. Всего сильнее они появлялись вслед за жатвою, в августе и сентябре; редко продолжались более года, а именно только в тех случаях, когда два неурожайных года следовали друг за другом и производили голод; обыкновенно же весна нового года прекращала эпидемии прошлого. Известно, что ядовитые свойства спорыньи исчезают в течение года.

Обстоятельства эти делали бы несомненным полное тождество священного огня с омертвлением от спорыньи, если бы в то же время мы могли доказать, что эпидемии священного огня действительно происходили от употребления только что сказанных грибков. Такое же происхождение их становится весьма вероятным, если принять в соображение следующие обстоятельства: несколько раз, как напр. во время эпидемии, бывшей в Дофине, в 1089 году, упоминается о «кравом», или темно-красном хлебе.

Во время другой эпидемии (945 г.), Гуго Капет ежедневно кормил в церкви до 600 больных, из которых большинство выздоровело. Многие же, которые отправились домой (и стали питаться прежней своей пищей), заболели снова священным огнем и выздоровели лишь тогда, когда вернулись в церковь (т. е. опять на содержание герцога). Также следует понимать и выздоровление многих больных на могилах и в часовнях святых, в монастырях и т. д.; и здесь излечение зависело, разумеется, от здоровой пищи и безвредного хлеба, который был отпускаем из монастырских кладовых.— Покровителями больных, страдавших священным огнем, считались главным образом Божия Матерь, святая Женева, святые Маршал и Витон»¹.

С 1347 года, следовательно, за год до появления в Европе черной смерти, священный огонь исчезает навсегда из сказания летописцев.

Эта «горячечная болезнь лежала в основе появления особого культа, который привел к основанию нового монашеского ордена»².

История основания ордена связана с французским дворянином Гастоном, вымолившим выздоровление своего сына Герена де

¹ Гезер. указ. соч., ч.1 с. 76.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс. Прогресс-Академия. 1992. — С. 223.

Валуара от антонова огня перед мощами святого Антония в Ла-Мот-о-Буа (ныне Сент-Антуан-л'Аббеи), в благодарность основал в 1089 г. братскую благотворительную коммуну для ухода за больными антоновым огнём. В 1095 году на Клермонском соборе орден «Госпитальное братство святого Антония» был утверждён папой Урбаном II, с назначением Герена де Валуара первым гроссмейстером. Орден принял в 1218 году обет монашества и в 1298 году превращён Бонифацием VIII в братство по уставу блаженного Августина: гроссмейстер стал называться аббатом с местожительством в Сент-Антуан-л'Аббеи и был назначен генералом всех монастырей ордена. Многочисленные пожертвования сделали их богатыми и доставили их ордену широкое распространение. В 1776 г. этот орден был присоединен к Мальтийскому ордену. Голодоморы также сопровождали практически все пандемии Средних веков. «Скученность населения, антисанитарное состояние, отсутствие здравоохранения превращали город в рассадник всяких болезней и эпидемий, от которых умирало от одной трети до одной второй населения»¹.

Таковы были особенности санитарно-эпидемиологического состояния европейских средневековых городов, задохнувшихся в пыльном тяжелом воздухе, тонувших в зловонных улицах, переносящих тяжелейшие эпидемии, слепнувших в темных комнатах и улицах, вкушавших недоброкачественную пищу, и все это, к тому же, озарялось всполохами костров инквизиции, папскими интердиктами и анафемами, запугиванием муками ада, что прямо отражалось и на психическом здоровье средневекового жителя.

При этом, эти особенности санитарно-эпидемиологического состояния городов Средневековья не были случайностью, они были неотъемлемой частью господствовавшей тогда церковной философии, одним из центральных учений которой было учение о бессмертии души, которое мы рассмотрим ниже.

Эти понятия и принципы средневековой медицины, просуществовали тысячу лет, пока не началась Великая Реформация, когда в 1517 году в Германии Мартин Лютер провозгласил необходимость возврата церкви к чистоте библейского учения, отказу от языческих верований и искажений, проникших в церковь и умы людей, отказу от суеверий, фанатизма, о не противопоставлении веры и науки. Принятие учения Реформации народами Центральной и Северной Европы привело к крушению феодальных

¹ История Средних веков //Под ред. Н.Ф. Колесницкого. — М.: Просвещение, 1986. — С. 174.

отношений, краху схоластики, развитию свободы совести и свободы слова, небывалому расцвету экономики и науки, ознаменовавшейся подлинным появлением и медицинской науки и совершением выдающихся в ней открытий. В то время, как народы Южной Европы, отвергнувшие учение Реформации, продолжали жить в темном Средневековье еще несколько столетий, и это отставание в развитии этих стран сказывается и по сей день.

Глава 2

БОЛЬНИЦЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Показатели организации и доступности медицинской помощи являются одними из центральных, при оценке социального уровня развития общества. И в этой связи эпоха Средневековья являет нам самый плачевный пример за всю историю медицинской науки и практики. Никогда за всю историю цена человеческой жизни не была настолько низкой, как в Средние века, и никогда отношение к здоровью человека не было столь плачевным, как в эту эпоху¹. Никогда организация медицинской помощи населению не была столь удручающей². Это выглядит особенно удивительным, если учесть, что все средневековое общество управлялось и направлялось средневековой государственной христианской церковью, провозглашающей вроде бы христианские ценности, среди которых любовь к ближнему занимает вроде бы одно из центральных мест. Более того, исследуя вопросы организации медицинской помощи в Средние века, мы видим, что церковь по мере возрастания своего могущества и влияния в обществе не только не занимается улучшением состояния организации медицинской помощи, но, напротив, забрасывает даже то небольшое в этом отношении, что было сделано ей на начальных этапах своего превращения в государственный институт³.

Поэтому изучение вопроса особенностей становления больниц и врачебного сословия в эпоху Средних веков должно проводиться, на наш взгляд, в общем контексте изучения истории, религии, теологии, социологии, этнографии Средневековья.

1 Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017; Опарин А.А. История Древней и Средневековой медицины. — Харьков: Факт, 2017.

2 Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013.

3 Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004.

Итак, вопрос становления больниц в средневековой Европе прошел три основных этапа:

- 1 этап. «Больница», как гостиница для странствующих паломников и приют для бедных и больных (V—XII вв.);
- 2 этап. Появление больниц, основанных светскими вельможами и богатыми горожанами (XII—XIII вв.);
- 3 этап. Появление муниципальных больниц, основанных городскими советами (XIII—XVI вв.).

Рассмотрим эти этапы.

• «Больница», как гостиница для странствующих паломников и приют для бедных и больных

В раннее Средневековье только церковь осуществляла заботу о больных и бедных¹. Именно с этой целью и был еще в апостольские времена создан институт дьяконского служения, на который была возложена обязанность ухода за больными и бедными², и представители которого со временем стали обучаться медицинским навыкам, необходимым для ухода и оказания общей помощи больным³.

Затем при основании первых больниц в IV-V вв. х.э. возникает особый класс больничных служителей — парабаланов, в обязанность которых входит не только уход за уже находящимися в больнице, но и розыск и доставка больных в госпитали⁴. Все эти прекрасные начинания были прямым следствием евангельского учения⁵.

Однако, уже вскоре все эти робкие начинания вследствие деморализации духовенства и превращения церкви в государственный институт были остановлены, а сами парабаланы превратились в телохранителей епископов⁶.

Заботу за больными вместо отошедших от евангельских требований к своим обязанностям диаконов, превратившихся в весьма зажиточный класс, берут на себя благочестивые люди, которые, однако, оказывают именно уход за страждущими, а не их

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 165.

² Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 353.

³ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 353.

⁴ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 353.

⁵ Там же. — С. 353.

⁶ Там же. — С. 353.

лечение¹. В этом им оказывают помощь монахи, некоторые из которых, знакомясь с азами медицины, и оказывают больным пусть и примитивную, но медицинскую помощь.

Со временем и сам уход за больными церковь полностью оставляет за собой. «Вместе с духовными делами были заодно изъяты из ведения мирского государства и все те обширные области жизни, устройство которых духовные сферы считали своей специальной задачей, т. е. все те культурные стремления, которые имели прямое или косвенное значение для будущей жизни и потому включены были в круг духовных забот о спасении души. К этим областям, отнесенным к ведению духовенства, принадлежали, прежде всего, все идеальные культурные задачи. Наука и искусство и способствующая их изучению школа были поэтому всецело переданы в руки церкви.

Затем государство было устранено от всей области благотворительности, от попечения о бедных и больных, так как признавалось, что дела милосердной любви, прежде всего, касаются церкви»².

Как видим, это было сделано не случайно, ибо через это церковь, с одной стороны, хотела быть в глазах людей олицетворением милосердия, а с другой — через контроль над всем этим держать в повиновении души людей. «Таким образом, в системе христианского царства Божия государству предоставлялись лишь низшие задачи, тогда как в ведение церкви отведена была вся область высшей духовной и нравственной культуры. Притом оставшиеся за государством предметы деятельности по преимуществу имели такой характер, что ими на принадлежащих к государству людей налагалась тяжелые бремена и обязанности, тогда как на долю церкви приходились преимущественно задачи, исполнением которых людям, принадлежащим к ней, делались духовные и материальные благодеяния. По содержанию своей деятельности, государство было представителем только материальной силы, тогда как церковь — представительницей всех дел мира и человеколюбия»³.

В основанных во времена правления императора Карла Великого (768—814) кафедральных школах, т.е. школах при церквях преподавались и азы медицины. Такие школы были основаны в Париже, Фулде, Падеборне, Вюрцбурге, Павии, Флоренции, Пуа-

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 353.

² Эйкен. Указ. соч., с. 327—328.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 329.

Внутренний вид средневекового госпиталя-приюта

Госпиталь Святого Духа, XVII век. Гданьск. Польша. Фото А.А. Опарина

тье, Фонтенеле, Суассоне¹. Однако, эти школы просуществовали весьма недолго. Итак, по мере превращения церкви в государственный институт и крупнейшего феодала Европы, осуществляемая ею благотворительность уменьшалась, ограничиваясь лишь внешними показными формами.

«Таким образом, медицина, начиная с VI века, мало-по-малу переходила в руки служителей церкви, в особенности монахов и монахинь, у коих главными лечебными средствами служили: молитва, рукоположение, мощи, заклинания, крестное знамение, освященные травы и соль и т.д.»².

Первые же госпитали при монастырях создаются на востоке Римской империи, как уже отмечалось, в IV—V вв. (в частности, в Цезари — Василием Великим в 370 г.) и именно оттуда приходят на территорию Западной Европы, впервые появившись в Галлии на рубеже V—VI вв.³. Первыми госпиталиями были епископские госпитали, а затем стали появляться госпитали при монастырях.

Так, одним из первых монашеских орденов, который активно в первое время своего существования осуществлял уход за больными и строил у себя в монастырях приюты для больных и дома для кровопусканий⁴, был орден бенедиктинцев, основанный Бенедиктом (480—544), который уделял внимание изучению наук, в том числе и медицины⁵. Особенно был известен в то время медицинской стороной своего служения бенедиктинский монастырь в Монте-Кассино, основанный еще самим Бенедиктом на месте бывшего храма Аполлона⁶. Некоторые настоятели этого монастыря, такие как Бертариус и Дезидерий (IX в.) и особенно Константин Африканский, занимались преподаванием азов медицины и медицинской практикой⁷. Однако, уже весьма скоро эти занятия медициной в монастыре прекращаются и слава его начала меркнуть⁸.

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 355.

² Там же. — С. 354.

³ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 166.

⁴ Иванов К.А. Средневековый монастырь и его обитатели. Папство и крестовые походы. — М.: Либроком, 2014. — С. 86.

⁵ Гезер Г. Основы истории медицины. — Казань: Изд. Н.А. Ильющенко, 1890. — С. 142—143.

⁶ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 357.

⁷ Там же. — С. 357.

⁸ Ковнер. Указ. соч., с. 358.

— Понятие госпиталя в Средние века

Здесь сразу же стоит подчеркнуть принципиальный момент, состоящий в том, что средневековое понятие госпиталя не соответствует тому значению, которое мы вкладываем в него в наши дни. «Историки медицины иногда наивно рассматривают эти учреждения как первые клинические госпитали, больницы. Это неверно»¹.

Дело в том, что само «слово госпиталь происходит от латинских *hospes* — гостеприимный, *hospitalis* — гость, *hospitalitas* — гостеприимство, и, по меньшей мере, до IX в. чаще всего употреблялось применительно к бедным и путешественникам — в значении места, где им оказывалось гостеприимство»². Целью таких госпиталей было оказание не медицинской помощи, которой тогда практически и не было, а предоставление приюта «беднякам, ослабленным и голодным, немощным старикам, сиротам, которые в госпиталях и находили кров и пищу»³.

Также в госпиталях находили кров и пищу паломники, и потому-то они и строились часто по пути к паломническим центрам. Итак, средневековая, так называемая, больница «в тоже время это и собственно больница, и хоспис для умирающих, и даже гостиница, где принимают на ночлег бедных паломников»⁴. Таким образом, это были именно приюты для бедных, сирот, случайных странников, и в том числе для больных»⁵.

И только в единичных госпиталях того времени, как *Hotel Dieu* (в пер. с фр. Дом Божий) в Париже оказывалась некоторая медицинская помощь, которую также иногда совершенно неверно приравнивают к врачебной помощи, хотя на деле она представляла собой лишь уход за больными»⁶.

Более того, само «санитарное состояние даже лучших больниц было совершенно неудовлетворительным. Считалось нормальным класть на одну кровать, как минимум, двух больных»⁷. До нашего времени дошли сообщения о настоящих бунтах, которые устраивали больные, возмущенные плохими условиями сво-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — с. 166.

² Там же. — С. 167.

³ Там же. — С. 166.

⁴ Антонетти. Указ. соч., с. 243.

⁵ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 353.

⁶ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — с. 166.

⁷ Антонетти. Указ. соч., с. 244.

его содержания¹. «Повторю еще раз, специальной установки заботиться о больных и создавать для этого какие-либо особые учреждения («монастырские больницы») у католической церкви никогда не было»².

— Монастырские госпитали

«В раннее Средневековье больницы основывались преимущественно церковными учреждениями — монастырями, церквями, и епископами и предназначались не только для больных, но, главным образом, для пилигримов, странников, здесь же находили приют и нищие. «Монастырские и епископские госпитали были, в свою очередь, скорее богоугодными заведениями по призрению всех категорий нуждающихся, нежели «медицинскими учреждениями»³. В Западной Европе этот тип богаделен продолжал быть одним из господствующих вплоть до эпохи Великой Реформации.

Начиная особенно с X века, при монастырях строятся монастырские госпитали. В среднем такие госпитали были рассчитаны от 5 до нескольких десятков мест⁴. Особенно широко прославился своей заботой о бедных в начале своей деятельности орден бенедиктинцев и цистерцианцев, которые при строительстве своих монастырей создавали госпитали для монахов и госпитали для бедных. Хотелось бы также особо отметить, что упоминания в некоторых работах историков медицины о наличии в таких госпиталях врачей не соответствует действительности. Упоминание же в монастырских уставах слова *medicus* означает не врача, а одного из монахов, на которого была возложена обязанность ухода за бедными и оказание элементарной медицинской помощи⁵. В монастырских садах помимо фруктовых деревьев разводили еще лекарственные травы. До наших дней сохранилось описание такого сада Рейхенауского монастыря, принадлежащее его аббату Валафриду Страбону, жившему в первой половине IX века.

«Физические болезни, не прекращавшиеся, несмотря на реликвии и чудеса, заставляли обращаться к естественным целебным средствам. Поэтому монастыри, на которых лежала религиозная обязанность ухода за больными, сделались местами, изучения медицины. Монахи знакомы были с целительным действием

¹ Антонетти. Указ. соч., с. 243, 244.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 166—167.

³ Там же. — С. 6.

⁴ Там же. — С. 168.

⁵ Там же. — С. 168.

Интерьер костела св. Эльжбеты, где в Средние века располагалась лечебница. Гданьск. Польша. Фото А.А. Опарина

не только реликвий, но и трав и минеральных веществ. В садах большей части монастырей особенно возделывались лекарственные растения. Винцент де Бовэ в своем Зеркале Природы дает некоторые общие предписания для наиболее целесообразного устройства таких садов. В средневековой литературе неоднократно также трактуется о медицинской ботанике»¹.

Однако, как это произошло и в других средневековых монастырях и институте монашества, как таковом, стала процветать откровенная безнравственность и коррупция. В этой связи весьма примечательны запреты и обличения, данные папой Иннокентием Третьим некогда знаменитому бенедиктинскому Монте-Кассинскому монастырю после его им посещения. «Так, например, он запрещает пускать в аббатство шутов и жонглеров. Если же они и попадут туда, их следует накормить, но отнюдь не позволять им показывать свое искусство перед инокami. Тот же папа запрещает аббату и инокам иметь охотничьих птиц и собак. Не позволяет иметь аббату более двух слуг и заводить богато укра-

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 565].

шенные седла и уздечки. При своих выездах аббат должен окружать себя скромной свитой. Не следует употреблять в свою пользу или вообще на посторонние дела богатств, составляющих принадлежность монастыря. Эти постановления папы Иннокентия Третьего имеют тем большую ценность в глазах историка, что они вытекли из личных наблюдений»¹. Схожая и даже намного более плачевная картина наблюдалась и в других монастырях средневековой Западной Европы.

Необходимо также отметить, что влияние на монастырскую медицину светских медицинских школ и, в частности, Салернской было весьма и весьма невелико². Все это говорит о весьма низком состоянии оказания медицинской помощи в монастырях. Более того, монахи, занимавшиеся в монастыре оказанием медицинской помощи, пользовались заклинаниями и заговорами³.

Среди так называемых книг по медицине, единичные экземпляры которых были в монастырях, преобладали книги, по типу Лапидария епископа Марбодуса из Анжу, в которой «описываются мнимые целебные и магические свойства 60 драгоценных камней»⁴. Использование драгоценных камней вообще занимало одно из виднейших мест в средневековой терапии. Также в монастырях читалось много книг по магии, несмотря, с одной стороны, на существующие запреты⁵, а с другой, как мы видели, использование самой церковью откровенных магических или промагических обрядов и ритуалов. В других средневековых монастырских книгах по «медицине», в частности, в книге Фармакопея настоятельницы монастыря в Рупперсберге Гильдегарды (1098—1180) рекомендуется при чесотке есть селедку, папоротник — против дьявольских козней, золу комаров — против прыщей, дикое просо — против бородавок⁶.

Единичные же примеры вдумчивых монахов, читающих труды античных врачей, лишь подтверждают это общее состояние. Более того, когда некоторые монастыри стали направлять своих талантливых монахов для получения медицинского образования в светские медицинские школы с целью дальнейшего зарабатывания на этом денег с приходящих в монастырь паломников, отка-

¹ Иванов К.А. Средневековый монастырь и его обитатели. Папство и крестовые походы. — М.: Либроком, 2014. — С. 70—71.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 169.

³ Там же. — С. 171.

⁴ Ковнер. Указ. соч., с. 361.

⁵ Ковнер. Указ. соч., с. 361.

⁶ Ковнер. Указ. соч., с. 362.

Костел св. Эльжбеты, XIV век, в котором была размещена больница.
Гданьск, Польша. Фото А.А. Опарина

зались со временем от этого. Последнее было обусловлено тем, что уходя из стен монастыря, большинство монахов начинало вести откровенно светский образ жизни, предаваясь всевозможным порокам и беря за оказываемую ими медицинскую помощь непомерную плату¹. До определенного времени настоятели монастырей закрывали на это глаза, ибо деятельность этих монахов-врачевателей приносила монастырю немалые доходы. Но затем это настолько стало дискредитировать сами монастыри, что вынудило самих церковных иерархов на Реймском церковном соборе в 1131 г. запретить духовенству под угрозой отлучения от церкви заниматься врачебным искусством. Это же подтверждают и соборы в Латеране — в 1139 г., в Монпелье — в 1162 г. в Туре — в 1163 г., в Париже — в 1212 г., в Латеране — в 1215 г.²

Все это привело к тому, что к началу XIII века монастырская медицина, не успев и сформироваться, окончательно перестает существовать.

— Епископские городские госпитали

К моменту исчезновения монастырских госпиталей начинают появляться церковные госпитали в городах, где они основываются или епископами или канониками кафедральных соборов. При этом, «больница рассматривалась как место, находящееся под покровительством и защитой церкви, как правило, она составляла единое целое с церковным зданием и помещение для больных и пилигримов находилось около алтаря»³. Таким образом, все даже прикованные к постели больные и калеки могли принимать участие в церковных богослужениях⁴.

Такой тип богаделен был полностью подотчетен церкви и был повсеместно распространен до конца XII века во Франции, а в Восточной Европе просуществовал до XIV—XV вв. Так, в Гданьске (Польша) примером такой больницы может служить больница при церкви св. Эльжбеты, где больные, не вставая с коек, могли участвовать в богослужениях или аналогичная больница при церкви св. Духа во Фромборке (Польша), в которой, кстати, сегодня размещен музей Истории Медицины.

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетей, 2004. — С. 172.

² Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 356—357.

³ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 58.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетей, 2004. — С. 173—174.

Точно так же, как и монастырские госпитали, городские церковные госпитали представляли собой, в первую очередь приют для бедных, убогих, которым помимо предоставления пищи и крова оказывалась элементарная медицинская помощь. Каждого вновь прибывшего мыли и одевали в чистую одежду, укладывая затем на кровать, рассчитанную на несколько человек. При этом отдельных помещений для женщин и мужчин не было, а учитывая, что спать полагалось голыми, то нередко возникали весьма скандальные ситуации¹.

Но система городских церковных госпиталей не просуществовала долго, что было обусловлено как тем, что церковь не желала выделять на это особо средств, а самоокупаемость таких приютов была невозможна (доход составлял разве что с продажи платья умерших и пожертвований, которые были весьма непостоянны), так и вследствие деградации церковных служителей госпиталей, которые разворовывали продукты и имущество, покупаемое для находящихся там калек и больных. К тому же, церковные служители пренебрегали и проведением богослужений и назначая себе большое содержание, ничего не оставляли на содержание самих больных, что приводило, порой, к тому, что госпитали вообще становились пустыми. Более того, хроники того времени весьма нередко упоминают о вопиющих безобразиях, которые творились в стенах таких госпиталей.

Так, к примеру, в 1398 г. ректор госпиталя в Кавайоне был по приказанию епископа изгнан со своего поста за то, что превратил госпиталь в настоящий бордель²! В госпитале города Анжера, вследствие того, что церковное руководство госпиталя разворовало все продукты, более 300 человек умерло от голода! Даже в самом крупном госпитале средневековой Европы, уже упоминавшемся — Hotel Dieu в Париже, служители госпиталя развратничали на глазах больных³!

— Госпитали на Святой земле

Не менее печальна участь и церковных госпиталей, воздвигаемых монашескими орденами, возникшими в Палестине в эпоху Крестовых походов. Такими орденами, возникшими первоначально для оказания помощи больным паломникам, пребывавшим в Палестину для поклонения святым местам, были: орден Госпита-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 174.

² Там же. — С. 175.

³ Attali J. Die kannibalische Ordnung: von der Magie zur Computermedizin. — Frankfurt/Main, 1981. — S. 59.

льеров (он же в истории носил поочередно имена: орден Иоаннитов — по имени Иоанна Крестителя, Кипрский (1292—1309 гг.), Родосский (1309—1523 гг.), Мальтийский (1523—1798 гг.) — по месту их последующей дислокации), орден Тамплиеров и Тевтонский орден, орден св. Лазаря (от имени которого произошло слово лазарет и досматривающий только прокаженных), орден святого Антония (досматривающий больных эрготизмом), орден Премонстранцев¹.

Госпитали ордена Иоанна Крестителя. Первым из этих орденов был основан орден Иоанна Крестителя. Возник он на базе одного из госпиталей в Иерусалиме² по инициативе его тогдашнего ректора Пьера Жерара, а в 1113 году это братство было утверждено папой. Первоначально члены этого братства были призваны ухаживать за больными, как крестоносцами, паломниками, прибывающими в Святую землю. Вскоре благодаря многочисленным пожертвованиям орден весьма и весьма разбогател так, что стал в состоянии учреждать больницы в важнейших приморских городах Италии, Испании и Франции³. В 1120 году гроссмейстер ордена Раймонд де Пюи «к тогдашним духовным обязанностям рыцарей ордена: нищенству, целомудрию и послушанию — прибавил борьбу с неверными. Это был первый шаг к возвеличиванию светского могущества ордена, но вместе с тем и к его гибели»⁴. Уже к 1236 году во всех христианских странах находилось 4000 домов иоаннитов; но первоначальная задача ордена отступала все более и более на задний план. Орден приобретает огромные земельные владения, в том числе, целые провинции на Западе и на Востоке... с начала XII века становятся важнейшими и идеологии крестовых походов и сражаются с мечом в руке»⁵.

Уход за бедными и больными очень скоро стал тяжелой обязанностью одних только служащих братьев, между тем как рыцари утопали в роскоши и сладострастии»⁶.

В ордене существовала и особая должность — великого госпитальера. «Госпитальер, т.е. «содержатель Госпиталя» (*hospitalarius*) был не только ответственным за присмотр за больными Госпиталя, но также возглавлял другие службы, которые несли заботу о

¹ Ковнер. Указ. соч., с. 353.

² Коллиас И. Родосские рыцари. — Афины: Ekdotike athenon, 2012. — С. 11.

³ Гезер Г. Основы истории медицины. — Казань: Изд. А.Н. Ильяшенко, 1890. — С. 187.

⁴ Там же. — С. 187.

⁵ Коллиас И. Родосские рыцари. — Афины: Ekdotike athenon, 2012. — С. 12.

⁶ Гезер Г. Основы истории медицины. — Казань: Изд. А.Н. Ильяшенко, 1890. — С. 187.

Средневековый госпиталь-приют. Средневековая гравюра

бедных, вдовах, сиротах и вообще о бедствующим. Эти службы были организованы на уровне филантропии, как и во всех средневековых обществах, и функционировали вместе с церковью, как предохранительные клапаны для господствующих классов, ограничивая по мере возможностей возникновение по причине нужды антиобщественных и маргинальных элементов. Вместе с тем эти службы действовали профилактически, ограничивая причины народных восстаний. Уже в последней четверти XII века утверждается должность стража милостыни *custos elemosine* или элемеосинария (милостыника) *elemosinarius*, занимавшегося попечением о неимущих. Генеральный Капитул 1182 года определяет в своем решении помощи беднякам. Например, несостоятельные новобрачные получали подарок в день свадьбы. При освобождении из тюрьмы заключенные получали 12 денариев, чтобы начать новую жизнь. В соответствии с тем же решением в Госпитале получали еду 30 бедняков, 5 из которых были священнослужителями, а три раза в неделю еду, хлеб и вино мог получить любой человек. Каждую субботу великого поста 13 бедняков, в том числе 3 священнослужителя, обедали в Госпитале, получали новую одежду и небольшую денежную сумму. Мастерская под при-

смотром элемеосинария чинила старую обувь и одежду, которые дарили беднякам. Генеральный Капитул 1182 года определяет также, что сироты без отца и без матери должны воспитываться в Госпитале. В ведении Госпитальера, по-видимому, находилась и *sanita*, т.е. служба, принимавшая меры по поддержанию общественного здоровья и борьбы с частыми в эпоху Средневековья эпидемиями¹. Госпитальеру помогали два советника, назначаемые великим магистром. Сам он выбирал другое должностное лицо — брата милосердия.

«Должность брата милосердия была двухгодичной, но занятие ее возобновляться. Брат милосердия обязан днем и ночью посещать больных. Контроль над ним осуществляли два тика «Госпитальера». Врачи осматривали больных в присутствии брата милосердия и представителей восьми «языков». Существовали также аптека и фармацевт. Ответственными за приобретение лекарств были «Госпитальер» и два его советника»².

Также, в госпитале Иоаннитов в Иерусалиме должны были иметься четыре врача на жалованье для уроскопии, а больные должны были три раза в неделю получать мясо³.

Госпитали Тевтонского ордена. Вторым орденом, который также первоначально возникает, как братство по уходу за больными был будущий тевтонский орден. Возник он первоначально «в 1128 году на базе странноприимного дома и часовни во имя Божией матери, устроенных в Иерусалиме одним немцем с женой для бедных соотечественников»⁴. В 1191 году император Фридрих Швабский преобразовывает орден в военный. После изгнания крестоносцев из Палестины орден по приглашению польского герцога Конрада Мазовецкого прибывает на территорию Польши для борьбы с язычниками литовцами и пруссками. Но вскоре становится и страшной бедой для поляков, основывая свое Орденское государство со столицей в Мариенбурге, терроризировавшее все окрестные земли в течение нескольких столетий и прославившееся дикой жестокостью. На своей территории орден содержит для рыцарей несколько крупных госпиталей, особенно в Мариенбурге и Эблонге.

Тогда же основываются на Святой земле лепрозории (которые заведовал в основном орден св. Лазаря, рассмотренный нами ниже) и которые, и это хотим подчеркнуть, представляли собой

¹ Коллиас И. Родосские рыцари. — Афины: Ekdotike athenon, 2012. — С. 11.

² Там же. — С. 20.

³ Ковнер. Указ. соч., с. 354.

⁴ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 188.

не больницы для прокаженных, как то иногда представляется, а приюты для прокаженных, где им не оказывалась никакая медицинская помощь, а только уход, осуществляемый монахами¹. Однако, уже вскоре, как мы уже отметили, большинство этих орденов из благотворительных учреждений выродились в агрессивные феодальные военные образования, преследующие сугубо корыстные цели и не только далекие от милосердия, но и попирающие элементарные человеческие ценности².

Суть этих рыцарских орденов очень ярко и полно выражена словами посланца папы Иннокентия III — Арнольда, который, приказав истребить все население французского города Безье, выступившего против папских лжеучений, цинично объявил, обращаясь к крестоносцам: «Бейте всех — Господь узнает своих верных». И крестоносцы выполнили этот циничный приказ Арнольда: в Безье было убито более 20 тыс. ни в чем не повинных горожан, в том числе много женщин и детей³. Вошли в историю страшным кровавым пятном и зверства Тевтонского ордена в Польше, Прибалтике, Руси.

• Причины отсутствия медицинских лечебных заведений в христианской Средневековой Европе

Рассматривая проблему церковных приютов-богаделен необходимо подчеркнуть несколько принципиальнейших моментов, без которых мы не сможем объяснить того, почему на протяжении тысячи лет церковь, именующая себя христианской, и общество, считающее себя христианским, не создали системы пусть и примитивных, но больниц, и почему не проводилось никакой борьбы с нищенством, которое в немалой степени плодило самые разнообразные болезни.

И почему параллельно с этим средневековое общество весьма богато примерами благотворительности, но которая не имеет никакой системы, ни результата.

Причина этого феномена залегает в системе средневекового мировоззрения, полностью сформированного и подотчетного догматам папской средневековой церкви.

— **Болезнь и нищета с точки зрения средневековой церкви.** Если в античном обществе, обществе Нового времени и современном обществе болезнь и нищета рассматривались и рас-

¹ Ковнер. Указ. соч., с. 354.

² Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 209—211.

³ Там же. — С. 211.

смаатриваются, как социальные проблемы, с которыми нужно бороться, но общество Средних веков, находящееся под полным руководством папской церкви, воспринимало их совершенно по-другому.

Во-первых, средневековая церковь совершенно особо трактовала понятие труда. «Так как для вечного спасения души человеческие отношения не были лишены значения, то прежде всего ежедневная жизнь и экономическая деятельность народа подчинены были принципам религиозной педагогики. Таким образом, для обеих обширных областей — труда и влияния собственности — были установлены правила, вытекающие из положения религиозной метафизики. На основании последней цель человеческого существования всецело переносилась в будущую жизнь. Земная жизнь имела значение лишь постольку. Поскольку она служила подготовлением или воспитанием для будущего предназначения человека, поэтому всякое занятие и всякая деятельность человека имела свою цену и свое оправдание лишь постольку, поскольку она касалась его вечных целей и имела в виду его духовное усовершенствование. Но так как всякая земная деятельность человека более или менее отвлекала его от заботы о вечном спасении, то размышление о вечных предметах или, говоря языком Средних веков, созерцательная жизнь была высшим и самым достойным призванием; такое представление разделялось всей церковью. В безгрешном первобытном состоянии человека не было никакого труда, никакой заботы о хлебе и нуждах вседневной жизни, а одно только блаженное спокойствие в Боге. Труд появился впервые, как следствие греха»¹.

При этом средневековая церковь шла в противоречении с контекстом Библии, где жизнь в раю — это не была жизнь безделья и нескончаемой медитации. Это была жизнь активного познания, изучения. Вспомнить, хотя бы, упоминание о том, что человек дал названия всем животным!

Однако, средневековая церковь идет далее и утверждает, что Христос «до тридцатого года не занимался ничем, а исключительно беседовал со Своим Небесным Отцом и размышлял о будущей деятельности, на которую Он был послан»². Это учение средневековой церкви также не соответствует евангельской истории, как и многие другие положения средневековой церкви. Ведущие богословы Средневековья прямо говорили о пользе созерцательной

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 433.

² Там же. — С. 433-434.

жизни и вреде, бесполезности жизни деятельной¹. Поэтому именно монашество, как символ созерцательной жизни, было эталоном совершенства с точки зрения средневековой церкви и общества².

Крупнейший деятель средневекового монашества Бернард Клервосский прямо писал, что «в монастыре жизнь — созерцательная, в миру — трудовая; в монастыре — святая, в миру — грешная; в монастыре — совершенная, в миру — с недостатками; в монастыре — небесная, в миру — земная»³.

Средневековая церковь и монашество говорили тоже о труде, но только с целью борьбы с чувственными искушениями и греховной плотью человека, что было необходимо для спасения.

«Но всякий труд, выходящий из пределов религиозной задачи спасения души и носивший характер промышленного предприятия, признавался вредным, так как предметом его влияния являлись земные интересы... поэтому труд рекомендовался не ради его экономической ценности, а ради его значения, как средства религиозного воспитания»⁴.

«Отцы церкви многократно указывали на то, что первые люди, будучи безгрешными и непосредственно общаясь с Богом, не знали не только труда, но и собственности. Сотворенная Господом земля, как и ее плоды и все живые существа, были им отданы во власть человека, но Господь хотел, чтобы обладание ими было общим. Лишь своекорыстие людей в состоянии грехопадения привело к установлению частной собственности. Следовательно, собственность и раздельное владение — не от Бога, а результат корыстолюбия людей, несовершенства их природы после изгнания из рая. Подобный взгляд, связывавший частную собственность с первородным грехом, был воспринят и средневековой церковью. По Божьим установлениям, все вещи суть общие. Лишь корысть создала «мое» и «твое». Христос не имел никакого имущества и жил в полной бедности, и этому примеру Сына Божия следовали его ученики. «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут, — гласило Евангелие от Матфея (6, 19—21, 24), — но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляет, и где воры не подкапывают и не крадут; ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше... Не можете служить «Богу и маммоне». Христос призы-

¹ Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 434.

² Там же. — С. 434.

³ Там же. — С. 435.

⁴ Там же. — С. 438, 439.

вал не заботиться о пище и одежде и жить как «птицы небесные», которые «не сеют, не жнут, не собирают в житницы» (там же, 6,26). Средневековый христианин не мог не принимать всерьез эти заповеди. Праведник мыслился бедным, ибо бедность — добродетель, каковой ни в коем случае не могло стать богатство. Имущество — воплощение земных интересов, отвлекающее человека от мыслей о загробной жизни и от забот о спасении души. Вера требует отрешения от земных дел и интересов. Поэтому праведному последователю Христа богатство должно внушать презрение. «Презирай земные богатства, дабы ты мог приобрести небесные», — говорил Бернард Клервосский. Собственность — препятствие для любви к Богу и к людям, ибо она порождает эгоистические чувства и борьбу за обладание, вытесняя дружелюбие жадностью и враждою. «Поэтому первое, основное условие для достижения совершенной любви, — учил Фома Аквинский, — добровольная нищета»¹.

Мирское богатство, по учению средневековой церкви, — это грех или в лучшем случае ворота для греха²!

Однако, как «крупнейший собственник в феодальном обществе, множеством нитей связанный со светскими крупными землевладельцами, церковь, разумеется, никогда не одобряла попыток отменить институт частной собственности или перераспределить имущества таким образом, чтобы приблизиться к идеалу мелкой собственности, ограниченной удовлетворением потребностей. Принцип «не укради», защищавший всякое владение, в классовом обществе неизбежно стоял на страже прежде всего интересов имущих. Единственное предписание церкви, направленное на частичное перераспределение благ, сводилось к проповеди подаяния нищим. Бедные и неимущие считались стоящими ближе к Христу, чем собственники, в них видели образ самого Христа. Поэтому благотворительность в пользу бедных всячески поощрялась. Государи и сеньоры обычно содержали при своих дворах изрядное число нищих, раздавали им деньги и кормили их. Нередко эти раздачи принимали огромные размеры, богатые люди расходовали на нищих значительные средства; в особенности усердствовали знатные женщины, а некоторые царственные особы не останавливались и перед пожертвованием нищим части государственных доходов. На широкую ногу было поставлено

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. — С. 218—219.

² Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 441.

содержание нищих и убогих в монастырях. В Ключи, например, кормили в иные годы до семнадцати тысяч бедняков»¹.

Ибо, нищета, бедность — это символы истинной святости! «Бедность — это печать избранных», — учил Франциск Ассизский². «На нищих смотрели как на образцы христианской жизни. В них видели Самого Христа»³. Но и здесь, как мы увидим ниже, об истинном милосердии и сострадании речь не шла!

— **Благотворительность и отношение к бедным с точки зрения средневекового папского учения.** «Такой взгляд на бедность, как на состояние христианского совершенства, в сущности, должен бы был исключать всякую благотворительность, так как последняя переводила бедных из низшего в высший класс, в класс людей, обладающих собственностью и материально обеспеченных. Церковное нравственное учение становилось в этом случае в противоречие само с собой, так как на сколько благотворитель через свой дар приближался со своей стороны к евангельской бедности, настолько же он удалял от нее получавшего дар. Однако средневековое мировоззрение не замечало этого затруднения. потому что благотворительность вообще требовалась с точки зрения не бедного, а имущего. Последнему же благотворительность ставилась в обязанность для того, чтобы и его приблизить к идеальному состоянию бедности»

И вот тут мы подходим к очень важному моменту, который нам раскрывает истинную суть средневековой благотворительности и одновременно полного равнодушия и фактически ничего неделания по отношению к больным. Так и попечение о бедных и больных со средневековой точки зрения имело свое основание не в сострадании к ним, а в заботе о собственном душевном состоянии»⁴.

И «так как средневековая благотворительность имела в виду больше вечный интерес дающего, чем временный интерес получающего, то от нее очень далека была мысль о том, чтобы сделать заботу о бедных экономически плодотворной для них и дать возможность нуждающемуся, в тех случаях и в той мере, как это требовалось, самостоятельно получать работу и пропитание. И прежде всего религиозный интерес дающего требовал, чтобы ему

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. — С. 221.

² Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 442.

³ Там же. — С. 446.

⁴ Там же. — С. 447—448.

достаточно часто давалась возможность раздавать милостыню; поэтому вовсе не делались попытки к тому, чтобы посредством планомерного попечения по возможности уменьшить бедность и нужду. Если бы это было выполнено успешно, то у имущего было бы отнято одно из важных условий для достижения спасения его души.

Но и религиозный интерес получающего не менее требовал, чтобы борьба с бедностью и нуждой велась не слишком успешно. Так как бедные и страждущие достигали наибольшего схождения со своим образом, Христом, то, приобретя лучшее и более самостоятельное положение, они перешли бы из более совершенного состояния в сравнительно низшее. Вследствие этого средневековая благотворительность вовсе не исходила из желания по возможности ограничить пределы бедности и страдания, так как подобное намерение оказалось бы в противоречии с основной идеей аскетической религиозности, которой бедность и страдание выставлялись, как желательные состояния, составлявшие условия последования Христу и достижения вечного спасения. Средневековый религиозный дух, требуя, с одной стороны, подачи милостыни, как благочестивого подвига, был настолько последователен, что с другой стороны возвел нищенство в некоторого рода святое ремесло... Таким образом, сверхчувственная идея средневековой религиозности была причиной того, что благотворительность была, с одной стороны, очень расточительна, а с другой, тем не менее, очень безрезультатна»¹.

Итак, «в основе средневековой благотворительности лежала не столько проповедуемая христианством любовь к ближнему, сколько забота жертвователей о собственном душевном благополучии. Посредством милостыни богатый, скорее, мог спасти душу, о бедняках же, которым он уделял долю своего имущества, он думал гораздо меньше. Это доказывается тем, что Средневековые не знали ни одной серьезной попытки радикально избавить нищих от их бедственного положения: предпочитали их подкармливать, оставляя их в том же состоянии. В существовании богатства и бедности церковь находила взаимную связь: «богатые люди созданы для спасения бедных, а бедные для спасения богатых». В подаении нищим видели своего рода источник «страхования» душ имущих. Алкуин писал, что подаваемая беднякам милостыня позволяет дающим попасть на небо. Материальные богатства, розданные бедным, вторил ему Рабан Мавр, превраща-

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 451-453.

ются в вечные богатства. Поэтому существование неимущих бедельников казалось необходимым, и никто не помышлял о том, чтобы ликвидировать нищенство, равно как и сами попрошайки видели в себе избранников Божиих и вовсе не стремились избавиться от нищеты»¹.

Действительно, анализируя исходя из этой, какой-то вывернутой, лицемерно-ханжеской идеологии, примеры благотворительности и примеры ухода за больными в Средние века, мы поражаемся теми формами и способами, с помощью которых они осуществлялись. Так, франкская королева Радегунда, вступившая в монастырь в 544 г., целовала гнойные раны прокаженных, чтобы преодолеть свои естественные ощущения. Екатерина Сиенская, когда однажды почувствовала отвращение при виде ракообразной язвы, бывшей у женщины, предоставленной ее уходу, то, чтобы побороть в себе такой припадок слабости, она прикоснулась губами к зловонной гнойной ране и, наконец, выпила воду, которой она обмывала гной. Своему духовнику она говорила впоследствии: «Никогда мне ничто не казалось таким вкусным»².

И такими примерами буквально пестрят средневековые хроники. Примерами того, как пытались достичь вершины аскетизма и умертвить ощущения собственной плоти и которые были совершенно не нужны этим страждущим, которым намного было бы лучше, если бы им оказали ни эту аскетически-деланное и совершенно бесполезное целование, а реальную медицинскую помощь.

Не меньшую странность производит и средневековая благотворительность бедным, которая, с одной стороны, вследствие уже рассмотренной нами выше идеологии, никогда не носила и не могла носить ни систематичности, ни эффективности, приводила к тому, что одурманенные проповедуемым религиозным фанатизмом богатые женщины порой разоряли своей благотворительностью собственные семьи и в то же время не оказывали никакой реальной помощи бедным и больным.

— **Богатейшая церковь и нищее общество.** Однако, было бы напрасно думать, что эта широко проповедуемая средневековой папской церковью идеология нищеты и подобного отношения к больным имела лишь фанатичную окраску. Нет, она преследовала весьма четкие сребролюбивые планы самой церкви.

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. — С. 221—222.

² Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 450.

Ибо «идеи средневекового мирозерцания, с одной стороны, имели своим последствием экономически несвободные положения как государства, так и частных лиц, то, с другой стороны, они же служили основанием, на котором выросло неизмеримое материальное могущество церкви. Учение о бедности было таким же обильным источником церковного миродержавия, как и учение о целомудрии и послушании. Так как церковь представляла собою осуществление сверхчувственной идеи, то пожертвования имуществом и трудом, делаемые ради достижения вечного спасения, направлялись в церковь. Посвящая себя добровольно служению церкви, человек вместе с тем делался слугою Христа. Стремление бедностью последовать Христу выражалось дарением церкви денег и имений»¹.

Исходя из этого, «многие свободные люди отдавали не крепостных своих, а самих себя в оброчники какой-нибудь церкви или монастыря... Так, например, в 1186 г. одна женщина из свободного сословия по имени Дута принесла свободу свою и своих потомков в дар «Богу и алтарю св. Адальберта» в Суассоне. В 1166 г. несколько свободных семей сразу «по доброй воле» и «для спасения своих душ» отдались в подданство церкви св. Пантелеймона в Кельне»².

«Еще в больших размерах, чем принесение в дар собственной особы или своих крепостных, происходило дарение церкви денежных сумм, сборов, рент и недвижимых имений. Все, кто имел личную собственность, считали нужным принести часть ее в дар церкви, или при жизни, или в завещании, чтобы приобрести себе вечное спасение души, «ибо милостыня погашает грехи, как вода огонь», говорится неоднократно во вступительных словах благочестивых дарений. Духовенство поддерживало этот взгляд на словах и на деле. Архиепископ Трирский Поппо, сделавши пожертвование в Мариинскую церковь, полагал тем сам «умастить раны своих грехов священным бальзамом своей милостыни». «Спасение души» или «любовь к Богу» были основными мотивами бесчисленных пожертвований на церкви и монастыри. Нередко целью их являлось спасение не только собственной души, но и душ умерших родителей или предков»³.

Императоры и короли массово строили соборы и основывали монастыри, веря, что через это смыывают свои грехи и спасают

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 463.

² Там же. — С. 464.

³ Там же. — С. 466.

свои души. Но, но при этом, и это весьма примечательно, после основания этих монастырей и соборов самодержцы продолжали вести не менее греховную, чем ранее жизнь. И, действительно, с точки зрения средневековой церковной идеологии, зачем что-то менять, если грехи уже прощены и вечная жизнь обеспечена через это строительство собора или монастыря, а священники и монахи, которым давались немалые средства пусть молятся за прощения совершаемых грехов. Эти строительства становились своеобразным «откатом» Богу власть придержащих.

«Насколько громадны были богатства, перешедшие к церкви вследствие стремления к вечному спасению души и надежды на воздаяние в будущей жизни, ясно видно из того, что значительная часть сохранившихся средневековых документов до первых десятилетий двенадцатого столетия включительно, состоит из дарственных записей, актов о даровании привилегий, или подтверждающих их актов в пользу церквей и монастырей»¹.

Но средневековой церкви этого было мало, и она шла на открытые подлоги. «Там, где этих благочестивых пожертвований оказывалось недостаточно для удовлетворения желаний клира, последний употреблял для увеличения своих имущественных средств другие способы, именно подделку документов. Этот способ был уже с успехом испытан церковью относительно документов, имевших обширное значение, каковы, так называемые, Константинов дарственный акт и дарственные обещания Каролингов. Позднее отдельные церкви и монастыри пользовались такими подделками в более тесном кругу интересов. Так, к примеру, документы аббатства Браувейлер, сфабрикованные около середины одиннадцатого столетия для того, чтобы оно могло присвоить себе некоторые имения на Мозеле... В некоторых случаях обман выполнялся еще более смелым способом. В подлинном документе оставляли начало и конец, соскабливая находившийся между ними текст, на место которого вписывали новый, более желательный.

Между тем и помимо этих подлогов, вследствие одной религиозной щедрости, богатство церкви в течение столетий так сильно увеличилось, что имущественное положение как государства, так и частных лиц, было в значительной части растрчено. Короли своими пожертвованиями церкви ради спасения души довели себя до бедности»².

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 468.

² Там же. — С. 468, 469.

Духовенство в погоне за наживой разоряло простых людей, что явственно прослеживается при анализе средневековых хроник. Примечательно, что даже сами монахи в своих хрониках пишут об этом. Так, в одной из них, где рассказывается о епископе Гериберте Эйхштедском сказано, что «этот епископ и все его преемники строили или новые церкви, или новые замки и крепости и, делая это, довели простой народ до совершенного разорения». Поэтому понятно, что духовенство, особенно монашеские ордена, всего больше заботившиеся об увеличении своего богатства...далеко не всегда считались желанными гостями»¹.

Причем ненасытимость средневекового духовенства вызывала возмущение всех слоев общества и «жалобы на жадность духовенства были тогда всеобщими»². Так, император Священной Римской империи германской нации Фридрих Второй в своем письме «к английскому королю 1228 года жаловался на корыстолюбие римской курии, которая старается сделать императоров и королей своими данниками, производит неслыханные вымогательства и даже захватывает в свою пользу учреждения, основанные для бедных и чужестранцев»³.

В 1228 г. на соборе в Лионе английские бароны «заявили через своего поверенного, что они не могут больше выносить «гнусных Богу и людям вымогательств» папских легатов, которые ежегодно увозили из Англии более 60000 марок. Парижская академия в 1225 году отказалась принять доминиканцев в свое общество в числе других причин потому, что они, пробираясь в дома, выслеживали имущественное положение людей»⁴.

В произведениях провансальского поэта XIII века Пейра Кардиналя написано по этому поводу следующее: «В прежнее время короли и императоры, герцоги, графы, бароны пытались управлять миром; теперь в нем господствуют попы, действуя хищничеством и изменой, лицемерием, насилием и проповедями». «Стервятники и коршуны не так чуют гнилое мясо, как попы и проповедники — богатого человека»⁵.

Дворянин Ламберт фон Герсфельд в своей хронике от 1071 года пишет следующее: «Мир удивлялся тому, откуда брался источник такого великого богатства и почему сокровища Креза и

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 471.

² Эйкен. Указ. соч., с. 471.

³ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 471.

⁴ Там же. — С. 472.

⁵ Там же. — С. 473.

Тантала скоплялись у частных людей, притом у таких людей, которые носили на себе тяжкое бремя креста и знаки бедности и лживо утверждали, что они не имеют ничего своего, кроме рясы и ежедневного пропитания»¹.

Даже порой духовенство возмущается на страницах средневековых хроник о ненасытности монашеских орденов. Так на Латеранском соборе 1123 года епископы в своем письме папе Калликсту пишут следующее: «нам ничего не остается, как сложить кольцо и посох (символы епископской власти — прим. А.О.) и служить монахам. Пренебрегая стремлением к небу, они ненасытно требуют себе прав епископов, и те, которые отреклись от мира с его вожделениями, не переставая, с жадностью стремятся завладеть мирскими вещами»².

В «Апологии аббата Вильгельма из монастыря св. Теодериха» его автор пишет следующее: «Я бы солгал, сказавши, что не видал такого аббата, которые ездил со свитой на шестидесяти и более лошадях. Взглянувши на них, когда они проезжали мимо, можно было подумать, что это едут не отцы-монахи, а владельцы замков, не руководители душ, а князья. Дан был приказ взять с собой столовое белье, кубки, блюда, подсвечники. Такой прелат не может отправиться за четыре мили от своего места жительства, не взявши с собой всей домашней утвари, как будто он едет на войну, или собирается переезжать через пустыню, в которой нельзя найти ничего необходимого»³.

Бернард Клервосский, говоря о духовенстве, писал следующее: «Они служители Христа, а отдались антихристу. От этого и происходит та кокетливая пышность, театральный вид и королевская роскошь, золото на уздечках, на седлах и шпорах, которые мы ежедневно видим. Оттуда же и столы, блестящие кубками и яствами, и званые пиры, и попойки, и цитры, лиры и флейты, полные погреба и кладовые, бочки благовонных мазей и переполненные золотом кошельки. Таковы и такими хотят быть настоятели церквей, епископы и архиепископы»⁴.

Примечательно, что вся «средневековая благотворительность шла, прежде всего, в пользу церкви, так как религиозный характер ее имел то последствие, что забота о бедных и больных шла через церковь. Церковь учила, что милостыня, которая через ее

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 474.

² Там же. — С. 474.

³ Там же. — С. 474.

⁴ Там же. — С. 475.

посредство доходила до бедных, имела высшее богоугодное значение, чем та, которая прямо давалась бедным»¹.

Это учение церкви о нищете, как эквиваленте святости, принципиально сдерживало и развитие экономики!

«Вследствие этого для имущественного хозяйства установлен был очень тесный круг деятельности. С основным положением, что производство должно ограничиваться лишь удовлетворением насущных жизненных потребностей, не совместимо было такое крупное промышленное производство, которое работало бы не только для данного момента, но и для возможно будущего спроса. Поэтому Средним векам была известна промышленность только в самом ограниченном размере. За тем, введение производства в границы самого необходимого отнимало, разумеется, у искусства и художественного ремесла возможность более широкого развития. Последние находили себе место в средневековой хозяйственной политике лишь по стольку, поскольку они служили непосредственно религиозным целям. Светское искусство и светское художественное ремесло в классическом периоде Средних веков существовали только в зачаточном виде. То и другое могли развиваться только на почве религиозной жизни, так как только она могла им дать более широкое применение. Ограничение самым необходимым заставило прежде всего Средние века занять отрицательное положение по отношению к таким производствам, которые служили исключительно для удовольствия и роскоши, как в домашней, так и в общественной жизни. Поэтому и частные жилища до конца Средних веков отличались бедностью, как внешнего, так и внутреннего их устройства. Всякое более богатое развитие художественно-ремесленной деятельности ограничивалось устройством и украшением зданий и помещений, предназначенных для целей богослужения. Частные постройки до четырнадцатого столетия включительно строились, за единичными исключениями, из дерева. Еще в документах пятнадцатого столетия, когда речь идет о массивновыстроенных домах, то вследствие их редкости определенно указывается, что они каменные»².

Средневековая церковь называла торговлю постыдным ремеслом³.

«Товарные сношения в более древнем периоде Средних веков были тем ограниченнее, что не только не устраивалось путей со-

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 475-476.

² Эйкен. Указ. соч., с. 453-454.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 457.

общения, но даже и старые, оставшиеся еще от римских времен, не поддерживались и разрушались»¹.

Средневековая церковь своими аскетическими учениями нивелировала понятие труд вообще, как таковое.

Церковь четко учила, что «безгрешное состояние человека, как и пребывание его вблизи Бога, не предполагало труда. Людям вообще надлежит не столько заботиться о пропитании и о физическом своем благополучии, сколько о духовном спасении, о жизни вечной. «Не хлебом единым сыт человек». Созерцательную жизнь, приближавшую человека к святости, теологи ставили выше активной, Марию выше Марфы, и поэтому монахи занимали на лестнице восхождения к Божеству более высокую ступень, чем все другие люди. Бернард Клервосский различал три степени этого восхождения, соответствовавшие трем родам людей: мирян, духовенства и монашества. «Первые находятся на мельнице, вторые в поле, третьи в постели». Под «мельницей» разумелась мирская жизнь, «поле» — души мирян, над их душами как на ниве, трудятся проповедующие слово Божье-духовенство, «на постели же покоится святая любовь обрученных Христу», то есть монахов. В целом труд получал низкую оценку»².

«Идеал средневекового общества — монах, святой, аскет, человек, максимально отрешившийся от земных интересов, забот и соблазнов и потому более всех остальных приблизившийся к Богу. Греческое слово — «упражнение», в особенности «гимнастическое упражнение»; атлет, борец. Этим же словом в эпоху христианского Средневековья обозначали человека, пренебрегающего собственным телом, умерщвляющего плоть, упражняющего свой дух. Ни в чем, пожалуй, так ясно не выражается контраст духовных установок античности и Средних веков, как в трансформации смысла этого слова! Идеал Средневековья — не посторонний, земной и практический, а трансцендентный и преодолевший земные связи. Идеал святого был всеобщим, имевшим силу для всех слоев общества. Конечно, у отдельных слоев и сословий феодального общества были и свои идеалы. Так, можно говорить о рыцарском идеале. Но и этот идеал долго был подчинен универсальному аскетическому типу, ибо в рыцаре достойными преклонения и подражания считались не только физическая сила и боевой дух и даже не само по себе сознание сословной чести и следование принятому кодексу поведения, а подчинение этих качеств высшим, идеальным целям;

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 459.

² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. — С. 238.

воинство должно было поставить свое оружие на службу Богу и церкви. Крестовый поход — наиболее возвышенный образ воинской практики, рыцарь-монах — таков идеальный тип рыцаря»¹. Конечно, такому человеку ни то, что заниматься, даже думать о суетном труде греховно. А труд — это первая ступень для развития общества, его экономики.

Средневековая церковь выступала главным препятствием для развития экономики и процветания общества.

«Церковь связала натуральное хозяйство со своими религиозными представлениями и на основании последних выработала для него прочно-установленную систему. За тем она старалась удержать средневековую жизнь на этой ступени культуры, тогда как более развитые отношения выводили ее из этих пределов. Точно также епископы не соглашались на то, чтобы в городах, управляемых их министериями, натуральные повинности были заменены денежными податями. Напротив, они желали удержать в городах их старинное сеньериально-правовое устройство даже и тогда, когда последние энергично старались выйти из этих тесных рамок»².

Средневековая церковь была самым богатым и могущественным феодалом средневековой Европы, и потому отказ от феодальной системы грозил ей потерей земель, деревень, крестьян, замков и городов. К тому же феодальная система способствовала сохранению темноты и неграмотности населения, а ведь именно такое население проще всего держать в духовном повиновении.

Все это делало даже в принципе невозможным развитие системы социальной помощи, системы больниц и оказания сколько-нибудь действенной медицинской помощи в средневековом обществе при безраздельном господстве папской церкви и ее учения.

Больницы, основанные богатыми горожанами

Более, чем семисотлетний мрак невежества и суеверия, царящий в средневековом обществе, начинает чуть-чуть рассеиваться с XII века, когда начинается формирование городских общин, ставших отстаивать свои права и интересы перед лицом как феодалов, так и церкви. Среди этих самых насущных интересов была организация и медицинской помощи.

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. — С. 223.

² Эйкен. Указ. соч., с. 462.

Поэтому именно «с конца XII века появляются больницы, основанные светскими лицами — городскими сеньорами, а несколько позднее — состоятельными горожанами. Больница и церковь разделяются теперь и в строительном отношении, составляя два отдельных здания, это, однако, не меняло положения больницы как учреждения, пользующегося покровительством церкви»¹. Строили и содержали эти богадельни и дома призрения для бедных богатые горожане². Примером таких немногочисленных больниц может служить сохранившаяся до нашего времени богадельня Святого Духа, построенная в Нюрнберге в 1331 году богатым купцом и членом городского совета Конрадом Гроссом (1280—1356) и рассчитанная на 200 человек. Сегодня в этом здании размещается дом престарелых.

Однако, эти больницы были весьма и весьма немногочисленны и по сути представляли собой не столько больницу, сколько богадельню-приют, т.е. место не столько лечения заболеваний, сколько ухода за больными людьми и оказание им общей помощи. Но даже и это было прогрессом по сравнению с прошлыми веками.

Здесь стоит отметить, что за больными в средневековых городах ухаживали бегинки. Это было весьма интересное движение женщин Средневековья, возникшее около 1170 года в Брабанте и получившее за тем распространение, особенно в Нидерландах, Лотарингии и Германии. Бегинки вели образ жизни, близкий к монашеству, но обета монашества не принимали, могли вступать в брак и выходить из общества. Движение бегонок не контролировалось католической церковью, а порой и преследовалось ей, так как они нередко проповедовали идеи, не согласные с ее учением. Бегинки были «одеты в ниспадающие до самой земли темно-серые платья, с их голов ниспадают белые покрывала, в их руках четки бесконечной длины. Вы приняли бы их за монахинь, но они не составляли монашеского ордена и не жили в монастырях. Правда, они отреклись от мира, жили подаянием, прося хлеба ради Бога, но главной целью их жизни была не молитва; они отрекались только от мирских удовольствий, от светской жизни, от жизни среди себе подобных, но не порывали совершенно связей с ними. Они служили великой цели — помогать страждущему человечеству, облегчать людские немощи. Они селились обыкновенно по две-три в небольших домиках с крестами над дверьми. Эти домики так и называ-

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 58.

² Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 63.

лись «Божьими домами». Обитательницы же их кроме имени бегенок носили еще прозвище «духовных сестер»¹.

В период мрачного средневекового мракобесия и жестокости это движение, пусть и малочисленное, и пусть не обладавшее должными медицинскими знаниями, приносило облегчение многим страждущим тяжелыми болезнями и недугами.

Муниципальные больницы средневекового города

Следующий этап развития больничной помощи также на прямую связан с дальнейшим развитием городов и увеличением их прав в области самоуправления. «Со второй половины XIII века начинается процесс коммунализации больниц, в полной мере проявивший себя уже в следующем столетии: городские власти стремятся принять участие в управлении ими или даже полностью взять их в свои руки. Параллельно изменяются и функции больниц: они превращаются в благотворительные учреждения, доступ в которые открыт только бюргерам — полноправным горожанам и местным жителям при условии внесения специального взноса. Меняется и место расположения больниц: если прежде они обычно строились на окраине города, у городской стены или перед городскими воротами, то к XIV веку их все чаще и чаще сооружают в центре города и даже на рыночной площади. Больница перестает быть церковным учреждением в строгом смысле слова, однако она по-прежнему находится под покровительством церкви и имущество ее в силу этого считается неприкосновенным. Последнее обстоятельство имело важные хозяйственные и политические последствия: состоятельные горожане охотно вкладывали свои средства в больницы, обеспечивая тем самым их сохранность, а городской магистрат использовал больницы в качестве орудия своей территориальной политики. Особенно широко это практиковали города юго-западной Германии. В 1295 году больница города Эслингена приобрела у графа Готфрида фон Тюбингена его права и владения в деревне Мэринген, через два года — в деревне Вайхинген, а у рыцаря Конрада фон Бернхаузена в этом же году лес Катценбах. Поземельная книга 1304 года свидетельствует о планомерной политике больницы по приобретению земельных владений. К 1331 году, благодаря ее действиям, город располагал уже значительной территорией вдоль Неккара. Территории таких имперских городов, как Биберах, Мемминген, Кауфбайрен, Нордлинген, Аугсбург, Ройтлинген в большей своей части состояли из земельных

¹ Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 32.

приобретений больниц. Располагая собственным имуществом и хозяйством, больницы играли важную роль в финансовой и хозяйственной жизни средневекового города, особенно возросшую в XIV столетии. Они предоставляли ссуды и пожизненные ренты отдельным бюргерам, иногда и магистрату под небольшие проценты, а подчас и без процента; запасы зерна, которыми они располагали, в случае неурожая могли быть использованы для обеспечения населения и регулирования цен»¹.

Эта весьма низкая картина организации медицинской помощи населению, начинает меняться лишь с началом эпохи Великой Реформации, когда было разрушено безраздельное господство института средневековой государственной церкви и ее догматов, столетия, не дающих возможности для развития медицинской науки и стало происходить становление подлинной медицинской науки и практики и институтов социальной помощи населению, среди которых одним из центральных является и организация оказания медицинской помощи населению и подготовка в связи с этим квалифицированных на то время медицинских кадров.

Глава 3

ВРАЧИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Исследуя историю формирования и становления врачебной специальности в эпоху Средних веков, мы можем выделить несколько основных этапов.

• Дьяконское служение

Как мы уже писали, еще в апостольские времена создан институт дьяконского служения, на который была возложена обязанность ухода за больными и бедными³, и представители которого со временем стали обучаться медицинским навыкам, необходимым для ухода и оказания общей помощи больным⁴. При этом священникам также вменялось в обязанность посещение больных и их укрепление в вере.

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 58-59, 61.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 165.

³ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 353.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 353.

● Парабаланы

Затем при основании первых больниц в IV—V вв. х.э. возникает особый класс больничных служителей — парабаланов, в обязанность которых входит не только уход за уже находящимися в больнице, но и розыск и доставка больных в госпитали¹. Все эти прекрасные начинания были прямым следствием евангельского учения².

Однако, уже вскоре все эти робкие начинания вследствие деморализации духовенства и превращения церкви в государственный институт были остановлены, а сами парабаланы превратились в телохранителей епископов³. Заботу за больными вместо отошедших от евангельских требований к своим обязанностям диаконов, превратившихся в весьма зажиточный класс, берут на себя благочестивые люди, которые, однако, оказывают именно уход за страждущими, а не их лечение⁴. В этом им оказывают помощь монахи, некоторые из которых, знакомясь с азами медицины, и оказывают больным пусть и примитивную, но медицинскую помощь. Со временем и сам уход за больными остается полностью за монахами.

● Монахи

Начиная особенно с X века, при монастырях строятся монастырские госпитали. В среднем такие госпитали были рассчитаны от 5 до нескольких десятков мест⁵. Особенно широко прославился своей заботой о бедных в начале своей деятельности орден цистерцианцев, который при строительстве своих монастырей создавал госпитали для монахов и госпитали для бедных⁶. Хотелось бы также особо отметить, что упоминания в некоторых работах историков медицины о наличии в таких госпиталях врачей не соответствует действительности. Упоминание же в монастырских уставах слова *medicus* означает не врача, а одного из монахов, на которого была возложена обязанность ухода за бедными и оказание элементарной медицинской помощи⁷.

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 353.

² Там же. — С. 353.

³ Там же. — С. 353.

⁴ Там же. — С. 353.

⁵ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 168.

⁶ Berger J.M. Die Geschichte der Gastfreundschaft im hochmittelalterlichen Monchtum. Das Beispiel der Cistercienser. Diss. — Munster, 1996.

⁷ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 168.

Как мы уже рассматривали выше, говорить о монахах как о врачах или хотя бы как людях, оказывающих именно медицинскую помощь, является в корне неверным.

Более того учения монашеских орденов как раз и стояло на пути развития медицинской науки и практики в эпоху Средних веков.

Средневековые врачебные манипуляции

• Врачи высокого Средневековья

Говорить о врачах эпохи XI—XIV вв. можно лишь и то с определенными оговорками применительно только к выпускникам Салернской школы, ибо других, кого можно было бы назвать этим термином, практически не существовало в принципе. Ибо «единственным ученым сословием было духовенство; все, кто умел в те времена читать и писать, становились церковниками и быстро ассимилировались духовенством, подчиняясь всем его правилам и законам, вплоть до обязательного celibата (безбрачия). Это объясняет нам, почему в Западной Европе в течение всего Средневековья врачи были церковниками или даже канониками. Что касается celibата, последний был уничтожен лишь в 1452 г. кардиналом д'Эстувиллем, разрешившим вступление в

брак дипломированным врачам и навсегда воспретившим женитьбу студентам, в числе прочих мелких церковников»¹. Именно поэтому в эту эпоху врачами в подавляющем большинстве случаев были или лица духовного звания, не получившие вообще никакого медицинского образования, или светские врачи, получавшие медицинское образование в единичных на то время светских медицинских школах в Салерно и в Монпелье, охотно принимавшие духовное посвящение в низший духовный сан, чтобы пользоваться его доходами².

От этого времени сохранилось несколько примечательных советов по тому, как должен вести себя врач. Так, согласно им, «врач должен, идя к больному, поручить себя покровительству Бога и ангела. По дороге он должен расспросить лицо, позвавшее его, о состоянии больного, чтобы получить заранее некоторое понятие о болезни и дать понять больному своими расспросами, что его страдания угаданы. Придя к больному, врач должен держать себя серьезно, но скромно, сказать окружающим пациента несколько приятных слов насчет красоты местоположения, порядка в доме и т.д. Если, как принято, врача приглашают обедать, он не должен выказать ни жадности к хорошему столу, ни брезгливости к плохой пище. Во время обеда, надобно от времени до времени осведомляться о состоянии больного, что доставит последнему удовольствие»³.

Сохранились от того времени и интересные советы, как врач должен отомстить своим неблагодарным пациентам. «Так врач, который желал отомстить неблагодарному больному, давал ему квасцы вместо соли, что вызывало сыпь по телу»⁴.

Об уровне врачей — представителей Салернской школы свидетельствуют их рекомендации, так, в частности, «против колотья в ушах отвар земляных червей, человека, укушенного тарантулом, следовало повесить с кроватью в общественном месте, чтобы каждый прохожий раскачивал кровать и при сотом толчке больной будет спасен...аборт предотвращается магнитом или за неимением такового, пористой костью из головы осла, которую надо носить на шее, при падении рекомендовалось человека закопать в навоз или положить в брюхо только что убитого вола»⁵.

¹ Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017. — С.79.

² Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 584.

³ Там же. — С. 388.

⁴ Там же. — С. 388.

⁵ Ковнер. Указ. соч., с. 394.

Для лечения бесплодия рекомендовалось накормить женщину и ее мужа ослиным пометом, жаренным в печи. Чтобы забыть умерших друзей, надо съесть фаршированное свиное сердце; против меланхолии рекомендовалась мазь из трав, главным образом, буквицы, которые требовалось сорвать в Вознесение, около 3 часов, читая Отче наш¹.

Одновременно с этим этот период полон примерами многочисленнейших врачей-шарлатанов и обманщиков².

Бегинки

• Врачи позднего Средневековья

Начало XIV века можно назвать началом подлинно светской медицины, когда начинают появляться госпитали, основанные городскими властями, когда в этих госпиталях начинают рабо-

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 398.

² Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 63.

Urbaß wil ich re-
den von den zeichen die ein
mensch an im hat wan er
franc ist von der erste co-
plexion genant sanguinea.

Zum ersten jout wissen
sein augen seind im rot von oberigē ge-
pult/ vnd seint damit hitzig. Sein hant
seind im inwendig hitzig. Er leidet auch
grossen durst/ sein munt ist im morgens
vor essens bitter/ die zung ist im dürr vñ
maße/ vnd hat grossen wetagē in der stir-
nen vnd umb den schlaff. Vnd wan er
schlaffet so trompt im vñ blut/ von strei-
ten/ vñ von andern sache die da rot seint

Vnd alle dse zeichen vortenant seint an
dem menschen der vol blüt ist. Vnd dis
ist die hilff für solchen siechtagen/ Wan
er den menschen an kömen ist/ sol man im
an dem vierden tag lassen an der mediz
als der meister Avicēna gesprochen hat/
in seinem vierden buch/ das da leret von
den febern. Dar nach sol man dem mer-
schen die colera zettigen mit disem nach
geschribnen tranck/ des selben tranckes
sol man im morgens mit seiden siben löffel
sol zu trinckē geben/ gemischet mit fünf
löffel sol warmē wasser / darin gefott sy
gersten/ vnd ein wenig süß holz. Vnd so
er den tranck ganz getruncken hat/ So

Te III

Врач-шарлатан. Экспозиция музея истории медицины им. П. Страдыня, Рига. Фото А.А. Опарина

Исследование врачами пульса и мочи. Средневековый рисунок 1483 г.

тать светские врачи, которых начинают готовить медицинские факультеты университетов¹.

Итак, первые подлинно городские врачи появляются в Италии, в Венеции в 1260 г., причем первыми из них по национальности были евреи или арабы. Сенатом Венеции назначалось 12 городских врачей. В Мюнхене городские врачи появляются в 1325 г., во Франкфурте-на-Майне в 1348 г., Базеле в 1426 г. Примечательно, что вместо табличек у своих домов в качестве рекламы врачи вывешивали бокал для мочи².

Кстати, одноразовый осмотр мочи в то время сулил хороший доход в 12 геллеров, чем и не брезговали многие средневековые врачи³.

Особый класс представляли собой придворные врачи, обладавшие богатыми имениями и военные врачи, которые в эпоху Средних веков в Европе впервые появляются в 877 г. Примечательно, что военными врачами становились не врачи, получившие

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 183.

² Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 586.

³ Там же. — С. 586.

университетское образование, а так называемые врачи-эмпирики, попросту цирюльники и банщики, из состава которых и формировались собственно хирурги, ибо медицинские факультеты университетов не считали хирургию медицинской специальностью! (Причем, в частности, в Париже хирургия была признана, как часть академической медицины лишь в 1737 году!) Именно цех цирюльников и поставлял армии военных врачей, которые имели право и на часть добычи¹.

Но вплоть до эпохи Великой Реформации этот процесс не получает широкого и тем более поступательного развития, что было обусловлено сохранением доминирующей позиции папской церкви, стоящей на пути развития науки в целом, и медицины, в частности.

Именно средневековая церковь формирует у общества крайне презрительное отношение к врачам. «Так, в «Книге ремесел», составленной в Париже в 1268 г., врачи оказались в ряду проституток и торговцев, которые осуждались за различного рода осквернения. Церковь не могла допустить извращения воли Божьей — лечения болезней, которые Бог насылает на человека вследствие грехов или же для испытания веры. Ни широкая известность, ни степень магистра не могли застраховать средневекового врача от произвола местных властей»².

Поэтому и общий уровень врачей остается весьма низким. Так, знаменитый средневековый писатель и общественный деятель Франческа Петрарка (1304—1374) о врачах своего времени писал следующее. «Мой несравненный учитель говаривал мне, что медицинское искусство, как и всякое другое, поступающее по знаниям и правилам, есть утешительное явление, поступать же, согласно этому искусству, зависит от случая»³. Другой знакомый Петрарки врач говорил: «Если сотня или тысяча людей одного возраста, одинаковой конституции и одинакового образа жизни заболеют одной и той же болезнью и если одна половина из них будет пользоваться услугами врачей, а другая вовсе обойдется без врачебного совета и будет вести себя только согласно природному инстинкту и собственному усмотрению, то, нет сомнения, что вторая половина счастливо отделается»⁴. «Вообще на медицин-

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 587.

² Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 181.

³ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 443.

⁴ Там же. — С. 443.

Лазарет для больных чумой. Рисунок 1411 г.

Привратник средневекового города не разрешает вход в него прокаженным и калекам

Джованни Боккаччо, итальянский средневековый писатель, оставивший ценный материал о социальном портрете средневекового общества

Франческо Петрарка

скую практику он смотрит как на самое низкое и безнаказанное ремесло, основанное только на жажде в наживе, обмане и ложных обещаниях, так что вошло даже в пословицу «mentiris, ut medicus»¹.

В своем письме к Д. Боккаччо Петрарка пишет следующее: «Врачи, опираясь на глупость легковой толпы, стараются ослеплять ее своей роскошной обстановкой и когда они появляются в публике в своей щегольской одежде, с золотыми цепочками и на украшенных пурпуром рысках, то можно подумать, что это древние триумфаторы, с которыми у них много общего и по ремеслу, ибо если не каждый из них убивал 50000 людей, как это требовалось для триумфа, то недостаток в количестве они заменяют качеством, убивая вместо врагов своих сограждан и, подобно тем победителям в доспехах, унося добычу в своей тоге. И что даст им право на такой почет? Быть может, их философский ум? Но образ жизни врачей весьма далек от характера истинного философа, скрывающего под невзрачной оболочкой богатый ум, презирающий всякую поверхностность и выставку на показ и почитающий только науку, знание и добродетель. Если бы врачи были философами, они не были бы наемниками за плату, рабами денег. Медицинская

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 443.

практика есть и остается ремеслом, рассчитанным только на прибыль и обман и притом самой грязной профессией»¹.

«Шаткость своего искусства врачи стараются скрывать диалектикой, прячась за спину древних, которые, если бы встали из гробов, несомненно, отнесли бы к этим изнеженным врачам с презрением и ненавистью. «Из-за теоретических споров врач упускает из виду благо больного и, вместо обещанного исцеления, его ухо начинает силлогизмами. В этом-то и несчастье моего времени, что прежде лечили, не мудрствуя лукаво, ныне выводят замысловатые умозаключения, а больной остается неизлеченным. Сколько тысяч погибало, пока врачи спорили и рядили между собою! Ныне врачи не могут говорить, не дискутируя...врачи, ссорясь и горячась, убивают больных»².

Уровень медицины, по его словам, «понижился, отчего преобладающее значение получили уроскопия, копроскопия, магия и алхимия, ничтожество коих ясно для всех понимающих дело. Только глупость и легковерие поддерживают уважение к врачам, нагло приписывающим счастливые исходы своему искусству, а неблагоприятные всем возможным причинам, только не естественной и настоящей — своему невежеству»³.

«Гонорары за лечение брали, как правило, немалые. К примеру, хирург 1380 г., который специализировался на язвенной болезни, советовал следующее: «За лечение язвы, если ее можно вылечить, просите у зажиточного человека 100 марок или 40 фунтов плюс запас бинтов и ежегодную плату в 100 солидов. С бедного человека следует брать не меньше 100 солидов. Я сам никогда не брал меньше за лечение этой болезни»⁴.

При этом, Петрарка о самой медицине говорит с огромным почтением, порицая лишь невежество современных ему людей. «Я не сомневаюсь в существовании медицины и в том, что она нечто великое. Я только ненавижу пустомелей, которые, будучи не столько нагружены, сколько окутаны жалкой диалектикой. Умеют только трещать, но не лечить, от чего они просто невыносимы для здоровых и смертоносны для больных»⁵.

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 444.

² Там же. — С. 444.

³ Там же. — С. 445.

⁴ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 173.

⁵ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 446.

Средневековый врач с уринарием в руках, рядом фармацевтическая ступка с пестиком

Осмотр прокаженного. Врачи и банщики, смывающие густки крови. 1517 г.

Оноре Домье.
Врачи-схоласты не замечают, как за их разглагольствованиями смерть подкрадывается к больному

Профессор С.Г. Ковнер тонко замечает, что, несмотря на все справедливые упреки тогдашней медицине, высказанные Петраркой «нельзя отрицать известной заслуги Петрарки по отношению и к нашей науке. Кто знает, без его резкой научной критики, без его громового голоса, раздававшегося по всей Европе и будившего умы, усыпленные застывшей в своих хитросплетениях схоластикой, многим только что возникавшим зародышам новой жизни пришлось бы, быть может, совсем заглохнуть»¹.

Положение принципиально не меняется и спустя сто лет. Так, «в конце XV или начале XVI столетия Агриппа Неттесгеймский рисует аналогичный портрет современного крупного или, по крайней мере, модного врача. Это, по большей части, иностранец, — еврей или мавр, — роскошно одетый, на пальцах его блестят яхонтовые перстни, он с пафосом произносит звучные фразы на полуварварской латыни или по-гречески; когда врач приходит к больному и начинает его исследовать, он бросает взгляд на мочу, шупает пульс, смотрит язык, исследует экскременты, осведомляется об образе жизни и привычках больного, об его обычном питании и иногда, в случае необходимости, о более тайных вещах; эти сведения позволяют врачу взвесить, как бы на весах, состояние соков больного. Закончив исследование, врач со всем авторитетом и серьезностью назначает лекарства и режим, необходимые больному: слабительные, кровопускание, клизмы, пессарии, втирания, полоскания или сиропы, противоядия и т. д. кровати, натирания, припарки, магические приемы; при выздоровлении — ванны, минеральные воды, избранную и легкую пищу, наконец — перемену воздуха. Врач лично наблюдает за изготовлением прописанных им лекарств. В сомнительных случаях врач созывает консилиум. Такова, по Агриппе, роль врача к концу XV столетия»².

Безусловно, и в эпоху Средневековья были видные и бескорыстные врачи, но их единичные имена лишь подчеркивают общую и мрачную картину невежества врачебного сословия, нарисованную Петраркой и Агриппой. Столь низкий уровень врачебного сословия эпохи Средневековья объяснялся, в первую очередь, низким состоянием медицинских факультетов университетов того времени.

Действительно, о развитии медицинской науки в период раннего и высокого Средневековья говорить не приходится вовсе. Фактически ее не существовало в принципе, а вместо нее приме-

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 446.

² Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017. — С. 80-81.

нялись народные средства, носящие, к тому же, в основном чисто знахарский и магический характер в виде заклинаний и заговоров. «Научная медицина в Средние века была слабо развита — медицинский опыт перекрещивался с магией, астрологическими наблюдениями и религией. Кровопускание и очистка желудка оставались основными, если не единственными лечебными средствами. Чтение „Отче наш“ сочеталось с применением порошка из имбиря и корицы (для излечения перелома), а к постели человека, уснувшего летаргическим сном, рекомендовали привязать свинью. Лечебные свойства приписывались драгоценным камням и всевозможным раритетам, например, печени жабы. Еще в XIV и XV веках лучшие специалисты рекомендовали такой способ борьбы с болезнью, как подвешивание за ноги, чтобы яд вышел из ушей, носа, рта и глаз. Хирургия находилась под запретом, кроме практической хирургии, которая была отдана не врачам, а цирюльникам. Парижский медицинский факультет около 1300 года прямо выразил свое отрицательное отношение к хирургии. «Представления об устройстве и функционировании человеческого организма оставались смутными. Так, к примеру, желудок трактовали как котел, в котором пища варится с помощью огня, выделяемого печенью, служащей очагом»¹.

Причем даже во Франции и Германии, которые, благодаря преобразованиям в области просвещения Карла Великого (768–814) считались наиболее просвещенными странами того времени, «в школах не изучали медицину в качестве самостоятельного предмета. Знания в этой области либо передавались персонально — от учителя к ученику, например, в монастыре, или от отца к сыну, как это было принято в еврейских семьях, либо приобреталось попутно в процессе обучения вместе с освоением произведений древних и раннесредневековых писателей, где содержались соответствующие сведения»².

Врачи, как и представители других ремесел (в Средние века медицина относилась к ремеслу), имели свой цех и соответственно свое одеяние, по которому их можно было узнать на улице. Так, отличительными особенностями одежды врачей были замшевые перчатки и береты³. Своими покровителями по примеру

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 63.

² Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 76.

³ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 87.

других цехов средневековые врачи считали св. Косьму и Дамиана¹. По верному замечанию, медицина во дни Средневековья стояла спиной к больным, которые умирали тысячами, в то время, как возле их кроватей стояли тогдашние врачи и нескончаемо спорили друг с другом, используя заученные цитаты древних авторов.

Эта картина начинает меняться лишь с началом эпохи Великой Реформации, когда было разрушено безраздельное господство института средневековой государственной церкви и стало происходить становление подлинной медицинской науки и практики и институтов социальной помощи населения, среди которых одним из центральных является и организация оказания медицинской помощи населению, и подготовка в связи с этим квалифицированных на то время медицинских кадров.

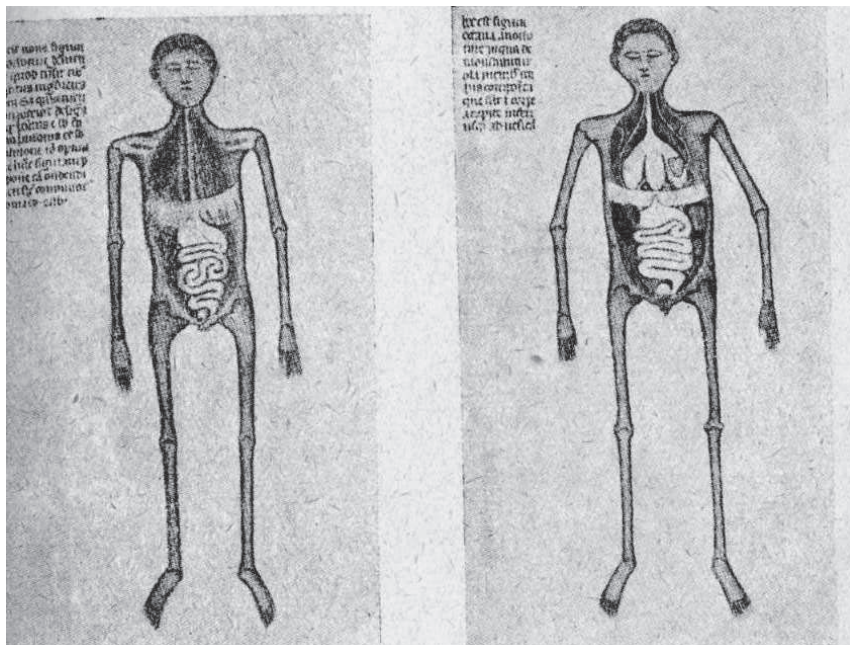
Глава 4

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ХИРУРГИ И ХИРУРГИЯ

История средневековой хирургии занимает особое место в истории медицины, особо ярко демонстрируя то, как средневековая церковь влияла на развитие всех аспектов медицинской науки. Примечательно, что «в раннем Средневековье лица духовного звания занимались терапевтической и хирургической практикой. Так, например, епископ Павел фон Мерид делал кесарево сечение (650 г. х.э.); священник Альбик, будучи профессором медицинского факультета университета Праги, производил оперативные вмешательства. Но с течением времени такое «совместительство» стало неудобным, так как ореол святости мог быть легко разрушен и авторитет духовенства мог поколебаться вследствие, например, неудачных операций. Священнослужители поняли грозившую опасность и издали ряд эдиктов, запрещавших представителям церкви занятие хирургией. Так, в начале XIII в. последовало решение IV Латеранского церковного собора (1215 г.), осуждавшее хирургические вмешательства, производимые лицами духовного звания, под тем предлогом, что христианской церкви «противно пролитие крови» (не случайно все церковные приказы о смертной казни приводились в исполнение или через сожжение, или через повешение)»².

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — СПб.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 289.

² Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. — М.: Медицина, 1990. — С. 140.

Анатомические рисунки из Гвидо де Виджевано, 1345 г.

Стоит особо подчеркнуть, что хирургия в Средние века вообще считалась не наукой, а ремеслом, самих хирургов воспринимали почти, что на уровне слуг¹.

В период раннего Средневековья операции вообще делали обычные брандирей, банщики и бродячие знахари².

Хирургию вообще не изучали в университетах, заниматься ей для врачей считалось делом унизительным, лишаящим их достоинства врача³.

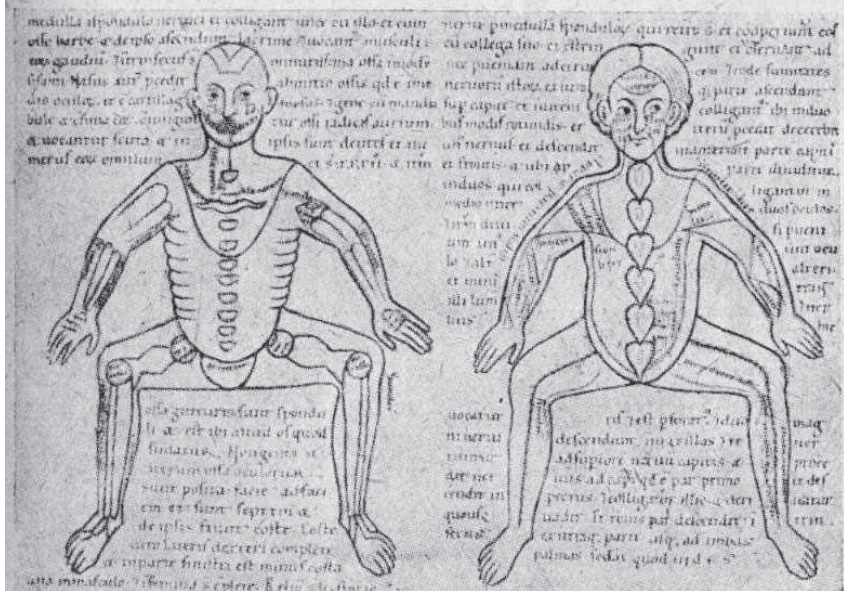
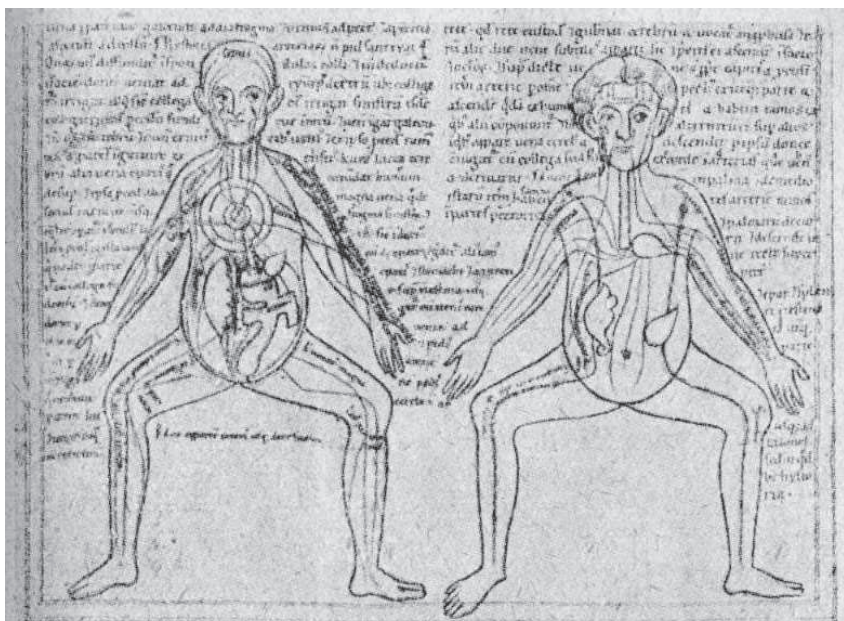
Церковные соборы в Латерани в 1139 году и в Монпелье в 1162 году запретили врачам заниматься любыми лечебными процедурами, а преподавателям преподавать их, если в ходе них проливалась кровь⁴. Это же было подтверждено и решениями, уже упоминаемого Тулузского собора от 1215 года.

¹ История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 140.

² Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 175.

³ Грибанов. Указ. соч., с. 140.

⁴ Верхратский. Вказ. тв., с. 66.

Анатомические рисунки из монастыря Префениг, 1158 г.

Такая позиция церкви базировалась на учении, что в крови находится душа человека и, следовательно, если проливать кровь, то это значит посягать на бессмертную душу. Кстати, исходя из этого же учения, средневековая церковь не просто убивала, а именно сжигала еретиков на медленном огне, проявляя через это, как она учила, милосердие по отношению к ним. [Грибанов. Указ. соч., с. 140]. Как видим, и на развитие хирургии самым пагубным и коренным образом сказались те лжеучения и суеверия, которых придерживалась средневековая церковь.

«В 1300 г. Папа Бонифаций VIII издал буллу, направленную на то, чтобы под угрозой отлучения от Церкви положить конец нарождающемуся обычаю отделять кости погибших крестоносцев от плоти, предварительно обдав их крутым кипятком. Это делалось, чтобы облегчить транспортировку останков крестоносцев, пилигримов на родину. Принятие этого закона фактически привело к запрету вскрытия тел умерших, которое, как мы уже заметили, и так было крайне редким, ограничиваясь единицами в год. Попытка получить для этой цели трупы даже преступников расценивалась многими, как прямой вызов церковному канону, что тела мертвых ни в коем случае нельзя осквернять, тревожить. В 1350 г. в Париже студентам «всеобщей школы» запретили практиковаться в хирургии, и лишь в 1436 г. хирурги добились провозглашения себя учениками парижского медицинского факультета. Даже в Италии, где университеты находились не под столь суровым контролем Церкви, изучение «высокой хирургии» в Болонье до 1405 г. продолжало оставаться в основном теоретическим. Там студент, интересующийся анатомией, не имел права «даже пытаться заполучить труп умершего для вскрытия, если только он сначала не получил на то разрешение от ректора... Не более 20% студентов могли присутствовать при вскрытии трупа мужчины и не более 30% — при вскрытии трупа женщины. И тот, кто присутствовал при вскрытии мужчины, больше не мог посещать это «практическое занятие» в том же году. А на вскрытии женщины он мог вообще присутствовать только раз в жизни. Не удивительно, что вскрытия ограничивались в основном только грудной и брюшной полостями. На базе таких вскрытий была написана вышедшая в 1316 г. в Болонье ведущая книга Средневековья по анатомии, автором которой был итальянец Мондино де Луччи (1275—1327 гг.). Он имел двух прозекторов — дословно «расчленителей», вскрывавших и расчленявших труп, причем из них одна женщина, и применял инъекции для исследования сосудов. Однако сам Мондино де Луччи вскрыл всего лишь два трупа и на этом куцем материале, а также на арабской версии

Вырывание зуба. Хроника 1360—1375 г.г. Музей замка Котнов, г. Табор, Чехия. Фото А.А. Опарина

Головное и ножное положение. Рисунки и текст на Брюссельской рукописи Мустиио. Около 900 г.

компилятивного перевода из Галена с его знаменитой концепцией гуморов — внутренних соков — крови, флегмы, желтой и черной желчи составил свой учебник с громким названием «Анатомия». Дошедшие до нашего времени анатомические рисунки, за редчайшим исключением (например, Леонардо да Винчи), были крайне примитивны, схематичны, с массой ошибок. Художники рисовали не с натуры, а по устным рассказам анатомов, прозекторов, цирюльников, которые и сами были слабы в своем предмете, ставшем наукой лишь с XVI в. Даже сотни великолепных, скрупулезно выполненных зарисовок Леонардо получили широкую известность лишь через 150 лет после смерти да Винчи в 1519 г.»¹.

Отношение средневекового общества к хирургам было крайне презрительным, «которые не просто приравнялись к простым ремесленникам, но, более того, унижительно воспринимались на уровне слуг. Между цехами, школами хирургов и университетами шли постоянные войны, процветало взаимное презрение»². «Врачи-терапевты считали хирургов недостойными, низкими, презренными самоучками»³.

В Средневековье хирургия была одной из самых опасных профессий. Так, по английским законам XII—XIII в.в., если хирург сделал бы своему лорду операцию неудачно, то его ждала смерть⁴.

Одним из центров хирургии средневековой Европы была Парижская хирургическая школа, представлявшая собой цех хирургов «Колледж де сен-Ком», возникший в конце XIII века. С самого начала своего возникновения он находился в противостоянии с медицинским факультетом Парижского университета, который, как и другие медицинские факультеты, не считал хирургию наукой, а тех, которые занимались ей, пренебрежительно именовали ремесленниками⁵.

За всю историю Средневековья мы можем назвать всего лишь несколько выдающихся хирургов. Это преподаватель Болонского университета Бургоньен Гуго (1180—1282), который впервые стал говорить о том, что заживление ран возможно и без воспаления и гноя, как это считалось до него. Вообще Болонья имела одну из наиболее хороших хирургических школ Европы, благодаря, главным образом, знакомству с работами выдающихся средневековых

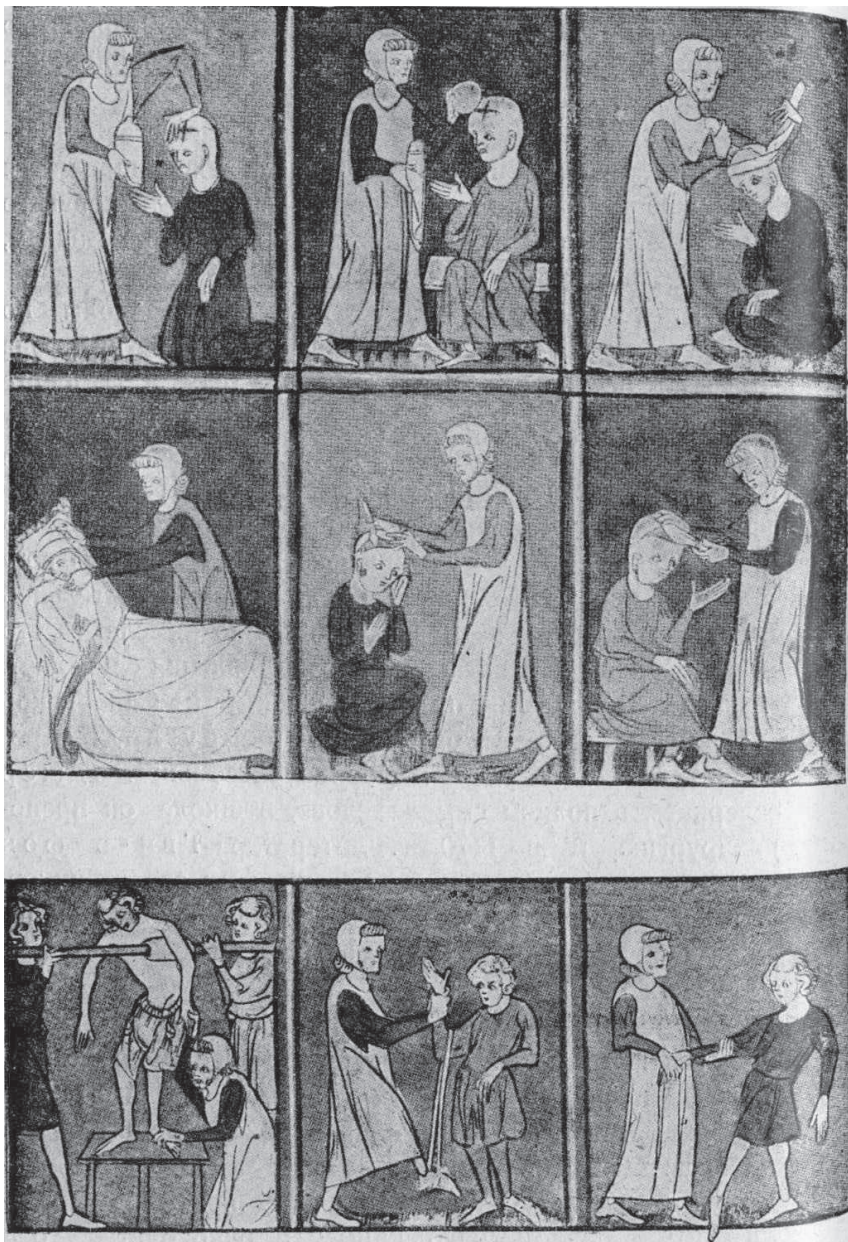
¹ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 184—185.

² Там же. — С. 181.

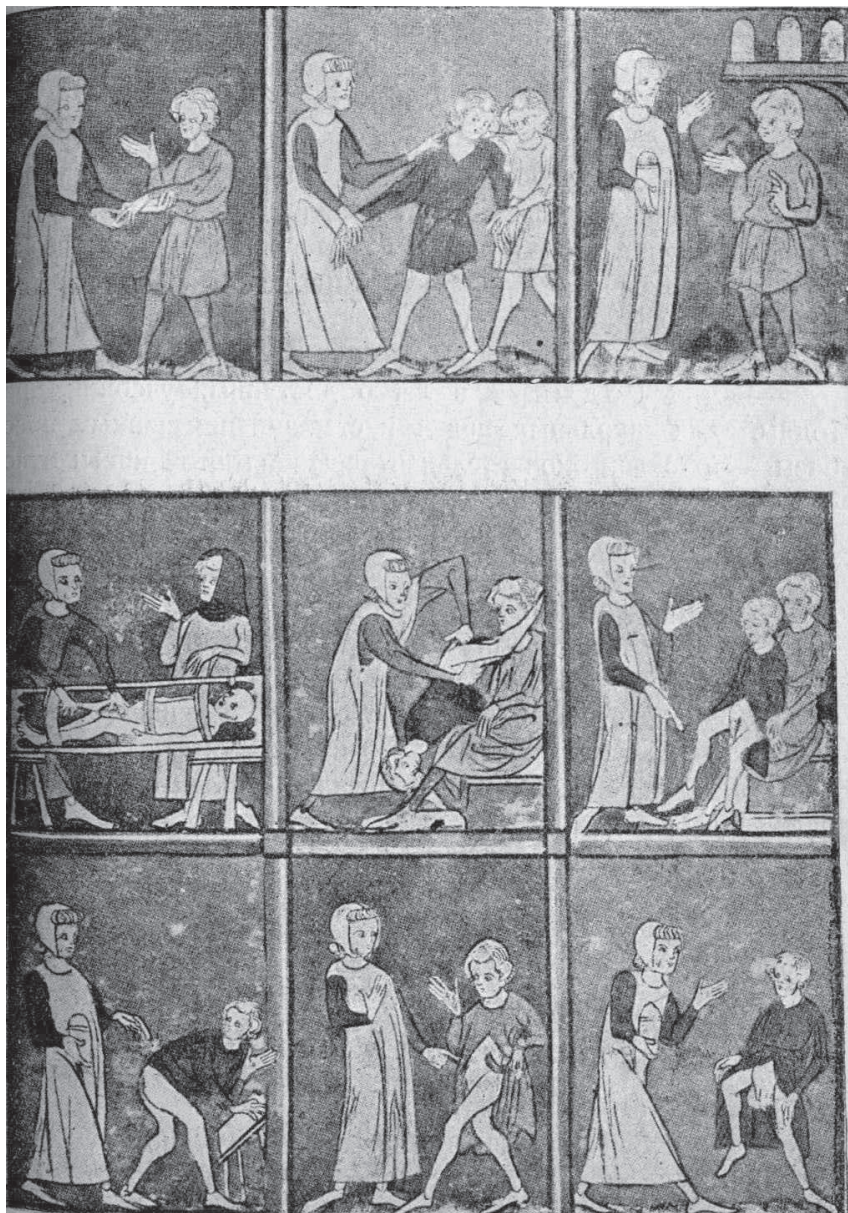
³ Там же. — С. 181—182.

⁴ Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — Спб.: Евразия, 2002. — С. 175.

⁵ Мейнер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 224.

Изображение операций из французского перевода Рожера, XIII век,
Британский музей, Лондон, Великобритания

Изображение операций из французского перевода Рожера. XIII век,
Британский музей

Изображение шести мест прижигания каленым железом.
Рукопись XI века, Британский музей

Операции геморроя, катаракты и носового полипа.
Рукопись XI века, Британский музей

арабских врачей, занимавшихся вопросами хирургии¹. К известным хирургам Средних веков принадлежат и французские хирурги Жан Питар, Г. Ланфранк, широко применявший лигатуры для остановки кровотечения, и Генри Эмондевилль. Это и Гийом де Салисе (XIII—XIV в.в.), который, особо прославился в лечении ранений кишечника. Однако, все эти пусть и малые открытия, не нашли никакого отражения в учебнике по хирургии Ги де Шолика, изданного в 1363 году и по которому учились вплоть до XVIII века²!

Преподавание ими в университетах азов хирургии было сопряжено со всевозможными опасностями, ибо, как уже указывалось выше, сама хирургия стояла, по сути, вне медицины.

Из английских средневековых хирургов известны лишь Джон Геддсденский, написавший для короля Эдуарда Второго медицинский трактат, в котором сочетались современные на то время, как медицинские представления, так в еще большей степени предрассудки, а основой терапии служили в основном заговоры; Роджер Бэкон, в трудах которого превалирует ни столько медицина, сколько, в первую очередь алхимия и астрология³.

Роджер Бэкон (1215—1294), автор книги «Зеркало алхимии», с одной стороны, выступил против средневековой схоластики, за что 24 года просидел в тюрьме, а с другой — провозглашал ведущее значение алхимии в медицине. Поэтому говорить о нем, как о хирурге можно лишь с очень большой долей натяжки.

Между тем война университетов с хирургией шла полным ходом. Медицинский факультет Парижского университета в 1301 году вообще открыто выразил свое крайне отрицательное отношение к хирургии, как таковой!

«В Средние века в Западной Европе к цирюльникам и банщикам относились как к низшему сословию. Например, в некоторых свидетельствах о рождении немецких ремесленников можно было найти такие записи: «Рожден в законном браке, не имеет в родне крепостных, цирюльников, банщиков»⁴.

В Средние века хирурги делились на четыре категории, каждая из которых, согласно цеховым правилам, должна была носить свою одежду⁵.

¹ Мейнер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 227.

² Заблудовский. Указ. соч., с. 66.

³ Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 176.

⁴ Грибанов. Указ. соч., с. 154—155.

⁵ Заблудовский. Указ. соч., с. 104.

Duodecim sunt signa. scilicet. Aries. Taurus.
Gemini. Cancer. Leo. Virgo. Libra. Scorpius.
Capricornus. Aquarius. Pisces.

Et quoniam in prima mundi constitutione aries
cepit vrgi. inde est quod cap hominis hinc dr.
scilicet. hauriat hinc collum et gurgur. et emittit sa-
pias usque ad manus. et ante pedes et pulmo
nem. et eo vultu. Virgo caput et
igressum et ibi quoniam ventrem. Libra tenet
et hanc et aliam. Scorpius pudibundum
et vasta seminaria. Sagittarius cordis
et apertum genium. et quadam alia. Pi-
scis hinc pedes. Et in membris humani
corpus diuisum est signa super celestia.

Aries aqua orientalium
Leo aqua septentrionalium
Gemini aqua meridionalium
Libra aqua meridionalium
Virgo aqua meridionalium
Capricornus aqua meridionalium

Календарь проведения кровопусканий в зависимости от расположения звезд

Роджер Бэкон

— Первая категория, это так называемые длиннополые хирурги (*chirurgiens de robe longue*), получившие свое название по длинным одеждам, которые они носили и которые выполняли наиболее сложные для того времени операции, как грыже- или камнесечение. Свое образование будущие хирурги получали либо от мастеров своего дела в единичных университетах (Салерно), либо в школах хирургических товариществ¹.

Со временем, для своей защиты и поддержки хирурги, по типу ткачей, кожевников образовывали свои цехи, гильдии. Так, лондонская гильдия хирургов была создана в 1368 году².

Во главе цеха хирургов стоял цехмистер. При этом каждый мастер мог иметь до 4 учеников, а само обучение продолжалось 5 лет. После его окончания ученик получал звание подмастера, а еще через 2 года — звание мастера с правом открыть свою мастерскую по подготовке хирургов. Обучение будущие хирурги так же проходили внутри цеха, когда уже опытный хирург передавал свое умение ученикам. Позднее стали открываться хирургические школы. Между ними и университетами шли постоянные войны, процветало взаимное презрение. Врачи считали хирургов самоучками, а хирурги считали врачей философами, которые ничего не умеют. Примечательно, что, по сути, и те и те были правы в отношении друг друга.

При этом стоит отметить, что средневековая медицина практически не знала обезболивания и элементарных методов асептики и антисептики, и потому более 90% больных умирало при операциях, либо от болевого шока, либо от заражения раны. В качестве обезболивающих и снотворных использовалось несколько микstur. Одна из них состояла из болиголова, опиума, сока шелковицы, гиоскама, плюща, мандрагоры и латука, высушенных на губчатой поверхности. Затем пары разведенной этой массы давали вдыхать больному, после чего его ноздри промывали соком фенхеля³.

¹ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 184.

² Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 176.

³ Там же. — С. 176.

Прижигание раны. По книге Герсдорфа. Страсбург, 1517 г.

Появление в XIV веке артиллерии и пороха привело, с одной стороны, к росту огнестрельных ранений, а с другой — увеличению площади раневой поверхности, которую в целях нейтрализации остатков пороха предлагали (впервые этот метод предложил итальянский хирург Иоханнес де Виго (1450—1545) прижигать каленым железом или заливать кипящими смолистыми веществами, что вело к невыразимым мучениям раненых.

«Хирурги взяли своей эмблемой изображение тазовых костей человека желтого цвета. А с XIII в. все чаще эмблемой хирургов становятся различные хирургические инструменты, например, скальпель»¹.

¹ Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. — М.: Медицина, 1990. — С.155.

Вправление руки хроника 1478 г.
Музей замка Котнов, г. Табор,
Чехия. Фото А.А. Опарина

— **Вторая категория, это так называемые короткопальные хирурги** (*chirurgiens de robe courte*), или именовавшиеся еще цирюльниками, в ведении которых было удаление зубов и кровопускание, а также лечение переломов, вывихов, ран и «открытых повреждений»¹. Также особенно в маленьких местечках на их обязанности лежала экспертиза повреждений, проказы. Наблюдение за публичными домами, главным же образом лечение «зачумленных больных». При университетах они выполняли должности прозекторов»². При этом, «ре-

кламной эмблемой цирюльников в Европе поначалу были изображения ножниц (русское название «фельдшер» произошло от немецкого слова, обозначающего «полевые ножницы») и гребней, а с XII в. — тазовых костей человека, белого цвета. Цирюльники красили свои лавки в синий цвет. В 1406 г. король Чехии Вацлав IV дал льготную гарантию цеху банщиков и цирюльников и утвердил их герб, по краям которого был изображен бинт, а в центре — попугай, являвшийся символом болтливости»³.

Главой цирюльников был королевский брадобрей⁴.

— **Третья категория, это банщики** (*barbiers*), которые занимались преимущественно удалением мозолей⁵. Малой хирургией они могли заниматься только на дому⁶.

— **Четвертая категория, это палачи.** Они оказывали помощь лицам, подвергающимся пыткам, вправляли вывихнутые члены, накладывали повязки на изуродованные части тела⁷. Они также следили, чтобы пытаемый не умер во время пытки, принимали участие с инквизиторами в разработке орудий пытки,

¹ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 184.

² Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 184.

³ Грибанов. Указ. соч., с. 155.

⁴ Грибанов. Указ. соч., с. 151.

⁵ История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 140.

⁶ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 184.

⁷ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 184.

расчете длительности применения того или иного истязания, а также приготовлении изувеченного к казни, чтобы он не умер раньше исполнения приговора.

Весьма интересные высказывания о хирургии и об отношении к хирургам в Средние века оставил один из немногих видных хирургов Средневековья Анри де Мондевиль в своем «Трактате о хирургии», написанном им в 1306—1320 гг. «Хирурги, о которых нельзя сказать, что они бережно относятся к больному, считают опасным проявлять сострадание к своему пациенту и не предпринимают попыток уменьшить или вовсе устранить боль во время перевязки в тех случаях, когда это можно сделать. Все авторы по медицине и хирургии, все «Практики» и лечащие врачи, оперирующие по правилам, рекомендуют, делая перевязки, по возможности меньше травмировать больного. Между тем все безграмотные простолюдины имеют другое мнение: они не доверяют хирургам, которые оперируют с осторожностью, и называют их малодушными, слабыми и неопытными. Хирургов же, которые грубо и немилосердно лечат и перевязывают больных, даже когда этого не требуется, и которые сочувствуют им не более, чем собакам... сегодня почитают как... опытных и решительных»¹.

Одновременно с этим Мондевиль, говоря о мастерстве хирурга и значении его труда, отмечает: «Хороший хирург должен обладать пронизательным умом и великолепным естественным талантом, и особенно крепкими и ловкими членами, чтобы мужественно исполнять все движения души. Механические же работы, такие как мастерство портного, заключаются просто в расчетливых движениях, так что ими могут овладеть немой, глухой, хромой — люди неполноценные... Итак, хирурги, если вы добросовестно оперировали у богатых людей ради надлежащей платы, а у бедных — из милосердия... то вам не нужно... совершать паломничества и делать нечто в этом роде, ибо благодаря вашему умению вы можете спасти свою душу... и возликовать, ибо велика ваша награда на небесах»².

Одновременно с этим, с глубоким сожалением Мондевиль пишет, что «я не вижу среди моих современников ни одного хирурга, который был бы расположен к образованию. Среди них очень немногие образованны, они или некомпетентны, или предаются наживе, не желая отказаться и от пятой части своего обычного

¹ Анри де Мондевиль. Трактат о хирургии // цит. по История медицины. Учебное пособие в 3 книгах. Книга третья. Хрестоматия. — М.: Гэотар-Медиа, 2017. — Кн. 3, с. 176.

² Там же. — Кн. 3, с. 176.

дохода для того, чтобы составить труд, полезный для всех»¹. И в этом же труде, несмотря на многие верные оценки, мы видим те пути суеверий, в которые была погружена средневековая хирургия и под властью которых находились даже такие на тот период видные умы, как Мондевиль. «Помимо всех этих искусственных очищающих средств, существует еще одно эмпирически испытанное, которое очищает ото всех ядовитых веществ после надлежащего очищения тела, это — мясо змеи. Если больной принимает его как подобает... оно совершенно и полностью излечит... Положение звезд, находящихся в постоянном движении, может быть причиной разного действия лекарств»².

О плачевном положении хирургии в Средние века пишет и великий ученый эпохи Возрождения Андреас Везалий. «После готского опустошения, когда пришли в упадок все науки, до тех пор процветавшие и развивавшиеся, как подобало, — даже наиболее одаренные из медиков, сначала в Италии, а потом и в других странах, стали, подобно древним римлянам, гнушаться оперированием и начали поручать слугам то, что им полагалось сделать для больных собственноручно, а сами, подобно архитекторам, лишь присутствовали при их работе. Затем постепенно и прочие стали избегать беспокойств, связанных с подлинной медициной, и хотя и не уменьшали своего корыстолюбия и горделивости, но, по сравнению со старыми медиками, быстро выродились, ибо предоставляли наблюдение за режимом больных и даже приготовление диетической пищи для них сторожам, составление лекарств — аптекарям, а оперирование — цирюльникам. С течением времени лечебное дело разложилось таким жалким образом, что врачи, присваивая себе звание физиков, оставили за собой только назначение лекарств и диеты при недугах особого порядка, предоставляя остальное врачевание тем, кого называли «хирургами» и считали чуть ли не прислугой. Врачи, к стыду своему, отстранили от себя то, что представляет древнейшую и наиболее важную отрасль медицины и более, чем что-либо другое, зиждется на наблюдении природы. Этим делом в Индии и посейчас занимаются цари, а персы, подобно роду Асклепиадов, передают его по наследству своим детям; эту отрасль медицины в высокой степени чтити фракийцы и многие другие народы. Врачи же пренебрегали этой отраслью своего искусства, которую вдобавок

¹ Анри де Мондевиль. Трактат о хирургии // цит. по История медицины. Учебное пособие в 3 книгах. Книга третья. Хрестоматия. — М.: Гэотар-Медиа, 2017. — Кн. 3, с. 176-177.

² Там же. — Кн. 3, с. 177.

Алхимик в лаборатории, гравюра
XV века

Альберт Великий, собирающий
лекарственные растения. Книга Одо
Менского О свойствах трав, Милан,
1495 г.

Алхимическая лаборатория, где извлекают серу из ее соединений
с металлами. Гравюра из книги Г. Агриколы

В алхимической лаборатории. Экспозиция музея истории медицины им. П. Страдыня, Рига. Фото А.А. Опарина

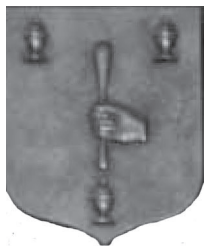
В средневековой аптеке. Музей истории медицины им. П. Страдыня, Рига. Фото А.А. Опарина

Выращивание и изготовление лекарственных средств. Гравюра из книги
А. Лонисера Гербарий, Франкфурт-на -Майне, 1557 г.

Приготовление териака. Музей истории медицины им. П. Страдыня, Рига.
Фото А.А. Опарина

Гербы средневековых аптекарских цехов.
Музей истории медицины им. П. Страдыня, Рига. Фото А.А. Опарина

Приготовление териака. гравюра на дереве. Рисунок из книги Иеронима Бруншвига. Страсбург, 1512 г.

В средневековой аптеке.
Таллинская аптека-музей. Фото
А.А. Опарина

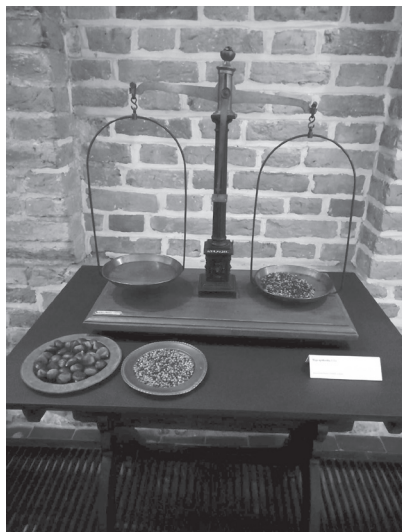
Средневековая аптека, латинская рукопись XV века

Средневековая книга по травам. Музей Истории Медицины. Фромборк, Польша. Фото А.А. Опарина

Средневековая аптечная палатка на рыночной площади. Музей истории медицины им. П. Страдыня, Рига. Фото А.А. Опарина

Средневековые аптечные весы.
Музей Истории медицины.
Фромборк, Польша.
Фото А.А. Опарина

Фрагмент экспозиции музея
Истории медицины в бывшем
костеле Св. Духа. Фромборк,
Польша. Фото А.А. Опарина

Старейшая аптека Европы. Таллин. Фото А.А. Опарина

Ступки средневековых аптекарей.
Музей Николая Коперника.
Фромборк, Польша.
Фото А.А. Опарина

Средневековый сундук для хранения
трав. Таллинская аптека-музей.
Фото А.А. Опарина

многие народы некогда и совсем изгоняли из государства как якобы придуманную для соблазна и гибели людей; она будто бы без помощи Природы ничем не в состоянии помочь, а, наоборот, в своих потугах выяснить болезнь лишь попирает усилия Природы превозмочь недуг и отвлекает медицину от ее прямых целей»¹.

При этом история Средних веков полна свидетельствами о нескончаемых противостояниях и судебных разбирательствах между не только врачами и хирургами, но и различными категориями хирургов между собой, обусловленных материальными интересами².

Интересно, что только в 1731 году, несмотря на отчаянное сопротивление медицинского факультета Парижского университета, королевским указом была открыта первая хирургическая академия³.

Похожая ситуация отмечалась и в отношении акушерства. В период Средневековья родовспоможением занимались бабки-повитухи⁴. Первая акушерская школа была открыта в Париже только в 1720 году.

Таким образом, развитие хирургии, как науки, начинается с эпохи Великой Реформации, которая и поставила хирургию в один ряд с другими медицинскими науками.

¹ Везалий А. О строении человеческого тела. В 7 кн. — М.: Изд.- во АН СССР, 1950. — Т.1, с. 8—9].

² История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 140.

³ Сорокина Т.С. История медицины. Указ. соч., т. 1, с. 196.

⁴ Грибанов. Указ. соч., с. 140.

Глава 5

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АПТЕКА

Примечательно, что сами аптеки появились в Европе значительно позднее, чем в арабских странах. Так, первая аптека в Европе открылась в Риме в 1016 г, затем в Монте-Кассино в 1022 г., Венеции в 1172 г., во Франции в 1178 году и в Англии в 1180 году, в Вормсе в 1248 г., Вюрцбурге в 1276 г., Аугсбурге в 1285 г.¹ Тогда, как, к примеру, в Арабском халифате первая аптека появилась уже в 754 году в Багдаде. Аптеки в испанских городах Толедо и Кордова появились в XI веке, но тогда эти земли принадлежали арабам и потому их открытие также принадлежит всецело заслугам арабской медицины.

Первоначально средневековый западноевропейский врач был одновременно и аптекарем, о чем свидетельствуют ряд средневековых трактатов и, в частности, трактат по медицине, относящемся к концу XII — началу XIII в.в., хранящийся сегодня в Тринити Колледже в Кембридже под номером 0.1.20, в рисунках к которому показано, как врач, имея целый запас лекарственных трав, отмеряет их, в то время, как его помощник перетирает их и разделяет на дозы².

Вскоре в XIII—XIV вв. происходит разделение профессии врача и фармацевта.

«В средневековой Европе аптекари отдельно от врачей и хирургов создавали цехи. Причем сначала они объединялись с бакалейщиками. Вероятнее всего, это было связано с тем, что и те и другие торговали своим товаром. Но с течением времени аптекари отделились от бакалейщиков в самостоятельные цехи. В Англии, например, это произошло в 1617 г., когда лондонские аптекари выделились из общей с бакалейщиками гильдии»³.

Заметим, что это разделение происходит уже после победы Реформации.

В 1224 году император Священной Римской империи германской нации Фридрих Второй издает декрет, регламентирующий права и обязанности врачей и фармацевтов, не потерявший, кста-

¹ Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. — М.: Медицина, 1981. — С. 63; Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1-2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 594.

² Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 175.

³ Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. — М.: Медицина, 1990. — С. 166.

ти, актуальности и для нашего времени. Согласно этому указу, в частности:

- фармацевтам запрещалось заниматься врачебной деятельностью;
- врачи не могли владеть аптеками либо участвовать в их деятельности;
- цены на лекарства во избежание искусственного взвинчивания цен устанавливались государством;
- вводилось так же понятие ревизии аптек;
- регламентировались правила хранения и отпуска ядов¹;
- было введено испытание аптекарей на знание ими своего дела;
- вводилась аптекарская касса;
- надзор за аптеками возлагался на врачей².

В 1454 г. в Констанце впервые было сделано распоряжение о запрещении врачам отпускать лекарства³.

С XV века была установлена аптечная монополия, и разрешение на открытие аптек давалось только при условии исключения конкуренции⁴. Первоначально врачи, назначая пациенту то или иное лекарство, сами отправлялись в аптеку и сообщали аптекарю, что и как необходимо приготовить. И только в XVI в., когда была преодолена дороговизна бумаги, вошло в употребление использование рецептов⁵.

Средневековые аптеки продавали не только лекарства, но и сладости, духи, пряности. Сами лекарства хранились на складах гильдии продавцов перца⁶. Старейшей аптекой Европы, работающей по сей день без перерыва с 1422 года является, в частности, Таллинская аптека, расположенная на Ратушной площади. При этом, рецепты лекарственных снадобий, изготавливаемые средневековыми аптекарями, поражали широчайшей палитрой самых необыкновенных ингредиентов, что было обусловлено подходом к лечению заболеваний, которые господствовали в то время.

¹ Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. — М.: Медицина, 1981. — С. 63.

² Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1-2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 593.

³ Там же. — С. 594.

⁴ Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. — М.: Медицина, 1981. — С. 63.

⁵ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1-2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 594.

⁶ Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — СПб.: Евразия, 2002. — С. 283.

Часть II

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

При изучении лечения различных заболеваний принятых в разные эпохи и у разных народов, особый пример являет эпоха западноевропейского Средневековья, в которую, казалось, были собраны самые немыслимые, диковинные и откровенно вопиюще антинаучные подходы к лечению тех или иных заболеваний. И это, несмотря на богатейшее наследие, которое оставляет Средним векам античная эпоха, достижения которой были не только не развиты, но грубейшим образом попорчены в Средневековье. Обращает на себя внимание и удивительный, на первый взгляд, застой в этих, если можно сказать, методах лечения, принципиально не меняющийся на протяжении всего Средневековья с 476 года — год падения Западной Римской империи по 1517 год — года начала Великой Реформации. Причем на всех этих методах лечения, вне зависимости от их вида, лежит глубочайшая печать средневекового мировоззрения, без анализа которого невозможно понять как само появление этих методов лечения, так и их незыблемость на протяжении тысячи лет. Поэтому целью нашей работы стало изучение и обзор не только методов лечения, принятых в эпоху Средних веков, но и причин, породивших их.

Глава 1

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. СВЯТЫЕ И РЕЛИКВИИ

Накопленный на сегодняшний день богатейший фактический материал позволяет нам выделить основные, если так можно сказать, методы лечения, применяемые в средневековой медицине.

— **Поклонение «нужным» святым.** В Средние века была устойчивая вера в то, что каждый святой может помочь строго от заболевания того или иного органа, и уже к XIII веку была регламентирована «специализация» святых¹.

Так, к св. Агапию прибегали при заболеваниях зубов, но он не мог помочь, если человек страдал, к примеру, рахитом. Здесь нужна была уже помощь св. Обена. А вот при различных коликах надо было обратиться к св. Герману Оссерскому. Порой при не-

¹ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 167.

которых заболеваниях могли помочь сразу несколько, а то и несколько десятков святых. Так, от бешенства существовало 16 святых-заступников, от чумы — 60, от лихорадки — 128¹. При этом существовали «универсальные» святые, которые могли помочь при многих заболеваниях. Так, св. Леонард был патроном 42 заболеваний. В случае неясности диагноза призывали деву Марию. При этом необходимо было положить изображение больной части тела за икону того или иного святого и исцеление было гарантировано.

При этом многие болезни получали свое название от имени того или иного святого. Так, гангрена — именовалась «Антонов огонь», эпилепсия — «болезнь святого Валентина», хорея — «Пляска святого Витта», проказа — «болезнь святого Иова».

Понятно, что этими изображениями очень широко торговали храмы и монастыри, получая баснословную прибыль. Особенно богатели монастыри, которые имели вещи, принадлежащие якобы тому или иному святому, или его мощи. При этом людям внушалось, что для исцеления надо просто прикоснуться к мощам «эффективного» при данном заболевании святого или даже соскрести каменную крошку с его надгробия и съесть ее.

Было также принято оставлять жертвенные дары — votives преимущественно в виде изображения больных частей тела. При этом эти изображения могли приноситься, как до исцеления в качестве прошения, так и после, как благодарность за полученное исцеление². Также в благодарность за исцеления церквам и монастырям дарили: крупный и мелкий скот, домашнего птицу, одежду, деньги, золотые и серебряные слитки.

Параллельно с этим были разработаны специальные молитвы, которые читал священник при том или ином заболевании, каждое слово которых имело свой особый магический смысл. Конечно же, за каждую из прочитанных им таких молитв платилось особо.

При этом церковные проповедники и, в первую очередь, доминиканцы и францисканцы в своих проповедях-примерах четко учили тому, что проявление непочтения к святому и недостаточные ему приношения и поклонение может быть весьма чреватым для человека, причем со стороны самого святого. «Святым, Христу и Богородице в контексте жанра „примеров“ приписываются качества, которых от них, казалось бы, трудно было ожидать. Им

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 338.

² Там же. — С. 355.

не чужды, конечно, милосердие и любовь, но само собою разумеющееся наличие христианских добродетелей не лишает их обидчивости, злопамятности, мстительности, гневливости. Они ведут строгий счет услугам, которые им оказывают их поклонники. Мало того, они способны к весьма резким жестам, нередко драчливы, бьют и даже убивают своих обидчиков или непокорных. Распятый, сойдя с алтаря, ударил в челюсть спящего по своему обыкновению монаха, которому надлежало бодрствовать вместе с братьями на ночной молитве, и на третий день монах скончался. Металлическое распятие, которому звонарь кёльнской церкви св. Георгия Мученика не оказывал почтения, однажды ночью явилось ему и с бранью побило, так что звонарь харкал кровью на протяжении многих дней. О сем чудесном событии стало известно всему городу, и с того времени этот крест был в еще большем почете, нежели прежде. Господь, якобы в „примерах“ распространяет свою месть не только на виновного, но и на его родственников и близких людей. Так случилось со знатной вдовой, которая вступила в недозволенную связь со своим адвокатом. Ей якобы явился Христос, угрожающий умертвить ее родственницу, коль она не покается, и родственница эта скончалась...Святые ревностно следят за тем, чтобы их права и прерогативы не нарушались верующими. Особенно болезненно реагируют они на нарушения посвященных им праздников. Святой Лаврентий часто сурово наказывал тех, кто в его день не воздерживался от трудовых занятий. Один человек в тот день возил с поля сжатый хлеб, и внезапно с неба павший огонь спалил весь хлеб, сжег волов, запряженных в телегу, а животные, которые бросились в воду, утонули. Этот святой претерпел муки от огня, вот он огнем и карает своих обидчиков...Иоанн Креститель, которому не кланялся его тезка — боннский каноник, не снес обиды и не только попрекнул его в видении, но и так пнул оскорбителя в живот, что тот пробудился от ужаса и боли, а затем захворал и умер.

В Кёльнском соборе обнаружили останки двух из погребенных там одиннадцати тысяч дев и положили их в раку. До поры их мощи были в большом почете, но затем в стране начались внутренние междоусобицы, и святые оказались в небрежении. Весьма разгневанные, они громко стучали в стенку раки, так что все могли их услышать, и грозили духовному лицу, которому явились во сне, что покинут это место. И действительно, однажды ночью, поклонившись алтарю, аббату и монахам, обе девы удалились, и попытки вернуть их были безуспешны. Народные святые легко подвержены приступам гнева, проявляют подозрительность и ревность, мстительны и воинственны.

Если к этому присоединить еще свидетельства того, что в моменты социальных и иных невзгод верующие прибегали к „принуждению“ святых, намеренно лишая их почитания, угрожая им и даже подвергая побоям и поношению мощи, для того, чтобы побудить их вмешаться и оказать людям нужную помощь, на которую они, по их убеждению, имели право, то картина своеобразных взаимоотношений между прихожанами и их небесными патронами будет вырисовываться с еще большей отчетливостью... Больной конверс пригрозил Христу, что если Он не избавит его от болезни, то пожалуется Его Матери, и Христос внял его словам»¹.

— **Пыль с гробницы святого.** Одним из наиболее чудодейственных методов лечения, распространенных в Средние века, было применение пыли с гробницы святого, которую бережно собирали во время паломничеств².

— **Реликвии.** С культом святых весьма тесно было связано поклонение реликвиям и прибегание к ним в основном в случаях различных заболеваний. Сами реликвии некоторыми историками делятся на три большие группы³.

Первую составляли реликвии, якобы имеющие отношение к Библии и раннеапостольской церкви, это были главнейшие реликвии средневековой папской церкви.

Вторую составляли реликвии, представляющие собой останки основателей данных монастырей, а третья — представляла собой останки местных современных святых. Начиная с того момента, как христианство стало государственной религией Римской империи, стало общепринятым, чтобы священные останки поднимать из земли и выставлять на обозрение в роскошных саркофагах. При этом более мелкие реликвии, типа зубов, ногтей, волос святых помещали в специальный реликварий, имевший прозрачную капсулу, который выставлялся на высокой ножке для публичного обозрения. При этом реликвиями считались не только сами останки того или иного святого, но и все, что с ним было связано.

«Магический закон контакта наделял целительной силой все, что хотя бы как-то соприкасалось со святым: земля с могилы, пыль с надгробия или соскобленная тайком каменная крошка (следы соскобов, оставленных многими поколениями жаждущих

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 28-28, 30, 32, 33.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 187.

³ Там же. — С. 322.

исцеления, можно видеть в некоторых местах и по сей день), кусочки оплывшего воска с горящих у гробницы свечей (обычно из такого воска изготавливали исцеляющие амулеты), капли влаги, осевшие на холодных стенах крипты... могильную землю, пыль, каменную крошку носили с собой в мешочке, как амулет, разводили в воде или в вине и пили»¹.

К примеру, землей с могилы св. Альдегунды лечили головную боль, а каменной крошкой от гробницы св. Виборады лечили болезни глаз². Посохом св. Фурсея исцеляли одержимых, а из чаши св. Ульриха пили при бешенстве.

Для получения исцеления было принято обходить гробницу по кругу трижды, гладить могильные камни, а если это позволяла возможность и было разрешено, то больного клали на саркофаг святого или подсовывали руку под саркофаг и потом терли ей больные места тела³.

Примечательно, что в жажде исцеления паломники нередко похищали реликвии⁴.

Борьба за обладание многими мощами вошла в историю, примером чего могут служить мощи французского короля Людовика IX Святого, которого церковь возвела вскоре после его кончины в ранг святых. «При жизни Людовик Святой исцелял возложением рук только золотушных. Теперь же следовало, что, прикоснувшись к этим мощам, можно было избавиться от всех болезней. Его сила стала не просто целительной, но именно чудотворной. И влияние Сен-Дени еще более возросло, ибо он превратился в место этого обновленного, значительного, увековеченного королевского чуда. Но Филипп Красивый собрался конфисковать эти славные мощи в пользу короля и частной королевской часовни. Французская монархия, вступая на путь к абсолютизму, собиралась лишить народ благотворной силы мощей Людовика Святого. Папа Бонифаций VIII, всегда стремившийся сохранять добрые отношения с французским королем, разрешил ему приступить к переносу мощей, оговорив при этом, что плечевая или берцовая кость будет храниться у монахов Сен-Дени. Однако последние воспротивились этому. Филиппу Красивому пришлось на время оставить свою затею. Впрочем, ненадолго. Конфликт с Бонифацием VIII сменился мирными отношениями короля Франции с но-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 350.

² Там же. — С. 351.

³ Там же. — С. 349.

⁴ Там же. — С. 158.

вым Папой Климентом V, французом Берtrandом де Го. Во время интронизации Папы в Лионе в ноябре 1305 года Филипп Красивый, прибывший на церемонию, получил от Климента V согласие на перенос в Сент-Шапель головы Людовика Святого при условии, что монахам Сен-Дени останутся подбородок, зубы и нижняя челюсть. Возможно, сердце тоже было передано в Сент-Шапель»¹.

«Народное христианство» или «приходский католицизм» представляли собой восприятие элементов церковного учения сознанием, питавшимся вместе с тем и собственными идеями и образами, автономными по отношению к христианству. Но и сама средневековая церковь, с опаской и подозрением относившаяся к обычаям, верованиям и религиозной практике простонародья, не была закрыта для их влияния, отчасти приноравливаясь к потребностям паствы, которую она была призвана воспитывать. Примеры: санкционирование церковью культа святых в его народной интерпретации; принятие папством учения о чистилище, образ которого задолго до того уже существовал — в смутной, непроясненной логической форме — в народном сознании»².

«Кульτ святых реликвий занимал особенно важное место в народной религиозности Средневековья. Боккаччо откровенно потешался над ним, рассказывая, как брат Чиполла, пообещавший крестьянам показать перо ангела Гавриила, открыл сундук и, к своему великому изумлению, не обнаружил там ничего, кроме угля, подложенного проказниками-ребятами вместо пера. Однако этот находчивый человек сумел выпутаться, заявив, что в сундуке лежит именно тот уголь, который разжигали, подвергая мучениям святого Лаврентия (Декамерон, VI, 10). Количество святых реликвий было огромно, а их подлинность зачастую сомнительна. Вполне серьезно показывали флакон с молоком Девы Марии, прядь волос Магдалины, посох святого Иосифа (будто бы исцелявший паралитиков). «Простые люди верили, что реликвии обладают подлинно чудесными свойствами, поскольку в них живет святая и божественная сила Христа, Девы Марии и просиявших на земле святых»³.

¹ Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. — М.: Ладомир, 2001. — С. 238.

² Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 343.

³ Антонетти. Указ. соч., с. 208.

Глава 2

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. ОБЕРЕГИ И АМУЛЕТЫ

Вторым направлением лечения, которое пользовалось в Средневековье, было широчайшее использование различных амулетов и оберегов, в которые помещали частички святых, крупинки святой земли, молитвы к святым¹.

Понять и объяснить необыкновенное распространение амулетов и талисманов в Средние века мы можем только, если вспомним, что все Средневековье было пропитано верой в символы. «В средневековой мысли каждый материальный предмет рассматривался, как изображение чего-то соответствовавшего в сфере более высокого и, таким образом, становившегося его символом. Символизм был универсален, мыслить означало открывать скрытые значения, непрерывно священнодействовать. Можно сказать, что приворотные зелья, амулеты, магические заклинания, столь широко распространенные и так хорошо продававшиеся, были не более, чем грубым проявлением все тех же верований и обычаев. А мощи, таинства и молитвы были для массы их раскрашенными эквивалентами. И там, и тут речь шла о поиске ключей от дверей в скрытый мир»².

«Заключенные в специальные капсулы или мешочки, реликвии святых — клочки савана или одежды, земля с могил или пыль с надгробий подвешивалась на шею или привязывались, подобно языческим амулетам, — к поясу, к руке, к ноге. Карл Великий носил на шее как талисман сосудик из горного хрусталя с заключенными туда волосами девы Марии»³.

«Воины носили реликвии под шлемом или подшивали к одежде, чтобы уберечься от ран, заключали в рукоятке меча, чтобы обеспечить себе победу в поединке»⁴.

Отсюда, кстати, и пошел обычай целовать оружие. Именно телесный контакт с реликвией, как классический магический закон контакта, считался базовым для получения исцеления⁵. Для

¹ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 167.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 307-308.

³ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 250.

⁴ Там же. — С. 250.

⁵ Там же. — С. 250.

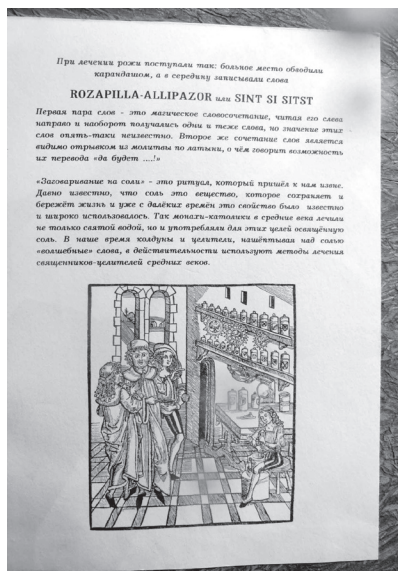
профилактики заболевания и вообще в качестве общего оберега необходимым считалось ношение нательного крестика.

«Из языческих магических представлений в догматику средневековой Церкви вошло учение о чудотворной силе предметов, которые изображали больные части тела и которые приносили Богу как вотив (от лат. *votum* — обет). При этом верующему внушалось, что исцеление заболевших частей тела или внутренних органов больного может произойти только в том случае, если фигуру человека или изображение сердца, ноги, руки и т.д., посвященных Богу, повесить в церкви у изображения соответствующего святого или получить разрешение возложить их на церковный алтарь».

С помощью своеобразных оберегов проверялась и подаваемая пища на предмет наличия в ней яда. «Поблизости от хозяйского места ставился невысокий шкафчик, в котором хранились магические предметы, предназначенные для того, чтобы проверять доброкачественность подаваемых блюд: рог единорога (на самом деле нарвала), окованный золотом, и так называемый лангье — подставка для драгоценных металлов, с помещенными на ней „змеиными зубами« (видимо, это были зубы акулы). Считалось, что при соприкосновении с мельчайшими долями отравы рог единорога начнет кровоточить, как и змеиные зубы. Вот почему, прежде чем приступить к еде, хозяин прикасался магическими предметами к подаваемой пище»¹.

«Некоторое представление о медицинской практике XVI в. можно получить, узнав о методах лечения всего одной болезни — эпилепсии, которая до сих пор ставит немало вопросов перед современными учеными. Для предотвращения приступов больным предписывалось носить кольца, сделанные из различных материалов. Например, кольцо, изготовленное из трех гвоздей, каковыми заколачивали гроб, или из серебряных монет, взятых у пяти холостяков, и выплавленное ювелиром-холостяком, что считалось особенно эффективным. Также рекомендовалось копыто лося, однако многое зависело от того, каким образом было добыто это копыто, поскольку целебная сила содержится лишь в одной из четырех ног животного. Животное сбивали с ног и смотрели, как оно встанет и какую ногу поднимет первой, чтобы почесать ухо. Эту ногу тотчас отсекали саблей, и копыто с нее использовали в качестве лекарства.

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 69.

Средневековый метод лечения
рожи. Аптека -музей. Таллин,
Эстония. Фото А.А. Опарина

Алхимический аппарат. Музей
алхимии. Прага, Чехия.
Фото А.А. Опарина

Также хорошим средством от падучей болезни, как называли эпилепсию, была молодая лесная поросль. В октябре, незадолго до полнолуния, следовало сломать ветку молодого деревца, найти на ней участок меж двух сучьев и разрезать его на девять частей, затем завернуть кусочки в льняную ткань и повесить на шею таким образом, чтобы оберег находился «точно над ложкой сердца или мечевидным хрящом грудины». Оберег следовало подвесить на шелковой нити и носить до тех пор, пока нить сама не порвется, после этого кусочки дерева следовало взять, не касаясь их руками, либо ножницами, либо пинцетом, и закопать в секретном месте.

Другой амулет для предотвращения эпилептических припадков содержал в себе обращение к трем волхвам, которые явились с востока, чтобы поклониться младенцу Иисусу в Вифлееме.

«Мирру благовую принес мудрый Каспар, а Мельхиор — ладан, Злато принес Балъгазар для Царя присносущих Царей, Кто призовет имена сих монархов святых со смиренъем, Примет от эпилепсии изгон благодатью святой».

В качестве медицинских средств от этой болезни было принято использовать всякие отвратительные зелья; рецепт одного

из них говорит сам за себя: «Прокаливайте купорос (витриол) до тех пор, пока он не пожелтеет, добавьте большой палец дерябы, лепестки пиона, копыто лося, затем измельченную в пыль кость преступника; выпаривайте субстанцию, пока не получите сухой остаток, профильтруйте дистиллят через бобровый мех и прибавьте слоновых вишей, затем смешайте с солью пиона, вином, вытяжкой из жемчуга и кораллов, анисовым и миндальным маслом, после чего выдерживайте на водяной бане в течение одного месяца»¹.

«На раны, переломы, опухоли «мудрые женщины» накладывали специальные магические повязки с нанесенными на них магическими знаками и произносили над ними заклинания; больному повязывали специальный пояс, также обладающий целительной силой, благодаря написанным на нем заклинаниям, рунам или потому, что он был принесен из какого-нибудь святилища»².

Весьма популярны были и ладанки с различными заклинаниями, которые вешались на шею или прикладывались к больным частям тела³.

История нам сохранила конкретные рецепты изготовления амулетов, практиковавшиеся в то время. «Возьми хвост и голову дракона, шерсть, растущую на лбу льва, и немного его костного мозга, пену с губ лошади, которая только что победила в скачках, а также когти собаки, заверни всё это в кусок красной оленьей кожи и перевяжи сухожилиями взрослого оленя-самца старше пяти лет, а также сухожилиями олененка, причем разные сухожилия должны быть направлены в противоположные стороны. Всегда носи это при себе, и оно дарует тебе победу»⁴.

Уделялось внимание также форме амулета, материалу, из которого он был изготовлен, его цвету и нанесенным на нем знакам и символам⁵. Население средневековой Европы продолжало носить на протяжении практически всего Средневековья, как откровенно языческие амулеты, так и христианизированные языческие амулеты.

¹ Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 138—140.

² Mittler M. *Libellus de Translatione Sancti Annonis Archiepiscopi et miracula Sancti Annonis*. — Siegburg, 1966-1968. — Lib.2, cap. 61.

³ Boudriot W. *Die altgermanische Religion in der amtlichen kirchlichen Literatur des Abendlandes vom 5 bis 11. Jahrhundert*. — Bonn, 1928. — S. 66.

⁴ Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 224.

⁵ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 268—269.

— **Красная нить.** Больные части тела обматывались шелковой или шерстяной нитью красного цвета¹, которая символизировала собой кровь. Как видим, этот оберег дошел и до нашего времени и является одним из наиболее популярных, причем, в среде молодежи.

Глава 3

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. ПРЕДМЕТЫ ЦЕРКОВНОГО КУЛЬТА

Одними из наиболее распространенных средств лечения, которые использовали жители средневековой Европы, были предметы, используемые в обрядах средневековой церкви. «Вера прихожан в силу церковных ритуалов и предметов выражалась в поступках, свидетельствующих о том, что месса, церковная утварь, святые таинства понимались ими как своеобразное магическое средство: более того, подобно любому магическому средству, средство амбивалентное, пригодное и для добрых дел, и для нанесения вреда. Во время мессы, например, за алтарь или под него тайком ставили восковые фигурки людей, чтобы затем «наговорить» с их помощью кому-нибудь болезнь или смерть. Помимо «наговора» эти фигурки еще пронзали иголками или топили в воде; топили также и «наговоренные» серебряные монетки, считалось, что после этого жертва заболеет и умрет в мучениях... Болезнь и смерть могли вызвать, по общему мнению, также заупокойные молитвы и мессы по живым людям»². Более того, даже в поведении священника, как священной фигуры в глазах народа, читался прогноз того или иного заболевания. Так, если дым от кадиланицы священника, пришедшего к больному поднимался вверх, то верили, что больной выживет, а если стелился понизу, то это было знаком близкой смерти больного. «Если лошадь священника, направляющегося навестить больного, идет, понурия голову, или если священник явился в дом больного без приглашения, считали, что такой больной уже не жилец на этом свете»³.

Особую целительную силу придавали символам хлеба (гостии), символизирующим на Причастии тело Христа, и которые

¹ Harmering D. Frankische Mirakelbücher. Quellen und Untersuchungen zur historischen Volkskunde und Geschichte der Frömmigkeit //Wuryburger Diocesangeschichtsblätter (28), 1966. — S. 117.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 77.

³ Там же. — С. 216.

во время причастия якобы превращались в реальную плоть Христа. Так, это небиблейское учение средневековой папской церкви породило целый ряд суеверий, прочно вошедших не только в сознание простых людей, но и священников. «Все, что имело отношение к таинству евхаристии и соприкасалось с «плотью и кровью» Христа: вино и облатка, пальцы священника, которые непосредственно касались святых даров, вода, которой он омывал руки после свершения таинств, дароносица, чаша для причастия — наделялось в народных представлениях магической силой, в первую очередь — целительной»¹. Так, к примеру, гостия считалась сильным средством против глистов. Верили также, что если заглянуть в чашу для причастия, то можно получить исцеление от желтухи. Так же верили, что «зашитая в платье, облатка могла уберечь от стрел и ударов в бою, приносила деньги и добро в дом, зарытая в огороде — плодородие, спрятанная в хлеву — здоровье и плодovitость скота, ее также клали умершему на грудь, чтобы и на «том свете» она «помогла» ему. Облатку воспринимали и как средство для прерывания беременности². Все это приводило к тому, что пришедшие на Причастие средневековые христиане тайно забирали с собой гостию, чтобы потом использовать ее в различных целительных действиях. Поэтому во время исповеди духовники того времени задавали вопрос: «Не уносил ли ты куда-нибудь облатку»³?

Стоит также особо подчеркнуть, что пасхальные яйца, столь популярные в наши дни и историю появления которых, порой, пытаются вести чуть ли не с апостольских времен, на самом деле появляются много столетий после апостольского времени, а использование их в качестве целительного средства вообще относится не ранее XII в⁴.

«Ребенка лечили, вешая Евангелие ему на шею; Святое Писание возлагали на голову для исцеления от головной боли, и даже на половые органы — для избавления от похоти. Магическую силу придавали и мессе и евхаристии, верили, что молитвы действуют подобно заклинаниям, а молитва, прочитанная наоборот, вызывает зловередные последствия. В Лангедоке зафиксирована черная месса, которую кюре отправлял, стоя на голове, а дру-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 308-309.

² Там же. — С. 309.

³ Schmitt J.C. *Hidenspab und Hollenangst. Aberglaube im Mittelater.* — Frankfurt/Main, 1993. — С. 440.

⁴ Franz A. *Die kirchlichen Benediktijnen im Mittelalter.* Bd. 1-2. — Graz, 1960. — С. 315.

гой священник служил ее, повернувшись лицом к пастве, то есть спиной к алтарю. Духовенство сетовало на то, что люди из простого народа сплошь и рядом не имеют самого элементарного представления о христианском учении...английский проповедник возмущался тем, что некий мальчик не знал, сколько богов существует, не мог назвать лиц святой Троицы, не слышал о Христе, небесах и аде. Но столь же мало о подобных предметах знало и бесчисленное множество взрослых. Шестидесятилетний прихожанин, который всю жизнь посещал церковь и слушал проповеди священника, на смертном одре заявил ему, что Бог — это «добрый старик», а душа — не что иное, как «большая кость в теле».

Массы не знали основных молитв и десяти заповедей, а многие вообще даже не были крещены. Мы упоминали о множественности Богородиц в восприятии верующих, но точно так же существовало представление о множественности Христов — своеобразная форма политеизма¹!»

Глава 4

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. СВЯТАЯ ВОДА

Особой популярностью при исцелении в Средние века обладала святая вода. Здесь мы вновь видим пример того, как учение государственной церкви о том, что главное назначение святой воды — очищать душу от греха и приносить физическое исцеление привело к тому, что ей стали приписывать уникальные целительные свойства, причем даже помимо воли тех, кто ее употребляет². При этом даже считали, и это весьма примечательно, что у некоторых священников она получается более целительной³.

При этом, святой водой, обладающей целительными свойствами, обладала и вода, благословенная на литургии, и благословенная вода с солью, и вода благословенная приватно священниками на дому. Святой становилась и вода, в которую окунали те или иные реликвии, связанные с тем или иным святым. Более того, считалось, что каждый святой покровительствует той или иной воде, причем вода каждого святого помогала от конкретно

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 347—348.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 311.

³ Franz A. Die kirchlichen Benediktijnen im Mittelalter. Bd. 1-2. — Graz, 1960. — S. 108—109.

того или иного заболевания. Так, к примеру, вода св. Пирмина помогала при чуме, св. Стефана избавляла от призраков, св. Килиана исцеляла болезни глаз, св. Адельхайды избавляла от лихорадки, св. Власия — от болезней внутренних органов и т.д. В самом конце эпохи Средних веков и начале эпохи Нового времени особой популярностью стала пользоваться вода св. Игнатия — Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов. Производство этой воды было вообще поставлено на весьма широкую ногу и приносило церкви огромные доходы. Официальная церковь всячески поддерживала веру людей в целительную силу святой воды, выступая лишь против того, чтобы для придания большей целительной силы воде, смешивать святую воду, принесенную из трех, церквей или трех, освященных источников.

Особой популярностью пользовались источники, находящиеся, якобы под покровительством того или иного святого. Так, вода из 48 источников приносила молоко, кормящим матерям, вода из 22 источников исцеляла от лихорадки, болезни глаз исцеляла вода из 6 источников т.д.

Глава 5

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. ТРАВЯНЫЕ ЗЕЛЬЯ

Понятие фитотерапии, используемое сегодня, весьма мало походило на средневековое лечение травами. «В народной медицине, магической по своей природе и сути, лечение травами основывается не только на их «естественных» целебных свойствах. Многие растения из тех, что применяются в народной медицине и вообще в магии, на самом деле не имеют или почти не имеют целебного эффекта»¹. Дело в том, что в Средние века уделялось внимание не столько самой траве, как таковой, а тому, в какой языческий праздник (поскольку пришедшие им на смену христианские название нисколько не изменили ни сути, ни атрибутики праздника) она была собрана, в какое именно время дня и с какими именно заклинаниями. Над каждым из травяных сборов читалось особое заклинание².

«Сбор трав и приготовление снадобий из них издревле сопровождался определенным ритуалом, предназначенным или на-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 256.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 319.

делить их магической силой, или активизировать уже имеющуюся. Едва ли существовало в Средние века хотя бы одно дикорастущее целебное растение, которое не собирали бы в строго определенное время, например, при убывающей луне, или до восхода солнца, или «пока не высохла роса», чистыми и пустыми руками, или, напротив, имея в руках что-нибудь железное, избегая прикасаться руками к земле, молча ли, с заклинанием или какой-нибудь иной церемонией. Число стеблей собранных в пучок, так же не было произвольным: 3,79, 72»¹.

С утверждением христианства в качестве государственной религии, заклинания над травами постепенно лишь сменяются молитвами-благословениями. «Формирование разнообразных христианских ритуалов, направленных на «усиление» целебного свойства трав, непрерывно шло на протяжении всего Средневековья. Подобно большинству других форм «церковной магии», они включали в себя множество приемов, позаимствованных из народной практики и, соответственно, множество языческих символов. Так, для исцеления от эпилепсии касатик, пеон или руту связывали в 12 пучков и над каждым из них 9 раз (священное число в германской мифологии) читали «Отче наш». Подобно тому, как в дохристианскую эпоху травы собирали в определенные, обычно связанные с языческими празднествами дни, уже в высокое Средневековье их сбор приурочивали к христианским праздникам, прежде всего, ко дню Вознесения девы Марии, Иванову дню, праздникам св. Петра и Павла. В эти дни травы освящали в церкви. Процедура церковного благословения трав стала отчасти своеобразной заменой «языческих» магических действий над ними»².

При этом чудодейственными считались не только такие травы, но и пасхальные яйца, и блины, испеченные на масленицу. Примечательно, что, согласно воззрениям Средних веков, особой целительной силой обладала трава, собранная на кладбищах³. Многие травы называли именами тех или иных святых якобы особо покровительствующим им.

Так, зверобой стал травой св. Иоанна, чабрец — травой св. Марии и т.д.⁴.

Весьма широко использовало травы средневековое общество, как средство нанесения вреда. Об этом, в частности, весьма ярко

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 259.

² Там же. — С. 260—261.

³ Там же. — С. 243.

⁴ Там же. — С. 258.

свидетельствуют «многочисленные параграфы «покаянных книг», которые живописуют разнообразные приемы вредоносной магии, прежде всего, заклинания и магические обряды, совершаемые над травами»¹. Использовали, порой, и травы, обладающие контрацептивным или отравляющим действием.

Глава 6

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. КРОВЬ И МОЧА

В Средневековье верили, что особой чудодейственной силой обладает кровь, как животных, так... и человека². О ритуальных употреблении крови мы встречаем у многих древних народов, которые верили, что с кровью человеку передается сила того, чью кровь он употребляет. Примечательно, что спустя века после принятия христианства, кровь продолжали довольно широко употреблять в ритуальных целях, о чем, в частности, свидетельствуют церковные источники еще XI века³. «Научное» обоснование применения человеческой крови в качестве лекарственного средства осуществил скандально знаменитый врач, алхимик и оккультист Теофраст Парацельс, который считал, «что средства, содержащие человеческую плоть, способны лечить благодаря находящимся в них «энергиям» и «сущностям». Даже простое прикосновение мертвого тела считалось чудодейственным»⁴.

«Кровь считалась благороднейшей из всех жидкостей и даже удостоилась наименования — эликсир жизни. Итальянский философ XV века Марсилио Фичино считал, что кровь молодых способна вернуть жизненную силу пожилым. Поэтому следует «высосать, подобно пиявкам, одну-две унции крови из слегка рассеченной вены левой руки...». Но что делать, если питье крови внушает вам отвращение? На этот случай Фичино рекомендовал «сначала приготовить [кровь] с сахаром, либо же смешать ее с сахаром и слегка перегнуть над горячей водой, и лишь затем пить... Человеческую кровь не только пили. Ее также, высушив, растирали в порошок, смешивали с пищей и добавляли в мази, нюхали

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 73.

² Там же. — С. 227.

³ Schmitt J.C. Hidsenpab und Hollenangst. Aberglaube im Mittelater. — Frankfurt/Main, 1993. — S. 424, 429.

⁴ Канг Л., Педерсен Н. История шарлатанства. Краткий обзор худших способов лечения с древности до наших дней. — М: Livebook, 2019. — С. 270.

через ноздри. Итальянский врач Леонардо Фиораванти считал, что снадобья с кровью «так сильны, что буквально могут воскресить из мертвых» Кровь применяли для лечения кожных инфекций, лихорадок, а также для улучшения роста волос. В некоторых местностях в Европе из крови делали что-то вроде густого джема. Вот вам рецепт от францисканского аптекаря:

«1. Дайте крови свернуться в плотную липкую массу.

2. Нарезьте на тонкие куски и оставьте, пока не вытечет жидкость.

3. Нагрейте на огне, помешивая получившееся тесто с помощью ножа.

4. Процедите через сито из тончайшего шелка и запечатайте в стеклянной банке».

Следует ли потом намазывать джем на тосты или на булочки, в документе не сообщается. Однако уточняется, от кого именно следует брать кровь — от человека «краснолицего, рябого». А особенно высоко ценилась кровь рыжеволосых...¹

При этом, осуждаемое официальной церковью употребление крови одновременно подпитывалось ее учением о том, что якобы во время причастия вино превращается в реальную кровь Христа и обладает чудодейственными свойствами. Так, средневековая церковь, с одной стороны, осуждала языческие верования, а с другой сама перенимала их, облекая лишь в «христианские» одежды. Так же во многих средневековых житиях говорится о том, как кровь святых исцеляла раны. Так, к примеру, в «Сage о святом Олафе» говорится о том, что когда кровь св. Олафа попала на рану Торира, то рана быстро зажила. И потому в огромном проценте средневековых рецептов по исцелению того или иного заболевания в их состав входила кровь.

Так кровью совы лечили бронхиальную астму. Высушенной кровью козла — камни в почках. Кровью летучей мыши лечили заболевания грудных желез у женщин. Кровью женщины, выделяющейся в период менструации, лечили болезни суставов². А купание в крови маленьких детей возвращало, как уверяли, молодость (Средневековые знают и такие страшные примеры, причем носящие далеко не единственный характер).

— **Моча.** «При диагностике заболеваний средневековые медики очень часто полагались на уроскопию — исследование мочи.

¹ Канг Л., Педерсен Н. История шарлатанства. Краткий обзор худших способов лечения с древности до наших дней. — М: Livebook, 2019. — С. 272, 273, 274.

² Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 169.

В представлении западноевропейских средневековых медиков сосуд с мочой ассоциировался с организмом человека. Он служил неким его зеркальным отражением: верхняя треть сосуда соответствовала голове, средняя — грудной области и нижняя треть — нижней части тела. Существовали даже специальные таблицы, которые связывали цвет мочи с определенными заболеваниями. В X в. Ноткер Заика, высокообразованный монах знаменитого Сен-Галленского монастыря, как пишется, «...совершал чудеса исцеления, в которые трудно поверить». Когда его пациентом стал герцог Баварии, он, чтобы испытать искусство Ноткера, заменил свою собственную мочу мочой беременной женщины. Сделав анализ, монах повернулся к герцогу и сказал: «Бог замыслил чудо! Через 30 дней господин герцог даст жизнь ребенку». Разумеется, Ноткера назначили личным врачом герцога. К XIII в. умелые врачи тонко различали несколько сот разновидностей мочи. Скажем, по окраске выделяли два десятка разновидностей мочи, к примеру, шесть оттенков только белого цвета, три градации по плотности и несколько десятков по содержанию в моче плавающих примесей, взвесей. На основе разглядывания мочи врачи, иногда отказываясь от осмотра самого пациента, пытались определить не только характер болезни, но, как это делал Ноткер, даже возраст и пол больного. Несмотря на то, что Библия категорически выступала против уринотерапии — питья мочи или прикладывания ее к ранам в лечебных целях, в Средние века этот способ лечения практиковали довольно широко, что при «передозировках» порой вело к отравлениям и интоксикации организма. Впрочем, уринотерапия остается среди «модных веяний» и в наши дни, которые никак не причислишь к «темным»¹.

Глава 7

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. ТРУПЫ

Учение о якобы целительной врачебной силе, которая таится в человеческих останках, восходит, как мы рассматривали выше, к Парацельсу, а также его ученику доктору Яну Батисте ван Гельмонту. Последний «полагал, что человеческий труп несет в себе «скрытую жизненную силу», которая каким-то образом сохраня-

¹ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 169—170.

Исследование мочи

ется в крови и плоти после смерти, особенно насильственной. Иными словами, энергия осталась неистраченной, поскольку перед смертью человек не болел и не впадал в немоощ. Именно поэтому особенно ценились тела преступников — после безвременной кончины их носителей»¹.

Так, в частности, «палачи также зарабатывали неплохие деньги на коже и жире казненных преступников. Аптекари особенно ценили «масло из человеческого жира», или «человеческое сало», оно же «жир несчастных грешников», оно же «бальзам из висельников». Это снадобье применялось для заживления ран, обезболивания, лечения опухолей, подагры, ревматизма, а также в качестве приворотного зелья. В одном из старинных германских стихотворений говорилось: «Людское сало спасает от хромоты — вернешь себе стать, если натрешься им ты». Человеческий жир считали также средством лечения гидрофобии (водобоязни), то есть фактически бешенства. Его даже использовали в качестве косметического средства, особенно при рубцах после перенесенной оспы, и рекомендовали как прекрасную противовоспалительную мазь. Палачи, зарабатывавшие на смерти, также реко-

¹ Канг Л., Педерсен Н. История шарлатанства. Краткий обзор худших способов лечения с древности до наших дней. — М: Livebook, 2019. — С. 271.

мендовали использовать человеческую кожу для помощи беременным — да, пусть исполнители казней не были обычными аптекарями, но у них был свой собственный товарный знак в виде смерти с косой, к тому же никому не приходило в голову оспаривать подлинность их продукции. Некоторые женщины верили, что оборачивание дубленой человеческой кожи вокруг живота уменьшает болезненность схваток при родах. Ношение кусочков кожи вокруг шеи якобы помогало предотвратить зоб — увеличение щитовидной железы»¹.

До нашего времени сохранились даже рецепты приготовления лекарственных препаратов из останков человеческих тел. «Возьмите мозги молодых мужчин, умерших насильственной смертью, вместе с их оболочками, артериями, венами и нервами... истолките их в каменной ступке до состояния кашицы. Затем налейте столько винного спирта, чтобы он покрывал эту массу... [потом] настаивайте это полгода в лошадином навозе». Рецепт «Экстракта человеческого мозга из «Искусства дистилляции», автор Джон Ф.²»

Другой рецепт говорил о том, что «кусочки человеческого черепа специальным разом готовились в стеклянной посуде. После долгой переработки и перегонки полученная жидкость применялась для лечения всех болезней, в особенности подагры, сердечной недостаточности, отеков и эпилепсии»³.

Одно из наиболее популярных средств, изготавливаемых из человеческих останков и пользующееся популярностью и в наши дни, является мумие. «Примерно в XI веке источником этого вещества стали считать черное содержимое, которое находили в полостях тела и черепах древнеегипетских забальзамированных трупов. И вскоре слово «мумия» стало обозначать и забальзамированное тело, и любой продукт, полученный из него. «Мумиё» из мумий пользовалось большим спросом на пике своей популярности в Европе XV и XVI веков. Отчасти потому, что оно считалось, согласно Парацельсу, «высшим лекарством». Великий ученый и его последователи полагали, что человеческий дух можно физически дистиллировать, а «высшая квинтэссенция» этой дистилляции будет исцелять практически от всех болезней. Конечно, никаких биологических оснований для этого нет. Однако медицинский каннибализм в духе Парацельса все равно развивался и

¹ Канг Л., Педерсен Н. История шарлатанства. Краткий обзор худших способов лечения с древности до наших дней. — М: Livebook, 2019. — С. 271.

² Там же. — С. 277.

³ Там же. — С. 278.

стал вполне общепринятой практикой, в центре которой стояло снадобье из мумий. Медики утверждали, что оно лечит язвы, опухоли, кровохарканье, синяки, подагру, чуму, отравления, лишай и мигрени.

Припарки на основе мумий применялись для лечения укусов змей, сифилитических язв, головной боли, желтухи, болей в суставах — ну и, конечно, эпилепсии. Спрос рождал предложение, порой переступавшее грань закона. Дельцы разграбляли гробницы в Каире, доставали оттуда тела и вываривали их, продавая затем маслянистую жидкость, всплывавшую на поверхность кипятка. Головами мумий торговали за золото. Существовал даже специальный налог на импорт мумий в Англию. В лондонские аптеки продавали сотни фунтов различных частей мумий из Египта.

Некоторые считали, что ингредиенты, применявшиеся для бальзамирования (масла, алоэ, мирра, шафран), делают снадобье еще таинственнее и дороже. Из-за активного разграбления гробниц мумии стали дефицитом. Мошенники начали подменять мумии другими трупами — бедняков, прокаженных, жертв чумы. Их тела похищали, накачивали алоэ, миррой и битумом, затем запекали или высушивали в печи и окунали в смолу. Покупатели, естественно, об этом не знали; им советовали «выбирать вещество блестящего черного цвета, без большого количества костей и грязи, хорошо пахнущее». В дело шли и неудачливые путешественники, ставшие жертвами смертоносных песчаных бурь в африканских пустынях. Их тела, естественным образом забальзамированные благодаря сухому климату, называли «арабскими мумиями». Рынок мумий сошел на нет только к концу XVIII века. Мода на продукты из мумий исчезала одновременно с верой врачей в логику Парацельса. Медицинские знания становились более совершенными, и ученые уже верили не в магические свойства человеческого тела, а в рациональные принципы анатомии»¹.

История нам сохранила немало рецептов с использованием трупного материала. «Возьмите мха, покрывшего череп казненного вора, — 2 унции. Человеческого жира — 2 унции. Порошка из высохшего трупа — пол-унции. Человеческой крови — полкапли. Конопляного масла — 2 капли. Розового масла — 1 каплю. Аммиачной селитры — 1 каплю. Всё это толките в ступке, пока не получите однородный порошок, затем храните в закры-

¹ Канг Л., Педерсен Н. История шарлатанства. Краткий обзор худших способов лечения с древности до наших дней. — М: Livebook, 2019. — С. 280—281.

той коробке. Этой целебной мазью покрывали оружие — дубинку, меч или топор, которыми была нанесена рана, после чего обработанное оружие заворачивали в чистую льняную тряпку и прятали в прохладное место»¹.

Глава 8

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. ЗАСУШЕННЫЕ ЖАБЫ И ВОЛЧЬЕ СЕРДЦЕ

Для лечения заболеваний широко применялись и засушенные жабы, волчье сердце, волчья печень, кости мумии, которые можно было приобрести в аптеках средневековых городов². По этому поводу Бурхард Вормский писал, что его паства не гнушалась пить, как лекарство, разведенных в воде червячков, именуемых вшами³.

«Дождевых червей употребляли во всех видах: живых и мертвых, утопленных в вине, разрезанных на части, толченых в порошок, кипяченых в масле. Их прикладывали и привязывали к больному месту, приписывая им потогенное, останавливающее кровотечение и болеутоляющее свойство»⁴. Особой популярностью пользовалось и лечение печенью жабы⁵.

«Мазь, использовавшаяся для лечения ишиаса, также является прекрасным примером тех рецептов, которые составлялись в «Городской аптеке»: «Возьмите трех новорожденных щенков и трех живых кротов, один фунт земляных червей, лавровый лист, розмарин, мяту, сладкий майоран, лаванду, тмин, зверобой — всего по пригоршине; прокипятите ингредиенты в трех фунтах масла, смешанного с обычным вином, пока последнее не испарится, затем слейте отвар, отделив жидкость от осадка, добавьте в отвар желтого воска и гусиного жира — того и другого по десять унций. Хорошо при ревматизме и ишиасе, наносить на кожу, нагретую предварительно перед огнем. Применять так часто, как потребуются»⁶.

¹ Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 141.

² Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — с. 36.

³ Schmitt J.C. Hidsenpab und Hollenangst. Aberglaube im Mittelalter. — Frankfurt/Main, 1993. — S. 229.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 229.

⁵ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI-XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 61.

⁶ Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 198.

«Для приготовления некоторых рецептов требовались ингредиенты редкие и скоропортящиеся, такие, к примеру, как масло из лягушачьей икры, использовавшееся при обморожениях, или печень бешеной собаки либо волка, пропитанная вином и запеченная в печи, — незаменимое средство от бешенства»¹.

«Лоршский лечебник» учил, что для того, чтобы извлечь из уха инородное тело, нужно поймать мышь, раздавить ее и приложить к уху².

Для проведения колдовских обрядов в Средние века применяли специальные мази, в состав которых входил жир, вытопленный из сваренных живьем или выкраденных с кладбища младенцев, кровь тучей мыши, сажа, ароматические и ядовитые растения. Мази наносились на эрогенные части тела»³. В состав многих лекарственных препаратов, о чем упоминает, в частности, англосаксонская врачебная книга X века — «Lesebos» и рецептарий XI века — «Lacnunga», входили испражнения животных⁴.

«Рецепты лекарств полнились указаниями на смесь диких и культурных растений, трав с такими весьма агрессивными веществами как моча, выделений животных, в том числе патологические, толченые черви, летучие мыши и тому подобными, включая минералы, камни и даже ...землю с могилы повешенного или капли смертного пота с чела умершего в жестоких муках. В последнем случае их следовало смешать с двумя унциями человеческой крови, несколькими каплями топленого свиного сала, льняного масла и пряными добавками»⁵. Естественно, что «зачастую влияние подобных оккультных «целебных средств» на организм человека было просто непредсказуемым»⁶.

Также весьма популярными в эпоху Средневековья пользовались бальзамы от всех заболеваний и недугов, по типу, так называемого, бальзама святой Магдалены, которые благословлялись в церкви и которые затем продавали у церквей⁷.

¹ Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 199.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 229.

³ Там же. — С. 264-265.

⁴ Там же. — С. 295.

⁵ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 168.

⁶ Там же. — С. 169.

⁷ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 334.

Глава 9

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. ГАДАНИЯ НА БИБЛИИ И ТОЛКОВАНИЕ СНОВ

Для прогноза течения заболевания люди Средневековья, включая и священников и монахов, прибегали к гаданию на Библии. Причем, как явствует из анализа постановлений церковных соборов, такая практика была весьма распространенной с IV по XIII вв¹. «Магические лечебные свойства приписывались не только огромному числу минералов, растений и животных, но и некоторым духовным действиям, и врачи предписывали: «...Строки из Евангелия от Иоанна, прочитанные последовательно, очищают душу, а прошептав их задом наперед, можно подагру вылечить, и камни в почках, а также колики и многое другое»².

Особое место в прогнозе заболеваний отводилось во всех слоях средневекового общества снам. Последние занимали одно из центральных мест в языческих религиях и философиях³ и вследствие реформы императора Константина и ее последствий постепенно переключались в христианство. При этом весьма примечательным является то, что ранняя христианская церковь, базируясь на библейском учении, говорила, что в снах никакого значения нет, однако по мере того, как церковь все дальше и дальше отходила от чистоты библейского учения, языческая вера в пророческое значение снов все шире и шире стала входить в христианское учение. Примечательно, также, что особую разработку снов проводят философы, неоплатоники Порфирий, Ямвлих, работы которых зиждутся на откровенно оккультных представлениях, доказывающих возможность общения человека с богами через сны⁴.

«Средневековых людей всю жизнь тревожили сны. Сны возвещали, сны разоблачали, сны побуждали к действию — словом, они составляли интригу духовной жизни»⁵. Эта роль снов в средневековом обществе не является случайной. Ибо пропитанное насквозь мистическими и суеверными обрядами правящей церкви, культивирующей веру во всемогущество нечистой силы и связь с

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 217.

² Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 138.

³ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 323.

⁴ Там же. — С. 332.

⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 319.

потусторонним миром, средневековое общество стало жертвой самой настоящей сономании. Вначале под влиянием идей Тертуллиана начинает формироваться представление, что «сон или видение являются путем, ведущим непосредственно к Богу и возможностью через него вступить с Ним в общение»¹. В этом отчетливо видны языческие учения, лежащие в основе лечения в античных асклепийонах, где якобы больным во сне являлся сам бог врачевания Асклепий, принося им долгожданное исцеление.

Затем правящая церковь, фактически по примеру тех же языческих жрецов, осознала, какую власть, и влияние над обществом она может иметь через сны и монополизировала себе право на пророческие сны и толкование снов вообще. Так в средневековом христианстве мученики за веру и святые рано получили статус образцовых сновидцев, а затем к ним были добавлены монахи, которые также за свою подвижническую жизнь удостоиваются якобы от Бога особых сновидений². При этом «сновидческие рассказы, предназначенные для проповедей, проходят определенный отбор, а когда в результате роста городов, эволюции монашеской жизни, появления нищенствующих монашеских орденов монастырская жизнь станет более открытой и монастырское уединение будет нарушено, собрание монастырских сновидений будет пущено в оборот для использования его в новых теориях и практиках христианского толкования снов в обновленном обществе»³.

Так, не имея возможности противопоставить проповеди вальденсов, обличающих папские лжеучения о бессмертии души, поклонении деве Марии и святым, наличия чистилища, библейские доказательства, средневековые монахи будут доказывать эти лжеучения с помощью снов, в которых им якобы является дева Мария, святые, в которых они видят картины чистилища. Недаром папство уделяет огромное значение обоснованию снов. Так, в частности, кардинал Лотарь, будущий самый знаменитый папа Средневековья Иннокентий III, целую главу своего трактата «О презрении к миру», написанного около 1196 г., посвящает «страху перед снами». Человека нужно запугать снами, заставить слепо верить им. В Средневековье «в этом мире, который превратился в сплошное кошмарное видение, мучимому неврозом христианину даже ночь не приносит покоя. Отражая всеобщие настроения, будущий папа пишет: «Время, отведенное отдыху, даровано нам не для того, чтобы

¹ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 338.

² Там же. — С. 368.

³ Там же. — С. 369.

предаваться покою: сны наводят ужасы, видения осаждают со всех сторон»¹. В этих снах и видениях центральное место будет отведено картинам потустороннего мира, явлениям покойников, покиданию во время сна своего тела и прочим оккультным вещам, которые мы рассмотрим в части данной работы, посвященной исследованию психических эпидемий Средневековья².

Так, сны стали рассматриваться всеми кругами средневекового общества, как особые пророческие откровения, причем, что или кто являлся источником этих «откровений», средневекового жителя волновало мало. В этой вере в пророческую силу сновидений в сознании средневековых людей, практически не наученных даже азам христианского учения, смешались откровенно языческие магические спиритические представления с суевериями, питаемыми средневековой церковью. Эта вера в значение снов весьма широко подкреплялась житиями святых, вследствие чего «под покровом «официальной» церковной культуры даже в среде интеллектуалов-клириков продолжала жить древняя народная вера в реальность сновидений, в их «вещий» характер»³.

Более того, появляются специальные сонники, по которым диагностировали болезни и определяли ее исход. Врачи того времени широко обращались к сонникам, анализируя и соотнося содержание снов с заболеванием человека⁴. Хотя еще Гиппократ и Гален рассматривали сны, как лишь проявление физических и психических недугов человека. В XII веке выходят произведения Хильдегарды Бенгенской, в которых прямо говорится о связях между снами и здоровьем человека⁵.

В Житиях святых также встречаются упоминания о том, что у могилы святого заснувшему паломнику являлся данный святой и принес исцеление, что также имеет уже упоминавшуюся нами выше античную традицию, когда верующий приходил в асклепийон и во сне получал исцеление от бога Асклепия.

¹ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 370.

² Там же. — С. 367.

³ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 220.

⁴ Там же. — С. 221.

⁵ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 333.

Глава 10

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. НАРОДНЫЕ МАГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ

Народные методы лечения, имевшие широчайшее распространение в эпоху Средневековья и бывшие главенствующими в то время, вообще представляли собой чистую магию. Среди подобных методов, к которым прибегали люди, было использование тайно взятых из церкви во время причастия — хлеба и вина, символизирующих плоть и кровь Христа. Сами проповедники-монахи говорят об этом весьма широко распространенном в народе суеверии. Так, они «приводят примеры использования крестьянками церковной облатки в качестве магического средства. Одна хотела с ее помощью вылечить своих пчел, положив тело Христово в улей, но пчелы, повинуясь Творцу, выстроили вокруг него миниатюрную часовню. Другая, стараясь спасти овощи от капустной гусеницы, по совету какой-то бродяжки посеяла сакрамент в грядки огорода. „Хорошая *medicina* — тело Господне, если посыпать им овощи!“ — иронизирует автор „Диалога о чудесах“. Этой богохульницей завладел бес и жестоко мучил ее на протяжении долгого времени. Еще одна женщина разбросала по углам своего поля хлеб, политый вином-кровью Христовой. Так она хотела предохранить урожай от непогоды и градобития. Что же она нашла? Хлеб превратился в свернувшуюся кровь. И опять-таки и в данном случае эта зловредная магия была кем-то подсказана. Видимо, тенденция использовать тело и кровь Христовы в магических целях была чрезвычайно устойчива, и не случайно IV Латеранский собор (1215 г.) запретил выносить тело Господне. Широко гостию употребляли в качестве колдовского средства. В частности, сакрамент пытались применять и как орудие любовной магии, и не одни женщины»¹.

Также наделялось особой целительной силой все, что было связано с покойником: будь то земля с могилы, его одежда или гроб².

Так, к примеру, «если у ребенка завелись кишечные паразиты или он худеет, мать или бабка вели его на церковный двор к могиле какого-нибудь недавно умершего ребенка, палкой протыкали землю и три раза стучали в крышку гроба; при лихорад-

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 263—264.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 243.

ке детей катали по могиле; если у человека часто случались судороги, его рубашку клали в свежерытую могилу. При убывающей луне натирали могильной землей голову при головных болях, прикладывали землю к больному зубу, при подагре, разогрев на огне мешочек с могильной землей, прикладывали его к больным суставам»¹.

Примечательно, что, «осуждая веру и эффективность колдовства, церковь, тем не менее, постепенно и сама прониклась убежденностью в возможность влиять на здоровье людей колдовскими способами»².

Так, для исцеления от падучей рекомендовалось зарыть пояс больного на перекрестке трех дорог, ибо по магическим представлениям потусторонние силы особо активны именно на перекрестках³.

Для исцеления от подагры рекомендовали носить кольцо, изготовленное из 16 монет, вначале пожертвованных церкви, а затем выкупленных у нее. Для лечения глаз священник брал землю, привезенную со Святой земли, и, смешав ее со слюной, смазывал глаза больного.

Глава 11

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. МИНЕРАЛЫ И КАМНИ

Исходя из той же веры Средневековья в символы, особой популярностью в качестве лечения пользовались минералы и камни. Средневековому жителю «природа виделась огромным хранилищем символов... У камней и цветов символический смысл совмещался с их благородными или пагубными свойствами. Цветовая гомеопатия желтых и зеленых камней лечила желтуху и болезни печени, а красных — кровотечения и геморрагию. «Красный сардоникс означал Христа, проливающего кровь на кресте за людей. Прозрачный берилл, пропускающий свет, — это был образ христианина, озаренного светом Христа»»⁴. Средневековая медицина широко использовала и минералы для лечения различ-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 244.

² Там же. — С. 78.

³ Franz A. Die kirchlichen Benediktijnen im Mittelalter. Bd. 1-2. — Graz, 1960. — Bd. II, s. 504.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 309.

ных заболеваний¹. Так для лечения карбункулов использовали смесь вина с ржавчиной железа. Широко использовали драгоценные металлы и жемчуг, истолченные в порошок².

Среди камней особым целительным свойством, как учила средневековая медицина, обладали камни, найденные в почках, печени, желчном пузыре убитых животных. Так, к примеру, истолченными камнями из желчного пузыря быка лечили заболевания глаз. В средневековых рецептах мы находим, к примеру, и зубы дракона, и землю с могилы повешенного, и травы, собранных с могил, но только обязательно в лунную ночь. При этом стоит отметить, что подобные назначения выписывали выпускники тогдашних медицинских факультетов университетов.

Особую целительную силу приписывали и перстням. И, конечно же, панацея от всех болезней приписывалась «философскому камню», могущему не только превращать любой металл в золото, но и исцелять от всех недугов и даже возвращать молодость.

Особая целительная сила приписывалась золоту, которое буквально боготворили и использовали и для лечения и для профилактики. Так, к примеру, «папа Климент V велел скоблить напильником золотой флорин, а полученную золотую пыль глотал!»³

«Раймонд Люллий (1235—1315) сообщает рецепт и способы применения золотого напитка. В этом составе, кроме золота, находились различные травы, — якобы для более охотного принятия этого средства больными. Между тем нетрудно заметить, что в каждом отдельном случае к напитку прибавлялись растения, считавшиеся целебными: чернобыльник при трудных родах, попутник при поносах и т. д. Словом, во всем этом была немалая доля шарлатанства. Раймонд Люллий — более мистик, чем алхимик, — придавал огромное значение целебным и профилактическим свойствам драгоценных камней»⁴.

«О приготовлении сего «божественного причастия», или «алкоходона», известно с XIII столетия, когда его впервые получил Раймонд Люллий из Майорки, как сказано в следующих строках, принадлежащих сэру Георгу Рипли:

Есть масло дивное, что отливает златом,
Творенье пламени, а боле мастерства,
Знай весть о старике Раймонде пребогатом
— Не злато юность укрепило, нс слова...

¹ Ютен С. Повседневная жизнь алхимиков в Средние века. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005. — С.143-144.

² Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 36.

³ Антонетти. Указ. соч., с. 211.

⁴ Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017. — С. 77.

Когда Раймонду было уж под девяносто,
Напиток золотой он регулярно пил
И столько ж лет еще на свете он прожил...¹».

Также различным металлам приписывалось целебное действие от того или иного заболевания. Так, к примеру, «против су-дорог в кармане носили медный грош, медяк»².

Глава 12

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. АЛХИМИЯ И АСТРОЛОГИЯ

Алхимические представления безраздельно господствовали в Аумах врачей Средневековья. Даже такой выдающийся представитель врачебного сословия того времени, которого иногда приводят, как пример выдающегося врачебного ума, Арнольд из Виллановы (1238—1314), также находился под полным влиянием алхимической философии, которую иногда совершенно неверно рисуют, как праматерь современной химии. Да, некоторые алхимики совершили важные открытия, но совершили они их не благодаря занятиям алхимией, а как раз вопреки ей. «Арнольд из Виллановы занимался алхимией, он был учителем Раймонда Люллия. Целью его поисков было открытие всемогущего лекарства, средства против всех болезней, аналогичного териаку. Называлось оно, то философским камнем, то эликсиром, и приняло, наконец, форму состава, называемого золотым напитком. В состав эликсира входили ртуть, мышьяк, различные травы, подвергавшиеся перегонке для образования великого средства»³.

Алхимики также верили, что особой целительной силой обладает золотой напиток. «Около 1300 года алхимики поняли, как сделать золото растворимым в жидкости. Царская водка представляла собой смертоносную смесь из азотной и соляной кислот, которая дымилась, будто ведьмино зелье из какого-нибудь диснеевского мультлика. Эта смесь способна растворить золото и превратить его в соль — хлорид золота. Соль, в свою очередь, можно выделить, смешать с водой и выпить. Даже, несмотря на то, что настой хлорида золота оказался чрезвычайно едким, это был прорыв, первые алхимики решили, что им удалось раскрыть тайну бессмертия, которую хранит благородный металл. Так, Пара-

¹ Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 158-159.

² Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 167.

³ Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017. — С. 77.

цельс начал выпускать питьевое золото — XVI веке, веря, что золото сделает организм бессмертным. «Питьевое золото, — писал он, — вылечит все болезни, омолодит и восстановит тело». Он уверял, что лото помогает от мании, пляски святого Витта, эпилепсии, а также делает человеческие сердца счастливыми»¹.

Если современные врачи при постановке диагноза ориентируются на данные жалоб больного, данные анамнеза болезни и жизни, данные объективного и дополнительных методов исследования, то для средневекового врача были интересны, в первую очередь, данные астрологии. Когда и при каком стечении звезд родился больной, какое стечение звезд было при начале его болезни, как расположение звезд связано с изменением клиники его заболевания. На основании этого выставлялся диагноз, и назначалось лечение наподобие того, что было описано выше. В тесной связи с этим была и вера в силу чисел, каждому из которых приписывалось особое значение².

«Европейская медицина, хирургия и фармакология, как и в Раннее Средневековье, продолжали идти рука об руку с магией, колдовством, суевериями, верой в добрых и в злых духов, оккультизмом и астрологией, то есть все той же альтернативной медициной, религиозной медициной, парамедициной. Сам Леонард из Бертинальи торжественно цитирует рецепт лечения одержимости у Пьера из Абано, «которому он научился у демонов, когда изгонял их». Экзорцист Леонард утверждал, что Архангел Софазель тоже учил людей астрологической медицине после своего падения. Поразительно, но в древности влияние астрологии на медицину было гораздо меньше, чем в Высокое Средневековье и даже в Новое время, когда медицинская астрология, так называемая ятроматематика, продолжала оставаться в учебных программах медицинских факультетов университетов, как католических, так и протестантских. Умение составлять гороскопы входило в необходимый круг знаний дипломированного врача Средневековья. Недаром в ходу был такой афоризм: «Если анатомия — правое око медицины, то астрология — ее левое око»³.

Более того, правительство средневековых городов «не принимало ни одного важного решения, предварительно не

¹ Кант Л., Педерсен Н. История шарлатанства. Краткий обзор худших способов лечения с древности до наших дней. — М: Livebook, 2019. — С. 56.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 310—311.

³ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 191.

проконсультировавшись с именитым астрологом»¹. Более того, даже появление эпидемий связывалось, в первую очередь, с изменением положения звезд на небе. Так, к примеру, старое название гриппа — инфлюэнца, происходит от лат. *influenza*, т.е. проникать. Это был классический астрологический термин, обозначающий проникновение небесных светил в земную жизнь.

Глава 13

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. ИСЦЕЛЕНИЕ РУКОЙ КОРОЛЯ

Одним из самых своеобразных методов лечения, применяемых в Средневековье, к которому прибегали врачи, когда уже ничего не помогало, был метод исцеления рукой короля². Этот способ исцеления был применен впервые в Англии, англосакским королем Эдуардом Исповедником, и затем нашел самое широкое распространение при дворах европейских монархов при деятельной поддержке церкви и медицины того времени. Широкое распространение он имел особенно в средневековой Франции³.

Проводился он следующим образом: в определенно назначенные дни король принимал больных, которые, входя, склонялись перед ним на колени, монарх прикасался к ним рукой и давал в руки золотую монету, которую, в частности, в Англии «прозвали «Ангел», так как на ее лицевой стороне был изображен архангел Михаил. Первая такая монета была отчеканена в 1465 году. Крестьянин получал ее после ритуала прикосновения. Эти монеты становились особыми семейными ценностями, и считалось, что с ними передается небольшое количество целительной силы короля. Люди продевали через них цепочки и носили на шее, а также терли монетки о тело в случае болезни. Неудивительно, что в Средние века физический контакт с королем (или с королевой — неважно) вместе с получением «волшебной монеты» вызывали благоговейный трепет и ощущение чуда»⁴.

Вскоре обычай давать монету, вследствие огромного притока больных, был упразднен, а вот прибегание к монаршей исцеляю-

¹ Антонетти. Указ. соч., с. 210.

² Канг Л., Педерсен Н. История шарлатанства. Краткий обзор худших способов лечения с древности до наших дней. — М: Livebook, 2019. — С. 378.

³ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. — С. 90.

⁴ Канг Л., Педерсен Н. История шарлатанства. Краткий обзор худших способов лечения с древности до наших дней. — М: Livebook, 2019. — С. 379.

щей руке осталось. Этот необычный способ исцеления также имел не столько, безусловно, медицинское, сколько магическое действие, будучи связан с языческой верой в то, что король, царь — это или полубог или воплощение божества на земле. «Удивительно, но этот необычный, по сути, магический, чудодейственный способ лечения практиковался вплоть до XVII в. Так, известно, что при своей коронации французский «король — солнце» Людовик XIV дотронулся своей исцеляющей монаршей рукой до 2400 больных. Особо эффективным при этом являлось исцеление золотухи»¹.

Глава 14

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. ЗАКЛИНАНИЯ

«Традиция использования заклинаний в «научной» медицине вообще не прерывалась со времен Античности. Христианские врачи (Александр Тралльский, Марцелл Эмпирик) переняли ее у знаменитых античных медиков. Все раннехристианские сборники рецептов содержат множество заклинаний и иных медицинских суеверий как греко-римского, так и ближневосточного происхождения»². Даже наиболее выдающиеся ученые того времени, в частности, Константин Африканский и Роджер Бэкон оправдывали применение заклинаний в медицине³.

К концу XI в. языческие по своей внешней форме заклинания сменяются христианскими. «В тексты старинных обрядов и заклинаний стала включаться христианская символика — элементы христианской мифологии и культа, предметы церковной утвари»⁴.

При этом, «церковные формулы в точности подменяли прежние, языческие по своему назначению и сфере применения и во многом походили на них по форме и содержанию»⁵. Средневековая церковь разработала специальные благословения от каждой болезни и недуга. И если ранние церковные благословения и заклятия были краткими, то по мере утверждения христианской

¹ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 168.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 279.

³ Там же. — С. 279.

⁴ Там же. — С. 375.

⁵ Там же. — С. 285.

церкви в качестве государственной религии и вхождении в нее языческих верований заклятия «разрастаются, становятся все больше похожими на народные магические заклинания и заговоры»¹.

Со временем, кроме «традиционных обращений к Христу и Богоматери, к силе Креста, к святой Троице, к святым таинствам, к святым — патронам при болезнях, средневековые благословения и проклятия включали в себя множество разнообразных суеверий, апокрифических сюжетов и имен, а также слов, знаков, выражений, позаимствованных из источников, вообще не имеющих отношения к христианству, например, из каббалистических заклинаний»². Так, к примеру, в одном из заклинаний от лихорадки следом за описанием крестных мук Христа идут слова из Каббалы и каббалистическая формула — «*Celar, celiar, celias*», а за ней литургическое воззвание: «Бессмертный Боже, помилуй раба Твоего»³.

Особые заклинания церковь разрабатывает для изгнания бесов, и в этих формулах-заклинаниях мы также видим смешение христианских и языческих представлений: «изгоняют тебя ангелы, изгоняют тебя архангелы, изгоняют тебя пророки, изгоняют тебя исповедники, изгоняют тебя апостолы, изгоняют тебя мученики, изгоняют тебя святые»⁴. И затем следует детальное перечисление всех органов и частей тела, из которых изгоняются демоны. При этом демонов заклинали некоей печатью Соломона и райскими реками⁵.

Также «в Средние века весьма распространенным был обычай записывать заклятия на кусках пергамента, дерева, и те превращались в своего рода амулеты. В записях христианских формул, где особенно важны персонажи, именем которых заклиняется болезнь, часто ограничивались именно этими именами. Поэтому такие заклинания на амулетах часто представляли собой длинный бессвязный перечень священных имен, к примеру, такой: «*Trinite + Agios + Sother + Messie + Emmanuiel + Sabaoth et Adonaz + Athanathos + Jesus + Pentagna*»⁶.

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 287.

² Там же. — С. 288.

³ Franz A. Die kirchlichen Benediktijnen im Mittelalter. Bd. 1-2. — Graz, 1960. — S. 481, 483.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 292.

⁵ Там же. — С. 293.

⁶ Там же. — С. 294.

— **Заклинания-амулеты.** Особое средство, как для профилактики, так и лечения заболеваний представляли собой, так называемые, закливания-амулеты, состоящие из набора непонятных слов, имен, порой просто аббревиатур, пришедшие в Европу из иудейской каббалы. Их записывали на амулетах, чертили над входом в дом или колыбелью ребенка или просто произносили¹.

Так, магическая аббревиатура ANANISARTA (Antidotum Nazareni auferat necem intoxicationis sanctificet alimenta poculaque trinitatis. Amen) предназначалась для того, чтобы защитить от чумы. Популярными надписями на амулетах были также имена Бога и ангелов (иногда апокрифические) или их аббревиатуры. В Праге археологами был найден амулет 14 в. с текстом закливания, записанным на куске пергамента 10х4 см, против «пятидневной лихорадки»: «in nomine + patris + et filii + et spiritus sancti + In monte + Celion + requiescunt septem dormientes + Maximianus + Martianus + Malcus + Constantinus + + et Dionisius + Seraphion + et Iohannes. Domine Jesu Christe liberare digneris hanc famulam Dobrozlauam a febribus quintanis. Pax + nax vax sit huic famule dei remedium. Amen».

Это закливание направлено к Семи спящим в Эфесе мученикам, являющихся якобы патронами лихорадки. При эпилепсии закливание было обращено, к так называемым, трем святым королям (мудрецам), причем их имена были записаны на греческом, латинском и еврейском языках.

Так же существовали особые тексты-обереги. Вот, к примеру, магический квадрат.

SATOR ROTAS

AREPO OPERA

TENET TENET

OPERA AREPO

ROTAS SATOR

Это акростих-палиндром, который можно читать сверху вниз, слева направо и наоборот, при всех чтениях смысл высказывания остается неизменным: «Сеятель Арепо содержит колеса со старанием». Центральные оси этого квадрата образуют крест со значением «держит» (tenet):

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 295, 296.

Т
Е
TENET
Е
Т

Из этих же букв магического квадрата можно составить идеограмму «Pater noster» («Отче наш») — название главной молитвы всех христиан. «Весьма популярными были заговоры каббалистической традиции. Они могли быть очень краткими и известны под именем «абракадабр» (кстати, само это слово, попавшее в Европу, по-видимому, тоже из Каббалы, наделяется магической силой). Одними из самых распространенных были «слова», повторяемые определенное число раз в усекаемом виде»¹.

Abamabrakk или:	Abracadabra
Abamabrak	bracadabra
Abamabra	racadabra
Abamabr	acadabra
Abamab	cadabra
Abama	adabra
Abam	dabra
Aba	abra
Ab	bra
	Ra
A	a

Вот, к примеру, еще формула для остановки кровотечения.

Sicucuma
icucuma
sucuma
ucuma
cuma
uma
ma
a

Примечательно, что во многих заклинаниях заклинатель, будучи уверен в своем авторитете и власти над болезнью, просто приказывает ей покинуть человека. При этом, Христос, дева Мария и святые

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 297.

представляются просто, как посредники, в то время, как реальная сила у самого заклинателя, являющегося, по сути дела, магом¹.

— **Заклинания-молитвы.** В Средние века «существовало убеждение, что сила молитвы возрастает, если повторять ее три раза и более, в определенное время, например, рано утром, или в определенные дни — чаще в понедельник, среду, пятницу, при восходящей или при убывающей луне, в определенном месте. Следует предположить, что и христианской молитве придавалось значение «механически» действующего целительного средства типа заклинания или амулета. Как и в языческом заклинании, каждое слово молитвы представлялось магически «заряженным», поэтому важна была точность ее воспроизведения, и наоборот, искаженное воспроизведение изменяло «направленность» ее действия. Так, если «Pater noster» прочесть с конца, главная молитва христиан превратится во вредоносное заклинание-абракадабру (инверсия — один из важнейших колдовских приемов!), а если, отправившись воровать, читать эту молитву, всякий раз опуская в конце слово «Amen», бдительность хозяев будет усыплена, и они никогда не застигнут вора на месте преступления»².

Так, особая целительная, а точнее магическая сила приписывалась мессе. «По мнению прихожан месса обладала магической силой, то есть могла воздействовать на реальность не хуже любого другого заклинания или магического действия. В этом смысле месса воспринималась как своего рода «производственная магия»³. К примеру, считалось, что кольца, сделанные из монет, положенных под алтарь вылечивают от эпилепсии»⁴.

Глава 15

МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ. КРОВОПУСКАНИЯ И СЛАБИТЕЛЬНЫЕ

Среди собственно медицинских методов лечения самыми популярными были кровопускания и очищение желудка⁵.

Это было обусловлено тем, что тогда господствовала гуморальная теория происхождения заболеваний, заложенная еще Гиппо-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 302.

² Там же. — С. 303.

³ Schmitt J.C. Hidenapab und Hollenangst. Aberglaube im Mittelalter. — Frankfurt/Main, 1993. — S. 441.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 307.

⁵ Сорокина Т.С. История медицины. — М.: ПАИМС, 1994. — С. 77.

кратом и Галеном и согласно которой заболевания возникают вследствие нарушения соотношения четырех жидкостей (кровь, слизь, черная желчь, желтая желчь), которые присутствуют в организме человека и потому при наличии болезни необходимо выводить из организма избыток этих жидкостей. Поэтому кровопускания и слабительные назначались в неограниченном количестве для одного пациента, и мы можем только предполагать, к каким последствиям и как часто это приводило. Широко для лечения тех или иных заболеваний применялись и травы. Однако, анализ рецептуры того времени показывает, что в значительном проценте случаев они не отвечали тем заболеваниям, от которых применялись, что в принципе было и не мудрено, ибо без знания анатомии, физиологии, патологической анатомии и патологической физиологии говорить о диагностике той или иной болезни невозможно в принципе. Вместе с тем, накопленный практический опыт и наблюдательность позволял единичным выдающимся врачам того времени ставить правильные диагнозы и проводить максимально возможные для того времени патогенетические связи. Так, в частности, в хрониках отмечено, что император Карл Великий умер от плеврита, как осложнения тяжелой простуды¹.

«При ампутациях делались попытки анестезии; для этой цели применялась губка, пропитанная опиумом, соком паслена, белены, мандрагоры, плюща, болиголова и латука и высушенная на солнце; при надобности эта губка, предварительно обмакнутая в горячую воду, вручалась пациенту для вдыхания ее испарений до наступления сна. Когда больной засыпал, производилась операция, после которой его пробуждали посредством губки, пропитанной уксусом»². Одновременно с этим необходимо подчеркнуть, что рецептура того времени не позволяла бороться с более-менее серьезными заболеваниями, позволяя лечить, и то со многими оговорками, лишь не тяжелые проявления простуды, головной боли, воспалительных заболеваний выделительной системы и пищеварительного тракта.

Заключение

Таким образом, методы лечения, применяемые средневековой западноевропейской медициной практически сутобо базировались на религиозно-философских, оккультных и мистических по своей сути учениях средневековой церкви.

¹ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII-X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 75.

² Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017. — С. 78.

Часть III
ПАНДЕМИИ СРЕДНИХ
ВЕКОВ: ЧУМА

Подлинным и практически постоянным бичом средневековой Западной Европы были пандемии и эпидемии. Отсутствие канализации, антисанитария улиц и домов, недоброкачественное питание, отсутствие, как мы увидим ниже, даже элементарных методов борьбы с эпидемиями, наличие огромного числа собак и крыс в средневековых городах, служивших переносчиками инфекций, несоблюдение правил личной гигиены приводило к очень частым эпидемиям холеры, дизентерии и чумы¹.

Эпидемии имели место во все периоды развития человечества, однако они никогда не достигали такого размаха, как в период Средневековья в Западной Европе².

Более того, античная эпоха вообще не знала понятия пандемии³. Примечательно, также, что Новая и Новейшая история несколько раз сталкивались с понятием пандемий, но они никогда не достигали тех масштабов, которые имели место в эпоху Средневековья, причем, следует подчеркнуть, что это происходило не из-за более высокого уровня развития медицинской науки, так как даже количество жертв в крайне отсталых регионах мира не идет ни в какое сравнение с теми жертвами, которые имели место в эпоху Средневековья.

Глава I

ПЕРВАЯ ПАНДЕМИЯ ЧУМЫ ИЛИ ЮСТИНИАНОВА ЧУМА

Среди пандемий эпохи Средневековья первое место принадлежит, безусловно, двум страшным пандемиям чумы. Первая из них началась в 541 году х.э. в Эфиопии или Египте, и затем по торговым путям достигла Константинополя. Из него она распространилась по всей Европе, вплоть до Ирландии, Центральной и Южной Азии, Аравии, Северной Африки. Длительность этой пандемии была более 100 лет (!), завершившись лишь

¹ Мультановский. Указ. соч., с. 71.

² Сорокина Т.С. История медицины. В 2 т. — М.: Изд-во ун-та Дружбы народов, 1992. — Т. I, с. 178; Мультановский. Указ. соч., с. 71.

³ Мультановский. Указ. соч., с. 71.

к 654 году х. э¹. Установлено, что эта пандемия чумы посетила тогда все известные страны². «Страшное бедствие посетило Константинополь в 542 году, то была чума, обошедшая в течение трех лет всю империю. Повсюду она производила ужасные опустошения, но определенные данные сохранились только для Константинополя, Александрии и отчасти Сирии; для других местностей мы имеем только краткие летописные заметки. Опустошив Александрию, эпидемия проникла в Константинополь и поражала сначала низшие классы населения. Страшная смертность и разнообразие проявления болезни вызывали панику и ухудшали бедствие. Наряду с молниеносной формой была и затяжная. Многие впадали в безумие. Врачебное искусство того времени оказалось бессильным и совершенно беспомощным в борьбе с эпидемией. В разгар эпидемии умирало в день по пяти и даже десяти тысяч человек. Люди вымирали целыми семействами, не было кому ходить за больными и хоронить умерших. Оставшиеся без призора больные, часто пораженные безумием, выползали на улицу, умирали в страшных мучениях, или, томясь жаждой, ползли к морю и тонули. Торговый оборот и ремесленная жизнь приостановились. Это внесло разорение в рабочий люд и голод, который содействовал большей смертности. У кого были дома запасы, те запирались и жили в одиночку. Трупы, валявшиеся во множестве на улицах, распространяли страшное зловоние, которое затрудняло обитание во многих кварталах.

Несмотря на все чрезвычайные меры, множество трупов оставалось без погребения: их бросали в море, и волны уносили мертвецов. Случалось, что в вымершем доме находили среди трупов живых младенцев, ползавших среди умерших. В богатых домах, которые в обыкновенное время бывали переполнены рабской прислугой, не оказывалось никого при господах, которые по необходимости сами себе прислуживали и ходили за больными слугами. Ужасы эпидемии и страх смерти действовали различно на людей: одни вели разгульную жизнь и предавались всяким излишествам, другие, загрубевшие в пороках, становились благочестивыми и искали опоры в религии»³.

К сожалению, последних было крайне мало.

«Таким образом, в течение более, чем пятидесяти лет, чума поразила большую часть обитателей Восточной Римской импе-

¹ Даниэл М. Тайные тропы носителей смерти. — М.: Прогресс, 1990.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 42.

³ Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 т. — СПб.: Алетейя, 1996. — Т. 2, с. 258—259.

рии и значительную часть западной; половина пораженных погибла. И многие цветущие города превратились в пустыни. Не подлежит сомнению, что она более, чем что-либо другое, потрясла падающее могущество византийской империи и много содействовала начинающейся дикости нравов, погасив последние проблески древней греческой культуры»¹.

Жертвами чумы на Востоке стало около 100 миллионов человек, в Европе — около 25 миллионов. Византийские историки того времени оставили наиболее подробное описание этой страшной пандемии.

Эту страшную пандемию чумы сопровождало в Константинополе несколько страшных землетрясений: 16 августа 542 г., 6 сентября 543 г., 545 г., 15 августа 554 г., 11 июля 555 г. Такой частоты землетрясений еще не было никогда в истории этого города! Одновременно с этим, Константинополь посещают страшные засухи в 562 и 563 г., в результате чего «большая часть колодцев высохла; вокруг же тех, которые еще не совсем иссякли, происходили кровавые драки из-за воды»². Бедствия довершились страшным голодомором.

Вот, как описывает эту пандемию современник тех событий византийский историк Евагрий Схоластик (ок. 538 — ок. 594). «Я расскажу также о вспыхнувшей болезни, которая царит уже пятьдесят два года — о таком прежде не было известно — и которая распространилась по всей земле... говорили, да и теперь говорят, что она началась в Эфиопии. И она пронеслась поочередно по всем частям Вселенной, не позволив, я думаю, никому из людей избежать этого несчастья. А некоторые города в такой степени стали ее добычей, что совершенно обезлюдели. Оно не обрушивалось с какой-то определенной периодичностью и, придя, не отступало одним и тем же образом; но оно поражало одни места в начале зимы, другие — в течение весны, третьи — во время жатвы, а кое-где — с приходом осени.

И это многократно случалось в городах... Да и я, который описывает это — в самом начале эпидемии был поражен так называемыми бубонами, еще когда посещал начальную школу; и я потерял при различных нашествиях этого бедствия многих рожденных мною, жену, немало остальных родственников, слуг и большое число крестьян. А когда я это писал, в возрасте пятидесяти восьми лет, менее чем за два года после того, как это бедствие уже в четвертый раз поразило город Антиоха — я потерял дочь,

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 45—46.

² Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 39.

не считая старших отпрысков, и ее сына»¹. Это было как раз время формирования папского могущества, с одной стороны, эпоха церковных соборов, провозглашающих антибиблейские учения о святых, иконопочитании, культе деви Марии, праве священников отпускать грехи.

С другой стороны, это была эпоха — попытка византийского императора Юстиниана Великого воссоздать основанную на тех же принципах насилия и антиевангельского учения Римскую империю в ее былых границах. К сожалению, ни тогдашняя государственная церковь, ни народы Европы не сделали должных выводов из этого бедствия.

Глава 2

ВТОРАЯ ПАНДЕМИЯ ЧУМЫ ИЛИ «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ»

Вторая небывалая пандемия чумы произошла в XIV веке и вошла со временем в историю под именем «Черной смерти», данной ей французским средневековым врачом Симоном Ковино. Хотя современники именовали ее в Швеции — «большая смерть», в Дании — «Черная смерть», в Норвегии — «великая смерть людей»², а также «великая опасность», «великая смертность»³.

Описание этой пандемии чумы было оставлено многими видными врачами, юристами и писателями того времени. Это в первую очередь, воспоминания и описания чумы, принадлежащие итальянцу Дионисию Колле и французскому врачу Симону Ковино, итальянскому юристу Габриэлю де Мюсси, итальянским писателям Джаванни Боккаччо и Франческо Петрарке, хирургу Ги де Шолиаку, французскому поэту Гильому де Машо, а также арабским ученым гранадскому врачу Ибн эль Катифу, Абу Джафар-Ахмед-бен Мухаммеду, Абу Абдаллаху Мухаммеду. Также большой вклад в исследование чумы дают летописи и хроники средневековых городов Европы и Востока и археологические раскопки средневековых кладбищ.

● Природные катаклизмы, предшествовавшие и сопровождавшие пандемию

Примечательно, что в трудах средневековых ученых содержатся и интересные сведения о событиях, предшествовавших появ-

¹ Евагрий Схоластик. Церковная история. — СПб.: Изд-во О. Абышко, 2006. — Книга IV, 29, с. 316—319.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 88.

³ Скларова, Жаров. Указ. соч., с. 136.

Больные чумой. Средневековая гравюра

Сжигание обвиненных в пандемии чумы евреев в Страсбурге,
14 февраля 1349 года

лении пандемии чумы и сопровождавших ее. Первым среди глобальных природных катаклизмов, предшествующих и сопровождающих вторую пандемию чумы, были массовые землетрясения, буквально, обрушившиеся, как на Европу, так и на Азию. Так, Китай в 1333 и 1338 гг. пережил страшные землетрясения, от которых и последовавшего затем голода умерло более 4 миллионов человек¹! Не менее жуткие землетрясения обрушиваются и на Европу.

«Сильные землетрясения были также, как упоминает большинство летописцев, и в то время, когда Черная смерть была уже в полном ходу. Прежде всего следует сказать о землетрясении, которое было 25 января 1348 года, т. е. в период наибольшего распространения эпидемии по всей Европе, и нанесло много вреда Греции, Италии и Каринтии. Оно повторилось 2-го февраля с такою же силою, а в промежутках между этими двумя днями постоянно происходили менее сильные сотрясения. От этого землетрясения, влияние которого чувствовалось вплоть до самой Скандинавии, а также от урагана и морского наводнения остров Кипр, на котором черная смерть произвела уже страшные потери, превратился в совершенную пустыню. В Ломбардии и графстве Герлиц от него разрушилось до пятидесяти цветущих городов; в Каринтии горы сдвинулись с места; в городе Виллахе значительная часть жителей погибла под развалинами церкви, обрушившейся во время происходившего там богослужения; кроме, того в Каринтии подверглось опустошению еще тридцать мест, причем большая часть жителей погибла под разрушившимися домами. В Истрии земля дала трещину в виде креста, из которой вытекали, по видимому, кровь и вода. 26 января 1348 года тоже землетрясение замечено было и в Модене, где оно снова повторилось 7-го февраля, а также в Парме и Риме. От одной до двух недель продолжались в более или менее сильной степени эти землетрясения; с меньшею силою повторились они в 1349 г. в Польше, Англии и Северной Европе. Совершенно прекратились они не ранее 1360 г.²»

Вторым стихийным бедствием, обрушившимся на тогдашний мир Азии и Европы в канун и во время второй пандемии чумы, стали страшные невиданные доселе наводнения³. Так, в Германии были затоплены целые города, а во Франции вследствие наводнения были полностью опустошены поля.

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 92.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 93.

³ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 92, 94.

Третьим бедствием, предшествовавшим Черной смерти, были нашествия саранчи, «которые уничтожали посевы на полях в Азии и в Европе (до самой Голштинии), и, по положительному свидетельству летописцев, были не только причиной неурожая, но и порчи воздуха»¹.

Четвертым бедствием стали небывалые доселе болезни растений и болезни животных. «Лошади, рогатый скот и козы совершенно покрывались чесоткой и проказой, шерсть на спине вылезала, они худели, ослабевали и по прошествии нескольких дней умирали...рыбы исчезали из морских заливов»².

Пятым бедствием были «зловонные испарения, которые в самых различных местах непосредственно предшествовали появлению повальной болезни»³. Так, «в Италии уже в 1347 году были замечены белые пары на большом пространстве, направлявшиеся с севера на юг и приводившие всех в ужас... на севере были густые туманы, стеснявшие дыхание»⁴.

Подобного сочетания всех этих катаклизмов и в таком размере Европа еще не знала никогда. Все это действительно трудно объяснить сугубо с материалистических позиций.

● **Начало и распространение пандемии**

Начало пандемии приходится на 1320 год, когда эта страшная болезнь ударила по Китаю, унеся жизни 13 миллионов человек⁵.

С купеческими караванами чума достигает около 1335 года Индии, оттуда распространяется на Среднюю Азию, достигнув к 1342 году Самарканда, к 1346 году — столицы Золотой Орды Сарая, располагавшегося в низовьях Волги. Описание этой пандемии чумы в Крыму оставил итальянец, законовед из Пиаченцы, Габриэль де Мюсси, который тогда пребывал в Крыму, некоторые города которого, в частности, Кафа (современная Феодосия) принадлежали Генуэзской республике.

В 1346 году войска золотоордынского хана Джанибека осаждали в Крыму генуэзский город Кафу (совр. Феодосия), в момент осады в войске Джанибека вспыхивает чума, и тогда золотоордынский хан, видя, что осаду придется снять, приказывает с помощью катапульта трупы умерших от болезни забрасывать в Кафу⁶.

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 95.

² Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 96.

³ Гезер. Указ. соч., ч.1_ с. 96.

⁴ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 96.

⁵ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 110.

⁶ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 98.

В Кафе вспыхивает эпидемия, которая через генуэзцев, отбывавших на родину, переносится вначале в Константинополь, а затем в Италию — Геную и Венецию, и оттуда — по всей Европе.

Таблица

Распространение чумы в Европе

Год	Месяц	Страны и местности
1346		Крым, Кафа
1347	весна	Константинополь
—	первая половина года	Италия, Кипр, Мальта, Сардиния. Корсика
—	начало ноября	Марсель
1348	начало года	Испания (Альмерия), Южная Франция (Авиньон)
—	начало марта	Нарбонна
—	март	Модена
—	весна	Флоренция, Лангедок, Гасконь, Франш- Конте
—	май	Валенсия (Италия)
—	июнь	Пиаченца, Падуя
—	вторая половина июня	Валенсия, Барселона, Перуджия
—	июль	Париж, Рим
—	начало августа	Южная Англия, Шлезвиг-Гольштейн
—	сентябрь	Сарагосса
—	начало ноября	Лондон, Норвегия (Берген)
—	декабрь	Далмация, Ютландия
1349	январь	Каринтия
—	конец января	Польша
—	весна	Вена, Франкфурт-на-Майне
—	конец мая	Прекращение эпидемии в Англии
—	август	Любек, Данциг, Торн, Эльбин
1350	—	Россия

Масштабы жертв чумы были поистине колоссальны¹. Приплыв из Крыма в Италию, де Мюсси пишет: «О, горе, о бедствие! Приехав, мы вступили в наши дома. Так как дорогой нас постигла тяжелая болезнь, то из тысячи людей, поехавших с нами, едва ли уцелело и десять человек, а потому родные, друзья и соседи поспешили к нам с приветствиями. Горе нам! Мы принесли с собою убийственные стрелы. При каждом слове распространяли мы

¹ История медицины: Материалы к курсу истории медицины //Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 104.

своим дыханием смертельный яд!¹» По свидетельству современных ей летописцев и данных археологических раскопок, в частности, древних кладбищ, фактически в каждом городе Европы в течение последующих нескольких лет вымерло, согласно Кембриджской Энциклопедии Палеопатологии, около 25 % мирового населения, и до 25 миллионов европейцев, что составляло до 31 % всего европейского населения².

Так только в одном Неаполе умерло 50 тыс. человек, в Генуе — 40 тыс., что составляло 50% населения этих городов. В Венеции от чумы погибли 100 тыс. человек, то есть 70% населения города³.

В Вене умерло — 40 тыс., Сиене — 60 тыс⁴.

В Лондоне от чумы погибло 100 тыс. человек, в Париже — 50 тыс., Страсбурге — 16 тыс., Нарбонне — 30 тыс., Марселе — 56 тыс. В Авиньоне за семь месяцев умерло — 150 тыс⁵.

Заболевание развивалось в считанные дни, и смерть наступала преимущественно от носовых и легочных кровотечений. В 1348 году в апогей эпидемии вымерло две трети населения Европы, при этом выздоровевших были буквально единицы⁶.

Воистину, «в истории эпидемии нет ни одного примера, где бы болезнь производила столь громадные опустошения, как Черная смерть»⁷.

Современник этой страшной пандемии чумы, известный итальянский писатель Джованни Боккаччо (1313—1375), писал: «Чума распространялась тем быстрее, что больные, общаясь со здоровыми, их заражали, — так пламя охватывает находящиеся поблизости сухие или жирные предметы. Весь ужас был в том, что здоровые заболевали и гибли не только после беседы и общения с больными, — заражались этой болезнью однажды дотронувшиеся до одежды или же еще до какой-либо вещи, до которой дотрагивался и которой пользовался больной. То, что я сейчас скажу, может сойти за небылицу, и когда бы этому не было множества свидетелей и когда бы я сам этого не наблюдал, ни за что бы я этому не поверил, даже если б узнал из достоверного источника, и, уж конечно, не стал бы о том писать. Так вот, заразительность чумы

¹ цит. по Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 99-100.

² Гезер Г. История повальных болезней. В 2 ч. — СПб., 1867. — Ч.1, с. 91, 111; Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. Опыт исчисления. — М., 1941. — С. 98.

³ Гезер Г. История повальных болезней. В 2 ч. — СПб., 1867. — Ч. 1. с. 99.

⁴ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 112.

⁵ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893-1898. — Ч.2, с. 506.

⁶ Гезер Г. История повальных болезней. В 2 ч. — СПб., 1867. — Ч. 1, с. 112.

⁷ Гезер Г. История повальных болезней. В 2 ч. — СПб., 1867. — Ч. 1, с. 110.

Михаэль Вольгемут, «Пляска Смерти», 1493 г.

Похороны жертв «Чёрной смерти» в Турне. Миниатюра Пьера дю Тилта из хроники Жюль Ле Мюизи, 1353 г.

была столь сильна, что передавалась зараза не только от человека к человеку, — наблюдались еще более поразительные случаи: если к вещи, принадлежавшей больному чумой или же умершему от чумы, прикасалось живое существо не из рода человеческого, то оно не только заражалось, но и в самом недолгом времени гибло... Нечего и говорить, что горожане избегали друг друга, соседи не помогали друг другу, родственники редко, а иные и совсем не ходили друг к другу если же виделись, то издали. Бедствие вселило в сердца мужчин и женщин столь великий страх, что брат покидал брата дядя племянника, сестра брата, а бывали случаи, что и жена мужа, и, что может показаться совсем уже невероятным; родители избегали навещать детей своих и ходить за ними как если б то не были родные их дети. Вследствие этого, заболевшие мужчины и женщины, — а таких было неисчислимое множество, — могли рассчитывать лишь на милосердие истинных друзей, каковых было наперечет, либо на корыстолюбие слуг, коих привлекало непомерно большое жалованье да и тех становилось все меньше и меньше, и то были мужчины и женщины, грубые по натуре, не привыкшие ухаживать за больными, годные только на то, чтобы подать что-нибудь, больному да не пропустить той минуты, когда он кончится и нередко на таковой службе вместе с заработком терявшие жизнь. Итак, больных бросали соседи, родственники, друзья. Должно заметить, что многие, быть может, и выжили бы, если б им была оказана помощь. Вследствие всего этого, а также из-за плохого ухода и в силу заразительности болезни, число умиравших и днем и ночью было столь велико, что страшно было даже слышать об этом, а не то что смотреть на мертвых»¹.

«Еще один хронист рассказывает о необходимости хоронить умерших в общих могилах, слоями, пересыпая их небольшим количеством земли. Он описывает как на юге Франции, в Провансе простых крестьян соблазняли щедрым вознаграждением, если они перенесут трупы в могилу: «Каждый день какого-нибудь богатого человека несут к могиле. За ним не следуют ни друзья, ни знакомые. Когда приближается эта небольшая процессия, улицы вымирают. Только несчастные труповозы не могут никуда исчезнуть. И через некоторое время большинство из них умирает, заразившись страшной болезнью». Устрашающие, долженствующие отпугнуть болезнь, клювовидные маски из сафьяна, наполненные ароматными целебными травами, перчатки из тонкой, гладкой кожи, длинные плащи, какие носили тогдашние врачи,

¹ Боккаччо Д. Декамерон. — Харьков: Прапор, 1991. — I, с. 7, 9.

отчасти действительно предохраняли от инфекции при прямом контакте с больными, но не спасали положение»¹.

Джованни Боккаччо пишет, что «так как для великого множества мертвых тел, которые каждый день и чуть ли не каждый час подносили к церквям, не хватало освященной земли необходимой для совершения похоронного обряда, — а ведь старый обычай требовал, чтобы для каждого покойника было отведено особое место, — то на переполненных кладбищах при церквях рыли преогромные ямы и туда опускали целыми сотнями трупы, которые только успевали подносить к храмам. Клали их в ряд, словно тюки с товаром в корабельном трюме, потом посыпали землей, потом клали еще один ряд — и так до тех пор, пока яма не заполнялась доверху»².

На этом страшном фоне правительство и церковь не принимали, по сути, никаких профилактических мер, которых, по сути, и не могло быть при крайне отсталом состоянии медицины, подчиненной, к тому же, суевериям. Людей просто оставляли один на один со смертью.

«Всеми оставленный больной лежал один со своими муками. Родные боялись приблизиться к нему, врач страшился вступить в его жилище. Со стонами, разрывающими сердце, призывали дети — родителей, отцы и матери — сыновей и дочерей, один супруг — другого. Но тщетно. Постановления о зачумленных были поистине варварские и бесчеловечные: «здоровые и больные всей семьей, без различия запирались в доме, причем на воротах начертывали красный крест с надписью: Боже, сжался над нами!»... У ворот этого домашнего острога находилась постоянная стража до тех пор, пока заключенные не вымирали или не выздоравливали»³. Последнего практически никогда не наблюдалось.

Крупный французский хирург Средневековья Ги де Шолиак, сам переживший эту страшную пандемию, также оставил описание страданий больных чумой. «Мучимые внутренним беспокойством, больные безостановочно мечутся на своем ложе. К бессоннице присоединяются тошнота, рвота, обмороки и постоянное чувство разбитости, так что они беспрестанно просят вина. Иные харкают кровью, или же кровь выходит у них носом, в испражнениях или моче. В таких случаях смерть наступает в тот же или на

¹ Сорочан С.Б. История культуры. Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 178.

² Боккаччо Д. Декамерон. — Харьков: Прапор, 1991. — I, с. 11.

³ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч.2, с. 508.

следующий день. Другие тоже безнадежные впадают в глубочайшую спячку. Сверх того, все вещества, выделяемые больными: пот, испражнения, мокрота и дыхание распространяют крайне неприятный запах. У иных больных на плечах, в пахе, в железах позади ушей и в других частях тела образуются бубоны. У многих также раздувается нижняя часть живота с подреберьями и наполняется воздухом. Многие бредят; почти все умирают на третий, пятый или седьмой день»¹.

Другой видный врач того времени из Монпелье, окончивший Медицинский факультет Парижского университета, Симон Ковино, также переживший эту пандемию, писал о ней следующее. «Ни различие климата, ни юг, ни чистый воздух севера, ни жаркий, ни холодный климат — ничто не может остановить страшной болезни. Она проникает в горы и в долины, внутрь материка и на острова, в равнины и холмистые места; не щадит ни лесов, ни морей, ни болот. Она преследует человека по волнам океана и идет за ним в деревни, лагеря и города. Напрасно ждут холодов зимы; болезнь не берет в расчет ни умеренной весны, ни жаркого лета, ни перемен в положении луны и звезд. Ни сырого южного ветра, ни сурового северного. Одинаково погибают мужчины и женщины, старцы и дети, но смерть всего более грозит матерям, полным надежды (беременным). Смерть выхватывает то одного, то другого, и в то время, когда, по-видимому, силы ее иссякли, она снова начинает свирепствовать по-прежнему; она гнездится то здесь, то там, то вдалеке, то в самой близости»².

Врачи в период эпидемии чумы шили себе особое одеяние, которое должно было их предохранить от заражения. Вследствие магических воззрений, господствовавших в то время, и, в частности, веры в силу глаза, врачи верили, что чума передается от человека к человеку не только и ни столько через прикосновение, сколько через передачу взглядом и через речь больного³.

Поэтому позднее они надевали на лицо маску из левантского сафьяна с глазами из хрусталя и длинным, наполненным благовоном, носом в форме клюва, с отверстиями для ноздрей. На руках были перчатки из гладкой кожи, на тело была одета рубашка, вдетая в кожаные панталоны, а сверху длинный плащ. Так же больным приказывалось при появлении врача закрывать глаза и покрывать голову простыней.

¹ цит. по Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 82.

² цит. по Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 84.

³ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893-1898. — Ч.2, с. 509.

● Методы борьбы с чумой

Ведущие медицинские факультеты университетов того времени весьма своеобразно предлагали меры для борьбы с чумой. Так, Парижский университет в 1348 году опубликовал следующие инструкции по борьбе с чумой, где, в частности, писалось: «Избегать употребления домашней птицы, жирного мяса, острых блюд и особенно смертельно опасного оливкового масла; не спать позже, чем займется заря; обязательно воздерживаться от половых отношений». В лучшем случае чумные бубоны или вырезались, или прижигались¹.

Также для профилактики рекомендовалось избегать общения с больными, запираясь у себя в доме или совершенно покидая пораженные местности².

Дома больных чумой помечались литерой P — от лат. *pestis* — чума³.

Тогда же в период пандемии чумы впервые появилось понятие карантина (итальянское *quarantena* от *quaranta ginori* — 40 дней), то есть, задержание людей и товаров сроком на 40 дней. Цифре 40 приписывалось в астрологии и алхимии особое место, поэтому и была взята именно эта цифра. Первые такие карантинны были созданы в Венеции в 1348 году, на острове св. Лазаря, где были созданы и лазареты для заболевших на кораблях во время карантина.

Также большое значение придавали очищению воздуха, для чего разводили на улицах костры. Для этого, в частности, в Италии даже в самую жаркую пору года римский папа Николай поддерживал у себя во дворце огонь⁴. Сами помещения также окуривали смолистыми веществами. Также рекомендовали дышать парами селитры и пороха.

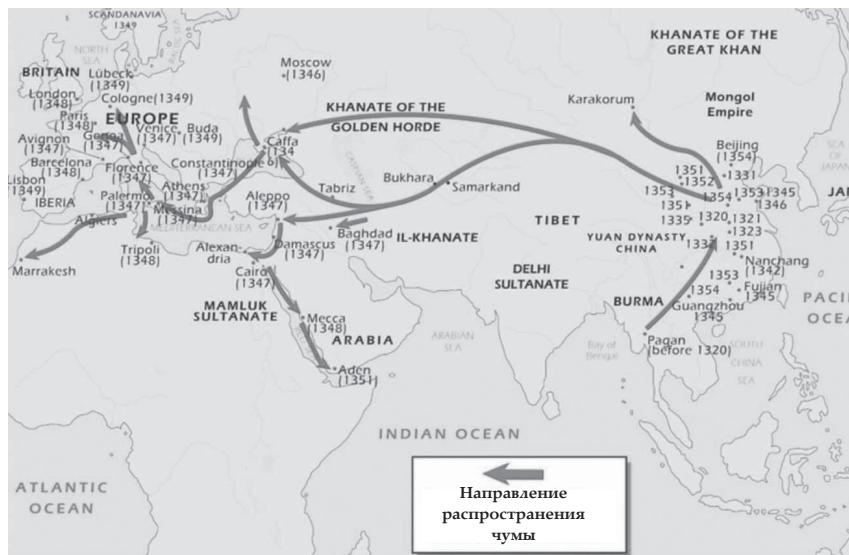
Разрабатывались также и весьма своеобразные методы лечения чумы в духе средневековых университетских учений «Следует раздобыть свежий труп преступника двадцати четырех лет от роду, рыжего, но не имеющего на теле веснушек или родинок, казненного через повешение или же колесованного, над телом которого единожды светила луна и единожды — солнце, разрезать его на части, натереть миррой и алоэ, затем растворять в винном спирте в течение нескольких дней. В совсем отчаянных случаях

¹ Склярова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 135.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 117.

³ Музей истории медицины им. П. Страдыня, Рига. Экспозиция.

⁴ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 117.

Распространение Второй пандемии чумы, XIV век

сила этой тинктуры может быть увеличена смешением ее с перламутровой солью, коралловой солью, оливковым маслом и мускусом, затем смесь следует выпаривать на водяной бане в течение месяца, каждый день помешивая»¹.

• Государственная церковь Средневековья в поиске виновных в пандемии

При этом, каждую эпидемию государственная церковь, дабы не навлечь на себя гнев населения, обращала его взоры на две вещи, которые якобы и объясняли все эти беды: недостаточное религиозное рвение и евреи².

Поэтому в период чумы начинают устраиваться религиозные покаянные шествия. Так только в 1349 году подобные шествия прошли по всей Германии, Франции, Нидерландах, Швейцарии, Дании, Англии, состоявшие из сотен людей, и представляли собой, по сути, одно кровавое месиво, где люди нещадно самобичевали до крови себя среди молитв и песнопений, считая, будучи так научены государственной церковью, что так будут услышаны Богом.

¹ Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 152.

² Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч.2, с. 509.

«В одной рубашке и шляпе, к которым был прикреплен красный крест кающихся, с закрытым лицом, входили самобичеватели в города и деревни. Народ встречал их с почтением и удивлением, при торжественном звоне колоколов. Затем они отправлялись в церкви и, повергаясь перед алтарями святых мучеников, начинали бичевать себя, причем пели каноны покаяния на своем родном языке. Другие (быть может, те, которые не могли принять участия в самых шествиях) с пением и при звоне колоколов, уходили попарно два раза в день за город, в места, где производились бичевания, и, сняв платье с верхней части тела, подвергались бичеванию из рук старшины. Получив от последнего разрешения, которое он давал особой Формулой, они начинали бичевать самих себя, среди пения и молитв; молитвы имели главным предметом просьбу об устранении чумы»¹.

Эти самобичеватели в своей религиозной гордыне дошли до того, что возомнили себя орудиями Божьей воли и стали браться за исцеления больных чумой²!

Однако, само «появление самобичевателей должно быть разом рассматриваемо как следствие того могущественного стремления к нравственной и церковной свободе, которое пробудилось в народе в годину тяжких испытаний. Богослужение на непонятном языке и покаяние чрез посредство греховных священников перестали удовлетворять напуганные умы. Вместо мертвой обрядности они желали мира сердца, который могут доставить лишь самодеятельное покаяние и обращение к добродетели. Сокрушенная совесть не довольствовалась посредничеством церкви. Люди сами хотели открыть путь ко спасению и желали исповедоваться лишь у таких священников, которых они выбрали сами, которым доверяли за их нравственные достоинства, и из их чистых рук готовы были принять отпущение вместе с эпитимьей, сопряженной с физическою болью. Народ хотел молиться Спасителю на том языке, который он получил вместе с молоком матери, а не звуками мертвого языка, лишенными для него всякого содержания. Таким образом, шествия самобичевателей занимают место в ряду тех достопамятных средневековых событий, в которых обнаружилось стремление народа к совершеннолетию; и потому в этом смысле им принадлежит немаловажное место между многочисленными предвестниками Реформации. Это значение самобичевателей становится еще яснее, когда они снова явились в 1414 г. На этот раз противоречие их с церковью выразилось еще полнее и дошло до отрицания самых существенных догматов этой последней, как-то: исповеди у священников и их права отпускать грехи, индульгенций папы, чистилища, поминовений по усопшим и поклонения иконам»³.

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 122.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 123.

³ Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 124.

Одновременно с этим было распространено известие, что в эпидемии якобы повинны евреи, и что они якобы не умирают, что было самой настоящей ложью, но это мало кого интересовало. Единственно евреи порой гибли от чумы меньше, чем представители других народов, но этому были свои сугубо объективные причины.

Так, в частности, «нет никакого сомнения, что во время Черной смерти употребление обыкновенной воды для питья во многих местах оказывалось вредным, и что евреи, уже сами по себе более склонные к осторожности, и, кроме того, предостерегаемые прекрасными врачами, бывшими в их среде, стали употреблять вместо воды из источников и цистерн одну лишь речную воду. К этому присоединилось еще и то обстоятельство, что в иных местах их меньше умирало от Черной смерти, нежели христиан, как это бывало и при некоторых других эпидемиях. Толпа не умела объяснить себе такого преимущества, ни чем иным, как преступлением»¹.

Вследствие того, как тогда считали, главной причиной эпидемии была зараженная вода, то евреев обвинили в том, что они отравили воду в колодцах².

К преследованию евреев подстрекали монахи-францисканцы³. Церковь открыто учила, что главными врагами общества наравне с еретиками и прокаженными были евреи⁴! Четвертый Латеранский собор 1215 года обязал евреев носить на одежде опознавательный знак — кружок⁵, по которому их легко было опознать и выловить.

Первые суды над евреями по обвинению их в появлении чумы были совершены в Шиньоне в 1348 году. Осужденных после зверских пыток заставили сознаться в якобы совершенных действиях, повлекших эпидемию, хотя и не было показано, что же именно было ими сделано. Затем они были сожжены. После этого в Берне, Фрейбурге, Шпеере, Галле евреев массово загоняли в деревянные строения и сжигали без различия возраста и пола⁶.

Страшные гонения на евреев были осуществлены в 1349 году и во Франкфурте на Майне, где существовала одна из самых боль-

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 125.

² Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 148.

³ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 150.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 292.

⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 292.

⁶ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч.2, с. 510.

ших средневековых еврейских общин¹. В Вормсе по прямой санкции императора Карла Четвертого население города истребило все еврейское население². «В Париже испуганные евреи убежали в соседний лес, но опасаясь, что их окружают там, они снова вернулись на свою улицу. Но тут их ждала разъяренная чернь. Несчастные были перебиты в таком числе, что их не похороненные трупы несколько месяцев кряду служили пищею волкам»³.

В Шварбере было сожжено 900 человек, в Майнце сожгли 12 тыс. евреев! Имущество евреев присваивалось. Темное население, к тому же умело натравленное, вымещало на них свою злобу и бессилие.

«Ни в одном христианском государстве евреи не были в безопасности. Они были чужими везде и нигде не имели права гражданства. Их называли «врагами Христа и «предателями». Богослужение в страстную пятницу содержит слова: «Помолимся и за предателей иудеев». Начало крестовых походов сопровождалось разъяренными нападками на евреев. Иннокентий III в 1216 г. предоставил постоянное юридическое обоснование для гонений на них. Изгнание евреев из Испании в 1492 г. было кульминацией средневековой драмы их страданий. Англия, Германия, Франция, Испания, Португалия и Венгрия объединились в преследованиях.

Десятки тысяч евреев были сожжены или казнены другими способами. Их изгоняли в то или другое время практически из всех стран. Им предлагали альтернативу: крещение или смерть, и, возможно, количество погибших было больше, чем количество принявших крещение. Но большинство из тех, кто принял крещение, потом открыто возвратились к вере отцов или втайне практиковали ее обряды.

Церковь и христианское государство ступили на путь антисемитизма. Ни одно из правил не было таким унижительным, как требование, чтобы евреи носили определенный костюм или выделяющуюся нашивку на одежде. Эту нашивку полагалось помещать на грудь или на грудь и спину, чтобы носящего можно было отличить издали (подобно тому, как в древности прокаженного отличали по его крику «нечистый!») и чтобы христиане случайно, по неведению, не вступили в телесный контакт с презренным народом...Иннокентий считал, что по воле Бога евреи должны, как убийца Каин, блуждать по земле, осужденной

¹ Коотц В. Франкфурт. — Франкфурт на Майне: Kraichgau, 2012. — С. 2, 34.

² Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 127.

³ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 127.

на рабство по их вине, пока в последние времена не настанет время их обращения.

Богословы соглашались с этим мнением. Петр Достопочтенный за полвека до Иннокентия представлял ситуацию в том же духе, что папа, и выступил с ужасным обвинением против евреев. В послании к Людовику VII Французскому он восклицал: «Какая польза от борьбы с врагами креста в далеких странах, если грешные евреи, хулящие Христа, которые намного хуже сарацин, живут рядом свободно и безнаказанно. Евреев следует презирать и ненавидеть больше, чем сарацин, ибо последние признают рождение от Девы, а евреи отрицают его, хулят это учение и все христианские таинства. Бог не хочет, чтобы они были полностью истреблены, но, чтобы, подобно братоубийце Каину, оставались в живых для более жестоких мучений и позора. Бог со справедливой суровостью относился к евреям со времен страстей Христовых и продолжит обращаться с ними так до конца света, ибо они прокляты и заслуживают этого». Петр посоветовал отбирать у них несправедливожитое добро, а полученные таким образом средства тратить на борьбу с сарацинами в святых местах»¹. Единственная страна, давшая евреям право убежища, была Польша, благодаря заступничеству любовницы-еврейки короля Казимира Великого (1333—1370) Эсфири.

Так, государственная средневековая церковь лелеяла антисемитизм и направляла на этот путь в нужное для себя время темное население.

Каждая эпидемия уносила тысячи жизней, население Европы значительно уменьшалось. Люди были в отчаянии: погибали целые семьи, особенно это тревожило знатных особ — необходимо было продолжить свой род. И интересный выход из положения нашли хитроумные модельеры того времени при поддержке женского населения. Государственная Западная церковь строго следила за внешним видом дам и жестоко карала за малейшие вольности в одежде. Следовало носить длинные рукава, прятать не только грудь, но и шею, — отсюда мода на плюсовые воротники до подбородка. Единственно, что можно было не прятать — это лицо. И считалось, что лицо более всего походит ... на грудь. Отсюда модные прически того времени: выбривались напрочь брови (вспомните Джоконду Леонардо да Винчи), волосы на голове у лба также выбривались — отсюда неестественно большие покатые лбы. Вот вам и сходство с грудью! Все это мы можем наблюдать на

¹ Шафф. Указ. соч, т. 5, с. 272—274.

картинах западноевропейских художников Средневековья. И еще — моду ... на беременность. Под пышные в талии платья подкладывали подушечки. Всем своим видом дама словно говорила: «Обрати на меня внимание! Я могу забеременеть! Я могу принести потомство и продолжить твой род»!

На фоне всего этого отчаявшееся население между религиозными шествиями и погромами евреев, сопровождающихся самыми гнусными деяниями, предавалось неудержимому пьянству и разврату, действуя по принципу: станем, есть, и пить, ибо завтра умрем! «Воровство и грабеж развились до чрезвычайности, и даже очевидная опасность заразиться не утешала ненасытных корыстолюбцев, грабивших оставшееся без защиты имущество»².

Современник тех событий, уже цитируемый нами, Джованни Боккаччо, сам переживший чуму, оставил описание нескольких основных групп людей, переживавших пандемию Черной смерти. «Иные стояли на том, что жизнь умеренная и воздержанная предохраняет человека от заразы. Объединившись с единомышленниками своими, они жили обособленно от прочих, укрывались и запирались в таких домах, где не было больных и где им больше нравилось, в умеренном количестве потребляли изысканную пищу и наилучшие вина, не допускали излишеств, предпочитали не вступать в разговоры с людьми не их круга, боясь, как бы до них не дошли вести о смертях и болезнях, слушали музыку и, сколько могли, развлекались. Другие, придерживавшиеся мнения противоположного, напротив того, утверждали, что вином упиваться, наслаждаться, петь, гулять, веселиться, по возможности исполнять свои прихоти, что бы ни случилось — все встречать смешком да шуточкой,— вот, мол, самое верное средство от недуга. И они заботились о том, чтобы слово у них не расходилось с делом: днем и ночью шатались по тавернам, пили без конца и без счета, чаще всего в чужих домах — в тех, где, как им становилось известно, их ожидало что-нибудь такое, что было им по вкусу и по нраву. Вести подобный образ жизни было им тем легче, что они махнули рукой и на самих себя, и на свое достояние — все равно, мол, скоро умрем,— вот почему почти все дома в городе сделались общими: человек, войдя в чужой дом, распоряжался там, как в своем собственном. Со всем тем эти по-скотски жившие люди любыми способами избегали больных. Весь город пребывал в глубоком унынии и отчаянии, ореол, озарявший законы бо-

¹ История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 104.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 120.

жеские и человеческие, померк, оттого что служители и исполнители таковых разделили общую участь: либо померли, либо хворали, подчиненные же их — те, что остались в живых, — не обладали надлежащими полномочиями, и оттого всякий, что хотел, то и делал. Многие придерживались середины: не ограничивая себя в пище, подобно первым, не пьянствуя и не позволяя себе прочих излишеств, подобно вторым, они во всем знали меры, через силу не ели и не пили, не запирались, а гуляли с цветами, с душистыми травами или же с какими-либо ароматными веществами в руках и, дабы освежить голову, часто нюхали их, так как воздух был заражен и пропитан запахом, исходившим от трупов, от больных и от снадобий. У иных был более суровый, но зато, пожалуй, более верный взгляд на вещи: эти утверждали, что нет более действенного средства уберечься от заразы, как спастись от нее бегством. В сих мыслях, думая только о себе, многие мужчины и женщины бросили родной город, дома и жилища, родных и все имущество свое и устремились, кто в окрестности Флоренции, кто в окрестности других городов, как будто гнев Божий не покарал бы грешников, куда бы они ни попрятались, но обрушился бы лишь на тех, кто остался в стенах города; а быть может, они полагали, что городу пробил последний час и все его жители, как один человек, перемрут»¹. К сожалению, как это видно и из самого «Декамерона», превалировала вторая группа, предававшаяся разврату.

Вместо размышлений о том, почему пришло это бедствие, подавляющая часть населения предалась самым постыдным и немислимым извращениям, что явилось вновь свидетельством того, «что даже величайшее бедствие не в состоянии доказать людям ничтожество всего земного и поселить в них сознание, что нам предопределено нечто высшее», — тонко замечает профессор Гезер².

Однако, на фоне этого всеобщего отчаяния, страха, жестокости и разврата единственно, кто богател, была правящая церковь, умело используя это бедствие в своих корыстолюбивых целях. «Единственная мера, на которую отчаяние было еще способно, состояло в покаянии на деле. В Любеке купцы пожертвовали в церкви и монастыри все свое золото. Когда же духовенство из боязни заражения стало запиравать ворота, то пожертвования начали бросать через монастырские и церковные ограды. Громадные богатства стекались в лоно церкви, частью как подарки от каявшихся

¹ Боккаччо Д. Декамерон. — Харьков: Прапор, 1991. — I, с. 8-9.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 120.

ся, частью по завещаниям умерших, частью, наконец, как благодарственные жертвы от тех, которым удалось спастись от чумы¹. Верующих настоятельно учили тому, чтобы они отдавали в церковь свое имущество².

Порой говорят, что это было темное и жестокое время. Но кто создал и поддерживал своей религией и философией это темное и жестокое время? Кто способствовал тому, что оно продолжалось в Европе 1000 лет?.. Всякого же, кто пытался выступить против этого, попытаться изменить, что-либо, государственная церковь Средневековья, и породившая это время, сжигала на кострах.

После обеих пандемий десятилетия царил страшный голод, жертвами которого стали еще сотни тысяч человек. Расцвела преступность, воровство, грабеж. Причем в ограблении мертвых самое активное участие принимало и духовенство³.

• Причины появления Черной смерти

Франческа Петрарка (1304—1374), один из известнейших поэтов Средневековья отметил следующее о состоянии научных кругов того времени в их попытках объяснить причину появления этой пандемии чумы. «Спросишь историков — они немые, спросишь врачей — они в ступоре, обращаешься к философам — они пожимают плечами, наморщивают лоб и подносят палец к устам в красноречивом молчании». А между тем, если бы в Средневековье больше задумывались и обращались к Библии, то они бы нашли первопричину этой страшной пандемии, обрушившейся на Европу.

«И осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие ее, и свергнула с себя земля живущих на ней (Левит18:25). «Ибо все эти мерзости делали люди сей земли, что пред вами, и осквернилась земля» (Левит 18:27). В этих емких словах представлена причинно-следственная связь исторических событий с моральным уровнем общества.

Итак, эпоха второй пандемии чумы была временем безраздельного расцвета инквизиции, истреблявшей все и вся неудобное папской власти. Это была и эпоха борьбы церкви с наукой. «В тринадцатом столетии отупелое и обеспеченное своими доходами духовенство стремилось к тому, чтобы остановить добросовестное занятие наукой и образование, и превратить все это в мертвые формулы; в боязливом недоверии оно ухватило за не-

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 120.

² Эйкен. Указ. соч., с. 111.

³ Ковнер. Указ. соч., ч.1, с. 509.

уклюжее орудие грубой силы и с его помощью пустилось в погоню за ересью»¹.

Это была эпоха, которая отвергла проповедь великого английского реформатора, просветителя Джона Уиклифа и вальденцев, проповедующих принципы Евангелия. Не просто отвергла, но подвергла систематическому истреблению каждого, кто просто хотел изучать Библию и жить по ее принципам добра, мира и истины. Это была эпоха, когда поправшая законы и учение Евангелия средневековая папская церковь в своей погоне за наживой дошла до того, что в борьбе за эту наживу появились сразу два римских папы, с оружием в руках оспаривающих друг у друга верховную духовную власть над миром.

В этой связи примечательно, что «всего ужаснее свирепствовала повальная болезнь в Италии; по достоверным известиям эта страна потеряла, средним числом, половину своего населения. По крайней мере, не подлежит сомнению, что во многих местах, например, в Падуе вымерло две трети всех жителей, такое же ужасное отношение к живым имело отношение и в Сардинии и Корсике»². А ведь именно Италия была центром средневековой государственной церкви.

В этой связи примечательно, также, что второй по численности жертв от этой страшной пандемии становится Испания — центр зловещей инквизиции! «Не менее ужасны, чем в Италии, были и те опустошения, которым подверглась Испания...Страна опустела, церкви превратились в развалины, потому что некому было заботиться о поддержании их»³.

Третьей страной по количеству жертв стала Франция, которая именовалась старшей дочерью папского престола. «Здесь, в некоторых местах, оставалось в живых лишь десятая часть всего народонаселения; небольшие местечки совершенно вымирали»⁴. При этом более всего погибло людей в тогдашней столице папства — городе Авиньоне. Именно туда из Рима перенес папскую столицу король Франции Филипп Красивый. «В Авиньоне смертность была так велика, что решились бросать покойников в Рону, и папа Клемент Шестой торжественно благословлял на это погребение умерших»⁵.

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 89.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 110.

³ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 111.

⁴ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 111.

⁵ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 111.

При этом Германия пострадала менее всего. Весьма низкие показатели смертности были в Шотландии¹.

Страшный удар понесли и монашеские ордена, ведущие проводники учения государственной средневековой церкви, только в Италии их погибло от чумы — 30 тыс., а в Германии — 124 тыс. человек².

Примечательно, что распространению чумы весьма способствовало массовое истребление в Средние века кошек, вследствие чего неимоверно размножились переносчики чумы мыши и крысы. Истребление же кошек было обусловлено возвращенным и поддерживаемым государственной церковью народным суеверием о том, что кошки якобы являются слугами дьявола³.

Одновременно с этим, это была эпоха, когда разразилась страшная война между Англией и Францией, вошедшая в историю под именем Столетней войны только в одной из битв которой, в сражении при Кресси 26 августа 1346 года англичане с помощью использования пушек истребили 40 тысяч французских воинов! Страшная смута царила тогда и в Германии в борьбе за императорский трон, раздираема была смутами и войнами Италия. И вот среди всей этой вакханалии инквизиции, борьбы с наукой и просвещением, преследовании Библии, войн, потрясающих Европу, вспыхивает пандемия чумы. Пандемия, в миг заставившая остановиться и притихнуть и разнузданное духовенство, попиравшее законы Евангелия и зарвавшихся политиков, забывших, что на небе есть всевидящий Бог.

Однако, к сожалению, ни государственная церковь того времени, ни подавляющее большинство народа не обратили вновь внимания, как и их предшественники во дни Юстиниановой чумы, на эту взаимосвязь нравственного упадка, жестокости, отхождения от Евангельских принципов и законов и появления страшной пандемии чумы.

Заключения

Таким образом, пандемии чумы впервые появившиеся в эпоху Средневековья были обусловлены низким санитарно-эпидемиологическим состоянием средневекового общества, реакционными и фанатичными по своей сути религиозными представлениями, сдерживающими развитие медицинской науки и практики и имели тесную взаимосвязь с низким моральным состоянием общества и отступлением от библейских законов.

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 111.

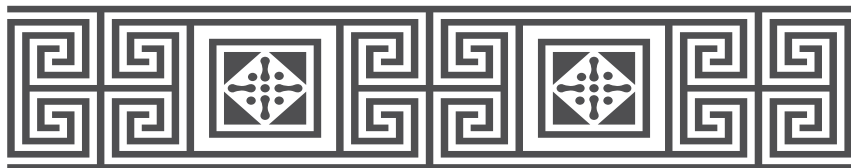
² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 112.

³ Складорова, Жаров. Указ. соч., с. 135.

Часть IV
ПСИХИЧЕСКИЕ
ЭПИДЕМИИ СРЕДНИХ
ВЕКОВ

Средневековая эпоха в Западной Европе ознаменовалась не только двумя пандемиями чумы, буквально потрясшими весь средневековый мир и унесшими жизни до трети населения Европы, не только пандемиями проказы, ставшими вообще одним из отличительных знаков данной эпохи, но и необыкновенными доселе невиданными пандемиями весьма необычных и странных нервно-психических расстройств, оказавших влияние на все без исключения сферы жизни средневекового общества¹. Так, «кроме страшных эпидемических болезней, уносивших в Средние века бесчисленное количество жертв, много страдало население тогдашних городов и деревень от своеобразных вспышек религиозного экстаза. Крайнее религиозное воодушевление, выражавшееся в диких, необыкновенных проявлениях, иногда охватывало народные массы»².

«Из всех страстей религиозное более всего действует на массу народа. Поэтому-то она больше всех обогатила патологию большим количеством в высшей степени разнообразных, страшных и нередко удивительных форм нервных болезней, которые редко были поняты или никогда не были поняты»³.

Среди этих необычных расстройств психики, аналогии которым мы не находим в другие эпохи, мы можем выделить несколько основных: пляска св. Витта, тарантизм, ликантропия, детские психозы, процессы против животных и охоту на ведьм.

Глава 1

ПЛЯСКА СВ. ВИТТА, ТАРАНТИЗМ И ЛИКАНТРОПИЯ

Среди массовых психозов Средневековья, безусловно, первая роль принадлежит пляске св. Витта.

• **Пляска св. Витта.** Первое появление этого необычного массового заболевания или психоза — пляски св. Витта относится к

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 225.

² Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 86.

³ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 142.

1021 году, когда в монастыре в Дессау во время совершаемого священником Рупрехтом в ночь на Рождество служения, присутствовавшие на нем крестьяне пустились в зловеющий неопикуемый пляс. Эти танцы напоминали беспорядочные конвульсионные движения¹. В 1278 году в Утрехте, на мозельском мосту в странный пляс ударились такое количество людей, говорящих, что не перестанут плясать до тех пор, пока священник не пронесет мимо них св. дары, что обрушился сам мост².

Летом 1374 года из Аахена отправилась целая толпа мужчин и женщин, постоянно пляшущих и кричащих и в таком состоянии заходивших в церкви, где продолжали свои пляски, находясь в состоянии полного иступления. Причём останавливались они только тогда, когда падали в изнеможении, в груди у них появлялось сильное стеснение и они громко кричали, что скоро должны умереть. Люди при этом уверяли, что они стоят в потоке крови, тонут в бездне своих грехов, что и вынуждает их прыгать так высоко³. Вскоре эта болезнь охватила многочисленные города Европы. Так, к примеру, только в Кельне насчитывалось 500 таких больных, в Меце — 1000 и несколько сот больных в Страсбурге⁴.

Кстати, из Страсбурга их отправили на лечение в часовню св. Витта города Цаберна, откуда и пошло название этого необычного состояния — пляска св. Витта, которое внешне чем-то напоминает заболевание, известное сегодня под названием хореи, но в отличие от той носило, как мы видели, массовый характер и не имеет всех других, как патогенетических, так и клинических ее проявлений. Примечательно, что начало вспышек этого, заболевания всегда отмечалось тогда, когда средневековая церковь проводила особые призывы к покаянию и главное, внедряла особые практики для покаяния⁵. Что это были за практики, мы рассмотрим чуть ниже, когда познакомимся с еще другими проявлениями необычных нервно-психических расстройств эпохи Средневековья.

Именно фанатизм и мистицизм средневековой церкви, пропитавшей все тогдашнее общество, и привел к формированию этого психического расстройства⁶.

¹ Бейджент М. Ли Р. Инквизиция. — М.: ЭКСМО, 2003. — С. 129.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 138.

³ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 138—139.

⁴ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч.2, с. 510—511.

⁵ Там же, с. 510—511.

⁶ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 139.

Пляска святого Витта

Пляска святого Витта - массовый психоз эпохи Средневековья

Тарантизм

Примечательно, что церковь, которая и привела к формированию этого заболевания, самих пораженных этим странным недугом, как и страдающих ликантропией, сжигала на кострах¹.

● **Тарантизм.** Данный вид массовых психических расстройств, получивший широчайшее распространение в XIV—XVI в.в. в Германии, Италии, Нидерландах был обусловлен навязчивой идеей возможного или уже случившегося укуса пауком — тарантулом, от смертельного исхода которого якобы мог охранить только особый, специально и созданный для этого танец — тарантелла². Свое название танец получил от

имени паука, а тот, в свою очередь, от названия итальянской провинции Таранто, где особенно много встречалось данных пауков. Начиная танцевать тарантеллу, люди начинали неистовствовать в танце, затем видели галлюцинации, что сменялось судорогами, за которыми следовала частичная или полная амнезия. Причем, в пляс начинали пускаться люди даже помимо своей воли. Танцующие люди при этом уверяли, что «они будто бы стоят в потоке крови; им мерещилось, будто бы они тонут в бездне своих грехов, своей запятнанной кровавыми делами совести»³.

Как и в случае с пляской св. Витта, тарантизм до сих пор не объясним с медицинской точки зрения.

● **Ликантропия.** Данный вид психического расстройства представлял собой веру в возможность превращения других людей и самих себя в того или иного зверя, как правило, волка или кошку. Он был распространен и в античное время, но никогда не имел такого распространения, как в Средневековье. Это было обусловлено тем, что «в Средние века вера в нечистых духов и в волшебство была распространена весьма сильно, мы часто встреча-

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 139.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 140.

³ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 140—141.

ем, особенно в Германии и Франции, ликантропию даже в сравнительно позднее время»¹. Эту веру в темные силы широко сеяла папская церковь, немало наживаясь на темноте невежественных людей. Тогда же была распространена молва о том, что с помощью особой мази можно, натерев себя, получить способность превращаться в волка. Люди натирались такой мазью, похищали детей, затем со зверской кровожадностью съедали их². Другие, отловив волчиц, совокуплялись с ними³.

В Средневековье эта болезнь людей — «оборотней» приобретает характер почти эпидемии⁴. Церковь, порождая и поддерживая веру в реальность оборотней, самих «оборотней» сжигала на кострах и поощряла их ловлю. Так во Франции еще в 1513 году была разрешена охота на оборотней⁵. При этом мы можем лишь догадываться, сколько было обвинено и сожжено ни в чем неповинных людей. Примечательно, что благодаря Реформации, открывшей двери широкому просвещению, вера в оборотней постепенно сходит на нет⁶.

Глава 2

ДЕТСКИЕ ПСИХОЗЫ

Особое место среди психических заболеваний эпохи Средневековья занимают массовые детские психозы, возникающие опять на религиозной или точнее суеверной почве⁷.

Фанатичный экзальтированный энтузиазм, охвативший общество в период крестовых походов, коснулся и детей. Под влиянием церкви «по деревням и местечкам распространилась вздорная мысль, что невинные дети сумеют скорее добиться от Всевышнего той милости, которая никак не давалась в жадные руки взрослых грешников»⁸. Совершаемые церковью крестные ходы дали прямой толчок и взвинтили и без того религиозно-экзальтированное темное средневековое общество⁹, приведя к странному

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 137.

² Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 137.

³ Бейджент М. Ли Р. Инквизиция. — М.: ЭКСМО, 2003.

⁴ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч.2, с. 512.

⁵ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 137.

⁶ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 137.

⁷ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч.2, с. 511—512.

⁸ Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 204.

⁹ Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 142.

психозу, охватившему детей и вылившегося в зловещий детский крестовый поход.

Началось все с того, что «в июне 1212 года в одной деревне близ Вандома явился мальчик-пастух, по имени Стефан, который объявил, что он посланец Бога, и призван стать предводителем и снова завоевать христианам Обетованную Землю; море должно было высохнуть пред войском духовного Израиля. Он прошел по всей стране и везде вызывал бурное одушевление своими речами, а также и чудесами, которые он совершал на глазах тысячи очевидцев. Вскоре во многих местностях появились мальчики в качестве крестовых проповедников, собирали вокруг себя целые толпы единомышленников и вели их, со знаменами и крестами и с торжественными песнями, к чудесному мальчику Стефану. Если кто спрашивал молодых безумцев, куда же они идут, тот получал в ответ, что они отправляются за море к Богу. Их родители...которые хотели удержать мальчиков от их предприятия, ничего не могли сделать, тем более, что народная масса ждала от этого крестового похода великих дел и резко порицала тех, кто думал иначе, за то, что они не понимали деяния Святого Духа в детях, которые уже одной своею непорочностью казались призванными снова возратить Святой Гроб, потерянный из-за греховности их предков.

Наконец, король Франции попробовал подавить эту бессмыслицу, серьезно приказав юным глупцам вернуться домой. Часть их последовала этому приказу, но большинство не обратило на него внимания и скоро в это фантастическое предприятие были вовлечены и взрослые. К нему пристали священники, ремесленники и крестьяне, но вместе с ними также воры и преступники, которым хотелось бы оставить родину, наконец, даже женщины и девушки. Поход возрастал все сильнее; во главе его был мальчик-пастух на колеснице, увешанной коврами, окруженный телохранителями, а за ним до 30 000 пилигримов и пилигримок. Когда толпа достигла Марселя, то два торговца рабами, как говорят, вызвались перевезти в Сирию этих «поборников Христа» за «воздаяние Божие». Они отплыли на семи кораблях, два из них потерпели крушение при острове Сан-Пьетро близ Сардинии, а пять остальных привели в Египет и продали там пилигримов как рабов»¹. Главе и вдохновителю этого движения пастушку Стефану было всего 12 лет²!

¹ Кутлер Б. История крестовых походов. — Ростов-на-Дону, 1995. — С. 366—367.

² Шафф Ф. История христианской церкви. В 7 т. — СПб.: Библия для всех, 2007—2010. — Т. 5, с. 167.

Детский крестовый поход

Фанатизм того времени доходил до того, что многие суеверные родители не только не пытались вернуть своих детей, но с благоговением смотрели на них¹.

Вскоре в Германии повторился подобный же массовый пример психоза детей на религиозной почве, когда 20 тыс. мальчиков

¹ Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 127.

и девочек, несмотря на мольбы родителей, оставив свои семьи, без пропитания и теплой одежды двинулась из Германии на Восток, но вскоре погибнув и умерев от голода, большей частью во время перехода через Альпы¹. Во главе этого движения стоял десятилетний мальчик Николай².

Этот детский религиозный психоз был произведен духовенством умышленно. Причем, здесь был не только фанатизм, но и расчет, так как огромная партия детей была продана на Восток, а посредниками в работорговле выступали итальянцы — венецианцы. Так, фанатизм одних приносил доходы другим³.

Потом это движение детей будет использовано папством и в своих новых призывах, обращенных уже к взрослому населению Европы, с призывом вновь двинуться на восток. Так папа Иннокентий III писал о детском крестовом походе: «Они пристыдили нас. Они устремились в путь ради возвращения Святой земли, а мы спим»⁴.

Детские Крестовые походы явились плодом средневекового учения церкви, фанатичная, жестокая и слепая религиозность которого вообще, начиная с крупнейшего историка и психиатра И.Ф. Геккера, рассматривалась, как патологическая в принципе⁵.

Потому, недаром крупнейший историк медицины проф. Ковнер С.Г. писал: «Детские крестовые походы XIII века, несомненно, историко-патологическое явление, вид помешательства, вызванный к жизни религиозным воздействием на детское воображение, хотя для целей, вовсе не религиозных»⁶. Другой крупнейший историк медицины, немецкий профессор Гезер, писал тоже, «что в детских крестовых походах весьма важную роль играло психическое и религиозное возбуждение — в этом не может быть сомнения... Детские крестовые походы XIII столетия имеют полное право на место в истории душевных болезней Средних веков, потому что эти походы составляют живое свидетельство той неодолимой власти, которую может иметь возбужденная фантазия на массы; они служат ясным доказательством того, что форма вмешательства зависит в каждом веке от господствующих над умами

¹ Кутлер Б. История крестовых походов. — Ростов-на-Дону, 1995. — С. 368.

² Шафф Ф. История христианской церкви. В 7 т. — Спб.: Библия для всех, 2007—2010. — Т. 5, с. 167.

³ Шафф Ф. История христианской церкви. В 7 т. — Спб.: Библия для всех, 2007—2012. — Т. 5, с. 168.

⁴ Там же. — Т. 5, с. 168.

⁵ Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. — М.: Наука, 1980. — С. 262.

⁶ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч.2, с. 512.

представлений»¹. А в Средние века эти представления формировала папская религия.

Глава 3

ПРОЦЕССЫ ПРОТИВ ЖИВОТНЫХ И ШЕСТВИЯ ОБНАЖЕННЫХ ЖЕНЩИН

Одной из самых странных и одновременно самых жестоких в своей дикости страниц эпохи Средних веков являются уголовные и гражданские процессы против животных², первые из которых относятся в XII веку, но наивысшего распространения получают в XV—XVI века, что и другие психические пандемии. «Сущность этих процессов заключается в том, что животные рассматриваются, как вполне сознательные существа, сознающие то, что они делают, и обязанные, поэтому ответственность, подобно людям, на основании общих законов, за всякое совершенное ими преступление и за всякий причиненный ими имущественный вред. Животные подсудимые привлекаются к уголовной ответственности, они подвергаются допросу, их обвиняет прокурор и защищает защитник, они судятся и осуждаются на основании законов»³. Животных в целях дознания подвергали пыткам и при этом их крики расценивали, как признание своей вины⁴. Животных подвергали казням через повешивание, через побитие камнями, четвертование или сожжение на костре⁵. Казни животных так же, как и еретиков, проходили открыто в присутствии народа на городской площади под звон колоколов⁶. «Церковное отлучение животных и гадов считалось эффективным средством»⁷.

«Эти процессы против животных и сопровождающее их отлучение от церкви было связано со средневековой демонологией и верой в оборотней. Существовало убеждение, что дьявол охотно и чаще всего принимает вид животного — сам принимает вид какого-либо животного, чтобы вредить, и также обращает в животных людей, в которых он поселился или которые вступили с ним в связь. Эти оборотни бегали по деревням, пожирая детей и

¹ Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 145, 146.

² Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 239.

³ Канторович Я.А. Процессы против животных в Средние века. — М.: Ленанд, 2018. — С. 5.

⁴ Там же. — С. 10.

⁵ Там же. — С. 10, 11.

⁶ Там же. — С. 11.

⁷ Ястребицкая А.Л. Западная Европы XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 123.

домашних животных. Еще св. Августин сообщает, что в его время были некоторые трактирщики, которые давали своим посетителям какие-то снадобья в сыре и таким образом превращали их в животных. Также Фома Аквинат утверждал эту же возможность. На этом основании против животных делались заклинания. Этими воззрениями средневековых людей объясняются распространение на животных светских наказаний и церковных отлучений¹.

Особо много в Средние века сжигали кошек, которых считали животными, в которых наиболее часто вселяются демоны. Кстати, с массовым истреблением кошек связано засилье в средневековых городах мышей и крыс, являвшихся переносчиками очень многих заболеваний и, в первую очередь, чумы.

● **Шествия обнаженных женщин.** В 1212 год вспыхнул еще один психоз, «когда женщины снимали с себя всю одежду и нагие, и безмолвные, подобно блуждающим призракам, бродили по деревням и городам»².

Глава 4

ОХОТА НА ВЕДЬМ

Однако, среди психических эпидемий Средневековья на первом месте стоит, безусловно, «охота на ведьм». Вся эпоха Средневековья пронизана оккультизмом. Причем, церковь ни столько боролась с ним (кстати, и методы этой борьбы, как мы увидим ниже, были весьма своеобразны), сколько поднимала в глазах людей его авторитет и силу. «Вероятно, в истории человечества нет главы более отталкивающей, чем та, где рассказывается о дикой вере в колдовство и о безжалостных наказаниях за него в Западной Европе, в век перед началом Реформации и последующее время. Во второй половине XIV века церковь и общество панически устрешились ведьм, и христианский мир вдруг мгновенно наполнился одержимыми, подчиняющимися непреодолимому влиянию сатаны. Эта мания из Рима и Испании распространилась в Бремен и Шотландию. Папы, юристы, врачи и деятели церкви всех уровней призывали к репрессивным мерам против ведьм, а протестовали в Средние века только жертвы, подвергаемые пыткам и погибающие на костре»³.

¹ Канторович Я.А. Процессы против животных в Средние века. — М.: Ленанд, 2018. — С. 52—53.

² Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 128.

³ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 327.

Ведущий богослов средневековой церкви Фома Аквинский прямо писал «о сожительстве людей с бесами как о реальности, а также утверждал, будто старухи взглядом могут передать молодым некое злое влияние»¹.

По благословению папы пишутся целые трактаты об общении людей с бесами и о методах выявления этого. Так, в 1486 году монахами доминиканцами-инквизиторами Генрихом Инститори-сом и Якобом Шпренгером, занимавшими видное место в ордене и в Кельнском университете на основании буллы папы Иннокентия Восьмого создается труд «Молот ведьм»² в котором авторы подробнейшим образом раскрывают виды колдовства и методы по обнаружению ведьм³. Эта книга была по праву названа «самым мощным орудием суеверия, когда-либо созданным людьми».

«Из всех разделов этого учебника особо печальной славой пользуется оценка, которую авторы дают женщинам. Если кто-то еще считает, что безбрачие — верный путь к чистоте мыслей, пусть прочитает, что говорят о женщине и браке эти средневековые авторы, священники и монахи, сами соблюдавшие целибат и предположительно хранившие целомудрие. Их нечестивые выражения свидетельствуют о греховности помыслов и речей. В самом заглавии, *Malleus maleficarum*, используется слово женского рода, «ведьма», потому что, по мнению авторов, именно женщины особенно тяготеют к одержимости и ко вступлению в отношения с бесами. Мнение авторов резко контрастирует с современным представлением о религиозности женщин. Они даже производят слово *femina*, «женщина», от *fe* и *minus*, то есть *fides minus*, «меньшая в вере». Они заявляют, что слезы, обман и коварство — сама суть женской натуры. Женщина обманывает, так как она сотворена из ребра Адама, а оно было изогнуто.

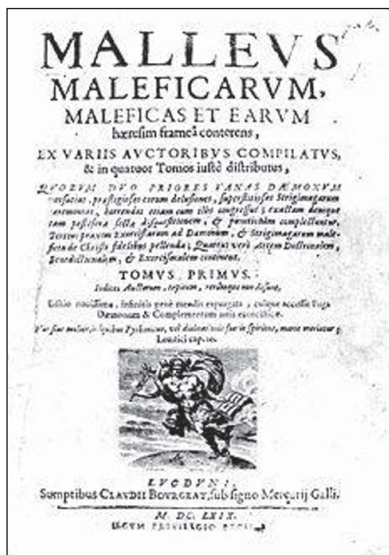
Длинная глава посвящена доказательству того, что женщина хуже мужчины. Ее союз с бесами описывается с явным удовольствием. В древние времена, утверждают авторы, соительство с бесами происходило против воли женщины, но теперь оно происходит с ее полного согласия и даже при пылом желании с ее стороны. Авторы благодарят Бога за то, что они мужчины. Многие представители их пола, говорят они, соглашаются на столь непристойные отношения с бесами — в пропорции один мужчина на десять женщин»⁴. Вот, что дословно пишут эти инк-

¹ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 329.

² Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. АН СССР, 1959.

³ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 330—332.

⁴ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 327.

Обложка книги «Молот ведьм»

Эдуард Исповедник, король Англии

визитеры о женщинах. «Женщина скверна по своей природе... почти все государства были разрушены из-за женщин...из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь подвержена неисчислимому вреду...женщина — скрытый, лстивый враг... По природе женщина лжива Их сердце тенета, т.е. неизмеримая злоба, господствующая в их сердце»¹.

Для заключения «ведьм под стражу» могут служить следующие примеры: «Дурно ославленная старуха. Поссорившись с соседом, посулила ему, что так ему это не пройдет, и у соседа вскоре пала скотина» — достаточный повод для возбуждения против старухи уголовного преследования. Две дурно ославленные старухи после сильного градобития между собою толковали: да, это, может, еще не последний град; может, будет и еще хуже» — следователь считает необходимым заключить старух в тюрьму»².

¹ Шпренгер Я, Инститорис Г. Молот ведьм. — Саранск: Норд, 1991. — С. 124, 125, 126.

² Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 9.

Часто для подозрения в сношениях с дьяволом было достаточно следующего. «Такого-то соседа обыватели заподозрили в сношениях с нечистым потому, что у него «уж очень подходящий для этого цвет лица»; другого потому, что он все ходит скучный; третьего потому, что у него в доме постоянно случаются несчастья и дети хворают какими-то странными болезнями; четвертого, напротив, потому, что все ему уже чересчур удается. Один вводил своих соседей в соблазн тем, что никогда в жизни не носил четок, другой, напротив, казался подозрительным, несмотря на то, что он очень прилежно посещал церковь: «Кабы в церкви было дело! В церковь-то ходят все ведьмы»¹.

«Во многих местах дошло до того, что богобоязненные христиане перестают ходить на богослужение, прячут свои четки и всячески прячут свое благочестие, чтобы не показаться набожнее других, ибо кто этого не остерегается, на того взводится обвинение в ведовстве. В некоторых местах сами священники не смеют совершать таинство Преосуществления каждый день. Если же они это и делают, то потихоньку, так как иначе их тоже легко заподозривают в ведовстве»².

Создается даже классификация ведьм. «Одни в своих преступных деяниях пользуются естественными средствами, как яды; другие знают магические слова и знаки; третьи, как люди, занимающиеся некромантией, зовут к себе на помощь нечистую силу, но не предаются ей вполне; и, наконец, четвертый вид образует настоящих ведьм, которые отрекаются от Бога и признают своим повелителем сатану»³.

Для того, чтобы подтвердилось, что данная женщина является ведьмой, было достаточно ее собственного признания, пусть даже и добытого в результате зверских пыток или показаний двух свидетелей⁴. При этом инквизиторы писали, что даже при наличии свидетелей обвиняемая обязательно должна сознаться и сама. «По закону никто не может быть присужден к смертной казни, если он сам не сознался в преступлении, хотя бы улики и свидетели и доказывали его еретическую извращенность. О таких обвиняемых и идет здесь речь. Чтобы добиться признания, такая ведьма подвергается пыткам»⁵.

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С.11—12.

² Там же. — С. 12.

³ Там же. — С. 14—15.

⁴ Там же. — С. 15.

⁵ Шпренгер Я, Инстититорис Г. Молот ведьм. — Саранск: Норд, 1991. — С. 295.

Понятно, что при такой постановке вопроса любая была обречена быть обвиненной в сношениях с нечистой силой. Еще одним из признаков одержимости было определение якобы запаха серы, шедшего изо рта подозреваемой¹.

Итак, «монахи-инквизиторы, заполучив подозреваемую в свои руки, брили все ее тело наголо и особенно интимные места, так как считалось, что бесы кроются именно там. И после этого приступали к пытке каленым железом, так как считалось, что она самая эффективная по дознанию в одержимости. Считалось, что если несчастная может удержать раскаленное железо в руках и пройти с ним несколько шагов, то она не виновна. Понятно, что таких практически не находилось².

При этом, средневековые папские монахи-теологи лицемерно утверждали, что пытка направлена якобы не против женщины, а против беса, который в нее вселился. «Замешанная в ведовстве женщина отрицает в ходе судебного разбирательства свою связь с чертом потому, что она им одержима, следовательно, его нужно из нее изгнать, а для достижения этой цели к «сосуду», в котором скрывается бес, применяют самые жестокие меры. Пытка направлена, собственно, не против обвиняемой, а против засевшего в ней беса. Истязаяющие «ведьму» судьи мнят себя ее защитниками и прилагают усилия к тому, чтобы спасти ее из лап сатаны. Пока он обитает в человеческой оболочке, он препятствует своей жертве сделать нужные судьям признания, — согласие же ее рассказать о шабаше, о полетах на него, о своих превращениях в какое-то существо, о совокуплениях с дьяволом, суливших ей, по тогдашним поверьям, не наслаждение, но лишь ощущение его ледяной плоти, наконец, о злодеяниях, которые она совершала по его наущению, означало, что экзорцизм осуществлен и бес покинул тело несчастной»³.

Ведущие юристы того времени прямо писали, что «пытка может быть повторяема неоднократно... Судья тем более в праве пускаться против ведьм в ход особенно жестокую пытку, что при них всегда состоит дьявол, помогающий им выдерживать мучения»⁴. При этом инквизиторы писали о необходимости дифференцированного «лечения» пытками этих несчастных. Так, инквизиторы Шпренгер и Инститорис вот, что пишут об этом: «Как не все бо-

¹ Бейджент М. Ли Р. Инквизиция. — М.: ЭКСМО, 2003. — С. 121.

² Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 333.

³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 368.

⁴ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 17.

лезни лечатся одним и тем же лекарством, а для каждой имеются определенные лекарства, так и не ко всем еретикам и не ко всем подозреваемым в еретичестве надо подходить одинаково при постановке вопросов, при инквизиции против них и при допросах. В зависимости от секты и личности обвиняемого видоизменяется и форма расследования. Судья, как умный врач, стремящийся отсекаать дряхлые и больные члены и отделять паршивых овец от здоровых, должен наперед знать, что обвиняемая зачастую обладает колдовским искусством упорно замалчивать правду при допросах. Сломить это упорство не представляется возможным одним каким-либо средством»¹.

При этом эти же инквизиторы рекомендуют своим коллегам, как им самим не испытать на себе силу ведьм. «Судье и заседателям надо обратить внимание и на то, чтобы ведьма к ним не прикасалась, в особенности не дотрагивалась до запястья их рук. Для предохранения себя им, во всяком случае, надлежит носить у себя на шее! соль, освященную в вербное воскресенье, и освященные же травы, а также воск. Ведь ведьма способна навести порчу не только прикосновением, но и дурным глазом и словом»². Как видим, в этих рекомендациях четко прослеживается откровенная магия, которой было пропитано все мышление инквизиторов.

Инквизиторы разрабатывают методы выявления ведьмы в зависимости от ее поведения. «Если обвиняемая вела дурной образ жизни, что, разумеется, это доказательство ее связи с дьяволом; если же она была благочестива и вела себя примерно, то ясно, что она притворялась, дабы своим благочестием отвлечь от себя подозрение в связи с дьяволом и в ночных путешествиях на шабаш. Если она обнаруживает страх, то ясно, что она виновна: совесть ее выдает. Если же она, уверенная в своей невинности, держит себя спокойно, то нет сомнений, что она виновна, ибо ведьмам свойственно лгать с наглым спокойствием. Если она защищается и оправдывается против возводимых на нее обвинений, это свидетельствует о ее виновности; если же в страхе и отчаянии от чудовищности возводимых на нее поклепов она падает духом и молчит, это уже прямое доказательство ее преступности»³.

«Если несчастная женщина на пытке от нестерпимых мук вращает глазами, для судей это значит, она ищет своими глазами своего дьявола; если же она с неподвижными глазами остается на-

¹ Шпренгер Я, Институтис Г. Молот ведьм. — Саранск: Норд, 1991. — С. 299.

² Там же. — С. 300.

³ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 19—20.

пряженной, это значит, что она видит своего дьявола и смотрит на него. Если она находит в себе силу переносить ужасы пытки, это значит, что дьявол ее поддерживает и что необходимо терзать еще сильнее. Если она не выдерживает и под пыткой испускает дух, это значит, что дьявол ее умертвил, дабы она не сделала признаний и не открыла тайны»¹.

Другим методом по выявлению одержимости был следующий. Женщину со связанными руками и ногами кидали в реку с моста, и если она выплывала, то считалась одержимой и подлежала сожжению, а если тонула в реке, то объявлялось, что одержимой и виновной она не была².

При этом, средневековые церковные юристы лицемерно говорили в ответ тем, которые утверждали, что может быть обвинена невинная в союзе с нечистой силой: «Господь по неизмеримой Своей благодати Сам никогда не попустит, чтобы при искоренении ведьм легко могли пострадать невинные»³.

Гонения на так называемых ведьм приобрели широчайший размах. Только в одной Испании было сожжено 30 тысяч, так называемых, ведьм⁴.

Всего через год после выхода буллы Иннокентия Восьмого в одной только епархии Комо в Италии был сожжен 41 человек по обвинению в колдовстве. «В Савойе сжигают 80 ведьм, в Тулузе — 40 и почти столько же в Авиньоне. В 1580 году начинается большая эпидемия в Лотарингии, где судья Николай Реми приказывает сжечь более 900 ведьм и колдуней, тогда же Богэ сжигает 600 в Сен-Клу, а де-Ланкр — в стране басков. Здесь мы встречаем массу приговоренных к смерти детей, о которых Богэ говорит, что, в виду несовершеннолетия преступников, их не следует сжигать живыми, а душить до того, как они почувствуют силу огня»⁵. Общее число сожженных по этой статье исчисляется десятками тысяч. В среднем «доминиканцы сжигали более 1000 ведьм в год»⁶. «Встречались селения, в которых почти вовсе не осталось женщин»⁷. В одной только Германии число сожженных, так называемых,

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 20.

² Реньяр П. Умственные эпидемии. — М.: Emergensy Exit, 2004. — с. 37; Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 241.

³ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 21.

⁴ Там же. — С. 26—27, 197.

⁵ Реньяр П. Умственные эпидемии. — М.: Emergensy Exit, 2004. — С. 44.

⁶ Реньяр П. Умственные эпидемии. — М.: Emergensy Exit, 2004. — С. 43.

⁷ Гуревич. Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 241.

мых, ведьм достигло 100 тысяч человек¹. При этом, «сжигали даже 7—11 летних девочек, которых также обвиняли в «связях с дьяволом»².

При этом, во главе гонений на ведьм стояли доминиканцы³.

Психические помешательства по почве фанатичной веры и изнуряющих религиозных практик во всеильное колдовство охватывают массово и монастыри. «Первая большая эпидемия такого рода произошла в Мадридском монастыре. Почти всегда в монастырях — и, главным образом, в женских обителях — религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном, влекли за собой различные нервные расстройства, составляющие в совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок, игумень которого, донне Терезе, тогда исполнилось всего 26 лет. У одной монахини вдруг стали случаться странные конвульсии. У нее внезапно начинались судороги, мертвели и скрючивались руки, изо рта шла пена, все тело изгибалось в дугу наподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал бессвязный бред. Несчастная заявила, что в нее вселился демон Перегрино, который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями, за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза тоже стала жертвой этого недуга. Тогда в обители начались неопишуемые сцены: монахини по ночам выли, мяукали и лаяли, заявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино»⁴.

Затем был монастырь Луденских урсулинок, где «в некоторых случаях монахини впадали в каталептическое состояние, в других — они переходили в сомнамбулизм и бредили в состоянии полного автоматизма. Они всегда чувствовали в себе присутствие злого духа и, катаясь по земле, произнося бессвязные речи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительные вещи, утверждали, что исполняют его волю»⁵. После чего подобные эпидемии пронеслись по десяткам монастырей. Демонам стали присваивать различные имена, делать различные классификации, что еще более способствовало популяризации демонологии в умах людей.

¹ Шерр И. История цивилизации Германии. — СПб., 1868. — С. 404.

² Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1959. — С. 105.

³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 360.

⁴ Реньяр П. Умственные эпидемии. — М.: Emergensy Exit, 2004. — С. 44—45.

⁵ Там же. — С. 48.

При этом для подтверждения правильности приговора жертву зверски пытали, вынуждая сознаться, и подавляющее большинство людей, не выдерживая нечеловеческих мучений, сознавалось якобы в своем общении с бесами. «В такого рода изобретательности католическое правосудие могло поспорить лишь с китайским»¹.

С помощью доносов, в которых люди обвинялись в общении с нечистой силой, доносители сводили с ними счеты, в основном даже бытового плана, присваивали их имущество — часть которого им причиталась, убивали политических конкурентов, мстили за что-то или просто удовлетворяли, таким образом, зависть к более благополучным. Часто молодых и красивых женщин обвиняли в колдовстве за то, что они отказывались сожительствовать, мстя, таким образом, за их целомудрие. При этом истинными причинами для доносов служило и часто желание мужа избавиться от жены или желание жены низвести любовницу мужа, служили истинными причинами для обвинения в сношениях со злой силой². Охота на ведьм давала возможность избавиться от врагов или от неприятных соседей»³.

До нашего времени дошло письмо к дочери невинно обвиненного, как потом выяснилось уже после его сожжения, бургомистру Бамберга от 1628 года. Вот, что он в нем пишет: «Множество добрых ночей тебе, возлюбленная дочь Вероника. Невинным я попал в темницу, невинным и умру. Ибо тот, кто попадает в тюрьму по обвинению в колдовстве, должен стать колдуном или терпеть пытки, пока сам не выдумает что-нибудь и (да сжалится над ним Бог!) не обвинит в чем-нибудь сам себя. Я расскажу тебе, что со мной делали... Пришел палач и засунул мои пальцы в тиски, связав руки вместе, так что кровь текла из-под ногтей и повсюду, и четыре недели я не мог пошевелить руками, ты видишь это по почерку... Потом они раздели меня, связали руки за спиной и подвесили меня. Я не понимал, где земля, где небо. Они проделывали это восемь раз и снова отпускали меня, так что я ужасно страдал... [Далее он перечисляет признания, которые он вынужден был сделать]... Теперь, дорогое мое дитя, ты знаешь обо всех моих признаниях, из-за которых я должен умереть. Все это полная ложь. Я вынужден был сказать это из страха перед дыбкой, потому что они не перестают пытаться человека, пока тот не при-

¹ Реньяр П. Умственные эпидемии. — М.: Emergensity Exit, 2004. — С. 37.

² Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 32.

³ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 241.

знается в чем-либо... Дорогое дитя, спрячь это письмо, чтобы люди не нашли его, а то меня будут пытаться безжалостно, а тюремщиков обезглавлять... Мне понадобилось несколько дней, чтобы написать это, потому что я не владею руками. Прощай, ибо твой отец Иоганн Юний больше не увидит тебя»¹.

«В Валансьене молодая девушка 18 лет была зарыта живой за колдовство. Крики несчастной были столь ужасны, что палачу сделалось дурно, и он отказался продолжать «работу. Но невозмутимый судья приказал ему закончить дело»².

Ни должность, ни безупречная жизнь, ни возраст, ни пол не гарантировали человеку быть обвиненным в колдовстве. И многие, чтобы не быть обвиненными писали доносы на других, полагая, что этим они свидетельствуют о своей верности церкви. Другие бросались в иную крайность и начинали действительно поклоняться злым силам, надеясь у них найти защиты от «христианской» инквизиции.

Сожжения ведьм, имущество которых конфисковывалось, приносило громадные доходы³.

Общество было буквально охвачено массовым психозом, связанным с ведьмами. «Создалась атмосфера всеобщей подозрительности и страха»⁴. Причем росло как число тех, кто действительно занимался колдовством, так и еще более число невинно осужденных. В каждой начинали видеть ведьму, а сами женщины изнывали от страха быть уличенными в якобы сношении с нечистой силой.

«Учением о «ведьмах» и вездесущем «дьяволе» католическая церковь способствовала росту суеверий и дикости. «Ведовство» было сильным орудием укрепления влияния церкви. Папы, епископы, священники и монахи из дня в день запугивали верующих дьяволом и утверждали, что одна только церковь может спасти от его козней. А за это спасение нужно не только платить церкви, но и во всем слушаться ее»⁵.

¹ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 337-338.

² Реньяр П. Умственные эпидемии. — М.: Emergensy Exit, 2004. — С. 41.

³ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 32.

⁴ Гуревич. Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 241.

⁵ Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1959. — С. 107.

Глава 5

ПРИЧИНЫ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ ЭПИДЕМИЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: АСКЕТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕРКВИ

Что же привело к появлению и небывалому распространению именно в эпоху Средневековья этих необычных нервно-психических заболеваний.

• **Средневековье, как эпоха страха и жизнененавистничества.** Примечательно, что, как и другие нервно-психические эпидемии Средневековья «процессы ведьм по местному своему распространению замкнуты в строго определенные границы. Они встречаются без всякого исключения у всех народов, которые в Средние века образовывали единую культурную семью, связанную общей принадлежностью к римско-католической церкви, и только у них одних. Не говоря уже о нехристианских странах, страны входящие в состав греко-восточной церкви, остались свободны от этой язвы»¹.

Примечательным является и то, что для Средневековья Западной Европы является общее депрессивное состояние всего общества! «Основной тон его жизни — уныние и усталость... Где бы ни искать свидетельств об этом времени: у историографов и поэтов, в проповедях и богословских трактатах и, разумеется, в документах, мы повсюду сталкиваемся с напоминаниями о распрях, ненависти и злобе, алчности, дикости и нищете»².

Состоянием глубочайшей меланхолии буквально пропитаны практически все произведения времен Средних веков, в частности, произведения придворного поэта Эсташа Дешана.

О времена соблазнов, горьких слез,
Век зависти, гордыни и мученья,
О времена тоски, ушедших грез,
Век, чьим недугам нету излечения,
О времена конца, ожесточенья,
Век, в коем страх и зависть мы познали,
О времена к бесчестному влеченью,
Век нашу жизнь снедающей печали.
Или его же стихи.
Всем радостям конец,
О сколько ранили сердец Меланхолия и печаль.

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 35.

² Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 49.

Самобичевание в Средние века

Другой известный средневековый поэт Жан Мешино также описывает состояние общества своего времени.

О жалкое, прескорбное житье!..

Война, смерть, глад нам гибелью грозят;

Днем, ночью зной иль стужа нас томят;

Блоха и клещ и прочий мерзкий гад нас истребляют.

Сжался, Боже, град Сей отвори от кратких жизнью тел.

Весьма примечательно и, на первый взгляд, парадоксально, что именно эпоха западноевропейского Средневековья с безраздельно господствующей христианской церковью, несущей вроде бы в своем учении мир, радость, надежду, спасение людям стала той эпохой, которая, как никакая другая, навязывала обществу

мысль о смерти!¹ Причем мысль безрадостную, без надежды! И это в период господства, вроде бы, христианского учения с его верой в воскресение умерших, вечную жизнь!

● **Учение средневековой церкви о презрении к земной жизни.** Проповедь о полном презрении к мирской жизни вообще характерна для всего Средневековья, но с появлением «нищенствующих монашеских орденов проповедь стала широко распространяться среди народа, подобные предостережения слились в некий устрашающий хор, звучание которого неистовой фугой разносилось повсюду. К концу Средневековья слово проповедников было дополнено новым видом изобразительного искусства. Во все слои общества начала проникать гравюра на дереве. Эти два массовых средства воздействия: проповедь и гравюра — могли передавать идею смерти лишь с помощью простых, непосредственных жизненных образов, резко и ярко. Размышления о смерти, которым предавалась монастырская братия прежних времен, сгустились в чрезвычайно упрощенный, близкий простонародью, лапидарный образ смерти, который в слове и изображении преподносился толпе»².

«Духовный взор человека Средневековья, отвергавшего все земное, давно уже охотно задерживался на мрачной картине копошащихся червей и жалкого праха. В религиозных трактатах о презрении к миру богословы уже возглашали неотвратимость леденящих ужасов разложения. Но разработка таких представлений в деталях приходит позже. Лишь к концу XIV столетия изобразительное искусство овладевает этой тематикой; требовалась определенная степень реалистической выразительности для того, чтобы действительно запечатлеть ее в скульптуре и живописи, и к 1400 г. это было достигнуто. Тема тщеты и смерти переходит к этому времени из чисто богословской литературы — в литературу, предназначенную для народа.. Чуть ли не до конца XVI в. на надгробиях можно видеть и разнообразно варьируемые отвратительные изображения обнаженных тел, охваченных тлением или иссохших и сморщенных, с вывернутыми в судорожной агонии конечностями и зияющим ртом, с разверстыми внутренностями, где кишат черви. И к этим ужасам умственный взор возвращается снова и снова»³.

Причем это учение средневековой церкви о ненависти к земной жизни не имело под собой никакой ни библейской, ни благочестивой основы.

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 231.

² Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 231—232.

³ Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 235.

«Можно ли счесть эту мысль, которая так прониклась отвращением к земной стороне смерти, действительно благочестивой? Или это реакции обостренной чувственности, которая только так может очнуться от опьяняющей тяги к жизни? Не есть ли это страх перед жизнью, столь сильно пронизывающий эту эпоху, настроение разочарования и отчаяния, которое — хотя и стремится принудить к сдаче того, кто боролся и одержал победу, — все еще неразрывно связано с земными страстями? Все эти оттенки чувств нераздельны в подобном выражении идеи смерти.

Жизнеобязнь есть отречение от красоты и от счастья из-за того, что с ними связаны боль и страдание. Есть поразительное сходство между древнеиндийским, в особенности буддийским, и христиански-средневековым выражением этого чувства. Там тоже неизменное отвращение к старости, болезням, смерти, там тоже густо наложенные краски тления. Христианский монах, со своей стороны, полагал, что высказался исключительно метко, указав на то, что телесная красота всего лишь поверхностна.

«Телесная красота заключается всего-навсего в коже. Ибо, если бы мы увидели то, что под нею, — подобно тому, как беотийская рысь, как о том говорили, способна была видеть человека насквозь, — уже от одного взгляда на женщину нас бы тошнило. Привлекательность ее составляется из слизи и крови, из влаги и жёлчи.

Попробуйте только помыслить о том, что находится у нее в глубине ноздрей, в гортани и чреве: одни нечистоты. И как не станем мы касаться руками слизи и экскрементов, то неужто может возникнуть у нас желание заключить в объятия сие вместилище нечистот и отбросов?»

Унылый рефрен презрения к миру давно уже звучал во многих сочинениях на богословские темы, и прежде всего, это относится к трактату Иннокентия III «О презрении к миру», который, видимо, только к концу Средневековья получил свое наибольшее распространение. Поистине удивительно, что этот столь влиятельный и удачливый государственный муж, который занимал престол св. Петра, человек, вникавший в столь многие дела и заботы, в свои юные годы был автором произведения, которое дышит таким жизненавистничеством. «Зачинает женщина в нечистоте и зловонии, рождает в горестях и страданиях, вскармливает с тяготами и тревогой, воспитывает с заботой и страхом». Неужто радости материнства тогда вовсе ничего не стоили? — «Провел ли кто-либо хоть один-единственный день приятно и в полнейшем блаженстве... не будучи оскорблен тем, что он увидел, услышал и претерпел?» Что это: христианская мудрость или хныканье избе-

лованного ребенка?¹» Недаром исследователи Средневековья верно подмечают, что во всем этом сквозит грубый материализм², который в купе с оккультным неоплатонизмом и составлял сущность средневекового богословия³.

Во всех этих жизнененавистнических выражениях средневекового духовенства сквозит не только отрицание жизни, созданной Богом и данной человеку для радости, но и его ханжество, ибо из истории прекрасно известно, что творили со столь им ненавистными женщинами при средневековом папском дворе и в монастырях.

Страхом и отчаянием была пропитана вся жизнь средневекового общества. На фоне всего этого «мирская красота из-за признанной ее греховности становилась вдвойне притягательной; если перед нею сдавались, то наслаждались с безудержной страстностью»⁴. И потому, вспышки и проявления порой извращенного разврата, царящего во внешне религиозно-ханжеском Средневековье, носят так же несомненные следы какого-то патологического явления.

Поэтому и ответы на вопросы о том, что же служило причиной появления этих ужасных нервно-психических эпидемий, мы можем найти только в особенностях учения средневековой государственной церкви и функционировании ее институтов.

• **Средневековые религиозные покаянные шествия.** Действительно «стоит поразмыслить над этой психологической почвой, пригодной для того, чтобы в ней внезапно расцветали коллективные кризисы, процветали душевные болезни, религиозные сумасбродства. Средневековье было по преимуществу временем великих страхов и великих покаяний — коллективных, публичных и физических. С 1150 г. вереницы людей, несущих камни для постройки кафедрального собора, периодически останавливались для публичной исповеди и взаимного бичевания. Новый кризис в 1260 г.: сначала в Италии, а затем в остальном христианском мире неожиданно появились толпы флагеллантов»⁵.

В связи с этим учением о спасении через умерщвление плоти и фанатичными проповедями о начале, так называемой, эры Святого Духа, «в 1260 г. в Перудже начинается движение флагеллантов, которое быстро распространилось по другим городам Ита-

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 236—237.

² Там же. — С. 237.

³ Там же. — С. 349.

⁴ Там же. — С. 65.

⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-академия, 1992. — С. 226.

лии, а также и за Альпами. Это был странный, почти болезненный взрыв религиозного энтузиазма. Сознание греховности охватило все возрасты и состояния. Мужчины, женщины и даже пятилетние дети, босые, с обнаженными плечами, несмотря на суровую зиму, ходили длинной процессией парами из одной церкви в другую со свечами в руках и с пением покаянных гимнов. Эта толпа грешников, которые то подвергали себя взаимному бичеванию, то с воплями бросались на землю, производила страшное впечатление»¹. «Из города в город шли бичующиеся на богомолье, почти обнаженные, проводимые священниками и монахами. В такт с сочиненными ими самими гимнами и покаянными псалмами опускались бичи, и кровь указывала их путь»².

«Увлекаемые крайним религиозным одушевлением, переходившим в безумие, собирались толпы в несколько сот человек, с красными крестами, со своими знаменами, переходили из города в город, из села в село, посещали церкви, монастыри и кладбища, кидались на землю, заставляли своего предводителя ходить через них, бичевать их до крови.

Они составляли особые братства, с особым предводителем во главе, выбираемым всегда из среды светских лиц. Кто желал вступить в их общество, должен был предварительно исповедаться во всех своих грехах, дать клятву в беспрекословном повиновении вождю, отказаться от всяких житейских удобств и выгод, питаться подаением. При входе в герберг (в гостиницу, на постоялый двор) и при выходе из него каждый из сочленов должен был прочитать по пяти раз «Богородицу» и «Отче наш». Каждое утро он обязывался читать те же молитвы по 15 раз, кроме того, 5 раз перед завтраком, 5 раз после него и 5 раз ночью. Поднявшись с постели, флагеллант должен был мыть свои руки, стоя на коленях; за столом он не мог произносить ни одного слова. Божба возбранялась. Возбранялась также и военная служба. В положенные дни все постились и подвергали себя бичеванию. Ложась в постель, брат-флагеллант клал туда же с собой и свой бич, чтобы всегда иметь его под рукой.

Представьте себе подобное братство на дороге к какому-либо городу. Оно торжественно направляется к нему в особо установленном порядке, который составил по образцу церковных процессий. Впереди несут зажженные свечи, кресты, дорогие шелко-

¹ Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — Спб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 112—113.

² Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 242.

вые или бархатные хоругви, увенчанные крестами, с вышитыми изображениями крестов. На их плащах с капюшонами, на груди и на спине нашиты красные кресты, сбоку свешивается наподобие меча бич с тремя узлами и иглами. На шляпах — также кресты. Когда процессия подходила к воротам, запевалы начинали духовный стих. Толпа подхватывала напев, и скоро их пение разносилось по городским улицам. «Совершается, — поют они, — величественное шествие нищих: Сам Христос едет в Иерусалим, в руках Его крест. Помоги нам, Спаситель! Совершается благое шествие нищих. Помоги нам, Господи, Своей Кровью, Которую Ты пролил за нас на кресте и покинул нас, бедствующих!»

При входе их в город на всех церковных башнях начинали звонить в колокола. Первым долгом флагелланты отправлялись в церковь, становились здесь на колени и пели: «Иисус подкреплял Свои силы желчью; падем перед крестом Его». Потом они кидались на пол с распростертыми руками, изображая собой крест, и оставались в этом положении, пока запевала не обращался к ним со словами: «Теперь поднимите ваши руки, чтобы Бог отвратил великую смертность!» Хор три раза повторял этот возглас. Тогда горожане, находившиеся в церкви, зазывали их к себе. Один приглашал к себе 20 человек, другой 12 или 10, каждый по своему достатку. Спустя некоторое время они выходили на городскую площадь или на кладбище и здесь публично исповедовались в своих грехах. Совершалась эта исповедь совершенно особенным способом. Они снимали с себя верхнюю одежду, подвизывали себе длинные передники, ниспадающие до самой обуви, затем ложились на землю, образуя собой большой круг. Ложились они в разных условных положениях, из которых каждое выражало собой тот или другой грех. Можно было, таким образом, по положению каждого видеть, в каком грехе он каялся. Предводитель начинал после этого обходить круг, шагая через каждого кающегося, касался его своим бичом и приглашал встать и впредь остерегаться греха. Каждый, через которого переходил предводитель, вставал и следовал за ним; шли они поодиночке. Когда последний из них также поднимался с земли, все они устанавливались в круг. Лучшие певцы затягивали духовную песнь, и братья, отделяясь поодиночке от хороводного кольца, обходили его и ожесточенно бичевали себя по спине, на которой выступала кровь. По временам вся эта однообразная церемония прерывалась коленопреклонением и падением на землю с распростертыми руками, а оканчивалась одеванием верхнего платья. Само собой разумеется, что площадь была запружена зрителями. Обыкновенно кто-нибудь из их среды начинал собирать подаяния в пользу

братства бичующихся. Между тем зрелище не прекращалось. Один из флагеллантов поднимался на возвышение и читал копию с длинного письма, написанного, по его словам, Самим Христом на мраморной доске. Эту мраморную доску принес с неба ангел и положил ее на алтарь св. Петра в Иерусалиме. В письме этом объявлялось всем верующим, что бедствие, ими испытываемое, есть наказание Божие за их грехи, за их неправду, безверие. Христос, говорится в нем, хотел уже совершенно уничтожить всех христиан за то, что они не соблюдают ни Воскресенья, ни Пятницы, между тем как даже иудеи строго чтут свою Субботу. Только по просьбе Пресвятой Девы Марии и ангелов согласился Он отсрочить наказание... Кто исполняет заповеди Божии, чествует Его праздники и удерживается от греха, тому воздаст Христос вечной любовью. Кто не уверует в это письмо или скроет его, того постигнет Божья кара; а кто уверует, и перепишет его, и станет распространять среди других, на дом того человека снизойдет Господнее благословение. Чтению этого письма народ внимал в благоговейном молчании и верил всему. И какие серьезные последствия влекло за собой подобное посещение города странствующими флагеллантами! Когда странники выходили из города с зажженными свечами, в таком же точно порядке, в каком входили в него, при колокольном звоне всех церквей, многих из горожан увлекали они за собой. Торжественно разносилось по улицам пение их: «Господь, Отец наш, Иисус Христос! Ты один только, Господь наш, только Ты можешь прощать нам грехи наши! Отсрочи еще час нашей кончины, продли нашу жизнь, чтобы мы могли оплакивать Твою смерть!» Неудержимо рвались за ними, за выходящими из города, за теми, пение которых замирало вдали, и молодые люди. Матери не могли удержать дочерей своих. Запертые ими, они томились, рыдали и, пользуясь первым случаем, покидали родительский кров. Босые, полуодетые, без денег, без хлеба, они убегали из своего родимого гнезда. Присмотрев радостно горожанин гостей своих, напоит их, накормит, и что же? Ушли они, а с ними ушел и горячо любимый им ребенок. Точно болезнь лютая унесла его.

Да, это дикое иступление флагеллантов, это неотразимое влияние их было также своего рода эпидемией. И немало жертв уносила она. Она собирала их из-под уютного бюргерского крова, из светлой девичьей горницы, собирала их от плута, с пастбища, собирала даже из-под церковных сводов — служителей церкви. Многие уходили, но возвращались назад немногие, да и те — истерзанные, измученные...¹

¹ Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — С. 87—92.

Процессия флагеллантов

Флагелланты. Средневековая рукопись

«Глубоко волнующее зрелище, несомненно, представляли собою процессии. В худые времена — а они случались нередко — шествия сменяли друг друга, день за днем, за неделей неделя. Когда пагубная распря между Орлеанским и Бургундским домами в конце концов привела к открытой гражданской войне и король Карл VI в 1412 г. развернул орифламму, чтобы вместе с Иоанном Бесстрашным выступить против арманьяков, которые изменили родине, вступив в союз с англичанами, в Париже на время пребывания короля во враждебных землях было решено устраивать

процессии ежедневно. Они продолжались с конца мая чуть не до конца июля; в них участвовали сменявшие друг друга ордена, гильдии и корпорации; они шли всякий раз по другим улицам и всякий раз несли другие реликвии: «прежалостливые шествия, печальнее их не узришь на веку своем». В эти дни люди постились; все шло босиком — советники парламента¹, так же как и беднейшие горожане; все, кто могли, несли факелы или свечи; среди участников процессий всегда были дети. Пешком, издали, босиком приходили в Париж бедняки-крестьяне. Люди шли сами или взирали на идущих «с великим плачем, с великою скорбью, с великим благоговением». К тому же и время было весьма дождливое»¹.

«Наконец, в 1348 г великая эпидемия чумы. «Черная смерть», стимулировала галлюцинирующие процессии. Даже на уровне повседневной жизни полуголодные, дурно питающиеся люди были предрасположены ко всем блужданиям разума: снам, галлюцинациям, видениям. Им могли явиться дьявол, ангелы, святые, пречистая дева и Сам Бог»².

И автором и вдохновителем всех этих покаянных шествий, преследующих цель задобрить Бога и спастись, была правящая средневековая церковь.

• **Средневековое учение о спасении делами.** В Средневековье государственная церковь постепенно и целенаправленно в корне изменяла библейское учение о спасении через веру в Иисуса Христа, учение, провозглашающее, в частности, что для спасения не требуются никакие деньги.

«Бог представлялся идеологами средневекового католицизма в виде грозного Судии, неумолимо карающего людей за первородный грех Адама и Евы и последующие прегрешения. Легионы католических священнослужителей неутомимо внедряли в сознание верующих чувство страха: страха перед настоящим и страха перед будущим.

Католические священники утверждали, что изначально греховный человек может достичь спасения лишь при условии, что он будет неукоснительно выполнять все предписания Церкви. Грозный, неумолимый Бог, ничтожный, греховный, слабый человек, всемогущая Церковь, единственная посредница между Богом

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 11.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-академия, 1992. — С. 226.

и людьми — вот истины, которые с малых лет навсегда усваивал человек Средневековья»¹.

Церковные иерархи заявляли, что благодать может передаваться людям только при посредничестве церкви, священника. В связи с этим ведущий богослов средневековой церкви «в XIII столетии Александр Галес изобрел, а Альберт Великий и Фома Аквинский развили и усовершенствовали знаменитое учение о сокровищнице благодати.

По их словам, одной капли крови Христа было достаточно для искупления грехов всего мира, а Он пострадал и умер, вследствие чего остался неисчерпаемый запас благодати, который еще увеличился заслугами святых, так как они совершили гораздо более подвигов, чем было нужно для их личного спасения. Папа, как наместник Христа, вправе произвольно распоряжаться этим открывающим рай запасом»².

Конечно, чтобы церковь дала людям из этой сокровищницы, ее следовало щедро одарить. При этом она сама устанавливала стоимость за продажу того или иного количества добрых дел, что и привело к появлению индульгенций.

Одновременно с этим, в качестве средств «зарабатывания» спасения средневековая церковь разрабатывает и детальное учение о борьбе с грехом, которое человек должен предпринять. В этом учении одно из центральных мест занимали посты.

Причем, в этом вопросе она прямо игнорировала ясное библейское понятие поста, как, в первую очередь, средства для исправления характера. «Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?» — Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте. Таков ли тот пост, который Я избрал, день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь на-

³ Лютер Мартин. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520—1526 гг./ Пер. с нем., ист. очерк, комментарии Ю. А. Голубкина. — Харьков: Ока, 1994. — С. 232.

¹ Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 112—113.

того, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся» (Библия, книга Исайи 58:3-7).

Средневековая церковь же делала акцент на физической стороне поста. Она назначала десятки различных постов, направленных на умерщвление якобы греховной плоти человека. Ибо, взяв в свое вероучение языческий догмат о бессмертии души, государственная церковь провозглашает учение о бессмертной божественной душе и о греховном теле, в котором она томится. И для того, чтобы душа была освобождена от греховных пут, надо умертвить греховное тело.

Вопреки библейскому утверждению, что грех зарождается и лелеется в разуме человека, который и толкает его к преступлению, средневековая церковь объявляет источником греха физические органы человека.

Поэтому в Средневековье мы и встречаемся просто с изуверскими практиками самооскопления, самобичевания¹.

Слова Христа о том, что, если правая рука твоя соблазняет тебя — отсеки её, средневековая церковь толкует буквально. И святые столпники — люди, которые в целях борьбы с грехом жили на самых настоящих высоких столбах, не моясь, одеваясь в лохмотья, а многие и калеча себя, справляя здесь же естественные нужды, являют тому яркий пример².

А ведь это «святое столпничество» было наивысшим примером добродетели в средневековом понимании. Из-за этого же учения о греховности человеческого тела средневековая церковь всячески преследует развитие медицины, и потому средневековые города являют собой страшные примеры антисанитарии. Средневековые жители, включая дворян и монархов, не мылись годами, ибо зачем ублажать греховное тело.

«В XI веке Петр Дамиани создал целую систему покаяния, рассчитанную строго арифметически. Каждому греху по этой системе, соответствует известный период покаяния; но так как количество грехов у всякого человека так велико, что для их очищения потребовались бы целые столетия, то набожным людям предоставлялось усиливать количество благочестивых действий.

Так, нормальный год покаяния равнялся для богатых 36, а для бедных 4 талерам или 3,000 ударов розгами в сопровождении пе-

¹ Шафф. Указ. соч., т. 3, с. 136—137; Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — Спб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 28, 84-85, 112—113.

² Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — Спб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 28, 84-85; 112—113.

ния 30 псалмов. Благочестивые люди, жертвуя громадными суммами или нанося себе колоссальное число ударов, усиливали норму. Сам Дамиани в течение года проделывал столетие покаяния, т. е. наносил себе 300,000 ударов и пел 3,000 псалмов, а его друг, подвижник Доминик, исполнял такую порцию в 6 дней. Для этого он брал в обе руки по розге и с пением псалмов целыми днями подвергал себя телесному наказанию. Дамиани придавал чрезвычайно важное значение бичеванию.

Слова 150-го псалма „хвалите Господа в тимпанах “он комментирует следующим образом: „Так как тимпан — сухая кожа, то, по словам пророка, тот истинно хвалит Господа в тимпан, кто подвергает (!) бичеванию свое истомленное постом тело“. Эта система покаяния приходилась по вкусу, и бичеванию подвергали себя люди всех классов общества, начиная от императора и аристократических дам»¹.

Плодом учения о греховном теле и одновременно спасении делами стало и учение о монастырях, суровые уставы которых приводили к смерти неисчислимое количество послушников, которые не выдерживали нескончаемых постов и ночей бдения, сходя с ума².

Воистину «идеалы монашества — это христианские добродетели, доведенные до крайней степени. Евангелие учит целомудрию, а монах отрицает семью, считает женщину вратами адовыми, „сосудом диавола“.

Семейные привязанности — величайший грех, с монашеской точки зрения. Иероним писал одному молодому человеку, которого семья удерживала от монашества: „Пусть твой маленький племянник обнимает тебя своими ручонками, пусть мать, разорвав платье, указывает на грудь, которая тебя вскормила, пусть отец перед дверями бросается к твоим ногам — ты оставайся тверд и перешагни через тело отца. В этом случае жестокость — единственная добродетель»³.

Все эти изнуряющие посты, ночные бдения, покаянные шествия приводили к тяжелейшему износу всех систем организма человека и, в первую очередь, нервной системы, формированию галлюцинаций, психических нарушений.

¹ Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 84—85.

² Шафф. Указ. соч., т. 3, с. 119, 127—128.

³ Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 27—28.

Одновременно с этим, «средневековый Запад жил под постоянной угрозой падения в пропасть... материальная нестабильность объясняет в большой мере присущее человеку Средних веков чувство неуверенности»¹.

И так как в феодальном мире найти решения этих проблем было невозможно, то церковь, создавшая во многом этот самый феодальный мир и трепетно поддерживавшая его, извлекая из него бесчисленные выгоды, предлагала людям, вновь к своей же выгоде, выход из этого чувства неуверенности и постоянного страха. Этот, выход, предлагаемый средневековой церковью, состоял в поисках чуда. «Безопасность в мире достигалась благодаря чуду, которое спасало рабочего — жертву несчастного случая на производстве: упавших с лесов каменщиков, которых святой чудесным образом поддерживал в падении или воскрешал на земле; мельников и крестьян, попавших в мельничное колесо и чудом вырванных из рук смерти; лесорубов, от которых молитва отводила падающее дерево.

Но, в первую очередь, безопасность была связана с потусторонним миром, где рай сулил избранным жизнь свободную, наконец, от страхов, внезапных бед и смерти. Но кто мог быть уверен, что он спасется? Боязнь ада усугубляло чувство земной неуверенности»² и заставляло людей вновь и вновь обращаться за помощью к церкви, которая, как она сама учила, имеет ключи жизни и смерти.

Однако, «чем более, с одной стороны, церковь отрицала мир, тем более, с другой стороны, она должна была воспринимать в себя мирские интересы. Через обладание миром и его благами, она сама подверглась обмирщению»³.

Действительно, одновременно с такой, вроде бы, целенаправленной борьбой с грехом эпоха Средневековья и, в первую очередь, сама государственная церковь и монастыри являли весьма часто, к сожалению, страшный пример морального упадка и извращений⁴,

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-академия, 1992. — С. 229.

² Там же. — С. 229.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 306.

⁴ Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 70-73; Карсавин Л. П. Монашество в средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. — С. 37; Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 140—147; Робертсон Д. История христианской церкви. В 2 т. — СПб.: И-е И.Л. Тузова, 1890—1891. — Т. 2, с. 354; Лебедев А. П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви. — СПб.: И-во О. Абышко, 2003. — С. 70 -71, 76 -77.

от которых не спасали монастырские стены¹. Так, в частности, епископ Бонифаций писал в 742 году папе Захарию, что «духовные лица держали наложниц, ездили на охоту и на войну, как и светская аристократия»².

Моральное разложение духовенства привело к потере уважения к церкви среди населения. Ибо моральное состояние духовенства в Германии дошло до того, что его представители не вели практически никакой миссионерской работы. Папский двор эпохи Средневековья являл в подавляющем большинстве случаев весьма печальное зрелище.

К примеру, папа Иоанн XII вообще «превратил Ватикан в настоящий бордель, не стесняясь, насиловал женщин-паломниц прямо в соборе св. Петра. Деньги на вечеринки с друзьями он брал прямо из церковных копилочек»³.

«В монастырях бок о бок со взрослыми монахами проживало множество совсем маленьких детей. Нет никаких оснований полагать, что они не становились жертвами сексуальной агрессии со стороны старших братьев.

При этом мы не встречаем упоминания о педофилии как отдельном грехе. Причина, скорее всего, кроется в специфическом восприятии детства и представлении о детях как маленьких взрослых»⁴.

«Некоторые женские монастыри мало чем отличались от публичных домов, превратясь в центры порока в своей местности»⁵.

Более того, от дней Средневековья до нас дошли, в частности, стихи аббата монастыря Райхенау Валафрида Стработа, адресованные юному мальчику-клирику Лиутгеру, в которых откровенно аббат выражает свою отнюдь не духовную к нему любовь⁶.

Совсем недавние скандалы, связанные с массовым растлением малолетних и гомосексуализмом в церкви,шний раз свидетельствуют о том, к чему ведет это неверное учение о победе над грехом путем умерщвления плоти.

¹ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 57.

² Эйкен. Указ. соч., с. 153.

³ Норт Д. История церкви. — М.: Протестант, 1993. — С. 145.

⁴ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 57.

⁵ Норт Д. История церкви. — М.: Протестант, 1993. — С. 195.

⁶ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 58.

И это не мудрено, ибо на сам источник греха — разум средневековая церковь не обращала внимания. Более того, вместо евангельского учения она питала его своими суеверными учениями и мистикой.

Плодом всего этого стало, что подавляющая часть не только народа, но и даже священников перестала понимать христианское учение в принципе. «Степень внешнего сходства и внутреннего различия между христианской церковью, восторжествовавшее над античным миром, и римско-католической церковью, мирно владывающей среди явившихся ему на смену варваров, довольно точно определится для нас, если мы перенесемся мыслью в храмы, где совершалось христианское богослужение. На первый взгляд может показаться, будто века не имели над римской церковью никакой силы: в IX и X столетиях, как и в IV или в V стекавшиеся в храмы духовные ее сыны присутствовали при одинаковых обрядах, внимали тем же словам Писания и молитв, слушали те же церковные песнопения на том же латинском языке. Разница заключалась тут в одном, но зато очень существенном обстоятельстве.

Тогда как во времена Константина Великого всякий, пришедший в храм помолиться христианин, до слова понимал все, что там читалось и пелось, во времена Карла Великого почти никто из собравшихся в храмы верующих не понимал ни одного из тех латинских слов, которые читал и пел священник; да и священник сам по большей части лишь смутно представлял, что собственно кроется за этими мудрыми иностранными словами, которые он от лица паствы с таким усердием воссылал к небу. «Молитвы за обедней надо хорошо понимать, а тот, кто не может, тот, по крайней мере, должен знать их на память и отчетливо выговаривать» — вот требования от приходских священников. К умению механически читать латинские литургические книги, к умению петь да к знанию пасхалии и святцев и сводилось тогда все школьное образование рядовых пастырей душ. Народ нисколько не стремился понимать свое богослужение; без понимания совершал перед ним службы и его священник»¹.

Безграмотность средневековых священников приводила, порой, к чудовищным ошибкам. Так, «один баварский священник, например, прославился тем, что, путаясь в окончаниях, раздавал пастве благословение не «во имя Отца и Сына» (*in nomine Patris et*

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 63—64.

Filii), а во «имя родины и дочери» (in nomine patriae et filiae)¹. Таким образом, средневековая церковь, с одной стороны, своим учением о Боге и спасении ввергала человека в состояние глубочайшей безысходности и страха перед настоящим и будущим; своими методами спасения в виде изнурительнейших постов, бдений, покаянных шествий подрывала его физическое, психическое и душевное здоровье, а своим примером безнравственной жизни убивала веру вообще во что-то светлое, чистое, замыкая, тем самым, порочный круг депрессии из которой средневековый человек не находил выхода и плодом которого и становились многочисленные нервно-психические эпидемии.

Глава 6

ПРИЧИНЫ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ ЭПИДЕМИЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: СУЕВЕРИЯ И СХОЛАСТИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕРКВИ

Учение средневековой церкви было пропитано многочисленнейшими суевериями и магическими представлениями, имеющими чисто языческое происхождения и вкравшимися в христианство, как следствие реформы императора Константина Великого, открывшего двери христианской церкви на встречу языческой религии и философии. Эти суеверия и магические практики не только грубо исказили многие евангельские понятия и представления, но и сыграли одну из видных ролей в формировании нервно-психических эпидемий Средних веков.

● **Религиозные суеверия и магия.** «Умственный облик тогдашней церковной иерархии сразу встает у нас перед глазами, если мы вспомним, что с ее разрешения клирики святили кипяток, куда обвиняемый должен был опустить руку»².

«Во многих случаях борьба клириков против колдунов являлась не более, как борьбой двух магий. Можно с основанием утверждать, что в некоторых отношениях эта борьба ранней средневековой церкви против народного суеверия только способствовала росту зла, которое церковные власти стремились искоренить»³.

И действительно присмотревшись к догматам и обрядам средневековой государственной церкви, мы увидим в них весьма много откровенно магических элементов.

¹ Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 149.

² Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 70.

³ Там же. — С. 70.

Это и учение средневековой церкви о том, что во время причастия якобы происходит трансформация хлеба и вина в реальные плоть и кровь Христа. Это и учения о кровоточащих иконах, это и учение о вечных муках, это и учение о том, что бесы могут вступать в интимные отношения с людьми и от этого союза могут рождаться дети и т.д. и т.д. Через все это средневековая папская церковь держала общество в рабстве суеверия¹.

И профессор Н.В. Сперанский в своей монографии задается вопросом: «Почему и поныне римская церковь особое почитание таинств, святых, мощей, икон относит в область веры, а не суеверия»².

Все эти учения базировались на суевериях, которые подкармливала средневековая церковь. Суеверия были во все времена, но в тоже самое время никогда не достигали такого распространения, как в Средние века³.

Темнота и жестокость всегда идут рука об руку с суевериями. И пример Средневековья нам еще раз подтверждает это. Отобрав у людей Евангелие, лишив их образования, сковав их разум страхом перед инквизицией, закабалив путем феодальных отношений средневековая церковь дала людям вместо веры — суеверие, причем в его самых вопиющих видах.

Так, наравне со слепой верой в силу святой воды, исцеляющей силы икон или мощей, порой, реликвиями становились самые невероятные вещи и предметы, в частности, ногти и фекалии святых! «Иногда реликвии, превращавшиеся в амулеты, могли быть и менее изысканными, но от этого не менее действенными: к примеру, остриженные ногти столпника, как это было в случае с армянином Маро Стилитом, свершавшем свой подвиг столпничества во имя Бога около Амиды в Месопотамии. Случалось, оберегами становились и высушенные фекалии столпника, зашитые в кожаный мешочек. Вообще, все, оставшееся от столпников, почиталось особенно высоко»⁴.

Иногда можно было самим взять кусочек той или иной реликвии или получить ее в храме. Так, «на гробнице апостола Иоанна Богослова в Эфесе паломникам позволяли собирать священный прах, который, как говорили, появлялся на могиле святого в день его торжества, то есть его праздника»⁵.

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 167.

² Там же. — С. 167.

³ Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 113.

⁴ Сорочан. Ромейское царство. Указ. соч., т.2, с. 187.

⁵ Сорочан. Ромейское царство. Указ. соч., т.2, с. 74.

При этом, «особым почетом в виду горячей веры в их исцеляющую, спасающую силу пользовались останки святых (кости, волосы и т. д.), любые предметы, освященные ими, одежда, елей и даже пыль, собранная с их гробниц и смешанная с маслом и водой. К примеру, константинопольцы уверяли, что засов прославленных громадных, окованных серебром центральных Царских дверей храма св. Софии, сделанных из чудодейственного дерева ковчега библейского Ноя, если взять его в рот, избавит отравленного человека от яда, который выйдет вместе со слюной и рвотой. Тот же спасительный эффект оказывало масло из лампы при гробе преподобного Феодора Студита. Первомученица Фёкла, ученица апостола Павла, излечивала от глазных болезней и слепоты. Для этого годились и вода из ее родника, и елей из лампы у могилы святой, который смешивали с пылью с ее надгробия. Прикосновение руками, плечами или лицом к окованной медью колонне св. Григория в Великой церкви исцеляло от боли в груди. Не мудрено, что десятки поколений паломников протерли в меди дыру»¹.

Самой распространенной формой охранительного оберега были, безусловно, кресты. Примечательно, что только «на рубеже V—VI вв., как деталь на рельефах и фресках, и как самостоятельное изображение появляется крест, который долгое время напоминал христианам гонения, и поэтому изображать его избегали».

«Кресты устанавливали на дорогах, улицах, площадях, перед дверями церквей, в алтарной части храмов, носили на теле и поэтому называли нательным, наперсным, чеканили на монетах, вышивали на одеждах светских лиц и облачениях священнослужителей, наносили на посуду, двери, стены, своды, колонны, драгоценности, ларцы»².

— **Искусство средневековой церкви и магия.** Весьма способствовали культивированию культа злой силы и многочисленные картины, которыми украшались церкви и на которых были изображены сцены ада, бесы и т.д. «В соборах статуи божеств и святых пророков соседствуют с причудливыми фигурами людей, бесов, зверей, монстров»³. Способствовало этому и постоянное запугивание людей злой силой, которая изображалась, порой, чуть ли не всесильной, которое вели средневековые проповедники и богословы⁴. Тема смерти, как мы уже выше упоминали, была до-

¹ Сорочан. Ромейское царство. Указ. соч., т.2, с. 187.

² Сорочан. Ромейское царство. Указ. соч., т.2, с. 70.

³ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 47.

⁴ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 81.

минирующей в средневековом обществе, и потому символы смерти одни из самых распространенных в средневековом искусстве. К последним, безусловно, принадлежала, так называемая, «Пляска смерти», которой украшались соборы, которая изображалась на картинах и вырезалась на дереве.

— **Астрология.** Средневековые, как мы уже указывали, стало временем расцвета оккультизма и астрологии. «Практически все папы и итальянские князья позднего Возрождения имели при себе астрологов или в большей или меньшей степени верили в астрологию — например, Сикст IV, Юлий II и Лев X, а также Павел III некоторое время спустя. Юлий II отложил свою коронацию на несколько недель, до 26 ноября 1503 г., так как астролог назвал именно этот день счастливым. Людовико Миланский ждал благоприятных небесных знамений, прежде чем предпринять что-либо серьезное»¹. Практически при каждом дворе была официальная должность придворного астролога. А простой люд Средневековья вообще с ужасом внимал различным астрологическим предсказаниям. Средневековая церковь своим почтением и интересом к астрологии способствовала ее авторитету. Некоторые выдающиеся умы того времени, хотя и сами находились под влиянием астрологии, все же понимали ее губительность. Так «Данте показывает, что вера во влияние звезд на судьбы людей имела тяжелые последствия — отказ от свободы воли»². При этом, тех, кто занимался астрономией, государственная церковь всячески преследовала, и пример Г. Галилея тому ярчайшее подтверждение. Преследование астрономии и культ астрологии — очень яркая черта средневековой церкви, говорящая об очень многом.

— **Средневековая церковная схоластика, как «научная база» для магии.** Контролируемые папством университеты, являлись собой рассадники магических и оккультных воззрений³.

В монастырских школах изучали и переписывали рецепты любовных напитков, формулы наговоров и средства для отыскания⁴. Вопросам изучения магии и темной силы весьма усердно занималась средневековая схоластика⁵, что придавало магии уже чуть ли не научный характер.

Обосновывала схоластика и роль темных сил в формировании заболеваний. Так, она учила, что «демонам никак нельзя отказы-

¹ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 391.

² Антонетти. Указ. соч., с. 248.

³ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — с. 101—102.

⁴ Там же. — С. 101—102.

⁵ Там же. — С. 104—105.

вать в способности проникать в тело и нарушать его физическое благосостояние, а через посредство телесных органов расстраивать и психические функции»¹. Схоластика учила, что возможны интимные отношения женщин с демонами и что от этого союза могут родиться дети².

Признавала схоластика и возможность полетов женщин-ведьм на шабашах³. При этом один из ведущих схоластов средневекового папства Фома Аквинский, в отличие от ранних воззрений, уже учил, что простыми методами с демонами не справиться.

«Научная разработка вопроса о волшебстве в высшей школе успела принести свои плоды. Через монахов-проповедников, служивших посредниками между университетами и народной массой, «теория договора» человека с демоном стала знакома самым глухим местностям Европы и вызвала соответствующий прогресс в практике волшебства. «Продажа души черту» из области легенд теперь переходит в очень распространенную операцию. Мы знаем, как разросся образ сатаны к XIV веку — довольно вспомнить Данте или фрески на кладбище в Пизе — и эта сила манила к себе всех, чье сердце снедалось отчаянием, злобой или страстью»⁴.

А таких обездоленных, несправедливо гонимых, грабительски обобранных феодалами людей в Средние века было более, чем достаточно. Манила связь с неведомой и всесильной силой и амбициозные умы и сердца, снедаемые завистью или вожделием.

С подачи церковных схоластов «люди верили, что земля населена хобгоблинами, огонь — саламандрами, воздух — демонами, а вода — речными и озерными духами. Няньки пугали детей историями «об уродливом рогатом дьяволе, извергающем из пасти пламя и имеющем длинный хвост; глазищи у него как площадки, клыки как у собаки, когти как у медведя, кожа черная, а голос напоминает рык льва». И маленькие дети бывали так напуганы всеми этими «буками, духами, ведьмами, русалками, эльфами, томами, феями, сатирами, панами, фавнами, сиренами, чудищами, тритонами, кентаврами, гигантами, бесенятами, Робинсом Гудом с его разбойниками, адскими демонами, всяческими злодеями из мира реального и потустороннего», что страх оставался с ними на всю жизнь, заставляя их, уже взрослых, бояться собственной тени. Суеверия, связанные с животными и растениями,

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 113.

² Там же. — С. 112.

³ Там же. — С. 117.

⁴ Там же. — С. 131.

были неисчислимы и совершенно безумны»¹. Таким образом, схоластика формировала «научное» обоснование магии и оккультизма, выводя в понимании людей их из русла суеверий.

Глава 7

ПРИЧИНЫ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ ЭПИДЕМИЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ЦЕРКОВНАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРОПОВЕДЬ

Но основным методом популяризации темной силы в самых широких кругах населения служили проповеди францисканских и доминиканских монахов, ставших в XIII веке главным рупором папства.

• Нищенствующие монашеские ордена: францисканцы и доминиканцы

Орден Францисканцев или, как они себя называли сами, орден миноритов (от латинского, *fraters minores*, т.е. меньшие братья) был основан Франциском Ассизским (1182—1226) в 1210 году. Франциск был необычным, крайне религиозным экзальтированным человеком, мечтавшим создать братство, которое ничего не должно иметь и нести Божью любовь к людям. В своих проповедях Франциск обращался даже к животным и природным светилам. Позднее, еще при жизни Франциска некоторые члены ордена под руководством папства видоизменили эти нереальные планы Франциска, создав весьма действенный и лишенный уже какой-либо надмирной экзальтации орден. Главная и одна из принципиальных особенностей ордена францисканцев состояла в том, что члены этого ордена, в отличие от других монашеских орденов, не ограничивали сферу своей деятельности стенами своих монастырей, но имели огромный процент так называемых странствующих нищенствующих монахов, которые шли по городам и селениям, живя подаянием от местного населения, а со временем и собирая средства и проповедуя ему. Центром их деятельности становятся города². Это были своеобразные странствующие проповедники, несущие папские учения, догматы, суеверия и представления в массы.

Другой орден, возникший практически одновременно с францисканским, был орден доминиканцев, основанный Домиником (1170—1221) в 1216 году. В отличие от Франциска, Доминик был

¹ Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 227.

² Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. АН СССР, 1959. — С. 292.

весьма прагматичным человеком, видящим свое главное предназначение в подавлении любого учения, не признающего авторитет и догматы папства, именно поэтому целью ордена доминиканцев становится возвращение народа к папским догматам и искоренению любых учений, не согласных с папством¹. Доминик четко придерживался взгляда истребления закоренелых еретиков и деятельности церковных судилищ, посылающих врагов церкви на костер². Потому именно ордену доминиканцев папа дает в управление самый страшный институт церкви — инквизицию. «Доминиканцы были самыми выдающимися и ревностными «инквизиторами еретической скверны»³. При этом, «весь орден доминиканцев был настолько увлечен учением Аристотеля, что посмертно крестил великого грека». [15, с. 194].

Эти два ордена имели ряд общих черт, которые одновременно отличали их от всех предшествующих монашеских орденов.

Первое, это запрет для членов ордена владеть каким — либо имуществом.

Второе, это «была их практическая деятельность в обществе. Они устремлялись в бурлящий поток одержимого своими делами мира. Странствовали по рынкам и оживленным улицам»⁴. Они не запирались за стенами монастырей и в далеких скитах, как другие монашеские ордена, умерщвляя свою плоть⁵. Нет, они шли в самую гущу этого мира, чтобы там, проповедуя и узнавая, чем дышат люди и где скрываются еретики, покорить их затем папскому влиянию.

Третье, это было основание ими братств из числа мирян, которые отныне продолжая заниматься своими обычными мирскими делами, могли одновременно вести и монастырское служение. Этим самым они максимально приближали религию, догматы папства и идеалы монашества в народные массы, которые до этого были жестко отделены от клира высокими монастырскими стенами⁶.

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 291, 292.

² Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. — С. 88-89.

³ Шафф Ф. История христианской церкви. В 7 т. — СПб.: Библия для всех, 2007—2012. — Т.5, с. 260.

⁴ Там же. — Т.5. с. 234.

⁵ Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. — М.: МБА, 2008. — С. 122.

⁶ Шафф Ф. История христианской церкви. В 7 т. — СПб.: Библия для всех, 2007—2012. — Т.5. с. 234, 235.

Четвертое, это внедрение этих орденов в систему университетского образования и взятие ими его под контроль. «Они понимали, что новые образовательные центры оказывают мощное влияние на людей, и адаптировались к ситуации. Прошло не больше двадцати лет с основания этих орденов, а францисканцы и доминиканцы уже играли выдающуюся роль при университетах. Сам Франциск действительно был против образования. Он говорил, что бесы знают о звездах больше, чем могут узнать люди. Знание надмевает, а любовь назидает. Тем не менее, францисканцы получили от Александра IV и его преемников особую привилегию создавать школы, и, несмотря на решительную оппозицию, оба ордена проникли в Парижский университет. Доминиканцы здесь лидировали. Они уже очень рано закрепили за собой места в двух великих университетах континентальной Европы — в Париже и Болонье. Их монастырь в Париже, Сен-Жак, учрежденный в 1217 г., был превращен в школу богословия. Сначала власти университета хорошо приняли их, так как у них были рекомендательные письма от Гонория III. Францисканцы создали свой монастырь в Париже в 1230 г. Оба ордена получили от канцлера Парижа разрешение выдавать ученые степени, но их высокомерие и нежелание подчиняться университетским правилам вскоре встретили яростную оппозицию. Папы встали на сторону орденов, и Александр IV велел властям университета закрепить за монахами права преподавателей»¹.

При этом между ними была и определенная разница, которая тонко использовалась правящей церковью.

«Важно отметить разницу в проповедях доминиканцев и францисканцев. Доминиканцы, подготовленные лучше, специально обученные, строго держались правил композиции и следовали типовому плану: тема, введение, изложение по пунктам, иногда также вводные разъяснения к предмету изложения и дробная разбивка материала. Францисканцы, верные духу учителя, говорили совершенно свободно, предаваясь вольной импровизации и не стесняясь, дабы тронуть сердца смиренных слушателей, вместо введения предаться шутовству и юродству, рискуя предстать чужаками в глазах разумных, здравомыслящих людей»². Доминик понимал, что для борьбы с противниками папства необходимо иметь хорошо подготовленные кадры, которые должны

¹ Шафф Ф. История христианской церкви. В 7 т. — СПб.: Библия для всех, 2007 — 2012. — Т.5. с. 235.

² Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004. — С. 203 — 204.

противостать проповедникам вальденсов. И потому в ордене доминиканцев была разработана особая система обучения. Для того при доминиканских монастырях были основаны особые школы, обучение в которых было рассчитано на 6-8 лет. При этом, первые два года посвящались изучению философии, вторые два — общему богословию, церковной истории и праву. Последние два — детальному изучению богословия на основании «Суммы теологии» Фомы Аквинского¹. После прохождения обучения способные ученики становились проповедниками-лекторами и затем могли продолжить курс обучения, став магистрами. Отметим, что изучение Библии практически не осуществлялось, что было и не случайным, ибо ее содержание в корне противоречило большинству средневековых церковных доктрин, которых придерживались и те же доминиканцы.

Поэтому, учитывая специальную подготовку, доминиканцы более воздействовали на образованную часть общества, а францисканцы на простонародье.

• Причины появления францисканского и доминиканского орденов.

— **Борьба с проповедью Евангелия.** Само появление этих двух монашеских орденов в это время не было случайным, ибо как раз к этому времени, благодаря движению вальденсов (названных по имени проповедника Вальда, который призывал людей проповедовать Евангелие, жить по его принципам и не принимать лжеучений папства), люди начинают читать Библию и видеть, как далеко от нее ушло учение папства. Проповедники вальденсов проникали особенно в большие города, где находили широкую поддержку у населения, уже отчетливо видящего многочисленные злоупотребления правящей церкви. Свою проповедь вальденсы подкрепляли местами из Священного Писания, которое переводили на местные языки, а свою апостольскую жизнь противопоставляли жизни обмирщенного духовенства².

Учитывая же то, что основные силы папства были сконцентрированы в монастырях и в крупных соборах, «силы церкви были недостаточны для духовного попечения в больших городах с их ежедневно возрастающим пролетариатом, а имеющиеся на лицо силы были непривычны заглядывать в такие уголки. Со своей нищенской сумой и постоянным кочеванием францисканцы стоят гораздо ближе к народу, чем обленившееся духовенство и

¹ Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. — С. 90.

² Там же. — С. 87.

разбогатевшие монахи старых орденов. Францисканцы особенно годились для духовного попечения среди самого низшего слоя общества, который в то время повсюду поднял голову»¹. Средневековая церковь использовала видимую нищету и аскезу францисканцев и доминиканцев, чтобы противопоставить их чистой жизни вальденских проповедников².

«Эта конгрегация нищих, с ее отречением от собственности и обетом вечного странничества, обладала подвижностью и легко могла быть применима для разных целей, чего не доставало орденам, имевшим земельную собственность и занимавшим земельную собственность и занимавших определенное положение в государстве. Если древние монастыри были крепостями Рима, то теперь дело шло об образовании подвижной армии, которой можно было пользоваться повсюду. Это нищенствующее воинство, если им правильно пользоваться, было наипревосходнейшим орудием миссий, агитации, народного возмущения и беспощадного, все прочее презиравшего, ведения войны. Оседлые ордена, благодаря своим именам, были все — так связаны с интересами своей страны. Здесь же мы имеем дело с воинством бездомных дервишей, чуждых вообще местных интересов, и потому это воинство могло быть обращено в незнающее жалости орудие в папских руках. Со своей обычной дальновидностью курия поняла это явление, и с этого момента она усиленно поддерживала новую общину, что доказывает, какие большие надежды возлагали на нее политики из духовенства»³. «Главной своей задачей доминиканцы считали борьбу с ересью. И именно потому папа передал доминиканцам дело инквизиции, и они показали себя настоящими палачами»⁴.

— **Реабилитация в глазах людей папской власти.** Авторитету папства наносило серьезнейший удар и разложившееся духовенство, которое стало в народе притчею во языцех. «Распушенность, разврат, паразитизм царили не только в Риме, во дворцах «наместника Христа», но и были присущи всему высшему духовенству, а также монашеству»⁵.

¹ Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 200—201.

² Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. — С. 91.

³ Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 138—139.

⁴ Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1959. — С. 101.

⁵ Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1959. — С. 64.

Крупный бельгийский историк проф. А. Пиренн следующим образом описывает состояние нравов в монастырях Фландрии и Лотарингии: они (монастыри) «скорее походили на феодальные резиденции, чем на монашеские обители... Немало аббатов отличалось от светских людей лишь своей тонзурой. Большинство их было женато и жило в монастырях вместе с женами и детьми, проводя свои дни в попойках и принимая участие в военных состязаниях живших поблизости рыцарей. Монахи, разумеется, следовали их примеру. Обеты бедности, послушания и целомудрия стали мертвой догмой; Евангелие сделалось предметом грубых насмешек... Некоторые случаи с полной очевидностью показывают, какое варварство царило тогда среди черного духовенства. Так, например, в Лоббе аббат Эрлуин, стремившийся восстановить дисциплину и желавший продать несколько урожаев для покрытия огромных долгов, был схвачен ночью монахами, которые вырвали ему глаза и язык и бросили его замертво»¹.

«Монахи всех оттенков — белые и черные, пегие и серые — запятнали себя самыми отвратительными преступлениями. Я не говорю о папах, затопивших мир в крови», — так писал выдающийся французский писатель Анатоль Франс². И потому, «одни нищенствующие монахи казались чуждыми пороков роскоши, в которых упрекали светское духовенство, и наступил переворот, гораздо раньше уже пережитый греческой церковью, — недоверие к священникам породило почитание отшельников и истинного монашества. Всякий, кто был охвачен религиозным стремлением времени, обращался теперь не к священникам, а к нищенствующему монаху; кающиеся, ищущие успокоения от внутренней борьбы, толпами вступали в новый орден. И вот в непродолжительном времени орден св. Франциска стал самой могущественной из тогдашних корпораций»³.

— **Утверждение в умах людей папских доктрин.** Своими проповедями нищенствующие монахи несли в самые широкие слои населения папское учение, доктрины и понятия, многие из которых, и, в первую очередь, учение о бессмертии души, спасении делами, поклонении святым напрямую противоречили Библии. Именно с появлением монашеских орденов связаны преобразования, которые в XIII веке начало осуществлять папство.

¹ Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии X—XIII веков. — М., 1938. — С. 77-78.

² Франс А. Современная история. — М., 1950. — С. 327.

³ Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 201—202.

«Суть их заключалась в том, что церковь стала прилагать больше усилий для того, чтобы в лучшей форме донести до рядового слушателя содержание католического вероучения. Проповеди должны были стать более доступными для народа. Изначально движение получило распространение в парижских школах, давших начало университету, и не случайно, что именно в стенах Парижского университета были возвращены многие известные проповедники XIII в. Помимо этого, речь шла также и об улучшении знаний представителей духовенства всех уровней, которые должны были проповедовать»¹. Средневековая государственная церковь понимала, что только осуществив это можно противодействовать движению вальденцев.

— **Использование их, как источник дохода.** Вся эта скромность была лишь видимой фикцией, за которой скрывалась «самая кичливая, а главное, более, чем когда-либо другая конгрегация, поддерживавшая суеверие, практиковавшая обман народа и извлекавшая барыши из жажды чудес»².

Францисканцы «быстро отступили от своей первоначальной простоты, собирали сокровища и воздвигали дворцы, они проповедуют как льстецы или крикуны»³. Уже к середине XIII века орден францисканцев становится богатейшей организацией⁴. Примечательно, что все это шло в прямой разрез с тем, чему учил сам Франциск — основатель ордена, которого еще при жизни папство жестко отстранило от управления орденом, объявило его завещание тем, которого не должны держаться члены его ордена, при этом объявив его после смерти святым⁵, а при «гробнице Франциска, запрещавшего даже прикасаться к монете, теперь выставили кружку для пожертвований на построение церкви»⁶. И в этом примере очень ярко выявлена сущность папской средневековой политики. При этом, для активизации паломничества к гробнице Франциска средневековая церковь сравнивала его с Самим Христом, при этом почти приравнивая его к Нему (19, т. 2, с. 193). Уже некоторые средневековые богословы, в частности, Пьер д'Альи (1350—1425), говорили о том, «что необходимо сократить

¹ Гумберт Романский. О проповеди креста. — СПб.: Алетеия, 2016. — С. 72.

² Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 185.

³ Там же. — С. 156.

⁴ Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1959. — С. 100.

⁵ Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 171.

⁶ Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 212.

количество и численность нищенствующих орденов. Существование их наносит ущерб лепрозориям и больницам, всем действительно бедствующим и нуждающимся, тем, кто по праву именуется нищими»¹. Ибо собирая себе пожертвования под видом нищеты, монахи тем самым лишали людей, живущих и без того бедно, делать подаяния для действительно тех, кто в этом кровно нуждался — больным.

Даже священнослужители того времени указывают на то, что из францисканцев «папа из ловцов человеков сделал ловцов монет и о том, с каким усердием босоногие монахи (францисканцы) отовсюду загребали золото для папы ко вреду императора. Итак, папа сделал их мытарями и сборщиками податей»². Сам генерал ордена францисканцев Бонавентура пишет, что «встреча с разбойником будет скоро не так страшна, как с нищенствующим монахом, от назойливости которого нельзя отвязаться без подаяния»³.

— **Использование их, как лазутчиков и шпионов.** Одновременно используя бродячий образ жизни францисканцев, папство использовало их, как шпионов для розыска еретиков, и, в первую очередь, вальденсов⁴. Францисканские монахи не только выявляли тех, кто выступал против Рима, но и непосредственно сжигали выявляемых ими еретиков, подвергая их медленному сожжению на костре⁵. Францисканцы превратились в орудие папской политики, и потому недаром, как замечает крупный немецкий историк проф. А. Гаусрат (1837—1909), «с той поры, как нищенствующие монахи стали служить интересам курии, можно было сказать, что мир бежал отсюда, где появлялась коричневая ряса»⁶.

— **Монахи, как организаторы крестовых походов.** Более того, нищенствующие монахи играли самую зловещую роль в организации и проведении крестовых походов в самой Европе, организованных папством для борьбы с теми, кто желал придерживаться Библии, и ее доктрин. И это было неслучайно, ибо Библия, как никакая другая книга обличала все лжеучения папской церкви. «Люди видели, что церковь, проповедуя смирение и отказ от земных благ, сама скопила в своей собственности колоссальные богатства и приобрела огромную политическую власть. Как согласовать это с учением Христа? Служители церкви ничем не по-

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 258.

² Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 210.

³ Там же. — С. 210—211.

⁴ Там же. — С. 211.

⁵ Там же. — С. 206.

⁶ Там же. — С. 209.

хожи на Христа и Его учеников-апостолов, которые не имели ни власти, ни собственности и жили в бедности... с особой остротой они ощущали глубину противоречия между религией Христа, учившему добру, милосердию и человеколюбию, с одной стороны, и действительным положением христианской церкви в средневековом обществе, где она играла роль наиболее могущественного и богатого феодального владельца, с другой¹. «Епископы — собиратели сокровищ, думающие только о том, как разбогатеть и увеличить свои владения. Монахи и каноники, не обладая личной собственностью, сообща владеют благами мира»².

И потому духовенство понимало, что чтение Библии приведет народ к тому, что они увидят эти лжеучения и для предотвращения этого необходимо разрешить читать Библию только лишь духовенству³.

«Для тебя ли чтение Библии? — вопрошал инквизитор еретика, заточенного в лионскую тюрьму в 1552 г. — ведь ты ремесленник и знаний у тебя нет». «Библия принадлежит всем христианам, дабы они уяснили путь ко спасению», — отвечал заключенный. Французский иезуит писал: «Богу не угодно открывать свои тайны простолюдинам»⁴.

В этой борьбе с Библией и ее последователями средневековая церковь прибегала к открытому насилию, одним из примеров которого служит крестовый поход против Тулузского графства во Франции, жители которого начали изучать Библию и отходить от повиновения папе. И вот, 10 марта 1208 года папа Иннокентий призывает Европу к крестовому походу против Тулузского графства и его правителя Раймонда: «Объявляем по сему свободными от своих обязательств всех, кто связан с графом Тулузским феодальной присягою... Восстаньте, воины Христовы! Истребляйте нечестие всеми средствами, которые откроет вам Бог... поступайте с ними хуже, чем с сарацинами, потому что они сами хуже их»⁵.

На этот папский призыв откликнулись многие, впрочем, не из-за каких-либо духовных помышлений, а из-за желания поживиться богатствами Лангедока. Ибо «по образованию, по благосостоянию, по гражданской и религиозной свободе жители Юж-

¹ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 144, 146.

² Карсавин Л.П. Монашество в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. — С. 88.

³ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 142.

⁴ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 333-334.

⁵ Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция. — М., 1897. — Вып. 2, с. 670.

ной Франции далеко превосходили остальных своих соотечественников... прекрасная страна достигла весьма высокой ступени развития и образования и далеко превзошла все остальные части Европы, однако это развитие... было абсолютно независимо от влияния духовенства, более того, они находились друг с другом во враждебных отношениях. Папство, как мы уже имели неоднократно возможности убедиться в этом, не только влияло пагубно на души людей, но и ставило непреодолимые препятствия на пути развития культуры и образования. Сама католическая земля страдала от своего искушающего влияния. Для расцвета папства необходимо было удержать человеческий дух в невежестве, суеверии и раболепстве. Жители Лангедока долгое время оставались свободными и необременёнными римской иерархией, и таким образом, они наполнили свои города мирными, трудолюбивыми и зажиточными людьми»¹.

Да, Библия это не просто теория, это сила, которая преобразует человеческую жизнь во всех её отношениях. Точно так и отвержение Слова Живого Бога изменяет жизнь человека. Живущий по Библии и без папства Лангедок процветал, а Европа, следующая языческим учениям папства, задыхалась и беднела. И поэтому можно понять интерес многих, желающих обогатиться в богатом Лангедоке, используя для этого благовидный повод — уничтожение ереси. Во главе похода против еретиков папой назначаются три человека. Арнольд, легат папы, граф Симон де Монфор, возглавивший войско, и монах Доминик. Это был поистине зловещий союз.

Когда папские войска подошли к городу Бецирсу и его жители ответили отказом сдаться и отречься от Библии, то Арнольд сказал, обращаясь к войску: «Тогда пусть не останется в городе камня на камне! Огнем и мечом будут уничтожены мужчины, **женщины и дети!** После непродолжительной осады город попал в руки крестоносцев. Угрозы Арнольда были приведены в исполнение в самой чудовищной форме... рыцари, входя в город, спросили священника, как отличить католиков от еретиков. „Убивайте всех подряд! — был его ответ“, — Господь различит Своих»². «Епископ, высоко вознесенный над простыми верующими, священник, в чьи обязанности входила забота о спасении душ, дает такой бесчеловечный приказ, и он тотчас же выполняется: все население города было истреблено»³.

¹ Миллер. Указ. соч., т. 1, с. 643.

² Миллер. Указ. соч., т. 1, с. 649—650.

³ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 142.

«Началась ужасная бойня, мужчины, женщины, дети, духовенство и священство убивались под зловеющий звон колоколов, исполняющих мелодию зауспокойной песни до тех пор, пока не был закончен труд истребления. Толпы испуганных женщин и детей бежали в помещение церкви в тщетной надежде найти спасение в святом месте. Убийцы настигали их и там, ни одна душа не осталась в живых. Через несколько часов из многочисленного населения города не уцелело ни одной единственной души. Груды тел громоздились на улицах и площадях, загромождая движение. Сведения о числе убитых колебались между двадцатью и ста тысячами»¹. Вскоре был взят город Лафур, в котором также «началось всеобщее истребление. Мужчины, женщины и дети буквально были изрублены на куски. Лишь небольшая часть гарнизона и некоторые выдающиеся личности избежали истребления мечом этими осатаневшими убийцами, чтобы быть подвергнутыми более изощренным пыткам. Четыреста жителей города под ликование солдат были сожжены на огромном костре. На фоне этой кровавой сцены стояли монахи и легаты и пели: „Приди, Дух Святой!“»².

Папские подручные «истребili в ходе 20-летней кровопролитной войны в Лангедоке свыше **миллиона (!) мирных жителей**»³. И вот, наконец, когда вся Южная Франция лежала в крови, папа решает закрепить победу и одновременно предупредить дальнейшее распространение ересей, созвав церковный собор в Тулузе (1229 год). Согласно решениям данного собора, еретиком объявлялся всякий, кто не принимал власть римского престола. За выдачу еретика церковь обещала платить доносчику по 4 серебряных марки. Дом еретика должен был быть сожжен, а сам он уничтожен. Однако самое вопиющее в решениях собора было ни в этом. Оно состояло в том, что отныне «запрещалось светским лицам чтение Священного Писания на народном языке»⁴.

«Чтобы отнять у народа Слово Божие, собрание в Тулузе в 1229 году издало следующий канон: „Мы запрещаем мирянам читать книги Старого и Нового Заветов, за исключением псалтыря, если они, возможно, захотели бы приобрести их, они смогут читать требник и часовник (сборники молитв — прим. А. О.) благословенной чистой Девы Марии, но читать мирянам другие ча-

¹ Миллер. Указ. соч., т. 1, с. 650.

² Там же, с. 660.

³ Григулевич И. Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985. — С. 94.

⁴ Льюренте Х. А. История испанской инквизиции. В 2 т. — М.: Ладомир, АСТ, 1999. — Т. 1, с. 89.

сти Библии на их родном языке мы запрещаем". Папское изложение этого канона и оправдание его строгости показывают нам, каким способом пользовалось духовенство тех дней Священным Писанием и как применяло его на деле. „Если скот, — говорил папа, — прикоснется к горе, то он должен был быть побит камнями". В его глазах народ был **подобен скоту**, а Слово Божие — горе Синай, которой ни один зверь не должен был касаться, чтобы остаться живым... Целью вышеупомянутого канона было удержать народ в полном незнании помыслов Божиих относительно духовных вопросов, чтобы, таким образом, превратить власть духовенства, вернее сказать, власть сатаны, князя тьмы, в неограниченную и неоспоримую»¹.

Этому примеру запрета на чтение, не говоря уже о распространении Библии, под нажимом папства последовали и другие страны Европы. Так «в Испании к концу XIII века королевскими указами повсеместно было запрещено употребление Библии, переведенной на отечественный язык. Иаков I Арагонский около 1276 г. издал такое постановление: никто не должен иметь книг Нового и Ветхого Заветов в испанском переводе; кто таковые имеет, тот должен представить их епископу; в случае же сопротивления — будет ли он лицо духовное или мирянин — навлекает на себя подозрение в еретичестве. Фердинанд и Изабелла (1474—1516) под угрозой тяжких наказаний воспретили переводить Библию на народный язык или иметь такие переводы»².

Вскоре после этого, начиная с 1559 года, Ватикан начинает с папы Павла IV публиковать специальные книги-индексы, в которых содержатся названия книг и авторов, читать которые католикам запрещается. И на первом месте в них стояла Библия, и именно ей отводилось главное место в этих папских индексах. «В индексе папы Павла IV, между прочим, запрещены: **все Библии**, т. е. издания Нового Завета, на народном языке — немецком, французском, итальянском, английском, фландрском и т. д.; их не должно печатать, читать и иметь без письменного разрешения римской инквизиции»³.

Но еще до появления этого первого официального Индекса, а также на протяжении 400 лет после него, история полна подобных предписаний по уничтожению и запрещению Библии. «Относительно книжного дела в законодательстве встречаем следующие

¹ Миллер. Указ. соч., т. 1, с. 674-675.

² Лебедев А. П. История запрещенных книг на западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох. — СПб.: И-е О. Абышко, 2005. — С. 11.

³ Лебедев. Указ. соч., с. 37.

общие определения: после публикации Вормского эдикта 1521 г. в Нидерландах еще не раз повторялось требование о сожжении или выдаче еретических книг в определенный срок под угрозой „наказаний телесных, имущественных и по обстоятельствам“ (?), а также под угрозой изгнания и смертной казни. В 1549 г. было потребовано, чтобы книгопродавцы в течение восьми дней выдали еретические книги, а частные лица сами должны сжечь их. Известия, дошедшие от тогдашнего времени, говорят о весьма частых и громадных сожжениях книг, об их конфискации и т. д.

В том же законодательстве находим такие определения: если книга трактует о церковных предметах, она должна быть наперед исследована и одобрена епископом или его уполномоченным; все прочие книги нуждаются в королевском разрешении; кто этого определения не соблюдает, тому на эшафоте раскаленным железом делается знак в форме креста или же таковому выкалывали глаз или отрубали руку, смотря по тому, что назначит судья»¹.

При этом, «не следует упускать из виду, что проповедь нищенствующих монахов происходила в обстановке нарастания и все более широкого распространения ересей, которые отрицали кардинальные принципы католицизма и, прежде всего, авторитет церкви. О том, насколько ересь тревожила церковь, свидетельствует и то, какое внимание уделено ей в примерах»².

И потому, создавая эти два ордена, папство преследовало главную цель восстановить свой пошатнувшийся авторитет, дискредитировать всех, несогласных с его учением, и утвердить в сознании народа незыблемость своих доктрин, в корне противоречащих учению Библии: бессмертия души, о поклонении святым и деве Марии, о чистилище и возможности купить за деньги прощение грехов и даже выволить души грешников из чистилища.

• **Необходимость новых методов проповеди.** Однако, к XIII веку для достижения всех вышеперечисленных целей «традиционная проповедь оказывалась неэффективной. За ее обновление и взялись новые нищенствующие ордена»³.

Они разрабатывают принципиально новый метод проповеди — так называемого, примера (Exempla), построенного не на сухом и монотонном преподнесении народу папских поучений, а на примерах из жизни реальных людей, получивших непосредственный опыт, контакт со святыми, Христом или девой Ма-

¹ Лебедев. Указ. соч., с. 20, 21, 23, 24—27, 34, 49—50, 69—70.

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 59—60.

³ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 59.

рией или бесами. «Как раз теперь „пример» делается неотъемлемым и одним из центральных компонентов проповеди, несомненно, привлекавшим наибольшее внимание слушателей. «Проповедника называют колоколом Господа»¹.

Особенности нового типа проповеди

— **Краткость.** «Пример — это короткий рассказ, выдаваемый за правду и предназначенный для включения в речь (преимущественно в проповедь) с целью преподать слушателям душеспасительный урок»². Краткостью изложения, во-первых, достигалось то, что проповедь хорошо запоминалась, а во-вторых, только небольшую по объему проповедь могло воспринять весьма низко образованное средневековое общество.

— **Простота изложения, доступная всем классам общества.** В отличие от богословских трактатов, доступных лишь богословам и знатокам латыни, содержание примеров «отличалось бесхитростностью, простотой, подчас граничащей с примитивностью»³.

— **Динамизм и драматичность.** Примеры, фигурируемые в проповедях средневековых монахов, весьма динамичны и драматичны по своей сути, захватывая воображение человека⁴. «Соприкосновение мира земного, его повседневного быта и обыденного человеческого поведения с миром иным, откуда являются Христос, Богородица, святые либо бесы и души умерших, пересечение обоих миров создают невозможную, парадоксальную ситуацию, порождая напряженное действие, которое влечет за собой чрезвычайные последствия. Естественно, описывающий подобную коллизию «пример» не мог не быть предельно динамичен. Все, свершающееся в «примерах», рисует людей в крайних состояниях религиозного возбуждения и отчаяния, предельной радости и неимоверного ужаса, на грани смерти или даже по ту сторону жизни. Ситуации здесь, как правило, «пограничные». Это не мелкие происшествия, которые забываются вскоре после того, как случились, — событие, упоминаемое «примером», обычно изображает поворотный, переломный пункт в жизни человека или его кончину. «Пример» динамичен, ибо он драматичен»⁵.

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 59.

² Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 130.

³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 136.

⁴ Там же. — С. 157.

⁵ Там же. — С. 157.

— **Упоминание событий из самой недавней истории, современной слушателям.** «Итак, несмотря на весь престиж прошлого (и вечности), которым обладают авторитеты и доводы, убедительная сила «примера» состоит именно в привязанности описанных в нем событий к настоящему времени. Наряду с древней историей, записанной учеными книжниками для потомков, возникает история недавняя, существующая исключительно благодаря аудиовизуальному опыту самих людей, хранящаяся у них в памяти и реализуемая в устной форме. Не случайно «основными пропагандистами этой истории, равно как и примеров, стали монахи нищенствующих орденов; это настоящие специалисты по недавнему прошлому»¹.

Более того, в своих проповедях францисканцы и доминиканцы упоминали конкретную местность, где это происходило, конкретный год, имена людей, что делало все это особенно близким к слушателям². «Итак, чудесные истории, о которых повествуется в примерах, засвидетельствованы очевидцами и участниками их, это правда, а не вымысел! Такова идея, пронизывающая примеры»³.

Благодаря этому, «слушатели могли видеть в изображенных коллизиях самих себя или себе подобных»⁴.

— **Цель проповеди — привести к быстрому покаянию.** «Пример — это инструмент покаяния и это покаяние должно совершиться немедленно»⁵. А покаяние в средневековом богословии — это деньги и деньги очень большие, и эти деньги поступают в церковь. Так церковь создает новый тип проповеди — пример, который ведет людей к покаянию, т.е. побуждает их жертвовать церкви средства.

— **В проповедях непосредственными героями являются Бог, дева Мария, святые, бесы, напрямую вмешивающиеся в жизнь людей.** «Примеры» выражают изменившиеся религиозные установки: не пассивное восприятие таинств и присутствие при сакральном ритуале мессы, как в раннее Средневековье, но более непосредственное отношение к Богу, личная связь между Ним и верующим. В самом деле, святые, Христос, святая Дева, ан-

¹ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 132.

² Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 144—145].

³ Там же. — С. 144.

⁴ Там же. — С. 136.

⁵ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 133.

гелы являются, собственно, лишь индивидам, и между ними завязывается общение с глазу на глаз. У Богородицы существуют свои любимцы, которых она защищает от нечистой силы и за которых она ходатайствует перед своим Сыном, более строгим и непреклонным Судией. «Пример» предполагает диалог между проповедником и верующим. Он предполагает диалог и между верующим и Божеством»¹, направляемый, конечно, умелыми проповедниками.

В этих проповедях духовный мир напрямую вмешивается в жизнь простых людей, которые воочию встречаются с девой Марией, ангелами и бесами, беседуют с ними, испытывают на себе их силу.

— **В проповедях встречаются и приходят в непосредственное соприкосновение миры живых и мертвых.** Проповеди средневековых монахов зиждутся на небиблейском учении о бессмертии души, и потому в них мертвые встречаются с живыми и напрямую воздействуют на их жизнь. «Это столкновение двух миров, пересечение разных систем отсчета времени и несовместимых пространств порождает ситуацию, в которой действие происходит и «здесь» и «там»². «Вторжение сил мира иного, добрых или злых, в мир людей нарушает ход человеческого времени и вырывает их из рутины повседневности»³. Мертвые, согласно учению средневековой церкви, сохраняют заинтересованность в мире живых, свободно посещая их⁴. Более того, человек мог находиться еще на земле, а душа его могла уже пребывать на том свете⁵. «Существовали и другие доказательства истинности видений. Физическое соприкосновение выходца с того света с живым человеком могло оставить на теле последнего неизгладимый след. Некий мертвый рыцарь явился в видении священнику, умоляя помолиться за него, дабы облегчить его страшную участь: он подвергается бесчисленным мукам, и то имущество, которое он наградил, убив человека на кладбище (и тем нарушив покой освященного места), теперь навалилось на него, подобно горе. Покойник прикоснулся к руке священника, и она до кости обнажилась в этом месте — то был знак того, что он дал обещание помочь мертвецу»⁶.

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 59.

² Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 148.

³ Там же. — С. 148.

⁴ Там же. — С. 150.

⁵ Там же. — С. 152.

⁶ Там же. — С. 154.

— **Использование обманных трюков для достижения большего эффекта.** Для достижения большего эффекта от своих проповедей францисканцы идут на откровенные обманы и махинации, многие из которых сегодня открыты. Один из таких широко используемых обманов, применявшихся францисканцами и оставленный нам современником тех событий, сыном рыцаря Салимбене, состоял в следующем. «Собираясь от времени до времени на известном месте, назначали день, час и тему своих речей. Один говорил другому: «Держись точно того, в чем мы условились», — так и было, как они обещали друг другу. Брат Гирардо, как я видел собственными глазами, после того стоял на общественной площади в Парме на деревянных подмостках, которые он приказал построить для себя. В то время как народ внимал его речи, он вдруг прервал свою проповедь. Надвинул на голову капюшон и принял такое положение, как будто он совершенно погрузился в общение с Богом. Народ дивился. После долгой паузы он начал опять словами Апокалипсиса: «Я был в духе в день воскресный и слышал возлюбленного брата Иоанна Виченского, который проповедовал близ Болоньи на каменистом берегу Рено; большая толпа окружала его, и он начал проповедь словами: «Блажен народ, царь которого наш Господь, народ, который Он избрал в Себе в наследники». Нечто подобное сказал он и о брате Иакобине. А в тот же самый час Иакобин имел пред слушателями такое же видение относительно брата Гирардо и Иоанна Виченского, а последний, в свою очередь, о двух других. На всех трех местах, разумеется, толпа была поражена таким видением. Разослали посланных разузнать истину. И когда пришло подтверждение, оно возбудило чрезвычайное изумление, ужас и восторг. В истинности этих апостолов после таких доказательств не могло больше быть сомнения, и немало людей, потрясенных этим чудом, оставили свое светское положение и вступили в орден доминиканцев или миноритов»¹.

«Проповедники из новых орденов были опытными социальными манипуляторами. Поэтому их идеи об обществе сами по себе заслуживают всяческого внимания. Они ведь не просто рисуют его устройство, — они стремятся активно на него воздействовать. А для этого нужно ясно представлять его себе и воспринимать идущие от него импульсы, учитывать новые тенденции. Проповедь была одним из главнейших и наиболее эффективных средств формирования общественного мнения. Она представля-

¹ Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 204.

ла собой одновременно и орудие воздействия на поведение людей и свидетельство установок, складывавшихся в обществе, настроений определенной социальной среды»¹.

— **Нищенствующие монахи идут со своими проповедями в народ.** Францисканцы и доминиканцы меняют не только стиль проповеди, но они отныне сами идут к народу, а не ждут, пока люди придут к ним в церковь. «Эти странствующие монахи проповедуют повсюду — в церкви, и в замке, на кладбище и в поле, на площади и в монастыре, — в любых местах, где собирается народ»². Монахи-проповедники были самым обыкновенным явлением на площади средневекового города. Взобравшись на камень или первое попавшееся возвышение, странствующий монах собирал вокруг себя большую толпу народа и начинал говорить. Для своих проповедей они избирали не только площади средневековых городов, но часто и прилегающие к ним поля, где соорудилась деревянная башня, на которой вывешивался флаг, по которому судили о направлении ветра. «Весь народ спешит собраться с той стороны башни, в какую дует ветер, с тем, чтобы были слышны слова проповедника»³.

Говорили они и против евреев, против роскоши, и против излишеств дамского костюма, порицали снисходительность судей и прегрешения ратманов. Все это говорилось в таком месте, где собиралось особенно много народа, как, например, на ярмарочной площади»⁴.

«Не столь часто, как процессии и казни, появлялись то тут, то там странствующие проповедники, возбуждавшие народ своим красноречием. Мы, приученные иметь дело с газетами, едва ли можем представить ошеломляющее воздействие звучащего слова на неискушенные и невежественные умы того времени. Брат Ришар, тот, кто был приставлен в качестве исповедника к Жанне д'Арк, проповедовал в Париже в 1429 г. в течение десяти дней подряд. Он начинал в пять утра и заканчивал между десятью и одиннадцатью часами, большей частью на кладбище Невинноубиенных младенцев, с его галереями, покрытыми знаменитыми изображениями Пляски смерти. За его спиной, над аркою входа, горы черепов громоздились в разверстых склепах. Когда, завер-

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 184.

² Там же. — С. 65.

³ Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. — М.: МБА, 2008. — С. 123.

⁴ Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 30.

пив свою десятую проповедь, он возвестил, что это последняя, ибо он не получил разрешения на дальнейшие, «все, стар и млад, рыдали столь горько и жалостно, как если б видели они предание земле своих близких, и он сам вместе с ними».

Когда же он окончательно покидал Париж, люди, в надежде, что он произнесет еще одну проповедь в Сен-Дени в воскресенье, двинулись туда, по словам Парижского горожанина, толпами еще в субботу под вечер, дабы захватить себе место — а всего их было шесть тысяч, — и пробыли там Целую ночь под открытым небом.

Где бы ни появлялся доминиканец св. Винцент Феррер, чтобы прочитать проповедь, навстречу ему из разных городов спешили простолюдины, члены магистрата, клирики, даже прелаты и епископы, дабы приветствовать его хвалебными гимнами. Он путешествует в сопровождении многочисленных приверженцев, которые каждый вечер после захода солнца устраивают процессии с самобичеванием и песнопениями. В каждом городе присоединяются к нему все новые и новые толпы. Он тщательно заботится об обеспечении пропитанием и ночлегом всех, кто за ним следует, назначая самых безупречных лиц квартирмейстерами. Множество священников, принадлежащих к различным духовным орденам, сопровождают его повсюду, помогая ему служить мессы и исповедовать»¹.

Снискав своим аскетичным видом и обличениями доверие народа, монахи начинали говорить уже собственно о том, для чего и был создан их орден — об утверждении папских доктрин, небиблейскую сущность которых обличали вальденсы — главные идеологические противники нищенствующих орденов.

● Основные темы проповедей нищенствующих монахов

— **Бессмертие души.** Главнейшей из этих доктрин была доктрина о бессмертии души, которая, забегая вперед, будет играть одну из центральных ролей в формировании психических расстройств у людей в Средневековье. Монахи — проповедники учили, что «связь между людьми смертью не прерывается и умершие обладают способностью общаться с живыми. Мертвые сохраняют заинтересованность в мире живых, посещают его с тем, чтобы уладить свои земные дела или улучшить свое положение на том свете. Мир умерших воздействует на мир живых. Со своей стороны, и мир живых способен оказывать решительное влияние на участь покойников. Наконец, в мире ином в определенных случа-

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 13—14.

ях оказываются люди, которые умерли лишь на краткое время и затем возвращаются к жизни. Временно скончавшиеся, живые или ожившие мертвецы, загробное существование которых не имеет ничего общего с вечным сном и покоем, обмен вестями и услугами между этим и тем светом, — как видим, между обоими мирами происходит напряженное общение. Так предстают в „примерах» отношения между миром живых и миром мертвых. Некий священник в ночном видении побывал в местах наказания. Какая картина предстала его взору? Там царила великая суета, бесы хлопотали и бегали с места на место: одни приводили души умерших, другие принимали их, третьи подвергали их пыткам. Стон и шум, вопли и плач раздавались со всех сторон. По свидетельству визионеров и выходцев из загробного мира, его отсеки, расположенные вне рая, характеризуются динамизмом и хаотичностью. Не пребывают в неподвижности и души тех, кто туда попал. У умерших сохранился прямой интерес к земным делам: имущественные и другие заботы не оставляют их и после смерти. Испытав на себе кары за грехи, они могут побуждать живых исповедаться и тем самым избежать загробных мук. Другие покойники продолжают тяжбы и ссоры, поглощавшие их во время земной жизни»¹. Учение о бессмертии души создавало базу практически для всех остальных лжеучений средневековой церкви: о существовании рая, ада и чистилища, о поклонении святым, а главное, провозглашая церковь, как посредницу между Богом и людьми, давало в ведение церкви контроль над участью человека, в том числе и загробной, а это было неисчерпаемое дно для доходов, ибо кто не отдаст всего, чтобы изменить свою участь или участь своих ближних к лучшему.

— **Чистилище, ад и рай.** Утверждая через этих проповедников доктрину о бессмертии души, папство через них же учило, что после смерти человек попадает или в ад, если он отъявленный грешник, или в рай, если он праведник, или в чистилище, если грехи относительно не велики и чтобы человек мог попасть в рай, их надо очистить посредством временных мучений в чистилище, учение о котором окончательно сформировалось как раз в XIII веке — времени появления и расцвета нищенствующих орденов, широко несущих в массы папские догматы и учения. Учение о чистилище утверждается в письме папы Иннокентия IV легату Эду де Шатору (1254 год) и постановлениях II Латеранского

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 75—76; Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 150—151.

собора (1274 год)¹. Время утверждения доктрины о чистилище именно в это время было не случайным.

Во-первых, именно в это время происходит становление и развитие средневековых городов с усиливающимися классами ремесленников и купцов, которых раннее средневековое общество практически не знало и в котором господствовало крестьянство. И эти новые классы не могла не беспокоить их посмертная участь. Особенно, если учесть, что, согласно средневековым воззрениям, изложенных, в частности, в «Светильнике» — религиозном сочинении XII века, надежду на спасение имеют только крестьяне, кормившие всех своим трудом, в то время как ремесленникам, которые имеют отношение к деньгам, воспринимавшимся в раннем Средневековье, как один из видов зла, и купцам, которые часто мошенничают и обвешивают народ, обеспечена вечная гибель². И средневековая церковь, стремящаяся сохранять свое влияние, должна была учитывать чаяния этих новых классов, которым грехи не давали возможности сразу попасть в рай. Эту задачу и решало учение о чистилище. «Таким образом, у людей, которые считали себя грешниками, тем не менее, появилась надежда на спасение души»³.

Во-вторых, это было время одного из наивысших периодов владычества папства, для утверждения которого учение о якобы власти папы над решением вечной участи человека играло важнейшую роль. Так учение о чистилище провозглашало, что «если за душу умершего грешника усердно служили церковные службы и молились, то срок его пребывания в чистилище мог сделаться короче»⁴.

В-третьих, благодаря учению о чистилище церковь получала новый поистине неиссякаемый источник дохода в виде пожертвований тех, кто желал избавить себя или своих родных от ужасов пребывания в чистилище.

В-четвертых, это учение очень тонко воздействовало на психику человека и потворствовало его греховным наклонностям, ибо провозглашало возможность изменить вечную участь человека и после смерти. И потому, не слишком страшно, если грешишь при жизни и не можешь себя обуздать, заплати деньги или пусть

¹ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 116.

² Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. — М.: МБА, 2008. — С. 135.

³ Там же. — С. 135.

⁴ Там же. — С. 135.

их заплатят твои близкие после твоей смерти, и ты имеешь твердую надежду попасть в рай.

Итак, согласно этому папскому учению, «распределение умерших по раю, аду и чистилищу происходит сразу после смерти. Но в таком случае Страшный суд делается как бы излишним»¹.

Но тогда какой смысл приходить Христу во второй раз и судить людей, если каждый уже сразу после смерти получил по заслугам. Но этот вопрос не смущает средневековых теологов, наоборот, их очень устраивает, что библейское учение о суде, Втором Пришествии Христа уходит из сознания людей. Теперь суд в понимании людей уже не в руках далекого, и, к тому же, как мы увидим ниже, «жестокého» Христа, а в руках церкви, которая, имея доступ к святым и де́ве Марии, может влиять на загробную участь человека, безусловно, если тот будет слушать церковь и щедро приносить пожертвования.

«На вере в то, что молитвы, мессы и приношения даров могут сократить срок пребывания душ в чистилище, строилась практика завещаний, которая начала распространяться как раз в изучаемый период и достигла полного развития в следующие века. Составители завещаний были озабочены тем, чтобы за их души были отслужены мессы, и в возможно большем числе. Со временем количество заупокойных месс, заказанных завещателями, стало достигать многих сотен и даже тысяч, причем, максимум их надлежало отслужить сразу же после кончины и в первые месяцы пребывания в чистилище, — стремились как можно скорее вызволить из него душу. В отношении с загробным миром вносятся счет и расчет»².

Папская церковь присваивает себе власть «над временем людей в загробном мире, временем Чистилища. Церковь стала распоряжаться этим временем, так как была организатором системы Чистилища, а также сосредоточила в своих руках основную составную часть этой системы, а именно, процедуры заступничества, необходимые для сокращения времени пребывания в Чистилище. Основными заступническими деяниями, способными сократить время пребывания грешника в Чистилище, являются — в порядке возрастания их ценности — молитвы, пожертвования и мессы. Молитвы служителей церкви более эффективны, нежели молитвы частных лиц, особенно мирян; пожертвования также контролируются Церковью. Мессы полностью являются

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 132.

² Там же. — С. 144—145.

делом церковников. Для живых, желающих обеспечить себе заступничество, способное вырвать их после смерти из Чистилища, основным средством является письменное обещание оставить в дар Церкви часть имущества, указанного в завещании. В ведении Церкви также находятся ведомости усопших с указанием заупокойных обеден; в XIII в. структура этих ведомостей меняется в связи с необходимостью отразить веру в новый отсек загробного мира — Чистилище. Не имея возможности полностью взять под свой контроль составление завещаний, Церковь тем не менее является исполнительницей всех распоряжений, сделанных завещателем с целью сократить себе срок пребывания в Чистилище. Монахи из вновь образованных нищенствующих орденов, прекрасно разобравшиеся в новых формах набожности и создавшие собственные инструменты воздействия на паству, приобрели репутацию умельцев, ловко вдохновлявших людей на включение в завещания пунктов, выгодных Церкви. Впрочем, включение в завещание распоряжений, связанных с пребыванием в Чистилище, станет входить в обиход постепенно, в зависимости от конкретного региона, и повсеместное распространение получит только с XIV в.

Церковь усердно стремится утвердить и теоретически обосновать свою власть над временем пребывания в Чистилище. В конце XII — начале XIII в., то есть достаточно поздно, к усилиям теологов присоединяются специалисты по каноническому праву. Согласно традиционному каноническому праву, христианин до смерти подлежал суду церковному, а после смерти он уже зависел исключительно от Божьего суда. В первой половине XIII в. каноники-правоведы вместе с теологами постановили, что души Чистилища подлежат общему суду Господа и Церкви. И, наконец, как открыто заявляет святой Бонавентура, папа вынужден признать за индивидом право принимать решение относительно использования индульгенций для освобождения душ из Чистилища¹.

«Папство разрабатывает учение, что, совершив определенные пожертвования на церковь и заказав нужное количество месс, человек может обеспечить и своим родным выход из чистилища или сократить срок там пребывания. В конце Средних веков стало возможным приобретать индульгенции для искупления грехов умерших. Столь неординарную возможность папа Бонифаций VIII предоставил во время святого, юбилейного 1300 года; отныне бухгалтерские подсчеты, в которые роковым образом втягиваются ревностные христиане позднего Средневековья, начинают

¹ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 126.

включать в себя арифметику индульгенций и бухгалтерию времени Чистилища»¹.

Так, в одной из проповедей-примеров монах-францисканец рассказывал следующую историю. «Кентский клирик возвратился из паломничества с запасом индульгенций, и отшельник, у которого он попросил напиться, сказал ему, что недавно умерла его служанка, так не согласится ли он уступить ей свои индульгенции? Клирик согласился, и той же ночью служанка дала знать, что индульгенции избавили ее от двадцати лет чистилища. Одно лицо может принять покаяние за грехи другого или передать совершенные им добрые дела на спасение души ближнего»². С помощью подобных примеров средневековая церковь насаждала веру людей в то, что обитатели чистилища могут посещать землю³.

«Огромные доходы приносила папской казне торговля особыми грамотами об отпущении грехов, или индульгенциями. Убийца, разбойник, вор могли за деньги купить индульгенцию, т.е. получить религиозное прощение своего преступления. Была составлена такса стоимости отпущения грехов: за убийство отца — одна плата, за убийство жены — другая, за разврат — третья и т.д. Приведем небольшой отрывок из папских такс: «Отпущение для священника, который сочетал браком родственников в недозволенной степени родства и отправлял богослужение в их присутствии, — 7 гросс; Отпущение для того, кто в церкви познал плотски женщину и совершил другое непотребство, — 6 гросс; Отпущение для того, кто плотски познал мать, сестру или другую кровную родственницу, или свойственницу, или крестную мать, — 5 гросс; Отпущение для того, кто растлил девушку, — 6 гросс; Отпущение за клятвопреступление 6 гросс. Вот какими способами римские папы добывали деньги и как они именем религии за деньги же прощали преступления. Таксы оплаты за отпущение грехов печатались в виде своеобразных преискурантов: в них перечислялись всевозможные преступления и пороки, и указывалась цена, за которую можно было получить «отпущение грехов». Эти таксы служили руководством в практической деятельности папской канцелярии»⁴.

¹ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 124.

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 90.

³ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 126, 127.

⁴ Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. АН СССР, 1959. — С. 49—50.

Утверждая эту папскую доктрину о чистилище, и параллельно зарабатывая на ней колоссальные деньги, монахи в своих проповедях не скупились на описания ужасов чистилища.

«Испытания, претерпеваемые людьми, находящимися в Чистилище, состоят в основном из разного рода телесных страданий, поэтому отовсюду слышны невыносимые взвизги, крики, вопли, кругом стоит омерзительный запах, гнусное зловоние; на этом фоне разворачиваются жуткие сцены мучений. В Чистилище существует целая система наказаний, воздействующих на тело и его способности. Испытанию подвергаются четыре чувства из пяти: зрение, обоняние, слух, осязание...есть пытки, при которых грешников погружают в чаны с расплавленными металлами — по самые брови или по губы, по шею, по грудь, до пупка или же только ногу или руку»¹.

В примерах проповедей очень часто фигурирует тема мучений, претерпеваемых в чистилище. Делалось это с четкой целью подтолкнуть людей побыстрее жертвовать церкви, чтобы избавиться от подобных зверств своих близких. Так, один человек, желавший видеть чистилище, был отведен туда ангелом и среди прочих душ увидел одну, которая по горло горела в огне и, тем не менее, смеялась. Он спросил сопровождавшего его ангела о причине смеха страдальца. Этому человеку было обещано, что по истечении тридцати лет в его роду родится мальчик, который, как только отслужит первую мессу, освободит его от мук»².

При этих «ярких» описаниях мучений людей после смерти, папство нисколько не смущало и явное противоречие в своих же собственных доктринах: если душа, как они учили, бестелесна и после смерти покидает тело, остающееся в земле, то, как тогда в чистилище или в аду, у людей жгут руки, ноги, вырывают язык, снимают кожу, откуда это все взялось у души? Более того, в целях воздействия на психику человека средневековая церковь отступает порой от своих же собственных доктрин о душах, попадающих в чистилище и ад и претерпевающих там мучения. «Каковы, по их мысли, эти муки? Ни у проповедника, ни тем более, у его аудитории не возникало сомнения в том, что муки эти — физические. Они представляют собой пытки, которым подвергается душа или „тело» души. Но что же такое „тело души»? На сей счет вразумительного ответа нет. Когда черти набрасываются на еще живого

¹ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 165.

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 145.

грешника и начинают его всячески терзать, ясно, что пытки претерпевает его тело. Затем они увлекают душу в ад, бросив тело как вещественное доказательство того, что владелец отправился в геенну. Однако девица, которую после ее смерти бесы утащили в ад за то, что она поносила свою мать, воскликнула: „Проклята я и в теле и в душе!». Встречаются и более поразительные истории. Явившись к могиле ростовщика, который цепко держал в руках свое золото и удавил человека, пытавшегося отнять его, дьявол возгласил: „Душами их я завладел, возьму и тела их», и с этими словами забрал оба трупа вместе с их душами и отправил их в ад, бросив золото. Рушится вся дихотомия тела и души! Точно так же, когда пьяница заложил незнакомцу свою душу за выпивку и тот забрал его в ад со словами: „Кто купил коня, тому идет и уздечка», то имеется в виду намеренье дьявола завладеть и душой и телом грешника»¹.

Так, проповедники-монахи своими рассказами о муках людей внушали просто ужас своим слушателям, доводя их до депрессии, панических страхов и помешательства.

Приведем некоторые примеры из таких проповедей францисканцев и доминиканцев, в которых, в частности, рассказывается даже об умерших людях, побывавших в аду и потом вновь оживших. «Как выясняется из показаний визионеров и возвращенцев с того света, душу, или ее оболочку, рвут щипцами, молотят молотами, бросают из огня в холод и из холода в огонь. Время от времени приходят известия о специальных муках, коим подвергаются отдельные грешники. Так случилось, например, с господином Теодорихом, богатым человеком, любителем широкой жизни и женщин. Спустя несколько дней после его кончины сторож церкви, покровителем которой был покойный, увидел во сне огромную колонну, высившуюся во дворе Теодориха. Она была утыкана острейшими лезвиями и достигала небес. Демоны таскали его душу вверх и вниз вдоль всей этой колонны, распевая песенку об оставленном Богом и проклятом грешнике. Жуткое впечатление, какое должен был произвести этот рассказ на читателей и слушателей, вероятно, еще усугублялось тем, что автор прилагает к нему и ноты бесовской кантилены»².

«Некий рыцарь, грешный человек, тем не менее, не был лишен благочестия, и когда он, „по своему обыкновению», прочитал молитву за усопших, то вдруг увидел высунувшиеся из земли бес-

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 166—167.

² Там же. — С. 167.

численные руки, — они как бы выражали благодарность покойников. Рыцарь остоленел от ужаса, но был утешен новым видением: святая Мария с хором дев низошла с небес и вновь на них возвратилась... Священник отправляет на кладбище службу за упокой душ умерших, и из отверзшихся могил за святой водой протягиваются руки покойников... Когда другой священник служил на кладбище заупокойную мессу, то в ответ на его слова „Да возликуют святые во славе» раздались голоса покойников: „Да возрадуются в покаях своих». Мертвецы возглашают „Аминь», услышав заключительную формулу мессы „Да починут в мире»... Епископ осудил священника за то, что он часто служил мессы за усопших, и хотел сместить его с должности. Тот пожаловался покойникам, что страдает из-за них, и они в недовольстве поднялись из могил, внушив ужас епископу. Благодарность покойников за добрые дела может принимать вполне ощутимые формы. Души, избавленные от мук чистилища молитвами и мессами благочестивого князя, в виде вооруженных и конных рыцарей оказывают ему помощь в битве против врага»¹.

Средневековая церковь учила также возможности встречи живых людей с обитателями потустороннего мира. Так, в частности, ирландские монахи якобы «отплыв на запад, приблизились к одинокой скале в океане, — на ней сидел Иуда, предавший Христа. Что же он им поведал? По понедельникам, средам и пятницам он мучается «в верхнем аду». А по вторникам, четвергам и субботам подвергается пыткам в «нижнем аду», но по Божьей милости по воскресениям ему дано выбраться из пекла и отдышаться»².

— **Жестокий Бог.** Но к кому же, по учению средневековой церкви, надо было молиться, чтобы быть хранимым здесь на земле от нечистой силы и быть спасенным после смерти. Ответ, вроде бы, напрашивается сам — Богу. Но не так учила средневековая церковь. По ее воззрениям, «Бог — прежде всего Судия, Которому ведомы все прегрешения и Который «в конце времен» беспощадно и сполна покарает каждого»³. При этом Христос — Судья грозный и гневный⁴! Так, к примеру, однажды Христос, «сойдя с алтаря, нанес удар в челюсть монаху, который уснул на ночной молит-

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 89.

² Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. — М.: МБА, 2008. — С. 133.

³ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 94.

⁴ Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. — М.: МБА, 2008. — С. 125.

ве. Так что на третий день тот скончался»¹. В другой проповеди рассказывается, как Христос, «разгневанный тем, что звонарь кельнской церкви не оказывал Ему должного почтения, однажды ночью явился ему и с бранью прибил»².

Итак, каким же Христос предстает в подавляющем большинстве примеров-проповедей того времени, в образе кого Он является людям по рассказам средневековых монахов-проповедников? «Зримый облик Христа, в каком Он предстает в видениях, — это, прежде всего, Распятый, Который нередко оживает для того, чтобы обратиться к верующему со словами предостережения, а то и с угрозами и даже может прибегнуть к физическому насилию. Далее, это Младенец, сидящий на руках Матери, преимущественно в сценах, в которых статуя Мадонны с маленьким Сыном оживает и включается в ход действия. В виде Младенца, обнаруживающегося в хлебе евхаристии телесно, Он чаще всего рисуется в „примерах о злодеяниях иудеев, которые всеми средствами стараются завладеть гостией и причинить ей физические страдания: они режут ее ножом или колют иглой, и тогда из освященной облатки слышен детский плач, она источает кровь, а нередко в ней показывается „маленький Бог христиан“, как иудеи называют Христа. Они якобы используют кровь христиан в ритуальных и медицинских целях. Издевательства над хлебом евхаристии служили главным оправданием еврейских погромов»³.

Кстати, большинство ужасных средневековых погромов провоцировалось именно монахами-проповедниками⁴ с подачи высших церковных иерархов. «Законченную и агрессивную форму антисемитизм, если верить „примерам“, приобретает на рубеже XIII и XIV веков. Теперь имеются в виду уже не индивидуальные отношения между представителями обеих религиозных общин, а массовая конфронтация. Достаточно прозвучать голосам, обвиняющим иудеев в поругании Бога и сакрамента, как появляются ослепленные ненавистью фанатичные вожаки, собираются толпы, готовые громить дома инаковерцев и тащить их на костер. Религиозная нетерпимость, недоверие к людям, которые придерживаются собственной веры и обычаев и ведут образ жизни, достаточно обособленный для того, чтобы породить подозрения и опасения, что они представляют собой угрозу христианам, созда-

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 139—140.

² Там же. — С. 140.

³ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 161—162.

⁴ Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — С. 30.

ют благоприятную почву для эксцессов и преследований. В силу вступают законы коллективной психологии, обнажаются и колоссально усиливаются массовые фобии. Человек, который еще вчера мирно жил бок о бок с иноверцем, превращается в частицу толпы, громящей его дом и сжигающей его на костре.

Религиозная рознь превращается в фанатичную ненависть, дающую выход накопившейся напряженности»¹.

Так, только в одном Вюрцбурге в ходе единократного погрома было умерщвлено более 30 тысяч евреев².

«Наконец, третий и, пожалуй, самый впечатляющий облик Христа — Судия. Он восседает на троне, окруженный всеми чинами ангельскими, патриархами, пророками, святыми, мучениками и праведниками. Перед его престолом разыгрываются сцены судебного процесса над душами умерших. „Примеры» обычно не сообщают, каков внешний вид Судии, но можно не сомневаться в том, что он соответствует канонам церковной иконографии. В тех редких случаях, когда в рассказе визионера проскальзывают указания на отдельные Его черты, мы узнаем, что грешник в беспредельном страхе созерцает гневное Божество. В других случаях проповедник ограничивается глухим указанием на то, что лик Христа „ужасен»»³.

— **Культ девы Марии.** В противоположность жестокому Богу и Христу дева Мария рисуется средневековой церковью, как заступница, спасающая от адских мук даже закоренелых грешников⁴, главная надежда на прощение грехов человека и даже более того, в самом спасении человека «Марии принадлежит ключевая роль»⁵! Действительно, «Марию трактовали прежде всего, как заступницу за людей перед Христом, и Гвибер Ножанский объясняет, как Мария, принадлежащая к сотворенному миру, могла влиять на Творца: ведь она, заявляет Гвибер, мать Бога, а мать не просит, а она приказывает! Вот почему Христос слушает ее и, прислушиваясь к ней, может менять свои решения»⁶.

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 305.

² Там же. — С. 307.

³ Там же. — С. 163.

⁴ Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. — М.: МБА, 2008. — С. 125.

⁵ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 160.

⁶ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 99.

В культе девы Марии отчетливо и откровенно воплотились языческие народные мотивы о высшем женском начале¹.

«Верили, что лишь вмешательство пречистой Девы или святых способно помочь при неблагоприятном исходе взвешивания. Даже когда „по праву“ грешник подлежит осуждению, безграничные доброта и любовь Богоматери могут вызволить его из когтей дьявола. Мария вступается даже за великих грешников, если они поклонялись ей при жизни. Между Нею и бесами разгорелся спор из-за души развратного монаха. Бесы утверждали, что он принадлежит им, но пресвятая Дева, зная, что даже отправляясь к женщине, с которой состоял в преступной связи, монах не преминул прочесть перед ее статуей „Ave Maria“, заявила, что он — „Ее раб“, и передала дело на решение своего Сына, который возвратил монаха к жизни, чтобы предоставить ему возможность покаяться»².

«Ее любовь и снисходительность неизъяснимы. Впрочем, если приглядеться к „примерам“, в которых демонстрируется расположенность Марии к слабым и легко сбивающимся с пути истины людям, то можно увидеть причины такого ее милосердия. Вот лишь немногие из этих „примеров“ — им нет числа. Повесили известного разбойника Эббо, но он не умер. Оказалось, что когда он уже висел в петле, явилась дева Мария и на протяжении двух дней поддерживала его своими руками. Дева не позволила возвратившимся к виселице палачам и судьям перерезать ему горло, а те, узнав об ее помощи, отпустили Эббо, который сделался монахом. В чем причина милости, оказанной ему Богоматерью? Эббо очень почитал пресвятую Деву, и даже отправляясь на разбой, благочестиво приветствовал ее»³.

«Следующая история кажется еще более странной. Человек, долгое время грешивший с собственной сестрой, тяжело заболел и лежал день или более „как бы мертвый“, — тело его было холодное, и лишь в груди едва теплился признак жизни. Между тем он был отправлен на тот свет, и, когда бесы уже хотели сбросить его в пропасть ада, явилась святая Дева, возвратившая его к жизни. Все так и было, ведь он самолично поведал обо всем брату Николаю из Везенфорда, а тот в Дублине передал анонимному автору „примера“. Брат Николай спросил его: „Почему наша Госпожа пожелала иметь попечение о грешнике, настолько вывалившемся

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 99.

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 154.

³ Там же. — С. 159.

в грязи?!» Никакой другой причины не было, кроме того, что они с сестрой постоянно из любви к святой Деве давали ей по две меры браги. Дело, разумеется, не в подношении, а в любви и преданности, которую грешники таким образом изъясляли Богоматери»¹.

Вот так представляла Марию средневековая церковь, которая, с одной стороны, поставила ее, а не Христа, главным источником спасения; которая дискредитировала любящий характер Бога и которая низвела деву Марию до способности прощать людей только за то, что они при жизни просто обрядно поклонялись ей. Поклоняйся перед иконой и статуей, поставь в праздник свечку, делай подношение и не беспокойся о своей участи — такова была мораль средневековой церкви.

— **Поклонение статуям и иконам.** С утверждением после долгого противостояния в церкви не отвечающего учению Библии поклонения иконам и статуям, это учение со временем превратилось в настоящее идолопоклонство, которое всячески поддерживалось средневековой церковью, которая через монахов-проповедников окружала его всяческими суевериями, потрясающими и без того расшатанную психику средневекового человека.

«Изображение Богоматери не только сопричастно ей — оно буквально воплощает ее: Дева оживает в своих статуях и фресках, разговаривает, движется, спасает угодившего ей художника от падения, учит клирика новому гимну в ее честь. Религиозное мирозерцание предполагает символическую и мистическую связь между божеством и его изображением, но в той системе сознания, которая раскрывается перед нами в „примерах», как кажется, вообще стирается или отсутствует различие между Христом и Богоматерью, с одной стороны, и их статуями или портретами — с другой»².

Проповедовали, что якобы были «статуи Богоматери, источавшие пот вследствие того, что она удерживала карающую десницу своего Сына, намеревавшегося покарать грешный мир, и изображений распятого Христа, которые подавали голос или источали кровь, когда распятие было повреждено. Вспоминается и рассказ о женщине, дочь которой унес волк и которая отняла у статуи Богоматери Сына, обещая возвратить Младенца лишь в том случае, если она поможет ей получить назад своего ребенка, что и

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 159.

² Там же. — С. 165.

было выполнено. Читали мы и о статуе святой Девы, которая кланяется своему верному поклоннику. Скульптурное изображение Марии вполне способно нарушить свою неподвижность, посадить на алтарь Младенца, которого она держала на руках, с тем, чтобы преклонить пред Ним колени и умолять Его о снисхождении к какому-то опекаемому ею грешнику. Христос-Младенец может соскочить с ее колен, подбежать к благочестивой монахине и заглянуть в читаемую ею книгу»¹.

«Таким образом, то, что Божество таится в своем художественном воплощении и способно себя в нем обнаруживать, притом самым активным и энергичным способом, нисколько не противоречит тому, что это изображение — творение рук слабого человека»².

— **Осуждение образованности.** В своих проповедях средневековые монахи осуждали образованность, в то время как вальденсы, наоборот, говорили о необходимости просвещения людей. И в этом разном подходе нет ничего удивительного. Ибо средневековая церковь понимала, что, научившись читать и думать, люди начнут сопоставлять то, о чем говорит Библия, с тем, чему учит людей она, правящая церковь, и люди тогда увидят эту колоссальную разницу. Вальденсы же, заинтересованные, как раз в том, чтобы люди жили согласно не человеческим учениям, а учению Библии, были заинтересованы в просвещении людей, чтобы они, научившись читать, сами могли увидеть, где ложь, а где правда. И потому средневековые нищенствующие ордена в своих проповедях всячески осуждали образованность, приравнивая ее фактически к богоотступничеству.

Так, в одной из их проповедей повествовалось о следующем. «Некий ученик явился после смерти своему магистру по имени Селла. Выходец с того света был одет в пергаментный плащ, исписанный мелкими буквами. Он признался, что тяжесть букв чрезвычайно его гнетет, все равно как если б он нес на шее колокольню этой церкви — он указал на церковь Сен Жермен, около которой он явился магистру. Письмена эти суть софизмы и пустые вопросы, на обсуждение коих он тратил свои дни и пониманием коих гордился. „Я не могу выразить тебе, как мучает меня жжение под этим плащом, как если б то была стрела. Под влиянием этого происшествия магистр оставил школу логики и вступил в орден цистерцианцев, произнеся при этом стих: „Квакал я

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 165.

² Там же. — С. 165.

с лягушками, каркал с воронами, занимался суетой сует; иду к той логике, коя не страшится смерти».

Сам Аристотель, явившись после смерти какому-то мирянину, признался, что на том свете различия по родам и видам не имеют никакого значения, ибо вся премудрость там исчезает. Знания многообразны и преходящи, за одним мнением тут же высказывается другое, и книга появляется за книгой, — всего не узнаешь. Гоняющийся за знаниями уподобляется тому мужику, который, уронив топор в воду, остановился на мосту, поджидая, когда в реке стечет вся вода. Эти занятия не только тщетные, но и чреватые опасностью. Существуют богословские истины, о которых не следует рассуждать, ибо дискуссии лишь запутывают, сбивают и грозят впадением в ересь, — эти истины нужно принимать без рассуждений¹.

Осуждение средневековой церковью образованности было неслучайно, ибо неграмотный темный человек намного более падок и подвержен суевериям и им намного легче манипулировать. Поэтому неслучайно, что образованные люди, начиная читать Библию, отходили от учения государственной церкви².

Также эти монахи призывали каждого своего слушателя оставаться тем, кем он есть, а не стремиться улучшить свое положение. Так, известнейший францисканский монах Бертольд Регенсбургский (1210—1272) говорил, в частности, следующее. «Ты крестьянин, но возможно, хотел бы быть князем. Но кто же будет нас кормить, если все сделаются господами?». Итак, Бертольд учит, что общественный строй должен оставаться неизменным, и никто не должен стараться перейти в высший общественный разряд³. Это также сдерживало, безусловно, тягу к получению новых знаний, прогрессу.

— **Представление о женщине.** «Женщина в глазах проповедников — орудие дьявола, используемое в качестве средства совращения и погубления человека...Женщина — дьявол либо служка⁴. Более того, сам «человек, с точки зрения проповедника, по преимуществу мужчина»⁵. «Среди многочисленных рассказов о женщинах лишь изредка встречаются такие, в которых

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 237, 239.

² Там же. — С. 240.

³ Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. — М.: МБА, 2008. — С. 123—124.

⁴ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 241.

⁵ Там же. — С. 242.

они не выглядят моральными монстрами»¹. Средневековые проповедники, проповедуя аскетизм, даже не проводят разграничения между любовью и похотью². Более того, по воззрениям средневековой церкви, «чувства, испытываемые человеком к своим ближним, любовные, родительские, супружеские связи и сопряженные с ними материальные заботы подвергают его душу опасности. С этими связями проповедник не может не считаться, но не склонен ставить их высоко на шкале христианских ценностей. Его идеал — монашеская жизнь, а монах не имеет мирской родни, братьями он называет других монахов, его отец — Отец небесный, мать — Дева Мария. В „примерах» этот аспект-разрыв родственной близости между сыном-монахом и оставшимся в миру отцом — выражен с предельной ясностью. Для проповеди характерны весьма сдержанное отношение к семье, страх перед женщиной и сексом и пренебрежение к ребенку»³. Это пренебрежительное отношение к женщинам не мешало, впрочем, представителям средневековых монашествующих орденов вступать с ними в связи, скандалами о которых полны средневековые хроники и произведения, и которые стали, в конце концов, одной из причин падения в дальнейшем авторитета нищенствующих монахов.

— **Спасение делами.** Средневековая церковь, вопреки учению Библии, утверждающему, что человек спасается верой, разработала учение о спасении делами. Церковь учила, «что грехи имеют физический вес и что на страшном суде злые и добрые дела возлагаются на чаши весов и подвергаются взвешиванию»⁴.

«Всякий грех „пишется в строку», на каждого на том свете заведено своего рода досье, и на суде эти перечни заслуг и прегрешений будут предъявлены. Реестр грехов притаскивают бесы, обычно это — тяжелый том или свиток внушительного вида. Список добрых дел, как правило, уступающий объемом списку грехов, предъявляют ангелы. Обе записи кладут на чаши весов. Для большинства умерших эта процедура в высшей степени опасна, и взвешивание обнаруживает виновность грешника»⁵.

И в этом страхе монахи направляют людей к церкви, которая только якобы и может спасти их. «Озабоченность участью души в

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 250.

² Там же. — С. 286.

³ Там же. — С. 290—291.

⁴ Там же. — С. 169.

⁵ Там же. — С. 153.

потустороннем мире не оставляет верующего даже после его кончины. Человек умер, положен на погребальные носилки, — и внезапно вскакивает с них. Все, кто собрался на его отпевание, в ужасе разбегаются, но мертвец догоняет капеллана и обращается к нему с просьбой: у него есть хороший баран, так пусть священник возьмет его себе и помолится за упокой его души. Изложив свою просьбу, покойник возвращается на ложе и вновь умирает. Страх пред загробной гибелью пересилил в нем самое смерть, и он успел заручиться помощью представителя церкви»¹.

При этом эти проповедники государственной церкви «в повседневной жизни на верующих возлагают только две обязанности: воздержание от мяса по пятницам и соблюдение сорокадневного поста. Что касается молитвы, то она лишь рекомендуется. Короче говоря, религиозная жизнь Флоренции времен Данте знала два апогея: Пасху и День святого Иоанна Крестителя, но зато уж праздновались они со всеми надлежащими церемониями, долго и пышно. Повседневность отмечена некоторым безразличием к религии»². Это делалось с целью, чтобы, не обременяя особо людей, лучше удерживать их, а с другой стороны, чем меньше люди будут задумываться и анализировать вопросы веры, тем меньше у них будет вопросов, в частности, почему церковь так многое искажала из учения Библии. Это учение лежало также в основе обоснования индульгенций, т.е. возможности за деньги получить прощение того или иного греха.

Именно поэтому, создаваемая государственной церковью «народная религиозность в Средние века характеризовалась на протяжении всей интересующей нас эпохи (XI—XV века) определенным количеством почти неизменных черт: религия, нуждающаяся во внешних проявлениях культа, например, в том, чтобы видеть объект поклонения, и потому носящая в основном внешний характер; религия, основанная на тяге к чудесному, фантастическому, сводящаяся к постоянному ожиданию чуда, так что, в конце концов, само чудо начинает казаться чем-то естественным, утрачивая собственную трансцендентность и вообще смысл; религия антропоцентрическая, более озабоченная поисками путей спасения души, нежели прославлением Бога; религия, зачастую отделенная от морали и сводящаяся лишь к культу и добрым делам, но, в любом случае, к ритуалам»³.

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 96.

² Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004. — С. 202.

³ Там же. — С. 201.

Средневековая церковь формирует у людей представление о христианстве, как «серии обрядов — религиозных действий, процессий, молитв, которые произносятся на латыни — языке церкви и образованных людей, непонятных народу. Верили, что если все эти обряды выполнены, а молитвы произнесены, то человек сразу же очистился от грехов и его примирение с Богом произойдет независимо от того, как он ведет себя в жизни, каковы его мысли и чувства, добрые они или злые»¹. Таким образом, учение о спасении делами не только позволяло лучше удерживать людей в духовном повиновении, но и эффективно получать с них доходы.

— **Церковная магия.** Процветала в Средние века и откровенно церковная магия. «Вера прихожан в силу церковных ритуалов и предметов выражалась в поступках, которые свидетельствуют о том, что сакрамент понимался ими как своеобразное магическое средство. Поэтому было вполне логично — в контексте логики этих христиан — что и акт отлучения мог быть применен не только к человеку, но и к неразумным тварям и к неодушевленным предметам. Мухи, тучами летавшие в церкви, не давали возможности спокойно отправлять службу, и тогда Бернар Клервоский отлучил их, и на другой день все мухи сдохли. Если бы подобные действия произвел какой-нибудь мирянин, они были бы сочтены нечестивым колдовством. Допустимая церковью магия — это ритуалы, совершаемые ее служителями. Бернар, отнюдь не представитель народной культуры и религиозности, но его поступок, как и подобные же действия других святых, находится в пределах сферы взаимодействия официальной церковности и народных традиций. Святые и епископы отлучают блох, вызвавших поварные болезни, змей, рыб, птиц, хлеб, попавший в руки еретика, сады, леса, замки, и все эти отлучения оказываются вполне эффективными: эпидемия прекращается, сад перестает плодоносить, рыба исчезает, лес засыхает, замок запустевает. Отлученные воробы не смеют залетать в церковь, где они гадили, но летают вокруг нее»². Магические представления, насаждаемые церковью, везде окружали средневекового человека. «Ребенка лечили, вешая Евангелие ему на шею; Святое Писание возлагали на голову для исцеления от головной боли, и даже на половые органы — для избавления от похоти. Магическую силу придавали и мессе и евхаристии, верили, что молитвы действуют подобно за-

¹ Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. — М.: МБА, 2008. — С. 126.

² Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 179.

клинаниям, а молитва, прочитанная наоборот, вызывает зловредные последствия»¹.

Лелеемые средневековой церковью таинства, превратившиеся, по сути, в магические обряды, очень тонко воздействовали на психику человека, с одной стороны, поражая ее своей эффективностью, а с другой — ввергая в состояние страха и трепета перед институтом церкви, которая совершала их.

— **Целенаправленное сеяние страха в людях.** «Прежде всего, мысль о смерти и следующей за нею расплате не должна оставлять человека»². Недаром ведущие ученые именуют порой христианство в средневековой западной Европе «религией мертвых»³. «В конце Средних веков одержимость мыслью о смерти и тем, что за нею последует, еще более возросла»⁴. Все внимание должно быть сконцентрировано на страхе перед смертью и дальнейшей участи души. «Некоего государя спросили о причине печали, которую он испытывает всякий раз, как вершит суд. Он объяснил, что им владеют страхи: страх собственных грехов, страх смерти, которая может наступить в любой день, страх перед судом и страх геенны и нескончаемых мук»⁵.

«По оценке францисканца Бертольда Регенсбургского, знаменитого немецкого проповедника середины XIII века, отношение осужденных на ад к спасенным равно пропорции 100000:1. Вот проповедь страха и устрашения! Этому страху были равно подвержены и образованные и неграмотные. Один парижский теолог, упомянутый Этьеном де Бурбон, падал в обморок всякий раз, когда слышал в проповеди или читал о Страшном суде — ему чудилось, что его немедля на него вызывают»⁶. Одновременно с этим, «при посредстве проповедников теологи внушали народу мысль о всемогуществе нечистой силы и ее постоянном и всестороннем вмешательстве в жизнь человека»⁷. «Духовенство создает в умах людей особый мир, наполненный нечистой силой и нескончаемыми шабашами»⁸.

Поэтому немудрено, что многие «люди под влиянием этих проповедей до такой степени отчаивались в возможности спа-

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 347.

² Там же. — С. 95.

³ Там же. — С. 75.

⁴ Там же. — С. 146.

⁵ Там же. — С. 95.

⁶ Там же. — С. 99—100.

⁷ Там же. — С. 319.

⁸ Там же. — С. 319.

стись, что шли на самоубийства. Страх быть проклятым приводил к тому, что человек, раздав свое имущество, спешил сделать монахом, уходил в крестовый поход или в паломничество, подвергал себя изнурительным постам и бдениям и делался жертвой горячечных фантазий и видений»¹.

«Монахи использовали панический страх человека Средневековья перед загробным наказанием, чтобы принудить крестьян к земельным дарениям, округляя, таким образом, свои владения. Монастырские урбании (сборники дарственных и купчих грамот) — документы, отражающие трагедии крестьянских семей; постепенное втягивание в зависимость от аббатства, передачу монахам наделов, разорение детей «благочестивыми отцами», обман и прямые угрозы»².

Обществом, вверженным в состояние темного страха, манипулировать было легче всего.

Таким образом:

— Проповеди, произносимые в Средние века францисканцами и доминиканцами, способствовали популяризации и упрочению в сознании людей небиблейских учений средневековой церкви о бессмертии души, поклонении святым и деве Марии, спасении делами и одновременно искажению библейских представлений о характере Бога и пути спасения т.д.

— Средневековые проповеди нищенствующих монашеских орденов способствовали насаждению суеверий и страхов в сознание слушающих, фактической популяризации магии и оккультизма.

— Средневековые проповеди нищенствующих монашеских орденов препятствовали проповеди евангельского учения, осуществляемого, в частности, вальденсами и одновременно учили людей доносителству.

— Средневековые проповеди нищенствующих монашеских орденов возвышали власть папства, церкви и института священства, рисуемых, как необходимых посредников между Богом и людьми и одновременно с этим служили источником постоянно обогащения правящей церкви.

— Средневековые проповеди нищенствующих монашеских орденов являют собой яркий пример манипуляции сознанием и психикой людей.

¹ Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — С. 69.

² Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 158.

ПРИЧИНЫ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ ЭПИДЕМИЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ИНКВИЗИЦИЯ

Огромный вклад наравне со схоластикой в разработку учения о ведьмах и придания ему в глазах людей «научного» обоснования сыграла инквизиция. Средневековая церковь осуществляла свой тотальный контроль за всей жизнедеятельностью человека с помощью созданного ей в 1215 году (хотя, фактически, его корни уходят к V веку х.э.) института инквизиции (в пер. с лат. расследование, розыск), который на протяжении столетий (институт инквизиции существовал аж (!) до 1908 года, когда папа Пий X переименовал его в Священную Конгрегацию Священной Канцелярии, а в 1967 году она была переименована в Священную Конгрегацию веры, но заметим, что отменена она так и не была вообще и существует, пусть и под другим именем, и по сей день) держал в ужасе западноевропейские города, став одной из причин массовых умопомешательств людей, с одной стороны, не выдерживающих жизни в состоянии постоянного страха за свою жизнь и жизнь своих близких, с другой — публично совершающихся перед их лицом жестокостей, творимых инквизиторами.

Начиная с того периода, когда христианство стало при императоре Константине Великом государственной религией империи, начинается эпоха насильственной борьбы с теми, кто выступал против нее. Опираясь на союз с государством, церковные иерархи нещадно боролись со всеми, кто мог каким-либо образом поколебать их власть и богатство. Все это, безусловно, шло под флагом борьбы с ересью, под которую попадали, в первую очередь, как четко показывает история, как раз те, кто придерживался чистого Евангельского учения. В 1229 году на Тулузском соборе было решено создать уже постоянно действующую организацию — инквизицию для борьбы с еретиками.

• **Цель инквизиции — уничтожение ереси.** Главной задачей инквизиции была борьба с ересью¹. «Инквизиция должна была вырвать из Европы жало ереси»². Французский инквизитор XIV века Бернар Ги, говоря о задачах инквизиции, писал: «Задача инквизиции — истребление ереси; ересь не может быть уничтожена, если не будут уничтожены еретики; еретики не могут быть уничтожены, если не будут истреблены вместе с ними их укрыватели, со-

¹ Верхратский. Вказ. тв., с. 64.

² Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. АН СССР, 1959. — С. 27.

чувствующие и защитники»¹. «Кульминацией мер по подавлению и уничтожению ересей и стала организованная система, называемая инквизицией. История ее деяний содержит, вероятно, самые отвратительные сцены из анналов цивилизованной Европы. Представители церкви, решавшие судьбу человека в этом мире, во имя религии пытали бесчисленные беспомощные жертвы, еретиков и так называемых ведьм, и выносили приговор, который, как они знали, вел к пожизненному заключению или к смерти на костре. Конечно, некоторое оправдание бесчувственно хладнокровного отношения к судьбе еретика мы находим, вспоминая о безжалостных наказаниях, которым гражданские суды Средних веков подвергали гражданских преступников... Однако поразителен тот факт, что христианские власти, которые должны были являть миру Христа, заменили Его милосердие безмерной жестокостью»².

Кроме борьбы с ересью своим главным предназначением «инквизиция угрожала беспощадной расправой всем недовольным существующим порядком, любому, осмелившемуся критиковать распущенность, продажность и алчность духовенства, всякому, кто высказывал сомнение по поводу истинности церковных догм»³.

● **Римский папа — создатель и глава инквизиции.** «Верховным главой инквизиции являлся папа римский. Именно ему — наместнику Бога на земле — служила и подчинялась эта машина, созданная церковью и существовавшая с её благословения»⁴. Инквизиторы зависели непосредственно от папства и, обращаясь к инквизитору, папа римский называл его — «сын мой»⁵. «Инквизиция была исключительно папским институтом, продуманным во всех подробностях папами XIII века, начиная с Иннокентия III»⁶.

«С половины XIII века, после того, как некоторые примеры отпадения от церкви напугали иерархию, Иннокентий III создал особое судилище и провел неестественное разделение между функциями надзора и руководства церкви и ее карающей властью. Дабы иметь еще большую гарантию, что никакое человеческое чувство, никакие естественные искушения не поколеблют неумолимой суровости статутах этой новой карательной власти, он изъял ее из рук епископов и светского духовенства, которое казалось ему, было еще слишком связано с людьми на почве гражданской жизни, и передал ее в руки монахов, этих вырожденцев чело-

¹ Guidonis B. OFP. Practica Inquisitionis heretice pravitatis. — Paris, 1886. — P. 217.

² Шаф. Указ. соч., т.5, с. 315.

³ Григулевич И.Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985. — С. 99.

⁴ Там же. — С. 102.

⁵ Там же. — С. 106.

⁶ Шаф. Указ. соч., т.5, с. 316.

вечества, отрекшихся от всех священных требований природы и посвятивших себя служению римскому престолу»¹.

● **Причины появления инквизиции.** Почему же, как институт, инквизиция возникает именно в начале XIII века? Среди причин, приведших к тому, что папство основывает институт инквизиции, мы можем выделить несколько.

— **Первое. Подавить начавшуюся проповедь Евангелия.** Конец XII — начало XIII века ознаменовалось широкой проповедью Евангелия, особенно в Южной Европе, которую проводили вальденцы. Движение вальденцев получило свое название от имени Петра Вальда (умер ок. 1218 г.), некогда богатого лионского торговца, который затем, осознав тщету и скоротечность жизни, познакомившись с Библией, понял, что она отвечает на все вопросы жизни, и поставил своей целью познакомить других людей с тем, чему Сам Бог учит людей на страницах Библии. Первоначально Петр Вальд и его последователи не думали выступать против папской церкви, но чем больше они изучали Библию, тем больше начинали видеть те многочисленные лжеучения, которые вкрались в институт государственной церкви, и которые та всячески поддерживала, несмотря на явные библейские свидетельства.

Особенно потрясло вальденцев, когда церковный Третий Латеранский собор в 1179 году запретил им проповедовать Евангелие, причем, никаких обвинений в искажении библейского учения им предъявлено не было. Им запретили проповедовать лишь потому, что они были мирянами. Но разве Сам Христос не повелел всем верующим проповедовать Евангелие, рассказывать о Божьей любви, милосердии. Что в этом плохого? Простодушные и открытые вальденцы не могли этого понять, но коварные церковные иерархи, обращающиеся с ними на соборе, по их же собственным словам, «как с птицами, которые не замечают силков»², хорошо понимали, что изучение Библии приведет рано или поздно вальденцев к тому, что они увидят разницу между тем, что Бог говорит на страницах Библии и тем, чему учит римская церковь.

Именно это и произошло в дальнейшем. Но вначале Петр Вальд не согласился с решением собора, лишившим их права проповедовать, ибо «должно повиноваться больше Богу, нежели чело-векам», решил Вальд и Его последователи. Именно этот принцип станет одним из ведущих в учении вальденцев³. Этот принцип впервые заложил основы свободы совести, которые несколько веков

¹ Шиллер И. Х. Ф. Собрание сочинений. В 8 т. — М.-Л.: Академия, 1937. — Т. 7. История отпадения Нидерландов от испанского владычества, с. 47-48].

² Шафф. Указ. соч., т. 5, с. 304.

³ Шафф. Указ. соч., т. 5, с. 307.

спустя будут провозглашены Лютером в Вормсе¹, а затем станут одними из краеугольных камней всей европейской демократии.

Далее, «вторым отличительным принципом вальденцев был авторитет Писания и использование его народом. В этом вальденцы предвосхитили протестантскую Реформацию»². Целью вальденцев становится перевод Библии на тогдашние европейские языки и распространение ее среди народов Европы. Именно этого более всего и страшились церковные иерархи. Базируясь всецело на Библии, вальденцы отрицали реальное присутствие Христа в дарах причастия, крещение младенцев, учение о чистилище и молитвы за умерших³, т.е. все те базовые учения, которые приносили несказанный доход государственной церкви. Ибо, церковь, создав учение о чистилище и присвоив себе власть над ним, учила, что может за пожертвования вызывать оттуда души умерших; что за те же жертвования и совершаемые ей молитвы за умерших можно улучшить посмертную долю человека; что некрещенные церковью младенцы не будут спасены; что благодаря таинству, совершаемому священником, хлеб и вино превращаются в реальные плоть и кровь Христа, и что не принимая их, человек погибнет. Словом, церковь взяла власть распоряжаться не только земной, но и посмертной участью человека! Таким образом, проповедь вальденцев, не только обличала римские лжеучения, но и наносила страшный удар по ее казне.

Далее, вальденцы, согласно Библии учили что миряне, как мужчины, так и женщины имеют право проповедовать, рассказывать о Христе⁴. И, наоборот, если человек, считающий себя верующим, своей жизнью и словом не говорит ничего о Боге, то это не истинный христианин. Это также принципиально не устраивало средневековую церковь, которая, с одной стороны, взяла только на себя все монополию, связанную со всеми аспектами религии, а с другой стороны, прекрасно понимающую, что справиться с тысячами таких проповедников Евангелия ей будет крайне тяжело.

Также, вальденцы учили, что рукоположение в духовный сан не дает человеку права связывать и разрешать вопросы жизни и смерти⁵, которые присвоила себе римская церковь, а это подрывало авторитет и власть всего здания средневековой государственной церкви, учившей, что она обладает правом накладывать анафемы на людей и интердикты на целые страны; учившей, что только по ее благословию действительны браки; учившей, что без ее отпевания человек не может спастись; учившей, что только по ее благословию человек может выздороветь.

¹ Шафф. Указ. соч., т. 5, с. 307.

² Шафф. Указ. соч., т. 5, с. 307.

³ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 326.

⁴ Шафф. Указ. соч., т. 5, с. 308.

⁵ Шафф. Указ. соч., т. 5, с. 308.

Но если у правящей церкви вальденцы вызывали ненависть, то у простого народа они пользовались огромной популярностью, и потому это движение весьма и весьма распространилось, охватив уже к началу XIII века Италию, Францию, Германию, Чехию и т.д. Видя, что угрозами и отдельными преследованиями это уже не остановить, папство и решает основать инквизицию. При этом в ее задачи входит не только карать, но, самое главное, своевременно выявлять всех еретиков¹. Недаром вскоре папство и инквизиция будут обвинять вальденцев в колдовстве².

— **Второе. Подавить недовольство папской властью.** Деспотизм и произвол правящей государственной церкви, наряду с вопиющей ее коррупцией и развращенностью, привел не только к потере ее духовного авторитета, но и вызвал открытые возмущения, как простых, так и знатных людей.

К этому времени папство становится крупнейшим феодалом Европы, накладывая денежные обязательства на всех и на вся. Так, папский престол сделал обязательным регулярные подношения себе от всех духовных лиц, посещавших Рим.

«*Servitia, visitationis et annates* первоначально бывшие добровольными пожертвованиями клира, к концу XIII века стали обязательными выплатами. *Annates* были частью годового дохода папских назначенцев на бенефиции, право заполнения которых папа сохранял за собой, — это пребенды, бенефиции каноников и другие. Обычно аннаты составляли половину дохода. *Visitationis* были выплатами от прелатов, то есть архиепископов, епископов и аббатов, посещавших Рим. Эти визиты планировались в определенные периоды, установленные согласно закону. Прелаты, принимая клятву при вступлении в должность, давали обещание совершать их.

Servitia были денежными дарами от архиепископов, епископов и аббатов при их вступлении в должность. Они составляли крупный источник средств. Размер выплаты определялся в зависимости от годового дохода. Единожды определенный, он оставался постоянным и обязательным, пока не производились новые подсчеты. Обычно, хотя и не всегда, налог составлял одну треть от годового дохода. Точное происхождение этой дани неизвестно, но она была признана как обычай и имела силу закона еще до правления Николая III (1277—1280) — вероятно, уже в середине XIII века. Прелаты обычно платили этот налог во время визита в Рим, когда их назначение подтверждалось. Иногда требование об уплате выдвигалось через торговый дом»³.

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 121.

² Там же. — С. 140.

³ Шафф. Указ. соч., т.5. с. 483.

Также папский престол облагал высочайшими налогами всех подвластных ему духовно в стране. «Обычай платить лепту святого Петра, то есть определенное количество денег с каждого двора, был распространен в Англии, Швеции, Дании, Норвегии, Северной Германии и Польше, но никогда не вводился во Франции. Хотя Григорий VII пытался сделать это, он потерпел неудачу. Роберт Гвискар в 1059 г. обещал выплачивать от Сицилии по двенадцать динариев за каждую упряжку волов. Далекая Гренландия также вносила лепту; она выплачивалась там при Олафе, епископе Гардара (1246)»¹.

«Уже во времена святого Бернара курия прославилась своим стяжательством. Никакая сумма не могла удовлетворить ее аппетита. Ее обвиняли в постоянном вымогании денег на потребу Рима. Бернар живо, хотя, возможно, излишне яркими красками, рисует эту алчущую толпу служителей и восклицает: «Было ли такое, что Рим отказывался от золота? Рим превратил святилище в место торговли. Германцы путешествуют в Рим, и их выючные животные нагружены сокровищами. Серебра в нем стало как соломы. К чести Евгения можно сказать, что он отвернул свое лицо от таких даров. Во всем виновата курия. Они превратили Рим в место купли и продажи. “Римляне” (ибо именно так называют эту группу служителей) представляют собой собрание бесстыдных попрошаек, которые не умеют отказываться от серебра и золота. Это драконы и скорпионы, а не овцы». Английский летописец Матфей Парис, живший век спустя, чуть ли не на каждой странице своей хроники жалуется на поведение папских сборщиков налогов. По его летописи можно сделать вывод, что Английская церковь и народ существовали исключительно для пополнения римской казны. Курия, говорил он, как прорва, поглощает средства всех классов общества, доходы епископов и аббатов. Его современник, итальянский летописец Салимбене, жестко критикует роскошь и праздность кардиналов и рассказывает об обвинениях, которые выдвинул Гуго де Динь на соборе в Лионе (1245). Бернар из Клуни и другие поэты того времени обвиняли курию в симонии. Все в Риме имело свою цену. Поэмы, приписываемые Вальтеру Мэпу, полны ожесточенной критики против кардиналов, раскрытые рты которых можно ублажить только деньгами. В одной из них, «Гибель Рима», город сравнивается с водами между Сциллой и Харибдой, «которые вмещают в себя больше золота, чем судов». Там, в бездне, скрываются сирты и сирены, которые угрожают всему миру кораблекрушением. У этой бездны уста че-

¹ Шафф. Указ. соч., т.5. с. 484.

ловека, но сердце дьявола. Там кардиналы продают свое наследство, внешне подражая Петру, но обладая сердцем Нерона. Они выглядят как агнцы, а по природе они — волки»¹.

Подобные поборы собирали епископы со священников, а те с простого люда². И все это стяжательство прикрывалось лицемерным аскетизмом. При всем этом, «множество кюре в сельских приходах были малограмотны, читали с трудом, по слогам, не знали формулы отпущения грехов. Священник, обладавший несколькими книгами религиозного содержания, был редкостью. В протоколах епископских визитаций зачастую встречаются такие оценки приходских священников: «Очень глуп и невежествен», «невежествен и идиот»³.

Это лицемерие и обман средневековых монахов и духовенства видели многие их современники и в различных жанрах обличали это. В частности, многие сатирические песни средневековых студентов посвящены этому. Одна из них, написанная в XII веке, так и называется: «Обличение Рима».

«Возглавлять вселенную
Призван Рим, но скверны
Полон он, и скверною
Все полно безмерной.
Ибо заразительно
Веянье порока,
И от почвы гнилой
Быть не может прока.
Рим и всех, и каждого
Грабит безобразно;
Пресвятая курия —
Это рынок грязный!
Там права сенаторов
Продают открыто;
Там всего добьешься ты
При мошине набитой...
Есть у римлян правило,
Всем оно известно:
Бедного просителя
Просьба неуместна.

¹ Шафф. Указ. соч., т.5. с. 485—486.

² Шафф. Указ. соч., т.5. с. 489, 491-492.

³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 348.

Лишь истцу дающему
В свой черед дается.
Как тобой посеяно,
Так же и пожнется...
К папе ты направился?
Ну так знай заране:
Ты ни с чем воротись,
Если пусты длани.
Кто пред ним с даянием
Появился малым,
Взором удостоен он
Будет очень вялым.
Писарь и привратники
В этом с папой схожи;
Свора кардинальская
Не честнее тоже.
Если мзду обильную
Ты им не предложишь,
То и дела правого
Выиграть не сможешь»¹.

Другое подобное произведение «Всеппянейшая литургия» было написано в Англии в XIII в.

«Лишь аббат и приор, двое,
Пьют вино и недурное,
Но с прискорбием помои
Грустно тянет братия.
Славься, сок вина блаженный,
Порожденный гроздью пенной,
Стол, тобой благословенный,
Полон благодатию.
Сколь во рту ты мне приятен,
Сколь горяч и ароматен,
Хоть глагол мой стал невнятен,
Сладким скован зелием.
Молим: лейся изобильно,
Чтоб поднялся гомон сильный
И запели мы умильно
Всей толпой с веселием.
Языку и чреву — благо,

¹ Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков //Сост. Б.И. Пуришев, Р.О. Шор. — М., 1953. — С. 39.

Где твоя излита влага,
Когда в глотку всю баклагу
Выльешь без изъятия.
Мних давно забыл о млеке;
Все на свете человеки
Хлещут присно и вовеки
С ликованьем ведем»¹.

Для сохранения своей власти и авторитета средневековая церковь предпочла не искоренить свои злоупотребления, а истребить тех, кто о них посмел говорить.

Именно эти две принципиальные задачи: истребление ереси и еретиков, а также истребление тех, кто осмеливался высказываться о злоупотреблениях и ошибках церкви, и ставила перед собой инквизиция. Позднее, уже в XV веке инквизиция также будет истреблять, так называемых ведъм и колдунов, присваивая их имущество, о чем мы говорили выше.

Также руководимая папством инквизиция станет главным институтом по организации массовых гонений и истреблений евреев. При этом, «несмотря на заботу о чистоте веры, инквизиторы даже не стеснялись заключать договоры, согласно которым еврейские общины за определенную плату получали защиту от обвинений»². При этом, получив деньги, несчастных вскоре все равно убивали. И в этом открывается вся сущность инквизиции, ее двуличность и циничность. Однако, все это, как и сама деятельность инквизиции, была прикрыта и обоснована средневековым богословием.

● **Богословское обоснование инквизиции.** Создавая институт инквизиции, папство обосновало его создание с богословской точки зрения, желая придать этому учреждению божественное происхождение, необходимое для счастья людей! Так, ведущий богослов средневековой государственной церкви Фома Аквинский о наказании еретиков прямо пишет, что «они заслуживают не только отлучение от Церкви, но и разлучение с миром через предание смерти. В самом деле, извращение оживляющей душу веры является более тяжким преступлением, чем чеканка фальшивых денег ради поддержания временной жизни. Поэтому, коль скоро фальшивомонетчики и другие злодеи незамедлительно осуждаются светской властью на смерть, то тем более еретики по осуждению их ереси должны быть не только отлучены, но

¹ Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков // Сост. Б.И. Пуришев, Р.О. Шор. — М., 1953. — С. 42.

² Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 345.

и преданы смерти»¹. Примечательно, что если еретик попадает второй раз, то даже, несмотря на свое покаяние, он однозначно должен быть предан смерти! Так, если бывшие еретики, «будучи раз уже приняты, отпадают снова, то это, похоже, являет их неустойчивость в вере, и потому по возвращении они вновь допускаются к покаянию, но не освобождаются от наказания смертью»².

Христианская церковь прощает только один раз — четко провозглашает Фома Аквинский и его слова звучали в течение столетий не просто угрозой всякому, кто просто начинал самостоятельно думать, а находили свое постоянное воплощение в аутодафе. Причем глубокое исследование Библии практически всегда шло параллельно занятиями наукой, и наоборот, научные занятия приводили людей к более глубокому познанию Библии, а не тем суевериям, что исповедовала государственная церковь Средневековья. Поэтому инквизиция и обрушивалась в равной мере на Евангелие и науку. Фома Аквинский не менее прямо пишет: «Если бы даже все еретики были искоренены через предание их смерти, то и это не противоречило бы распоряжению Господа, которое должно понимать, как сказанное относительно того случая, когда нельзя выбрать плевелы без того, чтобы не выдергать вместе с ними пшеницы»³. Поэтому даже, если с еретиками пострадаёт случайно и невинный, это не страшно, ибо, выдергивая плевелы, церковь может случайно вырвать с ними и пшеницу. Папа Григорий Девятый прямо писал, что «мы обязаны выбрасывать камни преткновения из царства Бога»⁴.

При этом папские богословы утверждали, «что инквизиция не мстила, а спасала;... врачевала души заблудших овец церкви»⁵. Более того, «инквизиция называлась «святым служением» — по достохвальности, которая приписывалась этому занятию»⁵.

● **Состав инквизиторского трибунала и его полномочия.** Во всех городах Европы устраивались либо постоянно действующие инквизиторские трибуналы, либо инквизиторы появлялись наездом, совершая пасторский объезд вверенных территорий, повергая в состояние панического страха все население данной территории. «Сами же действующие лица, инквизиторы, были освобождены Александром IV (1259 г.) и Урбаном IV (1262 г.)

¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. В 11 т. — К.: Ника-центр, 2011. — Часть II-II, вопрос 11, с. 149.

² Там же, вопрос 11, с. 151—152.

³ Там же, вопрос 11, с. 150.

⁴ Величина В. Очерки истории инквизиции. — М.: Т-я И.Н. Кушнерева, 1906. — С. 73.

⁵ Григулевич. Указ. соч., с. 129.

⁶ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 321.

от подотчетности всякой церковной юрисдикции — епископам, архиепископам или папским легатам (за исключением самого апостольского престола) — и от вмешательства светских властей. Они обладали также правом отлучать от церкви, объявлять интердикт, прощать своим членам насильственные действия»¹. Инквизиция была практически полностью отдана вначале под контроль ордена доминиканцев², потом, когда к XVI веку он полностью дискредитировал себя, управление инквизицией в свои руки берет орден иезуитов.

Ни возраст, ни пол, ни социальное положение не были препятствием для ареста инквизиторами. История знает немало примеров, когда их жертвами становились не только герцоги и графы, но даже епископы и архиепископы. Так, к примеру, жертвой инквизиции стал архиепископ Толедо Варфоломей из Каррансы (1503—1576). Перед трибуналом инквизиции «ответственность уже держали девочки с 12, а мальчики — с 14 лет»³. К ответственности могли привлечь беременную женщину, глубокую старуху, подвергать их пыткам, так же, как и детей»⁴.

Сам состав инквизиторского трибунала несколько менялся в разные эпохи. Но наиболее часто, как, к примеру, в испанской инквизиции он представлял собой следующее. «Среди должностных лиц числились два инквизитора, ассессор (или консультант по вопросам канонической процедуры), альгвасил (или исполнитель, который осуществлял приговоры суда), нотариусы, которые вели записи, и цензоры, которые принимали взвешенные решения по вызывающим разногласие вопросам. Было также должностное лицо, которое занималось конфискацией имущества еретиков и за него отвечало. Ему был подчинен еще ряд лиц, таких, как доверенные агенты. Инквизиторами могли быть миряне, если они были холосты. Чтобы занимать какое-либо из этих мест, надо было также обладать чистотой крови, без какой бы то ни было мавританской или иудейской примеси, не иметь родственников-еретиков и незаконного происхождения. Это своеобразное требование приводило к бесконечным исследованиям родословных перед назначением. У каждого суда было собственное помещение, в том числе комната для аудиенций, комнаты для инквизиторов, библиотека с архивом, камера для пыток и тайные темницы»⁵. Также, при инквизиторских трибуналах были

¹ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 321.

² Лозинский С. Г. История папства. — М.: Политиздат, 1986. — С. 130.

³ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 347—348.

⁴ Григулевич И.Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985. — С. 112.

⁵ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 347.

специальные врачи-инквизиторы, являвшиеся помощниками палачей. Целью этих врачей было: разработка и наблюдение за пыткой, чтобы подсудимый ее выдержал и не умер не вовремя; обеспечить продление его жизни до суда; залечить раны, нанесенные пытками, что бы «еретика» можно было, по крайней мере, внешне невредимым, возвести на костер².

● **Принцип инквизиторского правосудия.** «В своей процедуре инквизиция исходила из предпосылки, что обвиняемый виновен, пока он не докажет свою невиновность»³. И, в свою очередь, признание обвиняемого, пусть и добытое под пыткой считалось достаточным для признания его виновным и вынесения ему приговора. Этот страшный принцип правосудия, заложенный инквизицией, потом будут использовать все тоталитарные режимы, вплоть до нашего времени.

Приговоры инквизиции не имели срока давности. Более того, инквизиция расследовала не только новые преступления, но и преступления, совершенные 20 лет назад⁴!

● **Основания для ареста инквизиторским трибуналом: слухи и доносы.** «Аресты происходили на основании слухов или чьего-то обвинения. Подобные доносы считались достойным делом. Даже детям доносы представляли, как их обязанность. В наставлениях 1484 г. предписано смягчать наказание для несовершеннолетних, которые доносят на своих родителей-еретиков, а епископ Симанкас говорил, что священная обязанность сына — донести на своего отца, если тот виновен. Нарушителю духовных законов разрешалось иметь адвоката. Тайна была основной особенностью процедуры. После ареста заключенного помещали в одну из тайных темниц и лишали всякого общения с близкими. Ему не показывали никаких документов по его делу. Он не знал, кто его обвиняет, и кто выступает свидетелями. В выборе свидетелей инквизиция действовала с большой свободой. Принимались даже показания отлученных от церкви, иудеев, сохраняющих свою веру, и еретиков. В пользу же обвиняемого могли свидетельствовать только ортодоксальные верующие, но ни один из его родственников, вплоть до четвертого колена, свидетельствовать не мог»⁵.

² Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 124—155.

³ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 347.

⁴ Ранке Л. Римские папы, их церковь и государство в 16 и 17 столетиях. в 2 т. - СПб., 1869. — Т. 1, с. 285.

⁵ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 347.

При этом, в частности, Папа Григорий IX с гордостью вспоминал, что в подобных случаях родители выдавали своих детей, дети — своих родителей, мужья — жен, жены — мужей. Порой и сами папы собственноручно участвовали в пытках¹.

• **Как проходил инквизиторский процесс.** Давайте мысленно перенесёмся в то далекое время, в один из средневековых городов Европы, чтобы явственно прочувствовать атмосферу истории церкви, протекавшей под зловещей тенью папского господства. И вот пред нами городские ворота, в которые въезжает инквизиторский кортеж. «Во времена инквизиции в городах, где не было постоянного трибунала, инквизиторы появлялись наездом. Сейчас по приезде они приглашали к себе коменданта и присягой обязывали его исполнять все их решения, иначе не только ему, но и всему городу грозило отлучение. В ближайший праздничный день инквизитор отправлялся в церковь и объявлял с кафедры о возложенной на него миссии. Он приглашал при этом виновных в ереси явиться к нему без понуждения в надежде легкого церковного наказания. Затем на месяц давалась отсрочка на размышление, так называемая „отсрочка милосердия“. Физиономия города сразу менялась. Граждане от мала до велика по первому звону спешили на богослужение. Общение со знакомыми ограничивалось самым тесным кругом. Все боялись друг друга, родители — детей, дети — родителей, хозяева — слуг. Беседы велись на благочестивые темы. На каждом шагу слышались религиозные сентенции: да сохранит вас Бог, идите с миром, да поможет вам святая Дева»².

«Легко себе представить, какой ужас охватывал город, когда в нем неожиданно появлялся инквизитор и выпускал своё обращение. Никто не мог знать, какие толки ходили о нём; никто не мог знать, к чему прибегнут личная вражда и фанатизм, чтобы скомпрометировать его перед инквизитором. И католики, и еретики имели равное основание волноваться. Человек... уже не имел более ни минуты покоя при мысли, что слово, сказанное им мимоходом, могло быть передано инквизиции во всякое время его близкими и его самыми дорогими друзьями; под влиянием этой мысли он уступал перед чувством страха и выдавал другого из боязни быть выданным самому.

Доносы инквизиции поставляли «лажесвидетели — тайные осведомители на службе инквизиции, всякого рода уголовники —

¹ Таксиль Л. Священный вертеп. — К.: Политиздат, 1985. — С. 238.

² Барро М. Торквемада. В сер. ЖЗЛ. — М.: Республика, 1995. — С. 287.

убийцы, воры и т.п. Элементы, показания которых не имели силы в светских судах даже средневекового города»¹.

«Между тем помещения инквизиции начинали осаждать разные темные личности. Давнишние счеты с соседом, затаенное недовольство и злоба — все это сказывалось теперь в приемной инквизитора. Там с охотой выслушивали доносчиков и вносили их вести в особую книгу. Кроме этих услуг добровольцев инквизиции служили еще циркулировавшие по городу слухи, наконец, заранее заготовленное, предвзятое обвинение, и все дело состояло лишь в накоплении судебного материала под благовидным названием доказательств. К тому же многие спешили навстречу желаниям инквизиторов, потому что недонесение издавна считалось преступлением не менее тяжким, чем сама ересь. Наконец, „отсрочка милосердия“ истекала. Если обвиняемый не являлся сам, по собственному желанию, то инквизиторы начинали расследование. Прежде всего призывался доносчик. Ему предлагали способы открыть истину — обвинение и простое показание. Обвинение могло не подтвердиться и обрушиться на самого обвинителя, поэтому выбиралось второе. Оставалось назвать свидетелей. Если эти свидетели подтверждали обвинение, инквизитор приказывал арестовать обвиняемого»².

Итак, «в тишине ночи вдруг раздавался стук в дверь, грозно потрясающий весь дом. Хозяин испуганно просыпался и, отворив дверь, видел перед собой темные фигуры, которые именем „святого правосудия“ требовали, чтобы он тотчас последовал за ними. Со слезами и воплем окружали жена и дети своего любимого мужа и отца, ибо они знали, что означает этот приказ. Они предчувствовали, что в последний раз обнимают дорогого им человека, что прощание навеки! Однако они не осмеивались оказать ни малейшего сопротивления властному приказу „праведных судей“... Все, будь он правитель или последний раб, были подвластны „святому правосудию“... Никакое положение, никакой возраст, никакой род не могли защитить никого от пронизывающих взоров священников, не имеющих ни жалости, ни сострадания»³.

«Не знакомя его с делом, его запирали в темницу. Имущество его описывалось впредь до разрешения дела, и сам он до того же момента как будто умирал для мира»⁴.

Итак, если обвинения подтверждались или «в случае, если объяснения подозреваемого в глазах судьи оказывались недоста-

¹ Григулевич. Указ. соч., с. 115]. Но инквизиция широко пользовалась ими.

² Барро М. Торквемада. В сер. ЖЗЛ. — М.: Республика, 1995. — С. 287.

³ Миллер. Указ. соч., т. 1, с. 679.

⁴ Барро М. Торквемада. В сер. ЖЗЛ. — М.: Республика, 1995. — С. 287.

точными, он для раскрытия всей истины прибегал к принудительным мерам. Такими легальными принудительными мерами, чтобы сломить отнекивание подсудимых и нежелание назвать сообщников, служили тюремное заключение в тяжелых цепях, изнурение человека путем голода, жажды и бессонницы»¹.

«Темницы инквизиции были мрачны и серы. Небольшие камеры, в 5 шагов длины и 4 ширины, наполовину были заняты нарами с грязной, сгнившей соломой вместо постелей. Небольшое окошко чуть освещало это царство страданий. В нём помещалось до 6 и более узников, так что многие спали на полу... Первое время мужчины не отделялись от женщин. Жалобы не допускались. Если узники подымали шум или спор, их выгоняли в коридор, и раздев, бичевали, не разбирая ни пола, ни возраста. Все виды насилия, как вороны над добычей, носились над головами этих несчастных. Женщины и девушки насиловались или соблазнялись, конечно, коварно, путём позора купить оправдание. Под тем же предлогом у богатых выманивали деньги»².

«Но ни позор, ни деньги не спасали этих несчастных, которые считались только подозреваемыми, но обращались с ними, как мы видим, как с уже осужденными. И действительно, они были уже обречены, попав в лапы святых отцов. После опроса так называемых свидетелей (каких, мы видели) арестованного уговаривали сознаться в своих преступлениях. Если он отвечал отказом, то “его быстро раздевали и с выражением печали, чтобы сильнее потрясти его испугом, затем раскладывали перед ним орудия допроса и ещё раз убеждали сознаться. Это было так называемое „кроткое увещание и отеческое побуждение“»³. Если человек упорствовал, то к нему применяли пытки. Использование пыток при допросах, к сожалению, является повсеместно распространенной практикой, с глубокой древности и вплоть до наших дней. Но средневековое папство, во-первых, вводит ее официально, не только не скрывая ее факта, но, напротив, обнародуя его специальной буллой — указом, а во-вторых, пытка провозглашается проводимой во славу Божию. Такого история больше не знает.

«При этом следует заметить, что в ту эпоху, когда вводилась инквизиция (XII—XIII вв.), другие европейские суды еще не знали пытки, как узаконенного следственного приема»⁴.

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 123.

² Барро. Указ. соч., с. 289.

³ Барро. Указ. соч., с. 290.

⁴ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 123.

При этом многие здравомыслящие люди того времени высказывались против, в частности, поиска ведьм и диких варварских методов обращения с ними, потому монашескому ордену доминиканцев, заведовавшему инквизицией потребовалось еще определенное время, чтобы «научно» ответить всем врагам инквизиторских трибуналов. В 1484 году римский папа Иннокентий VIII публикует буллу, в которой именем апостольского престола приказывает всем не чинить никаких препятствий посланным им инквизиторам, которые имеют право привлекать к суду всякого человека вне зависимости от его положения. И что инквизиторы вправе принимать все меры, которые почтут целесообразными¹.

«Таково историческое значение той буллы, во имя которой в течение свыше двух столетий сжигали, мучили, терзали и уничтожали суеверных, больных, жалких и невежественных людей. Булла эта была поворотным пунктом в деятельности инквизиции»².

«Всякая тень истинного евангельского учения исчезла теперь из религии правоверных католиков. Религиозные верования их приняли самые грубые формы идолопоклонства, учение любви к ближнему превратилось в проповедь жестоких преследований своих ближних во имя этого же учения»³. При этом принимались показания и малолетних детей, которые тоже, в свою очередь, могли быть обвинены в ереси.

«Изначально обвиняемый мог подвергаться пытке только однажды и не более тридцати минут. Инквизиторы вскоре начали обходить это ограничение, заявляя, что, по существу, было только одно применение пытки и что каждый последующий тридцатиминутный сеанс являлся всего лишь продолжением первого. Либо подозреваемого могли пытать, чтобы получить ответ на один-единственный вопрос, а ответы на второй и третий вопрос оправдывали дополнительные сеансы пытки... На практике обвиняемого пытали до тех пор, пока он не изъявлял готовность сознаться»⁴ или не умирал.

Католические монахи-доминиканцы, эти святые отцы, разрабатывали целую систему пыток, которую собственноручно применяли к своим жертвам. Инквизиторы любили пытку огнём, при

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 143.

² Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. АН СССР, 1959. — С. 50.

³ Величкина В. Очерки истории инквизиции. — М.: Т.-я И.Н. Кушнерева, 1906. — С. 72.

⁴ Бейджент М. Ли Р. Инквизиция. — М.: ЭКСМО, 2003. — С. 51—52.

которой «ноги несчастного заколачивали в колодку и, смазав подошвы маслом, поворачивали их к огню. Кожа трескалась от жара, кости обнажались при страшных криках мученика. Широко применялась и пытка водой, когда человека клали на стол в форме корыта, покрытого гвоздями, связывали его верёвками так, что они врезались в тело, затем, накрыв ему рот и нос мокрой тряпкой, медленно лили на нее воду. Непрерывная струя воды не давала жертве возможности перевести дыхание, она захлебывалась, кровь выступала у неё из носа и рта»¹.

При этих зверствах папские подручные, а часто и сами папы, которые собственноручно участвовали в пытках², «утверждали, что они действуют в интересах обвиняемых, в интересах спасения их душ. Именно исходя из этих благочестивых побуждений, они-де были вынуждены карать еретиков решительно, безжалостно, беспощадно. Но эти кары — не зло, а „спасительное лекарство“, елей на душевные язвы — еретические воззрения обвиняемых. Инквизиция, утверждали богословы, не мстила, а спасала;... врачевала души заблудших овечек церкви»³.

Наконец, жертву (а инквизиция не оправдывала **никогда**⁴) приговаривали к тому или иному наказанию, наиболее распространенным из которых был костёр. При этом вместе с жертвой подвергались наказанию и все ее близкие, вплоть до третьего поколения. Дети лишались прав как на имущество отца, так и вообще гражданских прав. Они были обречены на нищенство и смерть. Сожжение на костре еретиков обставлялось в городе, как великий праздник. За месяц до его проведения приходские священники оповещали верующих о предстоящем аутодафе, приглашая участвовать в нём и обещая за это индульгенции на 40 дней. Город украшался флагами, гирляндами цветов. “С зарей тюрьма инквизиции уже гудела, точно улей. Заключение, понятия не имевших об уготовленной им участи, о степени наказания, к которому они присуждены, ибо только на аутодафе они узнавали об этом, стража готовила к предстоящему торжеству, а вернее, экзекуции. Их стригли, брили, одевали в чистое белье, кормили обильным завтраком, иногда для храбрости давали стакан вина. Затем набрасывали им на шею петлю из веревки и в связанные руки вкладывали зеленую свечу. В таком виде осужденных выводили на улицу, где их ожидали стражники и „родственники“

¹ Барро. Указ. соч., с. 292.

² Таксиль Л. Священный вертеп. — К.: Политиздат, 1985. — С. 238.

³ Григулевич. Указ. соч., с. 129.

⁴ Григулевич. Указ. соч., с. 132.

инквизиторов. Особо злостных еретиков сажали задом наперед на ослы, привязывая к животным. Заключенных вели к кафедральному собору, где образовывалась процессия. В ней участвовали те же, что и накануне, теперь они несли штандарты приходов, затянутые в знак траура черной материей.

Фискалы несли санбенито и куклы, вернее, манекены, изображавшие умерших, сбежавших или непойманных еретиков, осужденных на костер. Процессия, участники которой пели траурные церковные гимны, медленно направлялась к площади, где должно было состояться аутодафе. Монахи и „родственники“, сопровождавшие заключенных, громко призывали их покаяться и примириться с церковью. Горожане наблюдали за процессией из окон домов или с мостовой. Следуя указаниям церковников, многие из них осыпали заключенных бранью. Однако запрещалось бросать в еретиков какие-либо предметы, так как практика показывала, что от такого метания могли пострадать не только жертвы инквизиции, но и сопровождавшие их солдаты из „милиции Христа“. Тем временем на месте аутодафе собирались светские и духовные власти и гости, занимавшие места на отведенных им трибунах, а также горожане, заполнявшие площадь. Любителей поглазеть на аутодафе всегда оказывалось предостаточно.

С прибытием процессии заключенных усаживали на скамьях позора, установленных на помосте, несколько ниже почетных трибун. Вслед за тем начиналась траурная месса, за ней следовала грозная проповедь инквизитора, которая кончалась оглашением приговоров. Приговоры зачитывались по-латыни, заключенные с трудом улавливали их смысл, были они длиннющими, начинались цитатами из Библии и произведений отцов церкви, читались медленно. Если осужденных было много, то на оглашение приговоров уходило несколько часов. Аутодафе венчалось экзекуциями: одних осужденных облекали в санбенито и шутовские колпаки, других стегали плетью, третьих стражники и монахи волокли на „жаровню“. „Жаровня“ располагалась на соседней площади, куда вслед за смертниками переходили церковные и светские нотабли и рядовые горожане. Здесь накануне сооружался эшафот со столбом в центре, к которому привязывали осужденного; завозились дрова и хворост, которыми обкладывался эшафот. Сопровождавшие смертников монахи и „родственники“ пытались в эту последнюю минуту вырвать у своих жертв отречение. О желании раскаяться осужденный мог дать знать только знаком, так как, опасаясь, что он будет агитировать перед народом в пользу ереси, его часто вели на казнь с кляпом во рту. Когда зажигался костер, особо уважаемым прихожанам предоставля-

лось почетное право подбрасывать в огонь хворост, чем они умножали перед церковью свои добродетели. Хотя палачи пытались так устроить костер, чтобы он пожрал осужденного, не оставив и следа от него, эта цель не всегда достигалась. В таких случаях обуглившиеся останки рвались палачами на мелкие части, кости дробились, и это ужасное месиво повторно предавалось огню. Затем тщательно собирался пепел и выбрасывался в реку. Подобной процедурой инквизиторы пытались лишить еретиков возможности заручиться останками своих мучеников и поклоняться им. Если осужденный на костер умирал до казни, то сжигали его труп. Сожжению подвергались и останки тех, кто был посмертно осужден.

В испанской и португальской инквизиции было принято сжигать на костре куклы, изображавшие осужденных (казнь *in effigie*). Такой символической казни подвергались осужденные на пожизненное заключение, а также бежавшие из тюрем или от преследований инквизиции ее жертвы. Костер использовался инквизицией и для другой цели — уничтожения сочинений вероотступников, иноверцев и неудобных церкви писателей. Считала ли инквизиция себя безгрешной, не способной осудить невиновного, бросить в костер ни в чем не повинного человека? Вовсе нет. Но „если невиновный несправедливо осужден, он не должен жаловаться на решение церкви, которая выносила свой приговор, опираясь на достаточные доказательства, и которая не может заглядывать в сердца, и если лжесвидетели способствовали его осуждению, то он обязан принять приговор со смирением и возрадоваться тому, что ему выпала возможность умереть за правду»¹.

«Нигде не свирепствовала инквизиция с такой яростью, как в Испании. Она остановила развитие талантливой и превосходной нации, она изгнала гениев из страны, которая была их родиной, осудила на кладбищенское молчание дух народа, который более других народов Европы был призван к радостному существованию»².

«Одного подозрения было уже достаточно, чтобы вырвать гражданина из среды его семьи и общества, и по малейшемуговору подвергнуть его пытке. Кто попадал в эту пропасть, не мог из нее выбраться. Для него не существовало ни благотельной защиты закона, ни материнской заботы правосудия. Вне всех

¹ Григулевич. Указ. соч., с. 142—145.

² Шиллер И. Х. Ф. Собрание сочинений. В 8 т. — М.-Л.: Академия, 1937. — Т. 7. История отпадения Нидерландов от испанского владычества, с. 51.

мирских условий жизни злоба и безумие судили его по законам, противным человеческой природе. Виновный никогда не знал имени своего обвинителя и в очень редких случаях знал, за что его судят. Неслыханное, истинно дьявольское ухищрение вынуждало самого несчастного отгадывать, в чем он виноват, и, обезумев от пыток или под влиянием долгого заключения, в котором он был заживо погребен, взводить на себя такие проступки, каких, быть может, он никогда не совершал или которые, по крайней мере, никогда не были известны судье. Имущества осужденных конфисковывались, а доноскички поощрялись к новым доносам выдачею им вознаграждения и жалованными грамотами. Никакие привилегии, никакое гражданское правосудие не могли иметь значения перед священной властью инквизиции. Кого она касалась, тот был уже вне всякой мирской власти. Мирская власть не могла уже принимать никакого дальнейшего участия в инквизиционном правосудии: ей дозволялось только почтительно преклоняться перед приговорами инквизиции и выполнять их»¹.

«Зрелище живьем сжигаемых людей стало чем-то заурядным. Для жителей города и деревни это зрелище сделалось и обязательным и притягательным, своего рода праздником. Зрелище смерти, пыток, казней не могли не оказывать воздействия на восприятие и психику жителей города и деревни. Но они отнюдь не были лишь зрителями кровавых расправ. Нередко они и сами принимали в них прямое участие»².

«Аутодафе устраивались в честь свадеб князей или их выздоровления от болезни»³.

В эпоху Средних веков «жестокое возбуждение и грубое участие, вызываемые зрелищем эшафота, были важной составной частью духовной пищи народа. Это спектакли с нравоучением. Для ужасных преступлений изобретаются ужасные наказания. В Брюсселе молодого поджигателя и убийцу сажают на цепь, которая с помощью кольца, накинутаго на шест, может перемещаться по кругу, выложенному горящими вязанками хвороста»⁴.

Из могил публично вырывали тела тех, кого государство и церковь объявляли изменниками и их уже порой полуистлевшие головы выставлялись на публичное обозрение на рыночной площади»⁵.

¹ Шиллер И. Х. Ф. Собрание сочинений. В 8 т. — М.-Л.: Академия, 1937. — Т. 7. История отпадения Нидерландов от испанского владычества, с. 52.

² Гуревич. Средневековый мир. Указ. соч., с. 324, 325.

³ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 349—350.

⁴ Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 11.

⁵ Там же. — С. 13.

«Влияние такого учреждения, как инквизиция, не могло не привести к самым ужасным и неестественным последствиям. Все земные блага и самая жизнь каждого, даже ничем незапятнанного человека, были отданы на произвол первого встречного негодя. Каждый тайный враг, каждый завистник подвергался соблазну прибегнуть к невидимой и незаконной мести. Исчезла гарантия безопасности собственности и искренность в обращении. Все узы крови, все связи по симпатии или по выгоде — все было порвано. Общественная жизнь была отравлена всеобщим недоверием. Боязнь шпионов заставляла всех бояться взгляда собственных очей своих, каждого звука собственного голоса. Никто не верил в честность другого, и ему самому также не верили. Доброе имя, землячество, братство, сама клятва и все то, что люди привыкли считать священным, — утратили всякую цену. И такой участи подвергнут был большой цветущий торговый город, в котором сотня деловых людей была связана единственно узами общего доверия. Каждый необходим другому, — между тем, все сомневаются друг в друге, все подозревают друг друга. Всех привлекал друг в друге дух наживы, и всех отталкивал друг от друга страх. Поколеблены были все основы общественности там, где общественность служит фундаментом жизни и ее прочности»¹.

«Обряды и злоупотребления, приставшие к христианству в варварские времена суеверия и мракобесия, были объявлены теперь существенными частями богослужения; проклятие изрекалось против всякого, кто дерзнул бы противиться догматам, уклоняться от этих обрядов. Да будет проклят тот, кто осмелится сомневаться в чудотворной силе мощей, не будет почитать костей мучеников; не будет верить в заступничество святых; право индульгенций»². «Чувство неуверенности, неодолимый страх, всякий раз вынуждавший во время кризисов умолять власти о применении жестоких мер, в позднем Средневековье превратились в хроническое явление. Мнение о возможности искупления проступка постепенно утрачивалось, становясь не более чем идиллическим остатком прежнего добросердечия, по мере того, как все глубже укоренялось представление, что преступление — это в равной степени и угроза для общества, и оскорбление Божественного величия. Так конец Средневековья стал безумным, кровавым временем пыточного правосудия и судебной жестокости. Ни у кого не возникало ни малейшего сомнения, заслуживает или нет

¹ Шиллер И. Х. Ф. Собрание сочинений. В 8 т. — М.-Л.: Академия, 1937. — Т. 7. История отпадения Нидерландов от испанского владычества, с. 52—53.

² Там же, с. 108.

преступник вынесенного ему наказания. Глубокое внутреннее удовлетворение вызывали волнующие акты свершения правосудия, когда они исходили от самого государя. С развернутыми знаменами приступали власти к очередной кампании суровых судебных преследований то разбойников и всякого опасного сброда, то магов и ведьм, то содомитов.

В жестокости юстиции позднего Средневековья нас поражает не болезненная извращенность, но животное, тупое веселье толпы, которое здесь царит, как на ярмарке. Горожане Монса, не жалея денег, выкупают главаря разбойников ради удовольствия видеть, как его четвертуют, «и была оттого людям радость большая, нежели бы новый святой во плоти воскрес».

В Брюгге в 1488 г. на рыночной площади на возвышении установлена дыба, так, чтобы она могла быть видна томящемуся в плену королю Максимилиану; народ, которому кажется недостаточным все снова и снова взирать на то, как пытаются подозреваемых в измене советников магистрата, оттягивает свершение казни, — тогда как те о ней умоляют, — лишь бы еще более насладиться зрелищем истязаний.

До каких несовместимых с христианством крайностей доходило смешение веры с жадной мести, показывает обычай, господствовавший во Франции и Англии: отказывать приговоренному к смерти не только в причастии, но и в исповеди. Его хотели тем самым лишить спасения души, отягчая страх смерти неизбежностью адских мучений»¹.

«Города и деревни вокруг замков не прятали, а выставляли на всеобщее обозрение свои орудия подавления. Виселицы на большой дороге при въезде в город или у подножия замка, позорный столб на рыночной площади или перед церковью»².

При этом мучительные убийства сопровождалось надругательством над трупами. Это была поистине ритуальная жестокость, неотличимая от той, которую совершали и совершают секты сатанистов. Все это, в свою очередь, влекло к формированию жестокости самого общества. «Все исследователи единодушно отмечают легкость, с какой совершалось убийство, распространенность детоубийств, вкус к кровавым, жестоким зрелищам, в которых смерть играла главную роль, грубость нравов, агрессивность в человеческих взаимоотношениях»³.

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья. — СПб.: Азбука, 2021. — С. 35-36.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 299.

³ Гуревич. Средневековый мир. Указ. соч., с. 324.

После сожжения для судей и чиновников устраивался банкет¹.

Немудрено, что подобные деяния, творимые регулярно государственной церковью в средневековых городах, и приводили к массовому появлению необычных нервно-психических расстройств.

Глава 9

ПРИЧИНЫ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ ЭПИДЕМИЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ГУМАНИЗМ

И еще одно движение, как ни странно, сыграло видную роль в формировании психических эпидемий Позднего Средневековья — движение гуманизма, эпоха Возрождения. Несмотря на свою неоднородность и отдельные исключения, общим для Возрождения было, в первую очередь, возрождение интереса к языческой, в первую очередь, к античной философии, религии, культуре, обрядам, воззрениям неотъемлемой частью которых была и магическая составляющая.

Кстати, гуманистов весьма активно поддерживали римские папы, всячески покровительствуя большинству из них. Идеалом гуманизма является «человек-герой, перед которым открыт весь мир и который своими усилиями, мужеством и познаниями может добиться всего, притом не в ином мире, а в этом. Он человек-титан, человек, являющийся как бы вторым Богом.

Все познания, все умения, все способности объединяются в одном лице, «универсальном человеке» — вот совершенная личность Возрождения, вот его идеал. При этом ценности ренессансного человека — земные ценности, он мало думает о небесах»².

«Гуманизм показал, что клирики Италии неискренни, что мораль церкви пребывает в развращении, но он не только не предпринял серьезных попыток исправить это плачевное состояние, а, напротив, внес вклад в дальнейший упадок морали, возрождая язычество, то эпикурейское, то стоическое, которое проявилось как в жизни, так и в произведениях многих его выдающихся деятелей»³.

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 371.

² Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 212.

³ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 385.

Сравнительная характеристика движения Возрождения и Реформации

Характеристика Возрождения	Характеристика Реформации
Светское движение в своей основе	Религиозное движение в своей основе
Возврат, возрождение языческих ценностей, идеалов, философских воззрений в культуре, воспитании, повседневной жизни	Возврат к чистоте Библейского учения во всех сферах жизни и деятельности человека
Синтез языческих представлений, верований, философий с христианским учением, как в церкви, так и в повседневной жизни	Отвержение всего языческого, небиблейского, как в церкви, так и в повседневной жизни
Антропоцентризм, при котором человек и его желания мера всех вещей	Теоцентризм, при котором Бог и Его Закон мера всех вещей
Исправить человека в отдельности и человеческое общество в целом — человеческими усилиями	Возможность преобразования человека только Богом
Возвеличивание и культ физической красоты человека	Возвеличивание морали, внутренней красоты человека
Светское движение в своей основе	Религиозное движение в своей основе
Синтез языческих представлений, верований, философий с христианским учением, как в церкви, так и в повседневной жизни	Отвержение всего языческого, небиблейского, как в церкви, так и в повседневной жизни
Рассмотрение религии, как выполнения определенных обрядов и форм Плодами стали: распад института семьи, кризис морали, нечестная коммерция, «грязная» политика, коррупция правящих классов и судов, пренебрежение человеческой личностью. Заложены основы для формирования атеизма, экуменизма, дарвинизма, расизма и фашизма	Рассмотрение религии, как преобразующей и неотъемлемой части всей жизни. Плодами стали: укрепление института семьи, поднятие морали общества, честное предпринимательство, честные суды, уважение к человеку, как личности, созданной по подобию Божию. Заложены основы для всемирной проповеди Евангелия; равенства всех людей вне зависимости от их религиозной, национальной и расовой принадлежности; построения демократических государств

«Грегоровиус был прав, когда вынес свой ужасный приговор: единственным финалом итальянского Возрождения было язычество. Поклонение классическим формам влекло за собой принятие и классических идей.

Немало гуманистов и художников сочетали культуру с христианской верой и посвящали свой гений делу истины и добродетели. Траверсари строго соблюдал устав монашеского ордена. Манетти, Леонардо Бруни, Витторино да Фельтре, Фичино, Садо-лето, Фра Анджелико, Фра Бартоломео, Микеланджело и другие были благочестивыми христианами. Траверсари сначала колебался, переводить ли ему классических авторов, а когда стал это делать, оправдывал себя мыслью, что чем лучше люди будут понимать языческих авторов, тем ярче проявится превосходство христианской системы. Но Поджио, Филельфо, Валла и большинство других авторов эпохи Возрождения, как Ариосто и Макиавелли, были равнодушны к религии или даже относились к ее проявлениям презрительно.

Культура подменила собой христианство, а поклонение искусству и страсть к красноречию подменили собой уважение к истине и святости. Гуманисты тайно или демонстративно приносили жертвы богам Греции и Рима, а не Богу Библии. Но они не были достаточно независимы, чтобы открыто поправить ортодоксию, ведь в таком случае они рисковали бы попасть в руки инквизиции и погибнуть на костре»¹. Действительно, в отличие от реформаторов, они не были готовы отдать жизнь за свои идеи, поскольку их в глобальном плане и не было у гуманизма. Точнее, они были, но они не носили той печати духовного преобразования, которое оказала Библия на умы реформаторов.

Поэтому и большинство представителей гуманизма — это люди, совмещающие в себе, с одной стороны, утонченную образованность, а с другой утонченную развращенность и жестокость. Классическим примером этого может служить личность правителя города Римини Сиджисмондо Малатеста (1417—1469). «Он был лишен каких бы то ни было моральных устоев, человек был тонким затоком литературы и искусства. Он обожал выступать в качестве крестного отца в семьях своих врагов или людей, которых он почему-либо задумал погубить. После церемонии роже-ницу, ее мужа и ребенка убивали по его приказу (иногда он это делал собственноручно) на глазах друг у друга»².

¹ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 385.

² Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 212.

Корни этого лежали в том, что «гуманизм на место изучения Св. Писания поставил изучение древней литературы. И католический ученый демонизм своими корнями уходил в античную философию эпохи падения империи. Гуманисты (значительная их часть — прим. А.О.) черпали из того же первоисточника, что и Шренгер с Инститором (инквизиторы, авторы книги «Молот ведьм», написанной в XV в., как руководство по выявлению ведьм — прим. А.О.). Их суеверие и было особенно опасно потому, что оно подновляло и оживляло богатый его запас, сохраненный церковью»¹.

«Победила точка зрения теологов и юристов, согласно которой человек способен заключать договор с дьяволом и служить ему, заручившись за эту службу его поддержкой. Подобные представления существовали и прежде, но теперь они получили теологическую и правовую санкцию. Так возникла новая концепция ведовства: ведьма не просто знахарка или колдунья, знающая секреты магии, она служанка сатаны, которая вступила с ним в пакт и в половые сношения, по его наущению и с его помощью губит людей и их имущество. Если в более ранний период (как и у неевропейских народов) речь шла об индивидуальных действиях колдуний и колдунов, то преследователи в XV—XVII вв. обвиняли ведьм в массовых сборищах и в организованном культе нечистой силы: ведьмы регулярно собираются на шабаши, на которых отправляют ритуалы, являющиеся подобием церковной мессы наизусть, и совершают иные отвратительные действия, в которых раньше винули еретиков. Таким образом, у сатаны имеется как бы своя собственная антицерковь, и ведьмы — ее прихожанки и служительницы. Все это давало возможность предельно сблизить обвинения в ведовстве с обвинениями в ереси»².

Именно папская теология сделала демонологию. «При посредстве проповедников теологи внушали народу мысль о всемогуществе нечистой силы и ее постоянном и всестороннем вмешательстве в жизнь человека»³. «В конце Средневековья начинается в высшей степени показательная трансформация образа сатаны и его приспешников. Прежде всего, возникает убеждение в том, что количество бесов неимоверно велико. В XVI в. их насчитывали не менее семи с половиной миллионов, во главе этого воинства сто-

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 179.

² Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 359.

³ Там же. — С. 319.

ят 79 князей, подчиненных непосредственно самому Люциферу. По другим толкованиям, демонов еще больше, ибо к каждому человеку приставлен бес, для того, чтобы его совратить. Были несчастные, которых осаждали толпы демонов. Мир инфицирован бесами, и они подстерегают любой шаг человека. Ситуацию общественного сознания этой эпохи можно было бы определить так: человек в постоянном и деятельном присутствии дьявола»¹.

«Трактаты по демонологии — важная и чрезвычайно объемистая отрасль литературы в XV—XVII вв. Но едва ли можно сомневаться в том, что одержимость богословов мыслью о сатане и аде, который за ним скрывается, в немалой мере питалась соответствующими настроениями, разлитыми во всех слоях общества»².

Духовенство создает в умах людей особый мир, наполненный нечистой силой и нескончаемыми шабашами³.

Поэтому «охота на ведьм» появилась не в период мрачного и темного Средневековья, «когда народная вера в ведьм и их способность околдовывать людей вплоть до XII—XIII вв. считалась «ложным суеверием»⁴, а к началу XV века, когда «первые костры, зажженные для кары «чертовых жен», бросили свой кровавый отблеск на небо, на котором занималась уже заря Возрождения, и классическим периодом организованных судебных убийств, именовавшихся «процессами ведьм», являются века, которые в истории законно характеризуются по таким их чертам, как гуманизм»⁵. Именно «XV и XVI века особенно страдали этим ужасным недугом»⁶.

«Факт остается фактом: во второй половине XVI и в XVII вв. массы людей были охвачены страхом, побуждавшим их искать виновников своих невзгод в соседях и доносить властям об их фантастических преступлениях. Духовенство, проповедники, монахи умножившихся в то время орденов, несомненно, способствовали распространению страхов, повсюду видя «руку дьявола», но это еще не объясняет чрезвычайной восприимчивости народа к такого рода проповеди и активного участия его в охоте на ведьм»⁷.

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 318.

² Там же. — С. 319.

³ Там же. — С. 319.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 51.

⁵ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 6.

⁶ Реньяр П. Умственные эпидемии. — М.: Emergensy Exit, 2004. — С.13.

⁷ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 373—374.

При этом, «задержанный в своем развитии Восток Европы, Россия и Балканские государства, оставались свободны от этих ужасов»¹.

Феномен охоты на ведьм был только в Европе².

Примечательно, что этот особый расцвет колдовства и суеверия начался в Европе прямо накануне Великой Реформации, как своеобразная альтернатива ей, как отчаянная попытка воспрепятствовать этому великому очищению средневековой церкви и людей от языческих и оккультных пут и суеверий.

Заключение

1. Психические эпидемии являются феноменом в истории медицины характерным только для эпохи Западноевропейского Средневековья;

2. Появление психических эпидемий было обусловлено с одной стороны религиозно-философскими учениями средневековой церкви об аде, чистилище, жестоким Богом, бессмертии души широко проповедуемыми монашескими орденами и создающими у людей состояние постоянного страха и депрессии, а с другой организованным той же правящей церковью институтом инквизиции, ввергавшем средневековое общество в состояние маниакальной подозрительности, тревоги и жестокости;

3. В появлении психических эпидемий Средневековья огромную роль сыграли и оккультные учения, проповедуемые и насаждаемые средневековой церковью о явлении умерших, таинственной силе оберегов и амулетов, магических свойствах крови, порче, глазе, возможности сожительства с демонами;

4. Появление психических эпидемий было обусловлено и тотальным невежеством характерным для средневекового общества, которое всячески поддерживала средневековая государственная церковь, понимающая, что именно таким обществом легче манипулировать и сеять веру в различные суеверные учения, обряды и ритуалы;

5. Прекращение психических эпидемий стало возможным лишь с развитием Великой Реформации, отвергнувшей средневековые оккультные церковные учения и антибиблейские доктрины и просвещением населения.

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство: Из истории борьбы в церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С.7.

² Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 373.

Часть V

МЕДИЦИНА И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Среди событий Всемирной истории, оказавших и продолжающих на протяжении многих столетий, вплоть до настоящего времени, оказывать влияние на ход мировой истории, особое место принадлежит Крестовым походам¹. Эта эпоха, начавшаяся с 1096 года и продолжавшаяся по 1270 год, а в некоторых своих направлениях вплоть до конца XV столетия, заложила поистине зловещий фундамент взаимоотношений между Востоком и Западом, предопределившим их религиозное и культурное противостояние вплоть до наших дней². В свое время Крестовые походы оказали свое влияние на все без исключения сферы жизни средневекового общества, среди которых видное место принадлежало и медицине. Вместе с тем комплексных исследований, посвященных роли Крестовых походов в развитии медицинской науки и практики не проводилось. А те исследования, что были осуществлены, ограничивались собственно состоянием медицинской науки до и после крестовых походов, без исследования самих аспектов философии Крестовых походов, оказавших влияние на развитие медицины, однако, без которых нельзя понять сами механизмы дальнейшего развития медицинских представлений. Без изучения Крестовых походов мы не сможем объяснить и многовековой застой средневековой западноевропейской медицины³. Так же в некоторых современных работах стала проводиться идея о Крестовых походах, как о чуть ли не методе обмена опытом и знаниями между Востоком и Западом, к вящей пользе и взаимному обогащению обеих сторон, и что якобы Крестовые походы дали европейским странам толчок к бурному развитию медицины, подъему уровня морали и росту религиозной терпимости.

Одновременно с этим в последние годы все шире и шире в современное общество, включая не только около медицинских, но, порой, и медицинские круги, стали входить методы лечения и профилактики, распространенные в эпоху Крестовых походов или вообще порожденные ими. Поэтому изучение роли Кресто-

¹ Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960; Кутлер Б. История крестовых походов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1995.

² Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977.

³ Опарин А. А. Медицина Средних веков. Религия. Философия. Суеверия. // Східноєвропейський журнал внутрішньої та сімейної медицини. — 2015. — №1. — С. 75—81; Опарин А.А. История Древней и Средневековой медицины. — Харьков: Факт, 2017.

вых походов на развитие медицинской науки и практики представляет собой не только интерес с точки зрения проблем истории медицины, но и имеет практическое значение в развенчивании тех псевдонаучных представлений, а на деле откровенных суеверий или спекуляций, входящих в современное общество и в систему здравоохранения. Поэтому комплексное изучение роли и места Крестовых походов на развитие медицинской науки и практики представляет собой интерес не только с точки зрения собственно истории медицины.

Глава 1

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Во дни Средневековья при самом непосредственном руководстве церкви появляется понятие Крестовых походов, то есть походов против тех, кто в той или иной степени выступает против государственной церкви или ее интересов. Сами крестовые походы мы можем разделить на пять основных групп.

— Первый вид крестовых походов, это походы, направленные на Восток для овладения Святой землей и победы над мусульманами.

— Второй вид крестовых походов, это походы, направленные для покорения и обращения в католичество славянских земель, и, в частности, Руси.

— Третий вид крестовых походов, это походы в языческие земли (в частности, в Прибалтику) для покорения тамошних народов святому престолу.

— Четвертый вид крестовых походов, это походы на Пиренейский полуостров для вытеснения мавров с территории Испании.

— Пятый вид крестовых походов, это походы, направляемые против еретиков в самой Европе, например, против альбигойцев, гуситов или сторонников учения Мартина Лютера [Мисанс И., Павулс В. История Средних веков. — Riga: Zvaizdne ABC, 1997. — С. 118]. Каждый из этих пяти видов вписал свои черные страницы в мировую хронику.

Но, безусловно, апогеем крестовых походов — были походы крестоносцев, направленные церковью на Восток. Недаром даже само время с 1096 по 1270 годы вошло в историю под именем: Эпоха Крестовых походов. Крестовые походы представляли собой военные экспедиции союзных войск европейских христианских держав в Палестину с целью отвоевания у мусульман Святой Земли, т.е. той земли, где жил и проповедовал Христос. Восемь крестовых походов (первый — 1096—1098 г.г.; второй — 1147—1149 г.г.;

третий — 1189—1192 г.г.; четвертый — 1202—1204 г.г.; пятый — 1217—1221 г.г.; шестой — 1228—1229 г.г.; седьмой — 1248—1254 г.г.; восьмой — 1270 г.) потрясли тогдашний мир.

Инициатором и светочем этих массовых военных акций, в ходе которых погибли сотни тысяч не только мусульман, но и христиан, было средневековое папство. «В то время десятки тысяч человек были готовы следовать широко проповедовавшийся тогда идее, что христианину, который хочет обеспечить своей душе путь в царство небесное, следует идти на борьбу с «неверными»¹. При этом, папство меняет в угоду этой цели даже заповеди Закона Божьего. Так, заповедь не пожелай оно переводит, как «не пожелай неправедно имущества христианина твоего и не пожелай жены собрата твоего во Христе»².

«Относительно язычников и неверных существовала только одна обязанность—обращать их в христианство или уничтожать. Там, где обращение было невозможно, или когда церковь встречала действительное сопротивление, там охранение и распространение государства Божия требовало уничтожения этих сопротивляющихся элементов. В особенности на борьбу с исламом смотрели как на борьбу с миром и грехом и, следовательно, «как на служение Богу». «Из царства Господа должны быть истреблены все, делающие беззаконие, которым удалось **похитить** находящиеся в Иерусалиме бесценные сокровища христианского народа, осквернить святыни и овладеть святилищем Божиим. Оба меча (духовный и светский) верных должны упасть на головы врагов и сокрушить всякую гордость, восстающую против божественного познания, т. е. против христианской веры»³.

Под «неверными» понимались и мавры, населявшие тогда Испанию, славяне, и евреи, и народы Прибалтики. И «против них католическая церковь также направляла удары крестоносцев»⁴.

«Смерть в бою против неверных составляет большую заслугу и дает больше прав на славу, чем смерть в постели. «Быть убитым или убивать ради Христа не есть преступление, а, напротив, величайшая слава». «Смертью язычников прославляется христианин, потому что ею прославляется Христос»⁵.

¹ Мисанс И., Павулс В. История Средних веков. — Riga: Zvaidzne ABC, 1997. — С. 118.

² Эйкен. Указ. соч., с. 294.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 294.

⁴ Мисанс И., Павулс В. История Средних веков. — Riga: Zvaidzne ABC, 1997. — С. 125.

⁵ Эйкен. Указ. соч., с. 302.

«Высшего и окончательного своего развития этот религиозный тип достиг в судьях над еретиками, живших в тринадцатом столетии, и в особенности в мрачной фигуре Конрада Марбургского. Истребительная ярость последнего против всякого проявления более свободного образа мыслей не была безобразным извращением церковного учения, но лишь полнейшим выражением того духа, которым все, находящееся вне римской церкви, отрицалось как мирское и греховное. Основной отличительной чертой этого характера был аскетизм, доведенный до страстной ненависти ко всякому естественному чувству. И именно эта дикая, аскетическая ревность против всего естественного воспламеняла в Конраде жажду истребления всего, что относилось враждебно к сверхъестественному, осуществленному в римской церкви. На этом высшем пункте развития аскетически-иерархической системы, на котором меч и костер признавались наилучшими средствами поучения и любовь к людям основателя христианской религии превращалась в бешенство ненависти и тирании, эта система являлась возбуждающим отвращение изуродованием религиозного усердия»¹.

«Проповедуя Крестовые походы и воодушевляя на жестокие войны, которые, с точки зрения теоретического права, шли вразрез с законами самой элементарной справедливости, папы Римские лишь подражали всем ушедшим или грядущим завоевателям»².

«Было провозглашено учение о том, что папа может по своему желанию разрешать то, что запрещено каноническими законами, а с соответственной мотивировкой ему предоставляется право разрешать и то, что запрещают «божеские» законы. Таким образом, можно было получить разрешение на совершение любого греха или преступления, нужно было только внести определенную сумму в папскую казну. Эта искупительная сумма освобождала преступника от покаяния, ибо папа, согласно этой теории, очищает не только от наказания, но и от вины. Исходя из этого учения, папы издают позднее буллу, в которой «предписал» ангелам рая переправить немедленно освобожденных им преступников из ада в рай: в аду должны были оставаться лишь те, которые не внесли «святой лепты» в папскую кассу. Лишь богатые, как позже утверждалось в папской «Таксе» отпущения грехов, могут стать чистыми и невинными голубями; бедняки лишены этой возможности, ибо они не обладают необходимыми средствами для своего искупления.

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 302.

² Лебон Г. История арабской цивилизации. — Минск: МФЦП, 2009. — С. 331.

Такое искупление грехов давалось на основании особого разрешения — папской индульгенции. Схоластика разработала целое учение об индульгенциях. Изображая индульгенцию как милость церкви к грешнику, авторы этого учения в то же время подчеркивали, что эта «милость» не может предоставляться безвозмездно. Индульгенция должна была давать Богу следуемое Ему удовлетворение за совершенный грех за счет «добрых дел», которые накопились в большом числе в папской сокровищнице благодаря Христу, апостолам и святым. Из этой сокровищницы, папа и мог черпать «добрые дела», очищая и освобождая человека от грехов. Индульгенция «очищала» не только уже совершенные преступления, но и задуманные. По существу, индульгенция была торговлей преступлениями, и папские агенты, распространяя по всему «христианскому миру» индульгенции и зазывая в свою лавочку покупателей, тем самым фактически поощряли всякие преступления.

«Если кто убьет отца, мать, брата, сестру, жену или вообще родственника, он очистится от греха и преступления, если уплатит 6 гроссов». «Если один человек участвует в нескольких убийствах в одно и то же время и по одному и тому же случаю, он может очиститься от вины, если уплатит 30 турецких ливров». «Кто убил свою жену с целью жениться на другой, может получить отпущение, уплатив 8 турецких ливров и два дуката». Отпущение кровосмешения предоставлялось за 4 турецких ливра. Содомский грех и скотоложство оценивалось в 36 турецких ливров. Отпущение всякого рода грехов, «совершенных клириками с монахинями, в монастыре или вне его, с родственниками, родственницами, духовной дочерью или какой-либо другой женщиной», оплачивалось согласно таксе. Индульгенция, выдаваемая на три года, стоила 20 карлинов, на 5 лет — 40, на 6 лет — 50 и т. д. Индульгенции изготовлялись в массовом количестве; они были стандартны и безымянны и продавались оптом»¹.

И вот, выступая на Клермонском соборе 26 ноября 1095 года, папа Урбан Второй, после предварительных переговоров с крупными феодалами того времени, призвал организовать Крестовый поход на Восток, для освобождения Иерусалима от неверных. При этом всем участникам предстоящего похода папа обещал полное прощение всех совершенных до этого грехов².

Дословно папа сказал следующее. «Необходимо, чтобы вы как можно скорее отправились на подмогу вашим братьям, проживающим на Востоке и нуждающимся в вашей помощи, я настойчивой мольбой увещаю вас об этом деле, — и не я, а Сам Господь, —

¹ Лозинский С.Г. История папства. — М.: Политиздат, 1986. — С. 138—139.

² Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 41.

дабы вы, вестники Христа, своими постоянными призывами побуждали людей всех званий, как пеших, так и конных, как богатых, так и бедных, позаботиться об оказании христианам своевременной помощи по изгнанию из наших земель негодного племени. Я говорю об этом всем присутствующим и поручаю передать отсутствующим, что так повелевает Христос. Всякий, кто, отправившись туда, окончит свою жизнь — будь это в пути по суше, либо во время перехода по морю, либо же в сражениях с язычниками, — обретет отпущение грехов. Я подтверждаю это всем, кто намеревается пуститься в этот путь, поелику наделен сим даром от Бога»¹. Потом это обещание о полном отпущении грехов всякому, кто пойдет в крестовый поход, будут подтверждать и другие папы. Так папа Иннокентий III, обращаясь к крестоносцам в 1203 году в Кельнской епархии, сказал, что их наградой будет «не тленный венец и не временная слава, а вечный венец и вечная слава»². «В 1198 году папа Иннокентий III после провала Третьего крестового похода объявил о полном отпущении грехов человеку, который субсидирует и вооружит другого человека для участия в крестовом походе»³. Уже фактически непосредственно перед IV крестовым походом Иннокентий III написал, что «каждому, кто примет крест и год прослужит Господу на востоке, будут отпущены все грехи, когда-либо им содеянные, равно, как и те, что он содеет в будущем»⁴. В ответ на это один из руководителей будущего похода маршал Франции Жоффруа де Виллардуэн в своей истории похода написал следующее: «И столь велико было то отпущение грехов, что воспряли сердца многих людей, и многие приняли крест»⁵.

Эту же политику полного отпущения грехов всем тем, кто пойдет убивать во имя веры, продолжает и преемник Иннокентия III папа Гонорий III. «Сам Бог, обещает Гонорий III в булле, встретит своих борцов у святого гроба с распростертыми объятиями и обнимет своих возлюбленных, давно ожидаемых сыновей. Во всех отношениях эта святая война была проникнута религиозной идеей церкви. Воины первого крестового похода, — которые после взятия Иерусалима отдыхали, избивая сарацин, и, покончив с этой работой, с окровавленными мечами и сокрушенным сердцем приблизились ко святому гробу, чтобы сделаться при-

¹ Фульхерий Шартрский. Иерусалимская история. — СПб.: Евразия, 2020. — Книга I, Глава 3, 2, 4, 5, с.47—48.

² Эйкен. Указ. соч., с. 295.

³ Норт Д. История церкви. — М.: Протестант, 1993. — С. 181.

⁴ Виллардуэн Жоффруа. Взятие Константинополя. Песни труверов. — М.: Наука. 1984. — I, 2, с. 39—40.

⁵ Виллардуэн Жоффруа. Взятие Константинополя. Песни труверов. — М.: Наука. 1984. — I, 2, с. 40.

частниками благодати, очищающей от грехов, — были яркой иллюстрацией миродержавства церкви, проявлявшегося в мироуничтожении»¹. По заданию папства составлялись целые сборники проповедей, в которых с одной стороны люди призывались идти в крестовый поход, а с другой оправдывались все жестокости, связанные с крестовыми походами. Один из самых знаменитых таких сборников проповедей был составлен пятым генеральным магистром ордена Доминиканцев Гумбертом Романским в 1266 г². Что же заставило в реальности папство инициировать эти походы войск христианских государей Европы, в частности, в далёкую Палестину, обрекая подавляющее их большинство на гибель. Этому можно выделить несколько причин.

• Причины крестовых походов

— **Фактический захват земель феодалов, отправившихся в поход.** «К крестовому походу папу толкал материальный расчет. Крестоносцы, владевшие землей, отдавали церкви вплоть до „благополучного возвращения из Иерусалима“ „осиротевшие земельные участки“, и эта „временная отдача“ приняла тем более широкий размах, что уходившие в поход в противном случае рисковали увидеть свои участки в руках крупных землевладельцев, оставшихся в Европе. Отдать церкви — означало при таких обстоятельствах защитить „осиротелую“ землю от рук соперника с надеждой получить её обратно при возвращении из крестового похода. Таким образом, церковь за годы крестовых походов накопила колоссальные земельные богатства, которые фактически остались в ее руках, так как крестоносцы редко возвращались благополучно обратно. Мало того, даже возвращавшиеся далеко не всегда могли вступить во владение своими участками, так как за время их отсутствия эти участки в качестве выморочных перешли во владение церкви»². «Корысть пап была главной причиной крестовых походов»³.

Крупный американский историк Крестовых походов Ф. Данкэлф написал, что «церковь сделала хороший бизнес на закупках и приобретении в залог за деньги собственности крестоносцев»⁴.

— **Избавление от опасных врагов в лице могущественных государей Европы.** Крестовые походы были весьма кровопролитны, приводя к гибели не только лучший цвет дворянства, но и порой самих королей (среди них был, кстати, германский император Фридрих Барбаросса, в честь имени которого Гитлер

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 295.

² Гумберт Романский. О проповеди креста. — СПб.: Алетейя, 2016. — С. 71, 77, 86, 88.

³ Лозинский С.Г. История папства. — М.: Политиздат, 1986. — С. 108.

⁴ Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 6.

⁵ Там же. — С. 57.

назвал план нападения на СССР), большинство из которых было очень недовольно папским вмешательством в их внутренние дела и поэтому всегда стремившихся ослабить его. С обескровливанием же их государств, лучшие воины которых гибли в Палестине, а порой и они сами, попытки ослабить папский трон оставались безрезультатными¹. Организуя Крестовые походы, папство избавляло себя от множества разорившихся рыцарей, которые, по сути, превратились в настоящих бандитов, сколотивших вокруг себя настоящие шайки, которые нещадно грабили, и в одну из первых очередей, богатые аббатства и похищали епископов и архиепископов с целью выкупа².

Так папа Лев IX писал об этих ватагах рыцарей-разбойников: «я видел этот буйный народ, невероятно яростный и нечестием превосходящий язычников, разрушающий повсеместно церкви Божьи, преследующий христиан, которых они иногда заставляли умирать в страшных мучениях... Они не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин»³.

— **Главенство над европейскими государями.** «Очень заинтересована в этом движении была церковь и папа римский, который стремился усилить свое влияние в Западной Европе, и объединить под своим руководством расколотых христиан на западе и на востоке Европы»⁴. Так, у «Григория VII складывался последовательный план полного подчинения римскому папе всех христианских государств. Он всерьез пытался принудить всех христианских королей к ленной присяге апостольскому престолу»⁵.

— **Поддержка культа святых, реликвий и паломничества.** Средневековая церковь, как религиозная система, в значительной степени базировалось на культе святых, вере в чудодейственность различных реликвий и мощей, а также, паломничестве. Завоевание же святых мест было прекрасной рекламой, подстегивающей все эти культы и традиции.

— **Обогащение.** Значительнейшая часть награбленных на Востоке сокровищ отходила в папскую казну⁶.

¹ Григулевич И. Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985. — С. 72.

² Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 41, 42.

³ Там же. — С. 16.

⁴ Мисанс И., Павулс В. История Средних веков. — Riga: Zvaizdne ABC, 1997. — С. 118.

⁵ Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 25.

⁶ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008 — 2010. — Т. 5, с. 181.

— **Поддержка суеверий и фанатизма.** Папство прекрасно знало, что легче управлять темным, суеверно настроенным фанатичным народом, который мало о чём думает, не рассуждает, а представляет собой лишь тёмную серую массу, жаждущую крови, наживы и чудес. Жажду крови утоляла святая инквизиция, устраивая массовые “шоу” — аутодафе, а наживу и чудеса (расказы о якобы великих исцелениях в святых местах) — крестовые походы.

— **Нужда в ореоле освободителя** — “святом нимбе”. Выступая за организацию проведения крестовых походов, папа мотивировал её необходимость освобождением святых для каждого верующего мест, а также христиан, страдающих якобы под мусульманским игом. Государственная церковь выступала в роли, как мы бы сегодня сказали, борца за права и свободы человека, которые попирают другие люди, а этот образ всегда был очень популярным в народе. Как видим, все причины весьма расчётливые и хорошо продуманные, и уж тем более далёкие от духовности. Подлинное лицо крестовых походов было явлено в 1204 году, когда крестоносцы, вместо того, чтобы идти освобождать от мусульман святую землю, захватили и варварски разграбили столицу христианской Византии — Константинополь¹. Эта страшная авантюра, продолжавшаяся почти триста лет, завершилась полным провалом. Каковы же были основные плоды Крестовых походов.

— **Желание пап ликвидировать самостоятельность восточной православной церкви.** Одним из главных планов, которые преследовало папство в организации Крестовых походов, было подчинение восточной православной церкви, официальный раскол с которой состоялся в 1054 году². Сами летописцы крестоносцев, в частности, маршал Жоффруа Виллардуэн в своей «Завоевание Константинополя» и Гунтер Пэрисский в своей книге «Истории завоевания Константинополя» прямо пишет о взятии крестоносцами Константинополя, что это подлинно «благость Господа, Который намеревался таким образом унижить этот город, преисполненный гордыней из-за своего богатства, и привести его к миру и согласию со святой вселенской церковью!»³. Тот же Гунтер пишет, что «верховный понтифик с давних пор нена-

¹ Робер де Клари. Завоевание Константинополя. — М.: Наука, 1986. — LXXXIII, с. 59.

² Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 25, 28.

³ цит. по Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — С. 233.

видел Константинополь, и сам он, и его предшественники, ибо Константинополь давно уже отложился от римской церкви»¹. Еще один рыцарь пишет, что, «выполняя дело Спасителя, чтобы восточная церковь, столицей коей был Константинополь, с императором и всей своей империей признала бы себя дочерью своего главы — римского первосвященника и преданно повиновалась бы ему во всем с надлежащим смирением»².

Почти двести кровавых лет ушло на попытку осуществить эти планы, но что же принесли эти Крестовые походы своему вдохновителю папству и остальному миру.

Глава 2

ПЛОДЫ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Анализируя крестовые походы, мы можем выделить основные плоды, которые они принесли, надолго предопределившие многие аспекты последующего течения Всемирной истории, и в том числе, истории медицины.

— **Крестовые походы привели, в конечном счете, к потере всех отвоеванных вначале крестоносцами земель в Палестине.** Все земли, которые крестоносцы завоевали в основном в результате первого крестового похода, были безвозвратно утеряны.

— **Крестовые походы вбили страшный клин между народами Востока и Запада.**

«Походы стали причиной великого зла. Как школа практической религии и морали, они, без сомнения, оказались губительными для большинства крестоносцев. Они сопровождались всеми обычными деморализующими влияниями войны и пребывания армии во вражеской стране. Пороки в лагерях крестоносцев стали источником огромного позора для Европы. Раскол между Востоком и Западом усугубился из-за нетерпеливых действий пап, учредивших латинские патриархаты на Востоке и согласившихся на создание Латинской империи в Константинополе. Память о недостойном отношении к греческим императорам и служителям церкви сохранилась до сих пор.

Еще одним злом было усиление презрения и ненависти мусульман к христианскому учению. Дикость христианских воинов, их бессовестное отношение к имуществу, жестокие раздоры в лагерях крестоносцев были неприятным зрелищем, которое могло

¹ цит. по Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — с. 204.

² Там же. — С. 242.

оказать только пагубное влияние на народы Востока. В Западной Европе уже в сам период ведения крестовых походов говорили, что они не приносят духовных плодов, а наоборот — побуждают сарацин скорее к богохульству, нежели к вере»¹.

О нравах крестоносцев оставили описание хронисты того времени, причем, большинство из них было непосредственными участниками Крестовых походов и потому обвинить их в предвзятости не представляется возможным. Так, в хронике Анны Комниной, дочери византийского императора Алексея I **Комнина** **указано, что** одним из их излюбленных развлечений крестоносцев было убивать всех встречающихся им на пути детей, разрезать их на куски и поджаривать².

Жак Витрийский, епископ Акры, пишет: «Озлобленное и порочное поколение, коварные и вырождающиеся дети, распущенные люди, нарушители божественного закона — вот какие люди произошли от первых крестоносцев, религиозных и приятных Богу, подобно тому, как вино порождает осадок, а масличная выжимка — гущу; или как плевелы отделяются от пшеницы, а ржавчина — из меди... По малейшему поводу они судились, ссорились, вели войны между собой; довольно часто даже они обращались за помощью против христиан к врагам нашей веры... На земле обетованной остались лишь нечестивцы, осквернители святыней, воры, прелюбодеи, отцеубийцы, клятвопреступники, дураки, похотливые монахи и религиозные бесстыдники»³.

Вильгельм Тирский говорит о крестоносцах как о «настоящих пропащих детях, выроdkов и хулителей веры, с завистью кидающихся во всевозможные излишества», он добавил: «Чудовищность их пороков была настолько велика, что если бы писатель задался целью воссоздать эту картину, он бы не выдержал от тяжести подобного сюжета, и скорее показалось бы, что он пишет сатиру, а не рассказ». Каноник Анкетиль пишет: «Мало кто из крестоносцев, — за всю историю Крестовых походов имел чисто религиозные намерения. Нет таких ужасных преступлений, разбоя, постыдных действий, в которых их нельзя было бы обвинить»⁴.

И хотя в самой «Западной Европе крестоносцами восхищались и преподносили их, как героев, готовых во имя религиозных убежде-

¹ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008 — 2010. — Т. 5, с. 180—181.

² Григулевич И. Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985. — С. 320.

³ Лебон Г. История арабской цивилизации. — Минск: МФЦП, 2009. — С. 324—325.

⁴ Там же. — С. 325.

ний пожертвовать жизнью, на землях же, где они с мечом в руке распространяли учение Иисуса и насильственно принуждали принимать его, напротив, крестоносцев считали грубыми завоевателями¹.

— Крестовые походы на многие столетия своими зверствами, чинимыми под именем государственной церкви, дискредитировали христианство, как религию, в глазах народов Востока.

«Хотя христиане выступали от имени Христа, их действия нередко вовсе не отвечали учению Иисуса. Алчность крестового воинства, его властолюбие и жестокость только усиливали ненависть к крестоносцам со стороны жителей стран востока². Более того, в ходе этих походов был вбит страшный клин и между народами Западной и Восточной Европы. Народы последней так же испытали на себе все зверства религиозных фанатиков.

Так, «прибыв в Малую Азию, крестоносцы осадили город Никея. Одержав победу над турецкой армией, они отрезали головы всем раненым и триумфально проследовали в свой лагерь, подвесив эти трофеи к седлам своих лошадей, а затем швырнули их в осажденный город... На пути к Сирии оставалось покорить около 200 городов. Будучи далекими от бережного обращения с местным населением, разве что только для обеспечения себя необходимыми ресурсами, крестоносцы разорили страну настолько, что вскоре она оказалась во власти голода...

Поведение крестоносцев в течение всех предпринятых ими кампаний можно сравнить разве только с поведением самых кровавых и, в то же время, самых неловких дикарей. Шла ли речь о союзниках, врагах или безобидном населении, будь перед ними воины, или собрание женщин, детей и стариков — поведение крестоносцев оставалось неизменным: они убивали и грабили всех без исключения. Хроники христианских летописцев на каждой странице содержат подтверждения нелепой жестокости крестоносцев. Следующего рассказа, дошедшего до нас от очевидца Роберта Монаха, повествующего о поведении крестоносцев в городе Мараш, наряду с представленным далее рассказом о взятии Иерусалима, будет достаточно, чтобы показать, каким образом крестоносцы вели войну: «Наши соотечественники, пробегали по улицам, площадям, крышам домов, наслаждаясь резней, подобно львице, у которой отняли ее детенышей. Они разрезали на куски и предавали смерти детей, молодых людей и стариков, сторблен-

¹ Мисанс И., Павулс В. История Средних веков. — Riga: Zvaizdne ABC, 1997. — С. 138.

² Там же. — С. 123.

ных под тяжестью прожитых лет. Они не щадили никого, и чтобы быстрее со всем разделаться, вешали многих на одной веревке. Поразительная вещь! Странное зрелище наблюдать, как эта многочисленная, хорошо вооруженная армия безнаказанно убивает, и при этом никто не оказывает им сопротивления! Наши соотечественники присваивали все, что только могли найти. Они вспарывали животы мертвецам и доставали оттуда золотые монеты. О, низкая алчность и жажда золота! Потоки крови текли по всем улицам города, и все было устлано трупами. О, ослепленные народы и все, кому была уготована смерть! И во всей этой многочисленной толпе не было ни одного человека, желавшего принять и признать христианскую веру. Наконец, Боэмунд велел привести всех, кто был заключен в башне дворца. Он приказал убить старых женщин, дряхлых старцев и всех, кто из-за своей слабости является бесполезным, оставив в живых всех крепких людей брачного возраста и еще не достигших его, людей крепкого телосложения. Затем он отдал приказ отвести их в Антиохию для того, чтобы продать в рабство. Это массовое избиение турок произошло 12 декабря, в воскресенье, несмотря на то, что в этот день ничего нельзя делать. На следующий день наши соотечественники убили всех остальных». Несложно предположить, какое мнение должны были иметь жители Востока, столь цивилизованные в то время, о подобном противнике. Поэтому их летописи полны презрения, которое они им внушали. «Они не заслуживают даже называться людьми», — писал позднее великий персидский поэт Саади (XIII в.)¹.

При взятии же крестоносцами Иерусалима 15 июля 1099 года они устроили в нем страшную резню. «Последовавшая бойня стала очередной из многочисленных мрачных страниц иерусалимской истории и показала, что по части сострадания рыцарь-крестоносец был далек от идеала христианского совершенства. Очевидец тех событий Раймунд Ажильский спокойно так описывает ту бойню, что они устроили в Иерусалиме. Улицы были завалены телами убитых.

Иудеев сжигали вместе с их синагогами. В храмовых пределах разразилась жестокая резня. С преувеличениями, которым вряд ли можно верить, однако без тени сожаления или попыток оправдания, рассказывалось, что кровь убитых в храмовой зоне достигала коленей и лошадиной упряжи. «Столь повального истребления язычников никогда еще не видывали и не слыхивали. Их ко-

¹ Лебон Г. История арабской цивилизации. — Минск: МФЦП, 2009. — С. 320—322.

личество ведомо одному только Богу»¹. Он называет это побоище праведным Божиим судом².

«В древнем храме было столько крови, что мертвые тела плавали туда-сюда на паперти. Можно было видеть проплывающие кисти и отрубленные руки, которые присоединялись к чужим телам, так что невозможно было определить, какому телу принадлежит рука, которая подплывала к туловищу. Сами солдаты, которые являлись виновниками этой резни, с трудом выносили исходящее от нее зловоние». Было решено, что этого первого кровопролития недостаточно. Совет крестоносцев постановил полностью вырезать население Иерусалима: будь то мусульмане, евреи, либо христиане-схизматики. Общее количество населения города составляло 60 000 человек. Операция продлилась 8 дней, несмотря на все усердие, прилагаемое набожными рыцарями. Не пощадили никого: ни женщин, ни детей, ни стариков»³.

«За кровопусканием с легкостью последовали покаяния и славословия. Во главе с Готфридом, в одеждах из белого льна, крестоносцы прошли в церковь Гроба Господня с молитвами и благодарениями. Вильгельм Тирский рассказывает, что перед идущими к святым местам шествовали Адемар и остальные павшие по дороге к Иерусалиму. После вознесения молитв убийства возобновились. Ни слезы женщин, ни крики детей, — ничто не смягчило жестокости завоевателей. А в довершение сцены безжалостного варварства сарацинских пленников заставили очистить улицы от мертвых тел и крови, чтобы предохранить город от чумы. «С плачем они выносили мертвые тела из Иерусалима», — бесчувственно свидетельствует другой очевидец этих событий Роберт Монах»⁴.

В религии Средних веков аскетическое самоотречение сочеталось с бессердечной жестокостью по отношению к неверным, иудеям и еретикам. «Они зарубили мечом», — говорит Вильгельм Тирский, — всех, кого нашли в Иерусалиме, и не пощадили никого. Сами победители были забрызганы кровью с головы до ног. Далее, говоря о вере крестоносцев, архиепископ добавляет: «Серд-

¹ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 5, с.151; Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — С. 138.

² Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 5, с.151.

³ Лебон Г. История арабской цивилизации. — Минск: МФЦП, 2009. с. 323.

⁴ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 5, с.151; Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — С. 131—132.

Благословение Папы Римского на Крестовый поход

це наполнялось священной радостью при виде людей, которые ступают по святым местам, побуждаемые ревностью великой веры»¹. Подобными страшными сценами полна вся эпоха Крестовых походов.

«Чтобы набраться сил после утомительной массовой резни всего населения, крестоносцы предались самым отвратительным оргиям. Сами христианские летописцы, несмотря на всю их снисходительность, стыдились поведения защитников веры: Бернар, хранитель церковной казны, называет их безумцами; Бодуэн, архиепископ округа Доль, сравнил их с кобылами, которые валяются в грязи»².

Таково было благочестие крестоносцев. Недаром ученые XVIII века называли Крестовые походы — кровавым безумием³.

«Главным следствием Крестовых походов для жителей Востока стало то, что они внушили им презрение к жителям Запада, которое передавалось из поколения в поколение на протяжении многих веков. Невежество, грубость, нелепая кровожадность, скверное отношение к вере — все это дало нелестное представле-

¹ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008 — 2010. — Т. 5, с.151—152.

² Лебон Г. История арабской цивилизации. — Минск: МФЦП, 2009. с. 323.

³ Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 7.

ние о христианских народах Европы и их религии. Таким образом, образовалась пропасть между жителями Востока и Запада, пропасть, которую и сегодня ничто не в силах заполнить»¹.

— **Крестовые походы привели к гибели сотен тысяч людей, причем большинство которых составляло мирное население**². Так, только при взятии одного города Мааррат-ан-Нумана было убито более 100 тысяч человек³.

— **Крестовые походы и антисемитизм.** Крестовые походы до небывалого доселе уровня разожгли антисемитизм. Ведущие историки сам его расцвет «часто связывают с крестовыми походами. Вполне вероятно, что дух крестоносного движения мог придать антисемитизму дополнительную страстность. Число погромов удвоилось во дни Первого крестового похода. Так в Вормсе, и в Майнце решили отомстить за Христа евреям и перебили 900 евреев, не пощадив ни женщин, ни детей. Горы трупов вывозили из Майнца на телегах. Во время Второго крестового похода в 1146 году впервые появляется обвинение евреев в ритуальном убийстве младенцев из христианских семей, кровь которых евреи якобы добавляли в мацу»⁴. После этого история Средних веков полна страшных примеров антисемитизма, проявленного, в частности, в период пандемий чумы, о чем мы писали выше.

— **Крестовые походы привели к уничтожению огромного числа памятников искусства и уничтожению библиотек.** «С точки зрения чистой науки Крестовые походы, в противоположность мнению многих историков, имели крайне незначительное влияние. В армиях крестоносцев не было ученых, и они действительно не привезли с собой такие знания и методы, как, например, форма какого-нибудь памятника или какой-либо ремесленный секрет»⁵. Более того, дикость и варварство крестоносцев привели к уничтожению архитектурных памятников и ценнейших рукописей.

— **Крестовые походы весьма обогатили государственную церковь.** «Кроме того, крестовые походы способствовали быстрому развитию системы папских индульгенций, которая ста-

¹ Лебон Г. История арабской цивилизации. — Минск: МФЦП, 2009. — С. 332.

² Лебон Г. История арабской цивилизации. — Минск: МФЦП, 2009. — С. 320—325; Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 79, 89.

³ Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — С. 127.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 295.

⁵ Там же. — С. 295.

⁶ Лебон Г. История арабской цивилизации. — Минск: МФЦП, 2009. — С. 336.

Герб ордена Госпитальеров

Герб ордена святого Лазаря

да догмой для средневековых богословов. Эта практика, начатая Урбаном II в момент зарождения движения, все больше и больше распространялась, пока отпущение грехов не стали обещать не только воинам, которые с оружием в руках выступали против сарацин на Востоке, но и тем, кто вышел сражаться с христианскими еретиками в Западной Европе. Индульгенции стали неотъемлемой частью церковных стимулов и нанесли неизмеримый вред моральному характеру христианства. К этому злу добавились громадные налоги, введенные папами и их эмиссарами. Матфей Парис жалуется, что вымогательство средств на крестовые походы пятнает это святое **дело**.

Папству походы предоставили не имевшую равных возможность для расширения власти. А с другой стороны, формируя мирской дух и развивая мирские интересы, они также помогли подорвать власть его иерархии»¹.

«Крестовые походы «привели к таким пагубным последствиям, как увеличение сверх меры духовного влияния римских пап, главных предводителей Крестовых походов, и духовенства, которые обогащались за счет земель, которые их сюзерены вынуждены были распродать в уплату долгов за экспедиции. Это увеличение могущества одних и богатства других вскоре привело к тому, что папа Римский захотел управлять народами и королями, а коррупционность духовенства стала всеобщим явлением. Эти послед-

¹ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 5, с. 181.

ствия стали, в свою очередь, причинами, которые позднее породили Реформацию и последующую за ней кровопролитную борьбу.

Одним из наиболее пагубных последствий Крестовых походов стало установление многовековой нетерпимости в мире, придание ей того характера варварской жестокости, которого не знала еще ни одна религия, за исключением иудаизма. До Крестовых походов нетерпимость была довольно сильной, однако редко случалось, чтобы она доходила до жестокости. Во время Крестовых походов она приобрела степень неистовой ярости, которая продолжалась практически до наших дней. Привыкнув проливать кровь, духовенство вскоре принялось применять для пропаганды веры и уничтожения ереси способы истребления, применимые сначала только по отношению к неверным. Малейший намек на противостояние казался им достойным самой страшной казни. Истребление евреев, альбигойцев и различных категорий еретиков, инквизиция, религиозные войны и те жестокие стычки, которые обограбли Европу кровью в течение столь длительного времени — все это стало следствием самого пагубного духа нетерпимости, вызванного Крестовыми походами»¹.

«Вследствие крестовых походов папа сделался высшим законодателем, судьей и полководцем западноевропейского мира»².

Крупнейший историк христианства Средневековья проф. Ф. Шафф по поводу финала Крестовых походов и их исторического урока пишет: «Крестовые походы служат также постоянным напоминанием о том, что не палестинские земли даруют церкви самое святое удовлетворение и не мечом ей следует прокладывать путь. Она должна добиваться своей цели мирной вестью, взывая к сердцу и совести, уча служению молитвы и преданному поклонению. Крестоносец, опустившийся на колени в церкви Гроба Господня, узнал смысл слов: «Что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь; Он воскрес»³.

Глава 3

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ: МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТ

Порой в некоторых работах, посвященных крестовым походам, можно прочесть о том, что они имели большой положительный аспект для развития медицины. Так, в частности, ука-

¹ Лебон Г. История арабской цивилизации. — Минск: МФЦП, 2009. — С. 333—334.

² Эйкен. Указ. соч., с. 298.

³ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 5, с. 183.

Государства крестоносцев в Палестине

зывается, что благодаря крестовым походам, Европа познакомилась с высоким уровнем гигиены, который был у арабов, в частности, наличие и широкое распространение горячих бань, частая смена белья, верхнего платья и т.д. Однако, со всем этим Европа уже была знакома через Испанию и Сицилию, где тогда также властвовали арабы и против которых крестоносцы также вели войны¹. Была знакома европейцам и арабская медицина.

«Можно ли представить себе, что рыцари Креста, которым были свойственны невежество, своекорыстие, разврат, неверие, смешанное с диким фанатизмом, кровожадностью, что эти самые рыцари, воевавшие по зову римских пап, явились передатчиками достижений восточных народов на почву Запада, что стяжательная деятельность этих грубых воинов Христовых на Востоке привела к созданию новой культуры на Западе? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным»².

Действительно, что «могли иметь общего с восточной культурой эти дикие орды крестоносцев, ничего не знавшие кроме грабежа, легковерия и суеверные до фанатизма, всецело подчиненные тирании проповедников?»³»

Поэтому, анализируя действительную роль Крестовых походов в контексте истории медицины, мы можем выделить несколько их плодов, оказавших прямое влияние на медицину того времени.

— Крестовые походы и пандемия проказы

«В числе причин, содействовавших возникновению новых и ожесточению известных уже эпидемических болезней первое место занимают беспрестанные массовые передвижения и перекочевывания отдельных личностей, в особенности крестовые походы. Этот недостаток прочной оседлости, в свою очередь, породил непрочность собственности. Лениость, отвращение к работе, плохое возделывание земли и, как неизбежные следствия всего этого, плохое произрастание кормовых растений, дороговизна, голодовки, пролетариат и недостаточное, плохое питание населения. Если к этому прибавить упомянутые выше нечистоплотность, целование прокаженных, считавшееся душеспасительным средством даже коронованными особами, превращение бань и монастырей в притоны разврата, тесноту и плохую вентиляцию жилищ в обнесенных стенами городах и даже деревнях. Наконец,

¹ Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 231.

² Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — С. 229.

³ Гезер Г. Основы истории медицины. — Казань: Изд. Н.А. Ильяшенко, 1890. — С. 145—146.

непрерывные войны и противогигиеническое погребение мертвых при церквях посреди городов и сел, то станет понятным, что все это в сильной степени должно было благоприятствовать возникновению прилипчивых болезней и массовых заболеваний. Равно как и видоизменению и эпидемическому проявлению таких болезней, которые прежде отличались не столь злокачественным характером. Самая древнейшая из этих болезней есть, бесспорно, проказа»¹.

Действительно, «между постоянными болезнями народа в Средних веках проказе принадлежит одно из важнейших мест»².

Проказа в Средние века носила несколько названий: скорбная болезнь, болезнь Святого Лазаря, ленивая болезнь³.

Единичные случаи проказы (лепры) встречались в Европе и до эпохи Крестовых походов. В частности, о приюте для прокаженных во Франции в VI веке есть упоминание у Григория Турского, а в законах французского короля Пипина Короткого от 757 г. есть постановление о том, что наличие проказы у одного из супругов дает другому право на развод⁴. Но именно Крестовые походы стали тем фактором, который превратил это заболевание в настоящую пандемию, болезнь века⁵.

Действительно, только во время и после Крестовых походов проказа стала настоящей пандемией, «болезнью века» для Западной Европы⁶, приведшей к массовому открытию лазаретов (лепрозориев) — специальных приютов, где помещались прокаженные, будучи полностью изолированы от общества. Свое название лазарет (употребляемое, кстати, иногда, и в наши дни) получил от имени монахов ордена св. Лазаря, которые посвятили себя уходу за тяжело больными людьми, в том числе и прокаженными.

Этот орден был основан в 1098 году в Палестине после того, как несколько благочестивых рыцарей посвятили себя уходу за прокаженными. Сам лепрозорий создается на базе больницы для прокаженных, которая существовала под юрисдикцией византийской патриархии. При этом сам лепрозорий был перене-

¹ Ковнер. Указ. соч., с. 497.

² Гезер. История повальных болезней. В 2 ч. — СПб.: Изд-е медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1867. — Ч.1, с.59.

³ Склярова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 134.

⁴ Гезер. История повальных болезней. В 2 ч. — СПб.: Изд-е медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1867. — Ч.1, с.61, 70.

⁵ Сорокина Т.С Атлас истории медицины: Средние века (476—1640): Учебное пособие. — М.: Изд-во УДН, 1983. — С. 89.

⁶ Ковнер. Указ. соч., с. 406; Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 61.

сен за пределы города, к северо-западной стене напротив патриаршего квартала. Первоначально орден принимает для себя Устав святого Августина, который был одобрен для него папой Пасхалием II в 1115 г. Первоначально орден святого Лазаря и орден Госпитальеров (будущий Мальтийский орден) имели одного магистра, но уже с 1120 года орден имел своих отдельных магистров. Символом ордена становится зеленый крест, который нашивался на белое одеяние. При этом рыцари ордена Святого Лазаря с 1123 года стали давать одновременно не только обет уходу за прокаженными, но и борьбе с неверными. Примечательно, что до 1253 года именно из среды прокаженных рыцарей выбирался и сам гроссмейстер ордена! И только после того, как в 1253 году в Иерусалиме арабы истребили всех прокаженных рыцарей, гроссмейстер стал избираться из среды не прокаженных рыцарей¹.

О широчайшей распространенности проказы в Средние века говорят следующие цифры, что только в XIII веке в правление короля Людовика VIII Льва (1223—1226) в одной только Франции было открыто 2.000 лепрозориев², а по всей Европе 19.000³!

Средневековая церковь прямо объявила, что главную угрозу для общества наравне с еретиками и евреями представляют собой прокаженные⁴. Это было равносильно вынесению прокаженным смертного приговора.

И действительно, человек, заболевавший проказой, становился изгоем общества, его клали в гроб, затем отпевали в церкви заживо, потом относили на кладбище, закрывали гроб. Опускали его в землю, сбрасывали на него несколько лопат земли со словами: «Ты не живой, ты мертвый для нас!». После этого вытаскивали из земли и отвозили на носилках, как покойника, в лепрозорий⁵. По прибытии туда священник бросал на крышу его нового жилища горсть кладбищенской земли, как знак погребения и после этого прокаженный считался умершим и для всего общества и даже для своих близких⁶.

¹ Гезер. История повальных болезней. В 2 ч. — СПб.: Изд-е медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1867. — Ч.1, с.61-62.

² Гезер. Указ. соч., ч. 1, с. 71.

³ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — С. 406.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 292.

⁵ Горелова Л.Е. Лепру лечили смертью (из истории борьбы с проказой) //Рус. мед. журнал. — 2001. — Т.9, №23. — С. 1049—1058.

⁶ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 203.

После этого священник отводил больного в уединенное место за городом, где должны были жить прокаженные и строжайше предупреждал его избегать отныне церквей, мельниц, булочных, колодцев и источников¹. Он лишался права наследовать, что-либо или зарабатывать деньги². Если его жена желала следовать за ним в лепрозорий, то она считалась также прокаженной, равно и дети, рожденные в лепрозории, считались прокаженными, ибо считалось, что проказа передается по наследству³. И только представители богатых и знатных семей, пораженные проказой, имели право изолированно жить у себя дома и получать необходимую возможную на то время врачебную помощь и гигиенический уход⁴.

Он был обязан носить на своей одежде колокольчики, которые бы предупреждали о его появлении, а на одежду черного цвета, которая им выдавалась, он должен был прикреплять искусственные руки из белой шерсти, которые бы издали, говорили о его заболевании⁵. Также им выдавалась особая шляпа с белой лентой и, так называемая, трещотка св. Лазаря, звуки которой должны были предупреждать окружающих о приближении прокаженного⁶. При покупках они должны были указывать на тот или иной товар специальной тростью⁷. У городских ворот ставились особые привратники для осмотра входящих, которые задерживали всех подозрительных на проказу. Стоит особо отметить, что лепрозории никогда не посещались врачами⁸.

Жить прокаженные могли только на подаяние, которое им дозволялось просить. Это нередко приводило к тому, что здоровые люди надевали на себя одежду, как у прокаженных, и просили милостыню, предпочитая ничего не делать, а зарабатывать деньги, обирая сердобольных верующих⁹.

¹ Гезер. Указ. соч., ч. 1, с. 72.

² Гезер. Указ. соч., ч. 1, с. 71-72.

³ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 203.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 203—204.

⁵ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч. 2, с. 406.

⁶ Гезер. Указ. соч., ч. 1, с. 72; Сорокина Т.С. Атлас истории медицины. Средние века (476—1640). — М.: Т-я Университета Дружбы народов, 1983. — С. 90.

⁷ Гезер Г. История повальных болезней. В 2 ч. — Спб., 1867. — С. 71-72.

⁸ Agrini J., Crisciani Ch. Wohltätigkeit und Beistand in der mittelalterlichen christlichen Kultur //M.D. Grmek. Die Geschichte des mediynischen Denkens, Antike und Mittelalter. — München, 1996. — S. 209.

⁹ Гезер. Указ. соч., ч. 1, с. 72.

Одновременно с этим жестокая изоляция прокаженных средневековым обществом приводила к тому, что это ожесточало самих прокаженных, которые, порой, заключали между собой своеобразные союзы против здоровых граждан города, принимая участие в отравлении городских колодцев, за что пойманные из них, как, в частности, это было при короле Франции Филиппе IV Красивом (1285—1314), сжигались на кострах¹.

Средневековые врачи и летописцы оставили относительно много описаний проказы, значительная часть которых вполне соответствует современным критериям данного заболевания. Наиболее ценные средневековые описания проказы содержатся в трудах знаменитого французского хирурга Ги де Шюлиака (1298—1368), салернского хирурга Рогерия и Роланда.

Так, средневековые врачи связывали появление проказы с дурным воздухом, плохой пищей и наследственностью. Описывая проказу, врачи того времени верно подметили ее основные клинические проявления, как выпадение ресниц, распухание и искривление носа, сужение носовых полостей, плохой цвет лица, обезображивание губ, покрытых язвами, язвы в носу, хриплый голос, зловонное дыхание, дикий взгляд. Указывают средневековые врачи и на нечувствительность тела, исчезновение мышц, шероховатость кожи, сексуальное раскрепощение².

При этом средневековые врачи полагали, что цвет крови у прокаженных черный или пепельно-серый.

Кстати, и сам диагноз проказы выставлялся весьма своеобразно специальной городской комиссией, в состав которой врач входил далеко не всегда. При наличии сложностей во время выставления диагноза такая комиссия проводила следующие «тесты». На кровь больного капали немного масла, и если спустя час кровь больного выглядела, как «сваренная», то это было подтверждение диагноза проказы. Второй тест состоял в том, что в мочу исследуемого больного добавляли пепел сожженного леща и ждали, всплывет он или нет³.

Одним из наиболее популярных методов лечения проказы было употребление мяса гадюки, которое следовало употреблять до тех пор, пока у больного не появятся наркотические припадки, искры и бред⁴. Употребление змеиногo мяса носило мистическое

¹ Гезер. Указ. соч., ч. 1. С. 72.

² Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 67,68.

³ Attali J. Die kannibalische Ordnung: von der Magie zur Computermedizin. — Frankfurt/Main, 1981. — P. 61.

⁴ Гезер. Указ. соч., ч.1, с. 67,68.

значение, так как змеи всегда ассоциировались с потусторонними силами и вкушение их мяса наделяло якобы организм человека особыми силами. Другими методами лечения проказы в те времена были слабительные и кровопускания, которые приписывались тогда при всех болезнях.

Как мы уже указывали, больных помещали в лепрозории, а где их не было, несчастные помещались в специальные избы. Впрочем, никакого лечения они не получали и там, и там, ибо церковь рассматривала проказу, как особое испытание, посылаемое Богом и, следовательно, никакой помощи (кроме молитв и самого общего ухода) и тем более, изучения, оно и не могло предусматривать¹.

На долгие столетия проказа станет бичом западноевропейского средневекового общества. Особо неприглядным в этой ситуации было то, что именно средневековая папская церковь санкционировала столь бесчеловечное отношение к прокаженным².

Более того, она изобрела учение о причине появления проказы, согласно которому, «большинство страдающих проказой рождены не людьми учеными, блюдущими свое целомудрие в запрещенные дни и во время праздников, а неотесанными мужланами, которые не умеют воздерживаться»³.

«Начиная с Евы и кончая ведьмой конца Средневековья, тело женщины считается излюбленным местом пребывания дьявола. Сексуальные отношения запрещаются не только в специальные отрезки церковного времени (пост, кануны праздников и сами праздники), время месячных также подвержено табу: *прокаженные* — дети супругов, вступавших в интимные отношения, когда у жены была менструация. Неизбежное столкновение физиологического и сакрального приводит к отрицанию человека как биологического существа: канун праздника и пост требуют отказа от сна и приема пищи. Последствия греха выражаются в физических изъянах или болезнях. Образцовая символическая и идеологическая болезнь Средневековья, проказа (исполняющая те же функции, что в нашем обществе исполняет рак), является, прежде всего, проказой душевной»⁴.

¹ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч. 2, с. 406.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 205.

³ Гофф Жак Л. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 182.

⁴ Гофф Жак Л. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 158.

И при этом церковь ханжески учила, что для достижения святости надо лизать и целовать раны прокаженных, что делали даже, в частности, английский король Генрих III и французские Роберт I и Людовик IX¹. Хотя вместо этих внешних форм было бы надо улучшить положение самих прокаженных и отношение к ним общества.

Прокказа начинает медленно покидать Европу с XV века, вначале исчезнув в Италии, потом Франции. Сам орден Святого Лазаря после вытеснения крестоносцев с территории Палестины, распадается, перебравшись в Европу, на несколько ветвей. Одну из них в Италии папа Иннокентий VIII в 1490 году объединяет с орденом Иоаннитов, Савойская ветвь ордена объединяется в 1592 году с орденом св. Маврикия, а французская в 1607 году с орденом Кармелитов.

Изучение появления пандемии проказы показывает, что оно было прямым следствием господства средневековой папской церкви, которая, с одной стороны, сеяла невежество, делающее невозможным развитие медицины и способствовала обеднению населения, что приводило к частым голодоморам, т.е. снижению иммунитета, а с другой, самое главное, как мы уже упоминали, организации Крестовых походов, когда это страшное заболевание Востока было массово занесено в Европу².

При этом, как отмечает один из ведущих мировых историков пандемий немецкий профессор Гезер³, в необыкновенном распространении проказы в Средние века имеют и свои загадочные причины, которые не могут быть объяснены с сугубо материалистических позиций.

И действительно, проказа стала своеобразной карой средневековой церкви и средневекового общества за их дискриминацию во времена Крестовых походов имени Христа перед многочисленными народами Востока, в глазах которых христианство на многие столетия стало ассоциироваться с понятиями жестокости, ханжества и вероломства.

— Крестовые походы и инвалидизация

В ходе крестовых походов неисчислимое количество людей и, в первую очередь, молодых, которые составляли основу крестового ополчения, получило увечья, сделавших их инвалидами, что в социальных аспектах Средневековья ставило их вне обще-

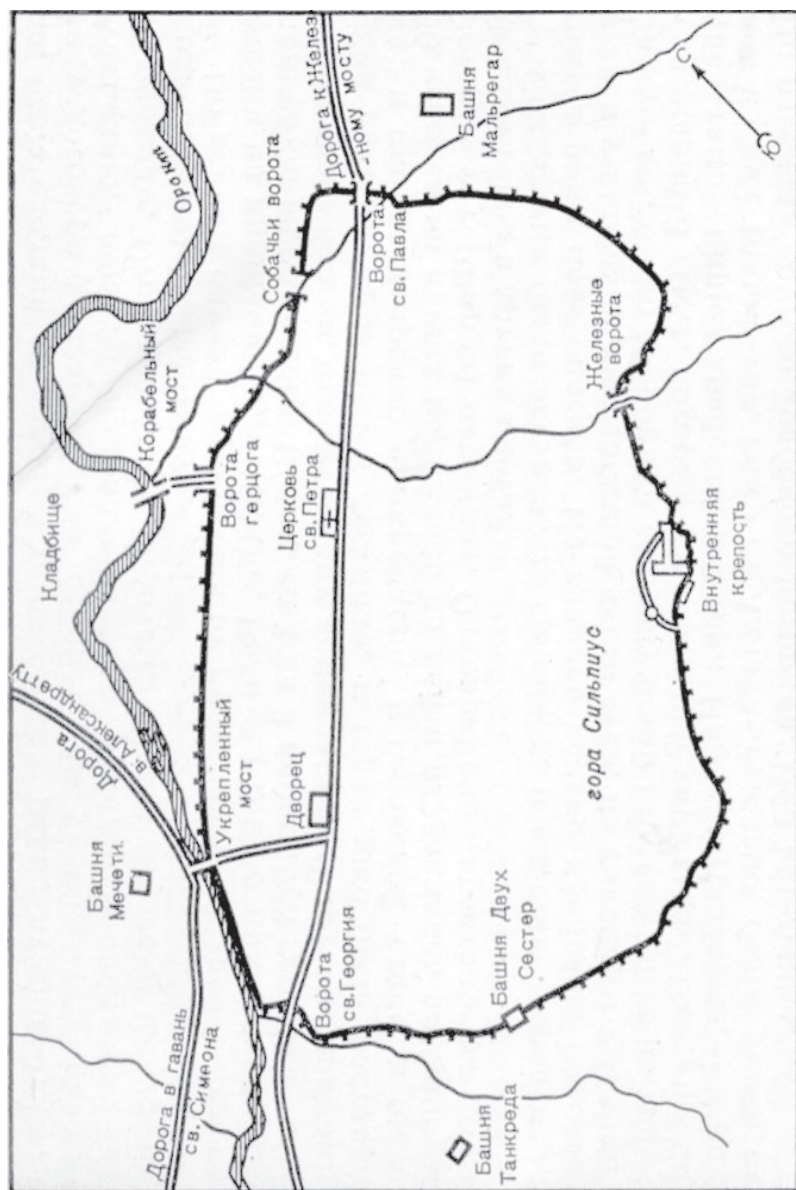
¹ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — Ч. 2, с. 406.

² Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 74.

³ Гезер. Указ. соч., ч.1. с. 76.

Истребление крестоносцами мирных жителей Антиохии

План Антиохии, 1098 г.

Гюстав Доре. Битва при Арсуфе 1192 года — крестоносцы устраивают резню сарацин

ства, обрекая в подавляющем большинстве случаев на нищету и бродяжничество.

— Крестовые походы и психологические травмы

Жестокие и бесчеловечные по своей сути Крестовые походы несли несчастья не только народам Востока, но оставляли неизгладимый след на психике самих крестоносцев, огромный процент которых после возвращения в Европу являл примеры людей с тяжелыми нервно-психическими заболеваниями, нуждающимися, выражаясь современным языком, в длительной психологической реабилитации, проведение которой, конечно же, в те времена было немыслимо в принципе. Эти люди не только были

сами психически нездоровы, но и представляли угрозу для окружающих. Так, к примеру, крестоносцы «даже грудных детей резали на куски или нанизывали на вертела и жарили в огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений»¹. Они вспарывали животы покойникам, чтобы найти там монеты»².

— Крестовые походы и изменение демографии Европы

В ходе Крестовых походов за счет гибели молодого мужского населения, как в ходе полученных ран, так и вследствие инфекционных заболеваний, значительно изменились на многие десятилетия демографические показатели западноевропейских стран.

— Крестовые походы и половые заболевания

Зверства и насилия над женщинами являли собой одну из самых мрачных сторон крестовых походов, имевших, как мы видели выше, только вид религиозного благочестия и порыва. Все эти бесчинства вылились в эпидемию различных половых заболеваний, которые крестоносцы везли в Европу, награждая ими своих новых уже европейских избранниц. С другой стороны, в самой Европе, вследствие ухода значительной части мужского населения в Палестину, «семь жен приходилось на одного мужчину»³. По всей Европе растет число публичных домов. Так только в одном Лондонском предместье было 18 публичных домов, которые служили рассадниками шанкра, гонореи, воспалений яичек, подробно описанных врачами XII века⁴.

Для решения этой демографической проблемы церковь стала широко открывать женские монастыри, которые, однако, нисколько не решили эту проблему, но еще более усугубили ее. Ибо, как показывают раскопки, обет целомудрия в монастырях соблюдался не часто. И при раскопках территорий, где некогда высились средневековые монастыри, находили целые коллекции глиняных сосудов с младенческими скелетами⁵.

— Крестовые походы и социальный аспект медицины

Попраание понятий о ценности человеческой жизни, уважении к человеку вне зависимости от его национальной, расовой или религиозной принадлежности, зверства, чинимые над стариками, детьми и женщинами, осуществленные в период Кресто-

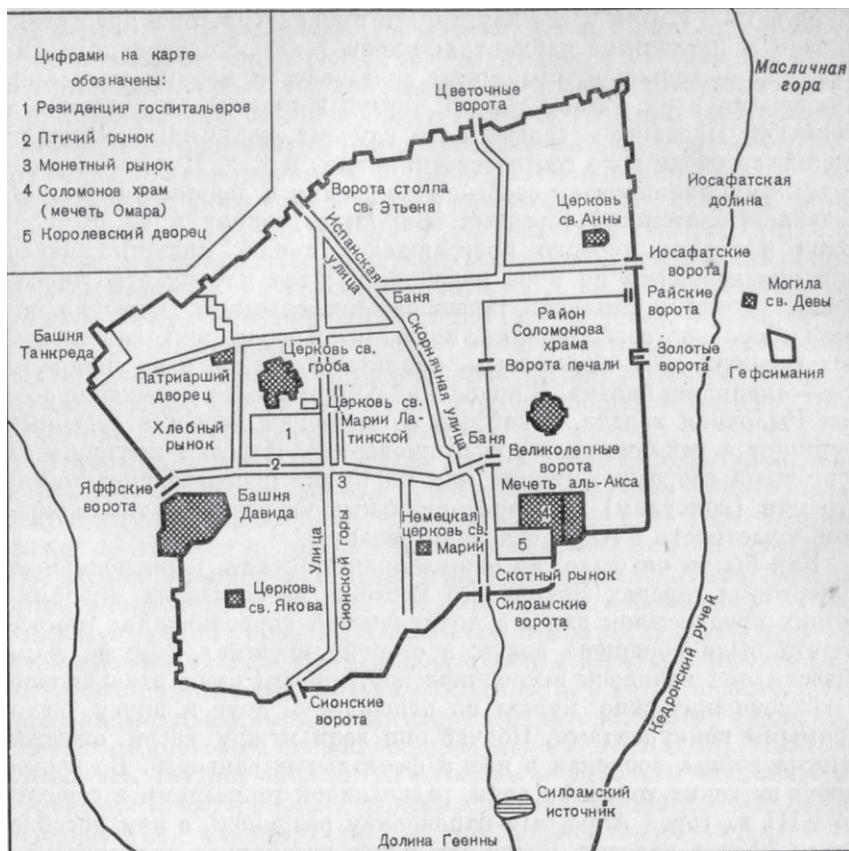
¹ Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — С. 60.

² Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — С. 123—124.

³ Ковнер. Указ. соч., с. 407.

⁴ Ковнер. Указ. соч., с. 407.

⁵ Ковнер. Указ. соч., с. 407.

План Иерусалима времен господства крестоносцев

вых походов сводили на нет самые элементарные принципы того, что сегодня мы называем социальной медициной и без которых развитие медицины, как принципиально гуманной профессии, делается невозможным в принципе.

Глава 4

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ И МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ

В основе идеи Крестовых походов, как мы рассматривали выше, лежал религиозный фанатизм и суеверия, базирующиеся на темноте и невежестве людей, взращиваемых средневековой церковью. В этой смеси фанатизма, суеверий и невежество ме-

сте — для развития медицины не могло быть и речи. Более того, Крестовые походы всем этим нанесли страшный удар и на те робкие попытки развития медицинской науки и практики, имевшие место в то время.

Именно поэтому в эпоху Крестовых походов особую популярность получают следующие методы лечения заболеваний.

— Поклонение «**нужным**» святым

В Средние века, и особенно во время и после Крестовых походов, была устойчивая вера в то, что каждый святой может помочь строго от заболевания того или иного органа. Так, к св. Агапию прибегали при заболеваниях зубов, но он не мог помочь, если человек страдал, к примеру, рахитом. Здесь нужна была уже помощь св. Обена. А вот при различных коликах надо было обратиться к св. Герману Оссерскому. При этом необходимо было положить изображение больной части тела за икону того или иного святого и исцеление было гарантировано. К XIII веку была строго регламентирована «специализация» святых по тому или иному заболеванию.

Понятно, что этими изображениями очень широко торговали храмы и монастыри, получая баснословную прибыль. Особенно богатели монастыри, которые имели вещи, принадлежащие якобы тому или иному святому, или его мощи¹. При этом людям внушалось, что для исцеления надо просто прикоснуться к мощам «эффективного» при данном заболевании святого или даже соскрести каменную крошку с его надгробий и съесть ее². Особым спросом все это пользовалось у отбывающих в дальние страны крестоносцев.

— Обереги и амулеты

Вторым направлением лечения, которое применялось в Средневековье, и получившее широчайшее распространение во дни Крестовых походов, было использование различных амулетов и оберегов, в которые помещали частички святых, крупинки святой земли, молитвы к святым. Для профилактики заболевания и вообще в качестве общего оберега необходимым считалось ношение нательного крестика.

«Привеска на клочке бумаги с таинственной абракадаброй или же заглывание ее до сих пор считалось могущественным средством. Против судорог носили в кармане медный грош, кусо-

¹ Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. — ФРГ, Biefield: GBV, 1994. — Т. 1, с. 574-575.

² Барашнев Ю.И. Паломничество в прошлое медицины. — М.: Триада-X, 2013. — С. 109.

Рыцарь ордена святого Лазаря

Тевтонский рыцарь

чек серы или ржаного хлеба. Между знаками, которые также использовались для этих целей, чудодейственным свойством обладали два треугольника, сложенные так, что они образовывали шестиугольную звезду. У магов востока эта фигура считалась изображением герба царя Давида»¹.

Популярностью пользовалось и завязывание на запястье красных нитей, символизирующих кровь.

— Минералы и камни

В эпоху Крестовых походов в Западную Европу проникает столь популярная на Востоке вера в целительную силу камней и амулетов.

«В качестве амулетов или талисманов использовались и драгоценные камни. Большая чудотворная сила приписывалась: бриллиантам, которые следовало носить на левой руке: они предохраняли от яда и злых духов; смарагду — излечивал эпилепсию; хри-

¹ Барашнев Ю.И. Паломничество в прошлое медицины. — М.: Триада-Х, 2013. — С. 105.

золиту — меланхолию; рубину — насморк; горному кристаллу — предохранял от мощенничества; молочному камню — способствовал обильному выделению молока у женщин; змеиному камню — излечивал от укусов змей; аметисту (камень винного цвета) — предохранял от пьянства; алмазу — спасал на поле брани; гранату (положенный в рот помогал в судебных тяжбах и т.д.)»¹.

В балтийских странах особой популярностью в отношении лечения пользовался янтарь. Этот камень вставляли даже в глаза умершим, веря, что после смерти он дарует зрение в потустороннем мире. Остатки таких черепов, в глазницах которых вставлен янтарь были обнаружены при археологических раскопках в Латвии².

Однако, особую силу перстням или талисманам придавали таинственные надписи и изображения, нанесенные на них. Надписи представляли собой таинственные слова, имеющие, как правило, цифровой эквивалент. Наиболее часто на талисманах изображали египетских богов и богинь, зороастрийско-иудейские символы, персидского бога Митру³. Поэтому ношение перстней было неотъемлемой атрибутикой крестоносцев. При этом, последние особую целительную силу приписывали перстням, в которые часто помещали частички мощей святых или крупинки, взятые со святой земли.

— Алхимия

Свое происхождение алхимия берет из Древнего Египта, жрецы которого занимались поиском получения золота. Познакомившись с этим, древние греки называли то, что делали египетские жрецы, химией или дословно наливанием, настаиванием. Спустя время арабы добавили к этому слову приставку ал, в результате чего и возник термин алхимия. Согласно алхимии, главная панацея от всех болезней приписывалась «философскому камню», могущему не только превращать любой металл в золото, но и исцелять от всех недугов и даже возвращать молодость⁴. Поисками этого камня и занималась одна из ведущих лженаук Средневековья — алхимия, которую в атеистические времена было принято называть проматерью современной химии, хотя она имела к ней такое же, примерно, отношение, как каннибализм к анатомии.

¹ Барашнев Ю.И. Паломничество в прошлое медицины. — М.: Триада-Х, 2013. — С. 105.

² Музей истории медицины им. П. Страдыня, Рига.

³ Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898. — С. 11—12.

⁴ Ютен С. Повседневная жизнь алхимиков в Средние века. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005. — С. 144—147.

Практически все «Лекарствоведение и врачевание в Западной Европе первоначально развивалось на базе алхимии»¹. Алхимия, по сути, занимала место и фармации². Особый всплеск алхимии отмечается в Европе во время и после Крестовых походов, когда с востока были завезены многие арабские алхимические рукописи.

Заключение

1. Крестовые походы привели к эпидемии в Европе проказы, небывалому всплеску нервно-психических заболеваний, венерических болезней, инвалидизации и изменению демографической ситуации.

2. Крестовые походы, основанные на религиозных суевериях, фанатизме и невежестве способствовали застою в разработке методов диагностики и лечения заболеваний, выдвигая вместо них мистические методики и практики.

3. Без анализа уроков Крестовых походов, с их идеей чужденостности, господства одной культуры и религии над другими, невозможно построить эффективную социально ориентированную систему здравоохранения, основанную на принципах гуманизма и духовности.

¹ Склярова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 132—133.

² Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — С. 71.

Часть VI
СИСТЕМА
МЕДИЦИНСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНИЕ
ВЕКА

Эпоха Средневековья — единственная эпоха во всей истории, характеризующаяся планомерными и небывалыми по своей жестокости гонениями на науку, причем, осуществлялось это с прямого одобрения средневековых университетов, кстати, многие из преподавателей которых сами были инквизиторами¹. Подобного планомерного гонения на науку больше не наблюдалось никогда в истории человечества².

Примечательно, что средневековые университеты, которые должны были бы способствовать борьбе со всеми этими суевериями и темнотой, не только не выступали против этого, но как раз, напротив, служили фундаментом для всего этого. Университеты того времени более напоминали не храмы знаний, а капища самых диких суеверий, хотя во главе их стояла все та же государственная христианская церковь. В советской историографии было проведено весьма много прекрасных исследований по различным вопросам средневековой медицины и средневековых университетов, ее формирующих, но объяснить этот главный феномен — ее практически полную статику, подчинение суеверным и магическим представлениям на общем фоне господствующей христианской религии, так и не удалось³.

На наш взгляд, это объясняется, в первую очередь, умалением роли и значения религиозных представлений в формировании и развитии средневековых университетов, что было вообще характерно для атеистической идеологии, а с другой стороны, — рассматривание истории медицины Средних веков в отрыве от самой истории Средневековья. Поэтому осмыслить и понять особенности медицинских факультетов средневековых университетов Западной Европы, которые, готовя будущих врачей, во многом и предопределили развитие самой средневековой медицины, можно только с учетом анализа религиозных и философских представлений, господствовавших в то время.

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. Из истории борьбы церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 150—151.

² История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 104.

³ Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011; История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954.

Глава 1

ПРИЧИНЫ И ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Как главенствующая политическая и религиозная сила Средневековья, направлявшая все аспекты жизни средневекового общества, папство к IX в. осознало, что вскормленная ей же, растущая вопиющая темнота и безграмотность, в том числе и среди духовенства¹, уже грозит самому зданию церкви, и потому стало поощрять открытие церковных школ. Поэтому, все обучение в школах было направлено на удовлетворение нужд церкви. Так, арифметика и астрономия были нужны, в первую очередь, чтобы монахи могли следить за церковным календарем с его многочисленными праздниками и датой вычисления Пасхи музыка требовалась для исполнения церковных гимнов, геометрия для строительства церковных соборов, риторика для умения составлять проповеди, грамматика для умения вести записи в церковных книгах, диалектика для рассуждения о доктринах². Примечательно, что «средневековая школа не знала возрастного ценза, дети обучались грамоте вместе со взрослыми юношами. Да и сама обстановка в школе не учитывала специфических детских интересов. В монастырской школе дети были подчинены той же дисциплинарной строгости, что и взрослые монахи (ведь Средневековье трактовало ребенка лишь как маленького взрослого)»³. Стоит также отметить, что феодалы стремились ограничить поступление и так в крайне немногочисленные школы детей крестьян. Так, в частности, «в 1391 году английская палата общин обратилась к королю Ричарду II (1377—1399) с петицией — запретить крестьянам отдавать своих сыновей в школу»⁴. Крестьяне (сервы) по представлениям Средневековья, возвращенных церковью, являются неполноценными людьми⁵.

И потому выпускники этих школ служили, в первую очередь, для нужд церкви и одновременно грамотные служители становились советниками королей, что усиливало влияние церкви на политические процессы. Примечательно, что даже и состоятельные родители отдавали детей на обучение только в том случае, если в

¹ Сидоров. Указ. соч., с. 149.

² Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 140.

³ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 103.

⁴ Там же. — С. 115.

⁵ Там же. — С. 118.

дальнейшем видели их занятыми на духовном поприще. Отдавать же на обучение детей в том случае, если их не собирались затем отдавать на служение в церковь, вообще считалось постыдным¹! В 817 г. на синоде в Аахене при непосредственном участии императора Людовика Благочестивого принимается решение о допущении в монастырские школы исключительно тех, кто в дальнейшем твердо намеревался принять монашеский постриг или уже в юном возрасте был «пожертвован» монастырю родителями². И хотя, это решение не всегда полностью применялось, так как монастыри были заинтересованы и в светских учащихся, приносящих им доход, однако, сама политика папской церкви, направленная на ограничение доступа мирян для получения образования, здесь ясно прослеживается.

Итак, церковные школы становятся первой ступенью для получения образования. При этом, в дальнейшем некоторые университеты, в частности, Парижский университет возникает в результате слияния таких церковных школ: кафедральной школы при Нотр-Даме и двух монастырских школ св. Женеьевы и св. Виктора. Однако, при этом стоит подчеркнуть особо, что школы, существовавшие при монастырях или при епископской кафедре, все же крайне редко становились основой появления будущих университетов.

Так, к примеру, в Болонье появлению университета способствовала школа искусств, а затем, основанная Ирнерием в XI веке юридическая школа³. Именно этим и будет объясняться более демократическое устройство Болонского университета и его меньшая зависимость от папства, по сравнению с другими университетами. Поэтому не случайно «папы были недовольны, так называемым, «болонским духом», т.е. духом, явно антиклерикальным»⁴.

Сходную историю имела и знаменитая медицинская школа в Салерно, возникшая без участия церкви, о чем будет сказано отдельно.

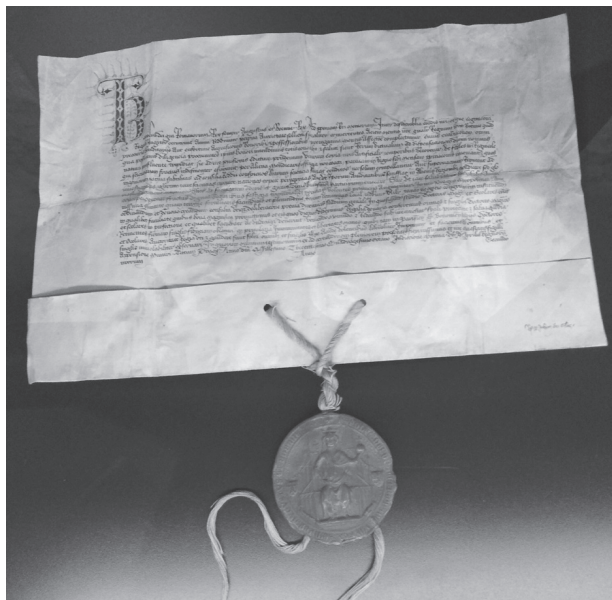
Первый же прообраз будущего университета появляется в средневековой Европе только во времена императора Карла Великого (768—814), когда им была основана придворная школа. Тогда же начинают появляться и первые, так называемые, медицинские

¹ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 527.

² Сидоров. Указ. соч., с. 152.

³ Тарле Е.В. История Италии в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 190.

⁴ Тарле Е.В. История Италии в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 191.

Грамота императора Карла Четвертого от 7 апреля 1378 г. об университете
В Праге. Музей Карлова университета. Прага, Чехия. Фото А.А. Опарина

Карлов университет. Прага, Чехия. Фото А.А. Опарина

школы. Спустя двести лет, некоторые из них постепенно преобразовываются в университеты (от лат. *universitas*, т.е. совокупность), где получали свое образование студенты (от лат. *studere*, т.е. учиться).

Первоначально термином *universitas* вообще обозначались самые различные товарищества, купеческие гильдии и цехи ремесленников, объединения людей, связанные общими интересами и имеющих особый правовой статус¹ и по аналогии с ними и высшие школы стали обозначать — *universitas magistrorum et scholarium*, т.е. корпорация преподавателей и учеников². Однако, только с конца XIV века его стали использовать применительно к академической корпорации. Средневековое обозначение высшего учебного заведения *stadium generale* (впервые засвидетельствованное в 1237 году) прилагалось к школе, пользовавшейся широкой известностью, привлекавшей учеников издалека и способной обеспечить не только преподавание «семи свободных искусств», но и, по крайней мере, одной специальной дисциплины: гражданского или канонического права, богословия и медицины. Одни из этих школ признавали университетами по обычаю как учебные заведения, постепенно сложившиеся и приобретшие известность, другие — в результате пожалования привилегии папой, императором и, в редких случаях, королем»³.

Примечательно, также, что первоначально университетом называлось не здание или место, где происходила учеба, а сообщество учителей и студентов⁴.

В Средние века университеты вообще часто кочевали с места на место, то ли вследствие политических причин, то ли эпидемий. Так, к примеру, немецкие студенты перекочевали из Праги в Лейпциг в 1409 г, Гейдельбергский университет перекочевал в Шпеер в 1491 г. и т.д.⁵. Только к XV веку термин университет приобрел наше современное значение, как здание, место проведения занятий⁶.

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 107.

² Сорокина Т.С. Атлас истории медицины. Средние века (476—1640). — М.: Изд-во ун-та Дружбы народов, 1983. — С. 96-97.

³ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 107.

⁴ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т.5, с. 339.

⁵ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 583.

⁶ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 340.

Герб Карлова университета.
Прага, Чехия. Фото А.А. Опарина

Примечательно, что и государственная средневековая «церковь» никогда не занималась развитием какой-либо христианской формы образования¹ и, тем более, формированием университетского образования. Государственная папская церковь «призывала христиан отказываться от всех языческих книг и изучать только Священное Писание. «Вам нужна история? Читайте Книгу Царств. Красноречие и поэзия? Прочитайте Книги Пророков. Лирика? Вы ее найдете в псалмах. Космология? Откройте Книгу Бытия. Законы и этика? Обратитесь к величественным законам Господа». Такие настроения со-

хранились в западных провинциях вплоть до конца VI века и далее. Папа римский Григорий Великий сделал строгий выговор галлийскому епископу за преподавание грамматики»².

Канцлер папы Григория VII Петр Дамиани называл мирские науки глупостями и пустяками, а в поучениях цистерцианского аббата Гиллеберта занятие мирскими науками называется предосудительным³. Ведущий идеолог средневековой церкви Фома Аквинский «называл стремление к познанию вещей грехом, поскольку оно не имело в виду конечной цели всякого познания, т.е. познания Бога»⁴.

При этом, «источником всех искушений, побуждавших к научным занятиям, считалась античная литература. Поэтому против нее постоянно существовало активное противодействие. Отрицательное отношение распространялось в Средние века на всю область античной литературы, так как она признавалась опасной, как для добродетели, так и для веры. От изучения была устранена не только большая часть философской литературы, но также и

¹ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. — Ростов-на-Дону: Феникс. — М.: Зевс, 1997. — С. 510.

² Там же. — С. 508—509.

³ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — С. 524.

⁴ Эйкен. Указ. соч., с. 524.

юридическая и медицинская литература древности»¹. Именно во многом поэтому Реймский собор 1131 года запретил орденскому духовенству изучение юриспруденции и медицины, Второй Латеранский собор 1139 г., Турский собор 1163 г., а также декрет папы Александра III возобновили это запрещение. Но так как орденское духовенство являлось представителем научного образования, то это запрещение равнялось общему запрещению»².

Средневековые летописи содержат четкие известия о том, что занятия наукой, которой пытались заниматься некоторые деятели церкви, оборачивалась для них, как утверждали хроники, страшными болезнями, бывшими наказаниями от Бога, вследствие чего они каялись и отказывались от занятий светскими науками³.

Все это основывалось на главенствующей в Средние века аскетическо-иерархической идее государства Божьего, которое папская церковь якобы строила здесь на земле и потому эта идея «определяла собой содержание и объем теоретических занятий наукой и искусством. Так как в государстве Божьем соединялись все цели человеческой жизни, то и занятия наукой лишь постольку оправдывались и ценились, поскольку они, так или иначе, служили выполнению этой конечной задачи. Поэтому объектом научного познания был не действительный мир сам по себе, а выраженная в нем идея церкви. Целью науки было познание открываемой в церкви религиозной идеи — это был принцип всякого научного познания»⁴.

Поэтому еще раз подчеркнем, что университеты возникают не благодаря, а как раз вопреки церковной политики в отношении образования и только видя невозможность остановить процесс образования университетов, средневековая церковь берет их под свой контроль, превращая их, как мы увидим ниже, во-первых, в рассадники суеверий, подкрепляющих ее догматы, а во-вторых, в инструменты для борьбы с ересями.

Итак, чаще «университеты возникали благодаря энтузиазму отдельных учителей, чьи диалектические навыки и притягательность формировали круг студентов повсюду, куда бы они ни отправлялись. Учитель, вдохновленный любовью к знаниям, собирал рядом с собой круг учеников, жаждущих учиться. Другие учителя следовали его примеру. Круг слушателей увеличивал-

¹ Эйкен. Указ. соч. с. 524.

² Эйкен. Указ. соч., с. 524.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 524.

⁴ Эйкен. Указ. соч., с. 523.

ся — и так, в силу внутренних потребностей, возникала постоянная школа»¹. Так, к примеру, во многом именно благодаря деятельности уже упоминаемого выше видного знатока римского права Ирнерия, послушать которого стекались студенты из многих стран, стал действовать Болонский университет, а деятельность Абеляра способствовала росту Парижского университета².

Только уже когда, по сути, университет или школа были созданы, они могли утверждаться папским или королевским указом.

Таблица 1

Первые университеты Западной Европы

Название университета	Страна	Год основания
Болонский	Италия	1158
Оксфордский	Англия	1170
Кембриджский	Англия	1209
Салернский	Италия	Официально — 1213 г., фактически с IX века
Парижский	Франция	1215
Саламанкский	Испания	1218
Падуанский	Италия	1221
Севильский	Испания	1254
Монпельесский	Франция	1289
Лиссабонский	Португалия	1290
Алькальский	Испания	1293
Пампьерский	Франция	1295
Леридский	Испания	1300
Римский	Италия	1303
Орлеанский	Франция	1306
Перуджийский	Португалия	1308

При этом, часть университетов вообще возникала стихийно, благодаря определенным политическим событиям. Так, к примеру, вследствие разногласий французских и английских королевских домов в XII веке, отношение к английским студентам в Париж-

¹ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 338.

² Кернс Э. Дорогами христианства. — М.: Протестант, 1992. — С. 193.

ском университете резко ухудшилось, что вынудило английских студентов покинуть Парижский университет и переместиться в Оксфорд, что дало начало основанию Оксфордского университета. В свою очередь, Кембриджский университет был обязан своим основанием восстанию студентов в Оксфорде и уходу части из них в Кембридж.

Примечательно, что, как видно из таблицы, все первые университеты возникают на территории Южной Европы в Италии, Испании, Португалии и Франции, и только два — на территории Северной Европы — в Англии. Это возникновение первых университетов именно на территории Южной Европы было обусловлено как влиянием высокой арабской культуры, византийским влиянием и первыми ростками научной свободы будущей эпохи Возрождения.

В дальнейшем, благодаря господству идей эпохи Возрождения, эти первые университеты Южной Европы процветают до XVI века, когда под влиянием Ордена иезуитов и решений Тридентского собора, следствием которых становится восстановление папского абсолютизма и возрождение инквизиции в ее самых крайних проявлениях, направленных на борьбу с наукой, входят на многие столетия в полосу глубочайшего застоя и безраздельного господства иезуитской схоластики¹.

Все это приводит к глубокому отставанию этих стран в научном, экономическом и культурном отношении от стран Северной Европы — Германии, Швеции, Англии, Дании, Норвегии, Нидерландов, где в это время, как раз открываются новые или коренным образом преобразуются старые университеты, освобожденные благодаря Реформации от пут папской схоластики и суеверий.

Герб Болонского университета

¹ Губер Ж. Иезуиты. Их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии. — М.: Ленанд, 2016. — С. 202, 203; Гейссер Л. История Реформации. В 3 т. — М.: Ленанд, 2018. — Т.2, с. 270—271; Шмидт К. История педагогики. В 4 т. — М.: Изд-во К.Т. Солдатенкова, 1880. — Т. III, с. 99; Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке: Инквизиция. — М: Либроком, 2017. — С. 97—98.

Глава 2

ТИПЫ И ПРИНЦИПЫ УСТРОЙСТВА СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

По своему устройству средневековые университеты можно условно разделить на два типа: Парижский и Болонский¹, имевшие ряд принципиальных особенностей.

• **Болонский университет (университет школяров, демократический)**

— Школяры нанимали преподавателей, могли с ними разорвать договоры.

— Школяры контролировали расписание занятий, осуществляли надзор за преподавательской деятельностью.

— Школяры могли быть избраны ректорами.

— В основе устройства университета система гильдий.

Таким образом, «Болонский университет представлял собой студенческую организацию, возникшую для защиты интересов приезжавших в город студентов правоведов. Несмотря на протесты преподавателей и городских властей, студенческие гильдии постепенно присвоили себе руководство всей университетской жизнью. Преподаватели не только не могли голосовать на университетских собраниях, но самый учебный процесс протекал под строжайшим надзором студенческих властей, и за нарушение профессора подвергались штрафам»².

• **Парижский университет (университет учителей, аристократический)**

— Все управление находилось в руках магистров.

— Школяры не могли быть избраны ни на какую должность.

— В подавляющем большинстве и преподаватели, и школяры были лицами духовного сословия.

— В основе устройства университета цеховая система.

В отличие от Болонского, «Парижский университет, напротив, сложился как организация преподавателей...студенты не могли голосовать, ни участвовать в дискуссиях на университетских собраниях»³. К тому же, огромную власть в Парижском университете имел епископ и его представитель канцлер⁴.

¹ Суворов Н.С. Средневековые университеты. — М.: Ленанд, 2014. — С. 6—9; Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 107.

² Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 107.

³ Там же. — С. 107, 108.

⁴ Там же. — С. 108.

Болонский университет

Лекция в Болонском университете. Саркофаг профессора медицины Микеле Бергалиа. 1328 год

Практически все средневековые университеты следовали в своем устройстве по одному из указанных типов или совмещали в различной степени эти особенности, как примеру, университеты в Пизе, Флоренции и Павии. Власть в них была разделена между студентами, преподавателями и муниципальными властями¹.

Примечательно, также, что по принципу своего устройства одни средневековые университеты строились по принципу цеховой системы, а другие по принципу гильдий².

Таблица 2

Принцип устройства средневековых университетов по типу цеховой системы

Ремесленный цех	Университет
Ученик	Школяр
Подмастерье	Бакалавр
Мастер	Магистр (доктор)

Принцип устройства средневековых университетов по типу гильдий

Он представлял собой ассоциацию чужеземцев, озабоченных изысканием средств для спокойного существования на чужбине. При этой системе университет стоял вне городской общины, но подчиняясь при этом ее законам.

• Сходство между учителями и учениками

Рассматривая структуру и особенности средневековых университетов, стоит подчеркнуть, что в них имелось много общего между учителями и учащимися³.

— И учителя, и ученики были в основном лицами духовного звания.

— Ученики могли быть старше по возрасту своих учителей.

— Жили в одних и тех же общежитиях.

— Участвовали вместе в кутежах.

— Бакалавр, с одной стороны, учился у магистра, а с другой — преподавал у ученика.

• Подотчетность Средневековых университетов

В отношении своей подотчетности средневековые университеты делились на три группы.

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 108.

² Суворов Н.С. Средневековые университеты. — М.: Ленанд, 2014. — С. 7—8.

³ Там же. — С. 10.

— Болонский, как и другие итальянские университеты, был городским университетом, подчиненным городскому правительству.

— Парижский университет был канцлерским университетом, возникшим под полным контролем церкви¹.

— Неапольский университет основан в 1224 г. императором Фридрихом Вторым и был первым королевским университетом.

● Структура и административное деление средневековых университетов

Средневековые университеты имели довольно четкую структуру и административное деление по нациям и факультетам².

— Нации университетов (землячества)

В каждом из университетов были различные нации в зависимости от географического расположения того или иного университета. Наиболее частыми в университетах были: галльская, английская, пикардийская и норманнская нации.

Образовались нации (землячества) для взаимной поддержки земляков, и во главе их стоял прокуратор.

— Факультеты университетов

— Теологический.

— Юридический.

— Медицинский.

— Искусств.

Факультеты управлялись деканами и имели широкое самоуправление и полномочия. Первые факультеты появились в Парижском университете около 1231 г.

— Управление университетом

Управление университетом сосредотачивалось в руках ректора (канцлера в Оксфорде и Кембридже), деканов и прокураторов. При этом высшая власть принадлежала собранию докторов и магистров, созываемом ректором.

— **Ректор.** Ректор (в пер. с лат. управитель), назначаемый и оплачиваемый либо церковной властью, если университет был основан церковью, либо светской, если университет был основан по королевскому приказу, должен был принадлежать к духовному сословию, обязательно соблюдая обет безбрачия³. Ректор избирался или собранием докторов или представителями студен-

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 108.

² Суворов Н.С. Средневековые университеты. — М.: Ленанд, 2014. — С. 33, 44-45.

³ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 581.

тов, которые также могли быть избраны на эту должность или по смешанной системе. Утверждался ректор в подавляющем большинстве университетов римским папой.

— **Канцлер.** Первоначально канцлер был церковным секретарем, который печатью скреплял церковные грамоты и документы. Затем канцлер стал представителем епископа в университете, выдавал лицензии на должности преподавателей, и со временем в его руках оказалась судебная власть. В Парижском университете канцлер, а через него церковь, осуществляла жесточайший контроль за университетом. Затем во многих университетах канцлер становится представителем самого папы, а в некоторых (Кембридж, Оксфорд) — главой университета. В Оксфорде канцлер стал выбираемой должностью¹. Имело место противостояние между канцлером и магистрами за власть в университетах².

— **Деканы.** Декан (от латинского — десять) выбирался чаще на полгода или год из среды факультета и по сложении полномочий обязан был дать отчет. Факультеты имели весьма широкие полномочия (собственная касса, печать, управление своим имуществом, строительство для себя зданий, избрание должностных лиц, представления канцлеру кандидатов на ученые степени). Факультет имел свой совет, состоящий из докторов, магистров, а иногда и бакалавров.

— **Прокураторы** (главы наций — землячеств). Со временем, к концу XV века теряют свой вес в системе управления университетом.

Глава 3

ОБЩАЯ СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Первые университеты имели четыре факультета (от лат. *facultas*, т.е. способность, талант): подготовительный или искусств и три основных — теологический, юридический и медицинский. Вообще сам термин факультет был введен папой Григорием IX для обозначения различных специальностей в Парижском университете³.

¹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 108.

² Суворов Н.С. Средневековые университеты. — М.: Ленанд, 2014. — С. 29—31.

³ Сорокина Т.С. Атлас истории медицины. Средние века (476—1640). — М.: Изд-во ун-та Дружбы народов, 1983. — С. 99.

Основа подготовки студентов, которая господствовала в течение всего средневекового периода, была разработана Мартианом Капеллой в 425 году и была приспособлена к нуждам государственной христианской церкви. Затем эта система подготовки была поддержана Кассиодором, Исидором Севильским и Алкуином, и дожила до конца Средневековья¹.

Первым, обязательным для всех был подготовительный факультет, где изучались семь свободных искусств, овладение которыми разбивалось на две программы: *trivium* (трипутье) и *quadrivium* (четырепутье).

В первую *trivium* (трипутье) входили грамматика, риторика и диалектика, по изучению которых студент сдавал экзамен и получал степень бакалавра искусств. Первоначально по плану Капеллы эта система предметов должна была обеспечить обучение духовенства ораторскому искусству, которое было необходимо для эффективного проповедования доктрин церкви². Вообще идеологии средневековая церковь всегда будет уделять видное место.

После этого он приступал ко второй программе *quadrivium* (четырепутье), которая в себя включала: математику, геометрию, астрономию и музыку. Первоначально по плану Капеллы она предназначалась для умения определения дат религиозных празднеств, которые играли виднейшую роль в средневековой жизни и богословии³.

По ее изучению студент, сдав экзамены, получал степень магистра искусств. Только после этого он мог приступить к обучению на одном из основных факультетов.

Обучение самой медицине состояло из трех курсов: практическая медицина, медицинская философия и медицинская астрология — ятроматематика. Последний курс включал в себя обучение составлению гороскопов, по которым выясняли, вследствие какого расположения звезд у человека сформировалось то или иное заболевание, что звезды говорят о течении болезни и о ее прогнозе⁴. Эти гороскопы составлялись на основании большого количества математических формул, что придавало этому предмету научную видимость, как, впрочем, и современные астрологии и эзотерики обставляют свои прогнозы под видом якобы математических расчетов. Примечательно, что в XV веке в Болонском

¹ Лависс Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. — СПб.: Полигон, АСТ, 1999. — С. 628.

² Кернс Э. Дорогами христианства. — М.: Протестант, 1992. — С. 193.

³ Там же. — С. 193.

⁴ Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — С. 65.

Альд Мануций (1449-1515) – основатель типографской династии Альдов

университете медицинскую астрологию преподавал украинец по происхождению Юрий Дрогобыч (Георгий Котермарк).

В среднем обучение на собственно медицинском факультете продолжалось 4–5 лет. Первые два года изучалась Первая и Вторая книга «Канона врачебной науки» Авиценны и комментарии к произведениям Гиппократ и Галена. Каждые две недели производились, так называемые, малые диспуты, на которых студенты должны были отвечать профессору по прочитанному ими материалу. Причем эти ответы должны были состоять из цитат из произведений Гиппократ, Галена, Авиценны и отцов церкви. Дважды в год проходили, так называемые, большие диспуты, на которых студент отвечал по тому же принципу цитирования, уже в присутствии декана и всех студентов факультета.

По их успешной сдаче студенту присваивалась степень бакалавра. При этом он должен был принести клятву, что не будет никогда заниматься хирургией¹!

На третьем году изучалась Третья книга «Канона врачебной науки» Авиценны. На четвертом — Четвертая и Пятая книга «Канона» Авиценны, афоризмы Гиппократ, хирургия, анатомия и рецептура. На пятом году обучения шли практические занятия под руководством врача и упражнения в диспутах². По его окончании студенту присваивалось звание — лиценциата. И только наиболее крупные университеты обладали правом после прохождения дальнейшего обучения присваивать звание — доктора.

Сам срок обучения не ограничивался. Студенты могли переходить из одного университета в другой. При этом число самих студентов было невелико, обычно до десяти на факультете³. Откуда берет, кстати, и свое происхождение слово декан (от лат. *decem*, т.е. десять), который первоначально выбирался из среды учеников для управления ими. Однако периодами общее число

¹ Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — С. 65.

² Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1–2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 582.

³ Мультановский. Указ. соч., с. 68.

студентов в средневековых университетах достигало до значительно больших цифр (к примеру, до 12000 студентов в Париже в XIV в., в Праге при Карле IV — 7000 студентов¹, что, в основном, было связано с появлением в университете популярного профессора. Так на лекции великого реформатора и просветителя Англии Джона Уиклифа собиралось до 3 тыс. студентов².

Заниматься в средневековых университетах можно было с 14 лет, однако, возраст студентов, особенно вначале, как правило, был средний, и они были в основном выходцами из знатных семейств, будучи либо лицами высокого духовного звания, либо дворянами. Но затем он существенно помолодел. Студенты университетов, в зависимости от национальностей, делились на землячества³. Понятие профессор (в пер. с лат. знаток) пришло из Древнего Рима, но закрепилось в средневековых университетах только к XV веку, когда так стали называть преподавателей, причем, как магистров, так и докторов.

Ученых степеней в средневековых университетах было три: бакалавр (помощники ординарных профессоров, не имели права на самостоятельную врачебную практику), лицензиат (мог практиковать, как врач под надзором врача) и магистр (позднее вошло в употребление понятие доктор медицины) медицины, имевший право на врачебную практику⁴.

Примечательно, что первоначально зарплата преподавателей была весьма неустойчивой, поскольку зависела от студенческой платы. И только преподаватели крупных университетов, к примеру, Парижского или Болонского, могли чувствовать себя уверенно. Впервые введение жалованья для преподавателей было введено в начале XIII века в кастильском университете в Паленчии⁵. Однако, и потом колебания в жалованьях в различных университетах были весьма существенны.

Основой преподавания была лекция⁶, представляющая собой объяснение того или иного текста трудов Платона, Аристотеля или Галена. Лекции начинались обычно рано, так в Парижском университете профессора начинали читать лекции в 6

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 583.

² Шафф. Указ. соч., т.5, с. 344.

³ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 341.

⁴ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 583—584.

⁵ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 110.

⁶ Мейнер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 230.

утра¹. При этом студенты во время чтения лекций сидели обыкновенно на полу, а зимой на соломе. Обычно лекций было две-три в день².

При этом, «официальная университетская медицина сводилась к изучению текстов и словесным диспутам³, в ней не было места клиническому наблюдению и пониманию процессов, происходящих в организме человека. Тесно связанная с богословием в области «теории», а на практике ограничивающаяся применением слабительных, клизм и кровопусканий, медицина была, как правило, бессильна помочь больному»⁴. Недаром один из выдающихся поэтов Средневековья Петрарка писал: «Я ненавижу пустомелей, которые, будучи не столько вооружены, сколько нагружены и опутаны жалкой схоластикой, умеют только трещать, но не лечить, от чего они просто невыносимы для здоровых и смертельно опасны для больных»⁵.

При этом стоит особо подчеркнуть, что в силу безраздельного господства церковной идеологии, подчинившей себе университеты, медицинские факультеты во всех университетах (кроме Салернского, на что были особые причины, которые мы рассмотрим ниже) занимали второстепенное положение. Так, в Парижском университете «медицинский факультет до начала XVI века занимал второстепенное положение. Тоже относится и к очень древним испанским, португальским и английским высшим школам: Валенсии, Саламанке, Лериде, Лиссабону, Коимбре, Оксфорду, Кембриджу»⁶. «В других старейших немецких высших школах изучение медицины находилось в более или менее жалком состоянии. Вена (1382 г.) имела в начале только трех медицинских профессоров, Гейдельберг (1365 г.), Тюбинген (1477 г.) — только двух, Грейфевальд (1456 г.) — лишь одного»⁷.

Хотя университеты и имели определенное внутреннее самоуправление, но оно не могло пошатнуть власть над ними средневековой церкви. Языком обучения в университетах, как и официальным языком средневековой государственной церкви, был ла-

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 581.

² Ковнер. Указ. соч., с. 581.

³ Мейнер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 230.

⁴ Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. — М.: Медицина, 1990. — С. 139.

⁵ История медицины: Материалы к курсу истории медицины //Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 141.

⁶ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 150.

⁷ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 150.

тинский язык. Преподавание в средневековых университетах не только не отличалось четкостью программ, но и сопровождалось весьма частыми кровавыми распрями, как между студентами различных национальностей, так и между студентами и горожанами, что приводило нередко к необходимости закрытия университета на какое-то время (13, с. 634—635). Жизнь значительного числа студентов отличалась крайне низкой нравственностью¹.

Одновременно с этим университеты постоянно сотрясали и различные, порой, самые абсурдные идеи, которые начинали преподавать те или иные доктора и магистры, к чему их толкала в основном крайне туманная схоластическая философия, которой они запутывали не только самих студентов, но и сами себя.

Вместе с тем, в условиях мрачного Средневековья университеты были фактически единственным местом, где можно было хотя бы думать, и потому некоторые из них стали плацдармом для новых идей, подготовивших Великую Реформацию².

Глава 4

ПРИНЦИПЫ ПРЕПОДАВАНИЯ НА МЕДИЦИНСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Главенствующей философией средневековых университетов, на которой строились все принципы преподавания в нем, была схоластика (от греч. *schole* — школа, место, где учатся). Изначально схоластами называли учителей при дворе императора Карла Великого (768—814) или при дворцовой школе. Позднее так стали называть ученых, которые использовали философию при изучении религии. Ибо вследствие того, что в христианство со времен императора Константина Великого все более и более вкрадывались языческие верования, догматы и представления, вместе с ними вошла и языческая философия, при помощи которой государственной церкви было необходимо обосновать те самые языческие учения, которые они ввели в христианство. Так при помощи языческой философии стали обосновывать нахождение в христианстве языческих верований и догматов³.

Таким образом, схоластика — это хитросплетенная логика, при помощи которой обосновывалось церковное средневековое

¹ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 344.

² Шафф. Указ. соч., т.5, с. 345.

³ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. Из истории борьбы церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 150—151.

учение¹. Основу схоластической философии составили многократно преобразованные и исковерканные труды (учение) Аристотеля вместе с комментариями, составленными магометанскими и еврейскими учеными². «Философия, возникшая из таких источников, вступила в такое же тесное соединение с господствующей теологией и развилась в орудие иерархии, господствовавшее с деспотической властью над всеми областями духовной жизни. Перевес, который схоластика доставила диалектике, доведенной в школах евреев до высочайшей тонкости, очень скоро привел к тому, что место мышления заняла пустая игра «понятиями», вместо которых весьма — кстати или некстати — ставились лишь слова. И в этом отношении схоластическая философия распространяла в течении многих веков свое роковое влияние на естествознание и медицину»³.

Таблица 3

Сравнительная характеристика евангельского и схоластического учения

Учение Евангелия	Учение схоластов
1. Есть Единый Бог	1. Есть Бог и святые
2. Не поклоняйся никакому изображению	2. Поклонение иконам и статуям
3. Прощает только Бог, Посредник между Богом и людьми Один — Иисус Христос	3. Прощение через священников, как посредников между Богом и людьми
4. Прощение Бог дает бесплатно	4. Человек спасается добрыми делами и за исповедь надо платить
5. День Господень — суббота	5. День Господень — первый день недели — воскресенье
6. Душа не бессмертна	6. Душа бессмертна
7. Богинь нет	7. Культ девы Марии
8. Богу Богово — кесарю кесарево	8. Государственная церковь
9. Главное в христианстве — изменение характера человека	9. Главное — строго выполнять религиозные обряды

Более того, богословие должно было исследоваться не с библейской, а философской точки зрения. Библейское учение и от-

¹ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 156.

² Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 157.

³ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 157.

кровение схоласты желали систематизировать с помощью аристотелевской логики¹. Одновременно с этим, потеряв живую связь с Богом, средневековая государственная церковь пыталась обосновать свои догматы и чисто рационалистически, пытаясь продемонстрировать при помощи языческой философии, что вера разумна. Это их цель несколько напоминала то, как в период дарвинизма та же государственная церковь попыталась совместить эволюцию и веру в единое целое.

Третьей причиной появления схоластики стала крайняя популяризация в эпоху Средневековья под влиянием тех же языческих верований, всего оккультного и мистического. И потому средневековые монахи стали искать в Библии скрытые мистические знания, которые они и пытались открыть с помощью языческой философии и представлений. Потому-то практически учения всех средневековых языческих орденов и, в первую очередь, доминиканцев и францисканцев пропитано мистикой². Поэтому неслучайно, что ведущие схоласты Средневековья, такие, как Фома Аквинский и Альберт Великий были или доминиканцами, или, как Вильям Оккамский и Бонавентура — францисканцами.

● **Схоластика и медицина**

Как же учение схоластики проявлялось применительно к медицине?

— **Дедуктивный метод познания мира**

Сутью схоластики был **дедуктивный метод** познания мира. Его суть состояла в том, что сам принцип познания шел не от изучения от частного к общему, как при **индуктивном методе**, т.е. когда изучение отдельных явлений или фактов, осуществление ряда открытий дает возможность прийти к определенным обобщающим выводам и открытиям, а наоборот, когда анализ существующих знаний и их комбинация, обобщение дают знания об отдельных предметах и фактах. Такими незыблемыми существующими знаниями об окружающем мире, и медицине, в частности, принятыми в средневековой церкви, а значит, и в науке, которая находилась под полным контролем церкви, были труды авторитетов Аристотеля, Платона и Галена³. Таким образом, ничего открыть нового, выходящего за рамки работ этих ученых древности, было невозможно в принципе! Именно в ссылках на авторитеты, а не в наблюдениях, усматривают в средневековой медицинской науке доказательства всего. Более того, сам способ доказа-

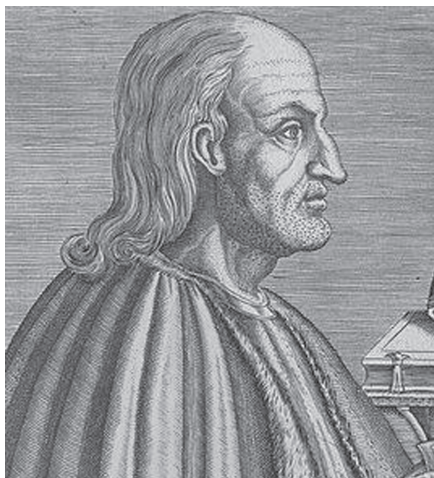
¹ Кернс Э. Дорогами христианства. — М.: Протестант, 1992. — С. 184.

² Там же. — С. 185.

³ Мейнер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 230.

Альберт Великий

Ансельм Кентерберийский

тельств, благодаря авторитетам, получает характер истины¹. Поэтому церковь открыто и объявляла любые научные или технические новшества грехом². Более того, изобретать, что-либо новое считалось безнравственным³.

Поэтому неудивительно, что «медицинская литература схоластического периода имеет в настоящее время почти один библиографический интерес. Ибо относящиеся сюда сочинения содержат большей частью хитросплетенные определения и диалектические разборы основных положений медицины или бесконечные разъяснения гиппократовских, галеновских и арабских учений. Даже немногие наблюдения и фактические сообщения теряются в неудобоваримых теориях и пустых умозрениях»⁴. «Ничтожный интерес возбуждают и компендии (руководства), выпшедшие в схоластическом периоде»⁵.

— **Отрицание экспериментальной науки.** Исходя из принципов дедуктивного метода, надобности в эксперименте, как с одной стороны, подтверждения старых фактов или получения новых данных, не было. Схоластика утверждала, что «несовер-

¹ Мейнер-Штейнер, Зудгоф. Указ. соч., с. 230, 231.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 303.

³ Там же. — С. 303.

⁴ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 158.

⁵ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 159.

шенные инструменты не могли соперничать с доводами разума. Это характерно для всей средневековой науки. Наука понималась, главным образом, как знание дедуктивное. Именно поэтому науки экспериментальные не имели внутреннего импульса к развитию. Средневековая наука представляется, прежде всего, как интерпретация уже разработанной традиции, как комментарий текста и герменевтический опыт, который распространялся на все области знаний»¹.

Ибо, старые факты, отраженные в трудах ученых античности, были незыблемыми в принципе, а новые не могли в принципе появиться. А без эксперимента развитие медицинской науки не возможно. Поэтому, как верно отмечает выдающийся историк медицины проф. К. Зудгоф в Средние века «естествознание и врачебное искусство оторвались от опыта и плавали по морю»².

— **Смещение научных представлений с оккультизмом и магией.** «Традиционная наука античности тесно переплеталась с астрологией, магией, алхимией, разного рода оккультными знаниями, составлявшими неотъемлемую часть средневекового мышления и опыта. Корни этого явления уходят в позднюю античность, когда идеи неоплатонизма, широко распространившиеся в духовной жизни позднеримского общества, выработали и отношение к научному знанию... Такое смещение религиозной мистики, магии и точных наук, вероятно, и не могло вызвать к жизни новые формы познания окружающего мира. С этим связано все укреплявшееся представление о совершенстве достижений античности. Уже в первые столетия новой эры наука начинает приобретать герменевтический характер, подводит итог, инвентаризируется в ряде компендиев, справочников, исагог и других компиляций, каковыми были сочинения Птолемея, Никомаха, Галена. Формы осмысления окружающего мира, сложившиеся в позднеантичный период, оказались настолько устойчивыми. Математика нередко предстает в форме неопифагорейской мистики чисел, астрономия переплетается с астрологией, ботаника, минералогия, алхимия, медицина — с герменевтической традицией»³.

Так, к примеру, обосновывала схоластика и роль темных сил в формировании заболеваний. Так, она учила, что «демонам никак нельзя отказывать в способности проникать в тело и нарушать его

¹ Культура Византии XIII — первая половина XV в. — М.: Наука, 1991. — С. 368.

² Мейнер-Штейнег, Зудгоф. Указ. соч., с. 231.

³ Культура Византии XIII — первая половина XV в. — М.: Наука, 1991. — С. 368, 369.

физическое благосостояние, а через посредство телесных органов расстраивать и психические функции»¹. Схоластика учила, что возможны интимные отношения женщин с демонами, и что от этого союза могут родиться дети².

Кстати, все эти пагубные неплатонические идеи хлынули в Европу и, в первую очередь, Италию из Византии, дав особый толчок в развитии языческих идей Возрождения³, которые, в конечном счете, и похоронили все позитивные начатки развития науки в Южной Европе, и, в частности, работе медицинских факультетов итальянских университетов.

— **Знание можно получить только через мистическое откровение.** Схоластика учила, что знания даются только путем мистического откровения. «Материя — основа всякого естественнонаучного исследования, определенная — не могла дать истинного знания. Такая посылка определяла и средства познания, которые лежали за пределами разумного или чувственного восприятия: подлинное знание возможно только через откровение, поэтому теургия и магия приобретали все более реальную силу. У Порфирия, и в еще большей степени у Ямвлиха всякое научно-рациональное отношение к реальному миру тонет в оккультной практике и религиозных фантазиях, а математика предстает в виде числовой символики, элементы которой идентифицируются с гипостатическими конструкциями познаваемого мира»⁴. Таким образом, исходя из этой философии, научные исследования теряли какой бы то ни было смысл.

— **Изучение только того, что имеет непосредственное отношение к духовному спасению человека**

Базовый принцип средневековой схоластической философии, на котором зиждилось все здание средневекового общества, провозглашал необходимость изучения только того, что имеет отношение к духовному спасению человека, его пути, восхождения к Богу, то же, что не имело к этому отношения, считалось также не нужным в принципе⁵. Поэтому медицина, призванная изучать внутреннее устройство человека, совершенно не вписывалась в эту базовую предпосылку.

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. Из истории борьбы церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 113.

² Там же. — С. 112.

³ Культура Византии XIII — первая половина XV в. — М.: Наука, 1991. — С. 369, 370.

⁴ Там же. — С. 368—369.

⁵ Эйкен. Указ. соч. с. 543.

В своих научных исследованиях схоласты стремились не к научным открытиям в принципе, а к обоснованию уже известных в науке понятий, при этом, даже не анализируя, а действительно ли они вообще верны.

Так, к примеру, схоластика, изучая вопросы, из чего состоит плоть ангелов и демонов, считала, что «эту плоть они созидают для себя, сгущая атмосферу — добрые ангелы в высших, особенно чистых ее слоях, злые же в нижних — и прибавляя кое-какие элементы из водяных паров и из земли»¹.

Средневековая государственная церковь стремилась объединить весь мир и политически, и религиозно, и философски под своим началом. И именно этой цели и служила схоластика. Хотя схоластами и провозглашалось, что вера и рассудок не противоречат друг другу, в ее основе лежал принцип, что мысль должна быть подчинена догмату веры. Причем, этот догмат вырабатывается государственной церковью.

При этом, некоторые мыслители Средних веков видели всю пагубность схоластики. Один из них, англичанин Роджер Бэкон

Вильям Оккамский

Фома Аквинский

¹ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. Из истории борьбы церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 111.

(род. 1215 г.), неординарная и во многом противоречивая личность, проведенная по навету францисканского ордена в тюрьме долгие годы, был глубоко «проникнут убеждением, что схоластика погубила всю современную ему науку. Возрождение последней может удасться лишь тогда, когда исследование возвратится к источникам, в языкознании — к греческому и идиомам Востока, в теологии — к Священному Писанию, в естествознании — к математике и опыту»¹.

● **Виды схоластических учений**

В схоластике существовали три основных направления: реализм, умеренный реализм и номинализм.

— **Реализм.** В основе реализма лежал принцип философии Платона, согласно которому универсалии (или идеи), например, истина, красота существуют независимо от индивидуальных поступков человека. К примеру, злой поступок — это тень, отражение реального зла, которое существует реально независимо от этого деяния. В связи с этим Платон призывал основательно исследовать глубинные реальности, существующие в нашем мире. Потому один из основателей реализма Ансельм Кентерберийский говорил: «Верю, чтобы знать». Согласно этому взгляду, к примеру, бытие Бога доказывалось следующим космологическим методом. Человек в жизни пользуется многими благами, которые являются отражением извечного Всевышнего блага, т.е. Бога. Или бытие Бога доказывалось дедуктивным методом, который говорил о том, что раз в сознании каждого человека есть представление о совершенном высшем Существо, то должна быть и сама реальность, которую оно отражает.

— **Умеренный реализм.** В основе умеренного реализма лежала философия Аристотеля, который говорил, что универсалии (идеи) существуют не отдельно от индивидуальных вещей, а в их сознании. Согласно этому учению, реальность вначале существовала в сознании Бога, а затем в сознании человека. Так, в понимании умеренных реалистов жертва Христа была принесена не для того, чтобы искупить грех, а для того, чтобы поразить людей любовью Бога и тем самым морально повлиять на них. Исходя из этого, Фомой Аквинским было разработано учение, что церковное таинство является источником благодати. Т.е., к примеру, неважно, исповедал свой грех человек или нет, исправил ли свои ошибки, само по себе вне зависимости это всего этого таинство причастия освобождает его от грехов. И, в свою очередь, даже ис-

¹ Гезер Г. Основы истории медицины. — Казань: Изд. Н.А. Ильющенко, 1890. — С. 161.

правив свой грех и покаявшись, человек, не получив от церкви причастия, не мог ни на что рассчитывать. Это учение весьма укрепляло авторитет и власть средневековой церкви, без которой получить оправдание и спасение становилось невозможным.

Идеи реализма ставили на первый план организацию, а на второй — человека. Сторонники умеренного реализма утверждали и «превосходство церковного авторитета над разумом, чем платоники (сторонники реализма) еще более утверждали обратное положение. Исходя из лежавшей вне сферы человеческого разума сверхъестественной идеи христианского искупления, церковь являлась необходимой посредствующей инстанцией между Божеством и человеческим разумом»¹. Именно это и нужно было средневековой папской церкви для обоснования своего авторитета. И эта философия умеренного реализма вела «к установлению миродержавной власти церкви. Представление о последней, как об источнике всякой истины, было конечной целью средневекового философского умозрения»².

— **Номинализм.** В основе номинализма лежал принцип, что универсалии (идеи) существуют после сотворения вещей и не имеют объективного существования вне сознания. К примеру, честность — это просто обобщенная идея, которую человек извлекает из понятия честности в данный момент. Номиналисты говорили, что надо просто верить без участия рассудка, ибо все равно доказать библейские откровения рационально нельзя. Поэтому номиналисты четко разделяли сферу научной истины и сферу богословской истины, что привело, в конце — концов, к противопоставлению науки и веры вообще.

В отличие от реализма, номинализм на первое место ставил человека. И потому исходом номинализма стал, с одной стороны, Ренессанс, провозгласивший независимость человека и возможность построения без Бога счастливого общества на земле, выродившийся затем в материализм, а с другой — мистицизм, утверждавший, что человек может прямо попасть в присутствие Бога.

Примечательно, что в Западной Европе до 1050 года господствовал реализм, с 1150 по 1300 г.г. умеренный реализм, а после 1300 г. номинализм³, что хорошо иллюстрирует постепенную секуляризацию отступившей от принципов Евангелия государственной церкви.

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 540.

² Эйкен. Указ. соч., с. 541.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 533.

Сравнительные особенности этих трех направлений схоластики могут быть представлены в следующей таблице, разработанной Э. Кернс и дополненной А. Опариным.

Таблица 4

Сравнительная характеристика основных схоластических учений

Виды учения Характеристика	Реализм	Умеренный реализм	Номинализм
Представители	Ансельм Кентерберийский (1033—1109), Петр Ломбардский (1100—1160)	Абеляр (1079—1142), Альберт Великий (1193—1280), Фома Аквинский (1225—1274)	Вильям Оккамский (1285—1347), Роджер Бэкон (1214—1292)
Отношения между разумом и верой	Верю, чтобы знать	Знаю, чтобы верить	Верю, независимо от знания
Существование идей (универсалий)	Появление универсалий до вещей	Универсалии в вещах	Универсалии после вещей
Последователи	Евангельские церкви	Католическая церковь	Представители Ренессанса

Основными принципами преподавания в средневековых университетах, базирующихся на схоластической философии, были следующие.

• **Принципы преподавания на медицинских факультетах средневековых университетов**

— **Заучивание наизусть трудов Платона, Аристотеля, Галена и других древних авторов**

Примечательно, что основой для преподавания в открывающихся университетах средневековая государственная церковь берет труды языческих философов! Не христианских богословов, ни отцов церкви, а языческих философов. И почему-то именно этих, а не каких-либо других языческих философов. Многих исследователей весьма удивлял этот выбор правящей церкви.

Однако сделан он был крайне продуманно с ее стороны. Дело в том, что в трудах этих языческих авторов лежали основания ведущих учений средневековой церкви, которые вошли в нее в результате реформы императора Константина, превратившего христианство в государственную религию империи и объединившие

го ее учения с языческими верованиями, дабы удовлетворить и не раздражать языческую часть населения своей державы.

Одним из базовых языческих верований, вошедших в ходе этой реформы в христианское учение, стало учение о бессмертии души. Это учение, на основании древнеегипетской религии, было детально разработано древнегреческим философом Платоном в его произведении «Тимей». Платон писал, что у человека есть пневма — бессмертная божественная душа¹.

Причины болезней Платон видел в наказании, ниспосылаемом небом, и потому для лечения болезней, как мы уже рассматривали выше, согласно учению Платона, требовались только совершение религиозных обрядов и песнопения².

Это как нельзя лучше отвечало притязаниям государственной средневековой церкви, желавшей, чтобы люди обращались только к ней по любому вопросу, и тем более, по такому важному вопросу, как болезнь. Чтобы они именно в ней видели своего единственного исцелителя.

В философии ученика Платона Аристотеля учение о бессмертии души было более развито³ и одновременно с этим сформулировано учение о целенаправленности (телеологии), то есть, что в природе все имеет свою цель и, безусловно, определить эту цель может только церковь.

В некоторых же работах древнеримского врача Галена средневековое духовенство выхватило некоторые места, в которых, если так можно сказать, обосновано с медицинской точки зрения учение Платона о бессмертии души. Гален следом за древнеегипетскими врачами и александрийским врачом Эразистратом полагал, что вены несут кровь, а артерии содержат бессмертную пневму. В подтверждение этой теории они приводили в качестве доказательства то, что при вскрытии умерших артерии всегда оказывались пустыми, а вены были переполнены кровью. Следовательно, говорили они, когда человек умирает, бессмертная душа — пневма покидает тело, и потому артерии, при жизни содержащие ее, оказываются пустыми⁴.

Так, Гален писал: «Было бы непонятно, как природа, которая ничего ненужного (излишнего) напрасно не делает, вдруг создала бы два рода различных сосудов, которые должны были бы нести

¹ Мультиановский. Указ. соч., с. 54—55.

² Мультиановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1961. — С. 55.

³ Склярва Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 125.

⁴ Мультиановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1961. — С. 57.

одну и ту же влагу (кровь). Непонятно было бы, куда девается масса воздуха, которую мы постоянно вдыхаем, если бы не было особых сосудов, разносящих ее по всему телу, как бы совершались функции организма, как не при помощи этой пневмы, которая, как учили все древние, служит местопребыванием жизненной силы организма»¹.

Причем, схоласты намеренно исключают из трудов Галена все упоминания, отвергающие учение о бессмертии души, о его экспериментах, и на этом искаженном и одностороннем толковании учения Галена средневековая церковь разрабатывает, так называемый, галенизм². То же самое было ими сделано и в отношении работ Гиппократ и Ибн-Сины, из которых так же был выхолощен весь фактический научный материал, а оставлены лишь их философские концепции, отвечающие интересам государственной средневековой церкви³.

Таким образом, эти труды античных авторов обосновывали одно из базовых учений средневековой церкви, учение о бессмертии души, которое она не могла обосновать ни на основании Библии, ни на основании работ первых христианских писателей, так как они говорили как раз о прямо противоположном, а именно о том, что бессмертной души нет.

Примечательно, что в своем желании обосновать свои языческие учения, средневековая церковь не только не возражала, но и поддерживала фактическое внедрение в обучение в университетах принципов и понятий алхимии и астрологии, которые так же, как и она, провозглашали учение о бессмертии души. Одновременно с этим, канонизируя труды античных авторов, средневековая государственная церковь, не могущая уже запретить появление университетов, преграждала путь научного прогресса, понимая, что просвещение повлечет за собой крушение ее власти. И потому, даже открывая эти самые университеты, церковь сразу же одевала их в жесткий каркас своей проязыческой философии.

— Цитирование трудов древних авторов

Обучение в подавляющем большинстве в средневековых университетах сводилось не просто к изучению трудов Платона, Аристотеля и Галена, а к их зазубриванию, цитированию, без всякого

¹ цит. Мультиановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1961. — С. 57.

² Скларова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 132.

³ Сорокина Т.С. История медицины. В 2 т. — М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1992. — Т. 1, с. 172.

Лекция в средневековом университете. Средневековая гравюра

Одеяния преподавателей средневековых университетов

анализа. Формирование мышления не поощрялось вовсе. Вся работа профессоров сводилась к разъяснению учебников, которые передавались из поколения в поколение¹.

Недаром великий немецкий писатель Гете в одном из своих произведений об этом заучивании цитат написал:

Словами диспуты ведутся,
Из слов системы создаются,
Словам должны вы доверять,
В словах нельзя ни иоты изменять...²

Такое зазубривание определенных текстов не было случайным. Ибо вся система средневекового мировоззрения была подчинена определенным символам, большинство из которых имели чисто оккультное происхождение и безраздельно господствовали в средневековой науке, музыке, архитектуре. Достаточно, к примеру, вспомнить фигуры чертей и демонов, украшающих бесчисленное число средневековых соборов Европы.

При этом сама «средневековая символика начиналась на уровне слов. Назвать вещь уже значило ее объяснить. Так, в медицине поставленный диагноз означал уже исцеление, оно должно было наступить вследствие произнесения названия болезни. Итак, фундаментом средневековой педагогики было изучение слов и языка»³.

Именно с современных позиций мы не можем сегодня до конца понять смысл и значение нескончаемых дискуссий, которые вели номиналисты и реалисты и работы которых сегодня, даже подготовленному ученому, читать крайне и крайне тяжело, ибо периодами их смысл вроде бы полностью исчезает.

При этом стоит отметить крайнюю бедность университетских библиотек. Так, один из самых крупных Парижских университетов в XV веке в своей библиотеке насчитывал всего ... 12 книг⁴! Здесь также важно подчеркнуть, что в отличие от позднейших университетов книга в Средние века была не источником знания, а драгоценностью⁵! Так, «в XIII веке крупный деятель ордена доминиканцев Гумберт Роменский негодовал, что книга приобрета-

¹ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 348.

² История медицины: Материалы к курсу истории медицины /Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — С. 110.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 308.

⁴ Скларова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 131.

⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 321.

ла утилитарное значение и перестала быть предметом драгоценным: «Подобно останкам святых, их мощам, сохраняемым с таким благоговением, заворачиванием в шелка, заключаемым в золото и серебро, следует хранить и книги, содержащие в себе столько святости»¹. Поэтому даже те единичные книги и хранились в монастырях, как мощи, почитаемые, но смысл которых так и оставался в большинстве случаев закрытым. Точно также хранились в некоторых монастырях и Библии, прикованные цепью к стене и остающиеся неведомыми для монахов. И каково будет удивление Мартина Лютера, тогда одного еще из монахов, когда он с удивлением для себя открыл эту книгу и начал ее читать.

Работы древних авторов были возведены в ранг непререкаемой догмы и авторитетов. И этот гнет авторитетов безраздельно господствовал, как в интеллектуальной, так и во всех других сферах жизни средневекового общества², сдерживая любое появление новой мысли или понятия.

— Отсутствие практических занятий и запрещение выражения личных мыслей или проведения дискуссий

Образование в средневековых университетах не предполагало наличия практических занятий³ или выражение какого-либо личного мнения, ибо все это, как тонко понимала государственная церковь, могло привести к появлению недоверия по отношению к ее догмам и учению, а затем и вовсе их отвержению.

С другой стороны, сама главенствующая философия средневековой церкви исходила не из «эмпирического познания природы, чтобы, идя отсюда, достигать основных начал вещей, но, напротив, начинали с твердо установленного понимания последних, чтобы от них затем перейти к пониманию действительности... Поэтому предметом познания природы был не чувственный мир сам по себе, но его отношение к великой теме творения, искупления человечества и будущего царства Божьего»⁴. Поэтому, «исследование собственной, внутренней сущности вещей было или запрещено, или считалось не имеющим значения. Анатомическое изучение человеческого тела в виду телесного воскресения признавалось смертным грехом, да и помимо этого оно не имело никакого значения для врачевания, так как телесные немощи и болезни должны были, прежде всего, исцеляться не медицинскими

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 321—322.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 304.

³ Сорокина. Указ. соч., т.1, с. 176.

⁴ Эйкен, с. 542.

средствами, а божественными чудесами. Целительнее всех лекарств считались молитва и мощи святых. Совершенно не имело никакой цены, по средневековому воззрению, изучение остальной органической и неорганической природы, поскольку в основе его не лежало отношение его к вечному спасению. Само по себе теоретическое знание вовсе не ценилось в Средние века. Познание природы приобретало лишь цену в связи с практическими целями религиозного достижения спасения души»¹.

Лишь эпоха Великой Реформации покажет, что изучение удивительно сотворенного Богом мира раскрывает и Самого Бога, Его характер, Его любовь к людям. И потому, наука нисколько не противоречит вере. Но это будет только тогда, когда церковь начнет возвращаться к чистоте библейского учения, затемненного в Средние века языческими верованиями и представлениями.

Галилео Галилей сообщал об одном схоласте-философе, который, находясь у анатома, препарировавшего животное, и видя, что нервы исходят из мозга, а не из сердца, как учил Аристотель, сказал: «Вы мне показали все это так ясно и ощутимо, что если бы текст Аристотеля не говорил обратного, а там прямо сказано, что нервы зарождаются в сердце,— то необходимо было бы признать это истиной»².

Примечательно, что даже чтение книг по медицине строго регламентировалось. Так, к примеру, «бакалавр имел право читать лишь те медицинские книги, которые составляли собственность факультета, и обязан был хранить в тайне все его обычаи и секреты. Вообще величайшее уважение к своей школе было долгом каждого студента»³. Понятно, что при такой постановке вопроса ни о каком научном обмене и взаимном обогащении не могло быть и речи, а, следовательно, и самом развитии университетского образования в принципе.

Под влиянием схоластики университеты Средневековья становились, порой, просто центрами пустословия⁴.

— Обучение принципам обирания и обмана пациентов

Примечательно, что в период обучения медицине преподаватели средневековых университетов, не стесняясь, учили своих студентов принципам обирания и обмана больных.

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 543.

² Галилео Галилей. Диалог о двух главнейших системах мира. — М., 1948. — С. 92.

³ Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017. — С. 80.

⁴ Сорокина Т.С. Атлас истории медицины. Средние века (476—1640). — М.: Изд-во ун-та Дружбы народов, 1983. — С. 99.

«Даже в специальной медицинской школе в Монпелье (Франция) в XIV в. слушателям внушали: «Если ты, анализируя мочу, не находишь в ней ничего особенного, то определи болезнь как обструкцию (засорение) печени, но если больной скажет, что он страдает головными болями, то возрази ему, что и в этом виновата печень. Вообще, пользуйся возможно чаще словом «обструкция», так как оно не понятно больному, а это именно и важно. Он никогда не должен понимать того, что говорит врач». В «Наставлении врачам», составленном в XIII в., содержались такие советы об их поведении: «В особенности же стойте на страже и будьте бдительны, чтобы профан не проник в тайну вашего искусства. Недоступность, как и пышная внешность, повышает вознаграждение врача, приносит дары без числа. Скромная внешность приносит и меньший доход — разве одно выражение пустой благодарности»¹.

Эти принципы весьма походят на те, какими пользовалось духовенство в Средние века, обирая своих прихожан, пользуясь для этого их невежеством, которое само же и насаждало.

История нам сохранила еще один интересный совет, который давался в университетских школах будущим врачам. «Когда врач покидает больного, то должен уверить его, что он непременно выздоровеет; окружающим же нужно сказать, что болезнь очень тяжкая. Ибо, если пациент выздоровеет, слава врача еще более увеличится, если же больной умрет, то люди скажут, что доктор предсказал верный исход»².

— Отсутствие клинического обучения

Одной из главнейших проблем средневековых университетов было отсутствие собственно клинического обучения, за исключением его зачатков, которые преподавались в Салернском университете³. Все это не давало возможности развитию именно клинической медицины, без которой сколько-нибудь существенная помощь пациенту не мыслима в принципе.

— Строгий запрет на вскрытие тел и проведения каких-либо опытов

Как мы уже рассматривали выше, вскрытие тел было запрещено в Средние века по четырем основным причинам, каждая из которых была порождена учением средневековой папской церкви.

Во-первых, изучение внутренней сущности противоречило базовым принципам средневековой церковной философии, кото-

¹ Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. — М.: Медицина, 1990. — С. 145.

² Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 151.

³ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 181.

рая провозглашала необходимость изучения только того, что имеет отношение к духовному спасению человека¹.

Во-вторых, утверждая вопреки Библии, что душа бессмертна, средневековая папская церковь учила, что эта душа находится в крови и потому пролитие человеческой крови рассматривалось, как величайшей грех, посягательство на душу. Поэтому, кстати, «гуманные» инквизиторы свои жертвы не казнили, а медленно сжигали на костре, чтобы не было пролития крови.

В-третьих, согласно средневековым представлениям, «атомическое изучение человеческого тела в виду телесного воскресения признавалось смертным грехом»².

В-четвертых, надобности в анатомическом изучении с целью выяснения причин формирования заболевания также не было, ибо болезнь признавалась Божьим наказанием или испытанием, а средствами лечения — молитва и мощи, следовательно, анатомические или физиологические исследования теряли свой базовый смысл³.

И потому, с учетом вышесказанного, разрешение на вскрытие тела, без которого было невозможно развитие анатомии в принципе, мог дать первоначально только император. Первые разрешения на это были получены только в 1238 году, когда император Фридрих Второй разрешил медицинскому факультету Салернского университета вскрывать труп один раз в 5 лет⁴. Через семь лет указ стал мягче, и было разрешено вскрывать один труп раз в год.

Однако в 1300 году римский папа издал суровый указ, направленный против любого вскрытия трупов. После этого только периодически университетам давалось право, порой, раз в десятилетие вскрыть один труп. Так, в Вене за 94 года (с 1404 по 1498 г.г.) существования университета было вскрыто всего 9 трупов⁵. В Тюбингене разрешение на вскрытие было получено только в 1482 г., в Монпелье в 1376 г., в Праге правильные анатомические лекции начались только в 1460 г., в Вене в 1433 г., в Грейфсвальде в 1624 г.⁶!

При этом само вскрытие производил цирюльник под чтение анатомического сочинения Галена. Это делалось для того, чтобы врачам не пришла в голову никакая другая мысль кроме той, что изложена у Галена. Да и сами вскрытия ограничивались в основном только грудной и брюшной полостями. На базе подобных

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 543.

² Эйкен. Указ. соч., с. 543.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 543.

⁴ Сорокина. Указ. соч., т.1, с. 176.

⁵ Ковнер. Указ. соч., с. 455.

⁶ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 165.

вскрытый была составлена ведущая книга Средневековья по анатомии, автором которой был итальянец Мондино де Лучи (1275—1326), вскрывший сам всего лишь два трупа, и на этом материале, а также на плохо переведенных компиляциях из Галена и составил этот свой учебник. Низкий уровень преподавания медицины в Средние века был обусловлен и запретом на любые хирургические манипуляции и запретом хирургии, как науки вообще.

• **Медицинские университетские представления в Средние века.**

Исследуя историю медицины Средних веков, бросается в глаза фактически ее полная статика на протяжении всей этой тысячелетней эпохи, начавшейся с 476 г. — года падения Западной Римской империи и продолжавшейся до 1517 года — года Великой Реформации. «Во весь этот длинный, тысячелетний период «материал медицины» оставался неизменным, едва-едва обогащаясь некоторыми приобретениями, и то благодаря более случаю, нежели духу изобретения»¹.

Что же представлял собой этот «материал медицины», каковы были представления средневековых врачей по анатомии и физиологии, этих базовых научных дисциплин, без которых невозможно развитие медицины в принципе.

— **Анатомо-физиологические представления.** Итак, в период Средних веков университетская медицина однозначно утверждала, что «сердце не сделано для кровообращения, что задача легких — охлаждать сердце, что желудок устроен для того, чтобы механически варить пищевые вещества; что нервы большею частью сделаны для того, чтобы тянуть за мышцы, так же, как и для чувства; что селезенка вырабатывает черную желчь; что зародыш есть продукт двоякого семени; что в матке имеются особые полости для мальчиков и особые для девочек; что страдания грудных и брюшных органов и даже коксалгия происходит от нистекающей из головы катаральной слизи; что в артериях находится воздух и т.д.»²

А вот, как, к примеру, известный средневековый университетский анатом, преподававший в университетах Падуи и Рима, профессор Габриэль Зерби (1468—1505) объяснял устройство сердца. «Предсердия представляют запасные отводы для крови, если она переполняет правый желудочек, и для пневмы, если ее чересчур много в левом желудочке. Но почему, в таком случае, сердце не устроено более широких размеров? Потому, что рассеяние пневмы

¹ Ковнер. Указ. соч., с. 494.

² Ковнер. Указ. соч., с. 495.

ослабило бы последнее, и вот доказательство: животные, имеющие большие сердечные желудочки, трусливы! К тому же, переполнение сердца кровью или пневмой бывает только случайно и не всегда, так что сердце чаще всего напрасно было бы увеличено»¹.

«Желудок трактовали как котел, в котором пища варится с помощью огня, выделяемого печенью, служащей очагом»².

При этом, до XIII века занятия анатомией ограничивались просто перечислением органов человеческого тела, их дословным описанием из Галена и крайне-крайне редкими вскрытиями собак и свиней³. Как мы уже говорили, первые вскрытия человеческих тел были разрешены только в Салерно в начале XIII века, когда особым королевским указом было разрешено вскрывать один труп в год. При этом, для вскрытия обыкновенно пользовались трупами казненных преступников и реже умерших в госпиталях. «Для демонстрации мышц, сосудов, нервов трупы клались в проточную воду до тех пор, пока не отделялась кожа и жирная клетчатка, для других целей их в течение 3 лет подвергали воздействию солнечных лучей или оставляли гнить в земле, наконец, для демонстрации костного скелета прибегали к варению трупов, каковой способ употребляли также для перенесения останков лиц умерших на чужбине, в том числе даже высокопоставленных особ, как, например, император Фридрих Барбаросса (утонувшего в реке под Иерусалимом), далее, Людовика IX, Филиппа Смелого и его супруги»⁴.

«Само вскрытие производилось грубым, первобытным способом. А именно, каким-нибудь цирюльничьим подмастерьем при помощи ножниц или бритвы, причем, профессор читал объяснение предлагавших вскрываемых частей. За право присутствовать при вскрытиях студенты должны были брать на свой счет торжественные похороны, причем, в печальной процессии должны были участвовать и наставник, и слушатели. Профессор, демонстрировавший на трупе анатомию, получал 100 солидов! Доставка трупов лежала на обязанности судов, коим в Болонье, постановлением от 1442 г., предписывалось ежегодно выдавать для секций 1 мужской и 1 женский, а за неимением последнего, два мужских трупа»⁵.

¹ Ковнер. Указ. соч., с. 454.

² Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 63.

³ Ковнер. Указ. соч., с. 447.

⁴ Ковнер. Указ. соч., с. 447.

⁵ Ковнер. Указ. соч., с. 453.

Первое руководство по анатомии в Средние века было составлено выпускником Болонского университета Мондини де'Люцци (1275—1326), которого иногда в некоторых руководствах по истории медицины считают чуть ли не восстановителем анатомии. На самом деле Мондини произвел лично единичные вскрытия, саму анатомию он просто считает частью медицины, не видя связи органов с тем или иным заболеванием. Для него важно просто само по себе расположение органов. Он полностью преклоняется перед взглядами на строение человеческого организма, оставленного врачами древности. Он не сделал ни одного открытия в области анатомии, хотя имел для этого возможность, вскрыв несколько тел¹!

И потому, «историческое значение произведения Мондино определяется не скудным содержанием его, а тем, что явившись через полторы тысячи лет после периода александрийских анатомов, — оно представляется первым сочинением, основанным на исследовании человеческих трупов»².

Естественно, что при таком развитии анатомии и анатомо-физиологических представлений ни о каком развитии клинической медицины не могло идти речи даже в принципе! Клинический опыт основывался, как мы уже упоминали, на представлениях Гиппократов, Галена и арабских врачей. И потому западноевропейская медицина не внесла никакого сколько-нибудь существенного вклада в развитие клинических дисциплин.

— **Детские болезни.** «В полнейшем пренебрежении находилось в Средние века учение о детских болезнях»³. Примечательно, что в Средние века детскими болезнями занимались, в основном, повивальные бабки и первые работы, в которых начинают рассматриваться заболевания детского возраста, относятся к 1472 году! Примечательно, что в эпоху Средневековья было весьма своеобразное отношение к детям. «Необходимо признать, что ребенок в ту эпоху вообще не был предметом того интереса и сочувствия, каким он пользуется в Новое время»⁴. Здесь вновь сказываются учения средневековой церкви. К примеру, «родительская любовь естественна. Но как ее оценивает средневековый проповедник? Любовь к близким, в том числе, и к детям, чревата большой опасностью: она может заслонить главную цель жизни и даже отвра-

¹ Ковнер. Указ. соч., с. 448—452.

² Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 164.

³ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 176.

⁴ Гуревич. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. Указ. соч., с. 265.

тить от нее — заботу о спасении души»¹. Поэтому в эпоху Средневековья монахи-инквизиторы спокойно пытали и сжигали детей на кострах.

— **Акушерство и гинекология.** Этим направлением в Средние века занимались повивальные бабки, а врач приглашался лишь в случаях необходимости извлечения мертвого плода или последа. И только в Салернской школе шло некоторое изучение заболеваний этой области². Во многом это было обусловлено крайне низким, а, порой, и пренебрежительным положением женщины, которое она имела в Средние века, в силу господствующего учения государственной церкви, которая рассматривала женщину, с одной стороны, как источник греха, а с другой — существо более низкого порядка по сравнению с мужчиной. «Женщина в глазах проповедников — орудие дьявола, используемое в качестве средства соращения и погубления человека... женщина — дьявол или его служанка. Такова установка духовенства. Человек, с точки зрения проповедника, по преимуществу мужчина»³. Средневековые проповеди четко показывают лишь порочность женщин⁴.

Глава 5

МЕДИЦИНСКИЕ ФАКУЛЬТЕТЫ САЛЕРНСКОГО И ПАДУАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ

На общем, весьма мрачном и суеверном фоне средневековых университетов лишь два представляют некоторые исключения: Салернская медицинская школа и медицинский факультет Падуанского университета.

• Салернская медицинская школа

Город Салерно был основан римлянами около 200 г. до х.э. на берегу одного из заливов Тирренского моря на месте древней греческой колонии, славящейся благодаря своему прекрасному климату. После римлян городом владело племя лангобардов, а затем он вошел в состав империи Карла Великого (768—810). Именно в правление этого императора в Салерно в 802 году была основана кафедральная школа и открыто под надзором монашеских орде-

¹ Гуревич. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. Указ. соч., с. 268.

² Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 175.

³ Гуревич. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. Указ. соч., с. 241, 242.

⁴ Там же, с. 250, 255.

нов несколько лечебниц для паломников, стекавшихся туда на поклонение святыням¹.

Однако, к основанию знаменитой Салернской школы это не имело отношения, только лишь число паломников давало большой процент пациентов для салернских врачей и делало город одним из известных в Средневековой Европе.

Начало изучению истории медицинской школы Салерно было положено проф. Геншелем, который при изучении Бреславльской библиотеки открыл очень важную рукопись XII века, озаглавленную *Herbarius* и содержащую 35 статей салернского происхождения, охватывая практически все разделы медицины, за исключением хирургии, и трактат *De aegritudinum*, состоящий из 173 глав, основанных на трудах учителей салернской школы.

Итак, будущий Салернский университет возник на базе Салернской школы, основанной еще в IX веке и представлявшей собой первоначально корпорацию врачей или своеобразный медицинский факультет с несколькими знаменитостями во главе².

Появление школы именно в этой местности было неслучайным, ибо город Салерно, лежащий к югу от Неаполя, славился, как мы уже упоминали, своим целебным климатом и потому привлекал туда значительное число больных, о чем, в частности, пишет Гораций в своем Пятнадцатом Послании Вале. Однако, данных, говорящих о том, что в античную эпоху здесь существовала медицинская школа, не найдено³. В Средние века Салерно становится настоящим средневековым курортом⁴.

Однако, уже с VI века там проводились собрания, во время которых читали произведения Гиппократов. Это производилось еще и до этого, со времен античности, когда и появились там первые врачи. Именно это и сыграет одну из ключевых ролей в формировании особенностей Салернской школы — ее возникновения на базе античной медицинской науки, не имеющей ничего общего с насаждаемой государственной церковью Средневековья схоластикой. С самого начала своего существования Салернская школа носила чисто светский характер. Об этом свидетельствует тот факт, что профессора и деканы этой школы были женаты, а также среди преподавателей школы фигурируют женщины, до-

¹ Ковнер. История Средневековой медицины. Указ. соч., с. 364.

² Тарле Е.В. История Италии в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 189.

³ Мейер-Штейнер Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 178.

⁴ Тарле Е.В. История Италии в Средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. — С. 189.

чери и супруги профессоров. Это подтверждает и то, что среди слушателей школы были и евреи, которые в XI веке составляли даже преобладающий контингент среди слушателей¹.

И потому и в последующие века Салернскую школу будет отличать независимость от средневековой церкви и светский характер обучения².

Благодаря этому Салернская школа стала первой медицинской школой Европы и оставалась в течение нескольких столетий единственным местом в Европе, где можно было получить высшее медицинское образование³. Так, в 1231 году император Священной Римской империи Фридрих Второй, вообще покровительствовавший медицине, «издал указ, по которому никто в его сицилийских владениях не имел права практиковать без диплома, выданного им самим после предварительного отзыва о данном лице со стороны коллегии салернских докторов»⁴.

Салернская школа пользовалась огромной популярностью в Европе. В числе ее пациентов были, в частности, английский король Вильгельм Завоеватель и будущий папа Виктор Третий.

Врачи Салернской школы приглашались в качестве императорских врачей в Константинополь. Поэтому недаром эта школа воспевалась, в частности, в средневековых поэмах XII века⁵.

Благодаря этому и университет в Салерно, возникший в 1213 году по указу императора Фридриха Второго, на базе преобразования Салернской школы, фактически являлся первым подлинно научным университетом Европы, хотя официально статус такового ему был предоставлен четвертым по счету в Европе. Примечательно, также, что, имея все три отделения, как и другие средневековые университеты — юридический, философский и медицинский, в Салернском университете медицинский факультет всегда занимал лидирующее положение.

В истории Салернской медицинской школы выделяют два периода. Первый, греческий, с момента основания школы до XII века, и второй, греко-арабский с XII века. Эти названия обусловлены тем, что врачи Салерно всегда уделяли ведущее значение работам древнегреческих и арабских врачей, которые они переводили и преподавали целиком в отличие от своих западноевропейских коллег. Вообще, влияние арабской медицины в Салерно было весьма силь-

¹ Ковнер. История Средневековой медицины. Указ. соч., с. 367—368.

² Скларова, Жаров. Указ. соч., с. 126.

³ Ковнер. История Средневековой медицины. Указ. соч., с. 370.

⁴ Тарле. Указ. соч., с. 189.

⁵ Ковнер. История Средневековой медицины. Указ. соч., с. 369.

На лекции в средневековом университете

но, это касалось, как преподавания медицины, так и самой системы подготовки врачей. Так поступить в школу можно было с 21 летнего возраста, и сам курс обучения составлял 7 лет. Примечательно, также, что будущий студент должен был доказать свое законное происхождение, дать обещание лечить правильно, не давать ядов и безвозмездно лечить бедных и обездоленных¹.

Особую роль в переводе древнегреческих и арабских медицинских рукописей сыграл Константин Африканский. Последний родился в мусульманской семье, около 1015 года в Тунисе и происходил из племени берберов. Медицинское образование получил на востоке, в Багдаде и университете Аль-Азхар в Каире. За это время он так же путешествует в Индию и Эфиопию, где знакомится с различными лекарственными травами. Обвиненный у себя на родине завистниками в колдовстве он бежит в Сицилию, а оттуда в Салерно, зная о существующей там медицинской школе. Герцог Апулии и Каламбрии Роберт Гвискар с радостью принимает талантливого ученого и определяет его в 1077 году преподавателем в медицинскую школу. Находясь там, ученый перевел на латынь труды древнегреческих ученых Гиппократ и Галена, а также работы арабских врачей Хунайн ибн Исхака аль-Ибади и Абу Бакра Мухаммада ар-Рази, фактически впервые познакомив европейцев с работами выдающихся арабских врачей. Эти его переводы будут использоваться в качестве учебников до XVII века! В конце жизни он становится монахом, уйдя в бенедиктинский монастырь Монтекассино, расположенный недалеко от Салерно².

Другим выдающимся ученым Салернской школы был Иоанн Миланский, бывший в XII — начале XIII века президентом Салернской медицинской школы и автором сборника гигиенических советов, которые для лучшего запоминания были даны в виде стихов и которые вошли в историю под названием «Правила Салернской школы» или «Цвет медицины Салерно»³. Этот сборник после изобретения книгопечатания был напечатан одной из первых книг в 1480 году в Кельне. Именно в бытность Иоанна Миланского президентом Салернской школы в ней проходил лечение в 1101 году и сын английского короля Вильгельма Завоевателя Роберт, что свидетельствует о ее высоком престиже.

¹ Ковнер. История Средневековой медицины. Указ. соч., с. 369.

² Мейер-Штейнер Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 184—188.

³ Книга античности и Возрождения о временах года и здоровье. — М.: Прогресс, 1971. — С. 92.

Врачи Салернской школы написали в XII веке известные средневековые трактаты, такие, как «Антидотарий», содержащий более 60 рецептов, «Пассионарий», практическое руководство по диагностике заболеваний, «О лечении заболеваний», «О приходе врача к больному». В XIII веке была написана книга «Цвет врачебного искусства», в которой рассматривались различные теории заражения теми или иными болезнями.

Примечательно, что в медицинской школе здоровья преподавали и женщины. Среди них были, в частности, Тротула, преподававшая около 1059 года и написавшая работы «О женских болезнях» и «О составлении лекарств»; Абелла (XIV век), читавшая лекции по женскому здоровью и бывшая автором книг «О меланхолии», «О происхождении человеческой природы», не сохранившихся до нашего времени, и Ребекка Гуарна (XIV век), автор работ «О лихорадке», «О моче», «О зародыше».

О значении Салернской школы говорит тот факт, что император Священной Римской империи Фридрих Второй своим указом постановил, что лицензию практикующего врача можно получить только в Салернской школе¹.

На основании трудов медицинской школы Салерно врачом Арнольдом из Виллановы (1235—1311) был составлен «Салернский кодекс здоровья», одно из ведущих медицинских произведений всей эпохи Средневековья, посвященный в основном вопросам диеты и профилактике заболеваний, хотя и он пронизан античными воззрениями об учении о соках. К тому же автор этого труда был одновременно и алхимиком, написавшим труд «Могущество алхимии». Однако, примерно в это же время начинается и упадок Салернского университета, обусловленный, с одной стороны, основанием медицинских школ в Болонье, Монпелье и Падуе, имевших к тому же более выгодное географическое положение, а также основанием в 1224 году Неаполитанского университета². После же того, как в 1268 году Италия вышла из-под власти династии Гогенштауфенов, покровительствовавших Салерно, роль Салернской школы начала быстро уменьшаться и сходить на нет³.

• Падуанский университет

Второй университет Западной Европы, после Салернского, существенно отличавшийся от остальных, был Падуанский⁴, осно-

¹ Складова, Жаров, Указ. соч., с. 126.

² Ковнер. Указ. соч., с. 371.

³ Мейер-Штейнер Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 206.

⁴ Тарле. Указ. соч., с. 192—193.

ванный 29 сентября 1221 года учеными, бежавшими из папских владений в Италии, и, в частности, Болонского университета, и из Испании от церковных преследований¹.

Таким образом, с самого своего основания этот университет был независимым от церкви и благодаря этому смог добиться существенных успехов, как в науке, так и преподавании.

Уже один из первых ректоров этого университета Пьетро Абано (1250—1316) открыто выступил против схоластической системы преподавания. И хотя будучи сыном своего времени, он не был чужд веры, в частности, в астрологию, он стремился к знаниям, опубликовав труд «Посредник в разногласиях, существующих между философией и медициной», в котором имеются суждения об анатомии и клинической медицине².

Из-за этого он сразу навлек на себя гнев всесильной инквизиции, которая, несмотря на его авторитет, как врача (в частности, он лечил даже папу римского и короля Франции), арестовала его и бросила в тюрьму, в которой он и умирает³.

С 1501 года университет переезжает в палаццо дель Бо, который до этого времени был резиденцией династии Да Каррара, затем гостиницей для послов и богатых иностранцев, пока его не приобрело в 1493 году Управление образования Падуи, чтобы предоставить учебным заведениям города единственное и постоянное место. Примечательно, что именно в Падуанском университете впервые стали преподавать произведения Галена во всей их полноте, а не в виде искусственно вырванных текстов, как это делали схоласты.

И именно в Падуе в 1594 году профессор медицинского факультета Д. Фабрициус открыл первый в Европе анатомический театр⁴. Он состоял из шести деревянных ярусов в форме эллипса, рассчитанных на триста мест, поднимающихся вокруг настоящего анатомического стола⁵.

Именно из Падуанского университета выйдет большинство выдающихся ученых эпохи Великой Реформации. Среди них Андреас Везалий (1514—1564), Иероним Фабриций (1537—1619), Ре-

¹ Мультановский. Указ. соч., с. 71; Падуя внутри и снаружи. Эвганейские холмы. Ривтера Бренгы. — Венеция: Сторити Эдизони, 2010. — С. 11.

² Мейер-Штейнер Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — С. 233—234.

³ Абано Пьетро. Энциклопедический словарь. — Спб.: Брокгауз-Ефрон, 1890. — Т. 1, с. 11.

⁴ Гален. Сочинения. Том I. — М.: Весть, 2014. — Предисловие, с. 48.

⁵ Эвганейские холмы. Ривтера Бренгы. — Венеция: Сторити Эдизони, 2010. — С. 48.

альдо Коломбо (1516—1559), Уильям Гарвей (1578—1657), Санторио-Санторини (1561—1636), Джироламо Фракасторо (1478—1553), Бернардино Рамаццини (1633—1714), Джованни Морганьи (1682—1771). Именно в Падуе читал свои лекции с 1592 года по 1610 год и знаменитый Галилео Галилей.

Падуанский университет дал ученых больше, чем все остальные университеты средневековой Европы вместе взятые, наглядно продемонстрировав, что значит свободное от догматов и суеверий средневековой государственной церкви развитие науки и образования. Однако, после того, как Италия, вследствие непосредственного папского влияния отвергает учение Реформации, Италия оказывается во власти Контрреформации, возглавляемой иезуитами, которые, захватив в свои руки всю систему университетского образования, вновь вергнув его на несколько столетий во власть той же схоластики, против которой еще в Средневековье пытались бороться передовые ученые Падуанского университета. С другой стороны, Италия попадает под философское влияние идей Возрождения, которые, несмотря на кажущуюся новизну по сравнению со средневековой темнотой, вергли в конце-концов Европу из папской темноты в темноту языческой философии.

Глава 6

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЦЕРКОВЬ. ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

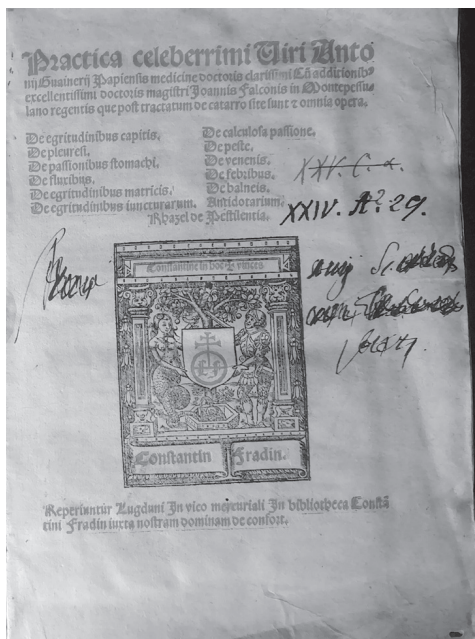
Как мы уже рассматривали выше, главенствующую роль в управлении университетом и в регулировании вопросов преподавания в нем играла средневековая церковь, «подобно школам, и университеты в течение многих столетий были в сущности церковными учреждениями¹», что и предопределило всю их дальнейшую судьбу.

Власть средневековой папской церкви контролировала все сферы жизнедеятельности, как средневекового государства в целом, так и средневекового отдельно взятого человека, в частности. При этом сама папская церковь находилась вне и над любыми светскими законами и постановлениями. Эти принципы папской власти были изложены папой Григорием VII (1073—1085) следующим образом:

1. Римская церковь создана единым Богом.

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 530.

2. Только Римский епископ по праву зовется вселенским.
3. Только он один может низлагать епископов и восстанавливать их.
4. Легат его на соборах занимает первое место пред всеми епископами, даже будучи в низших степенях (священства), и может приговаривать их к низложению.
5. Папа может низлагать отсутствующих.
6. С отлученными им не должно находиться в одном и том же доме.
7. Ему одному надлежит, смотря по надобности, издавать новые уставы, учреждать новые епархии, каноникаты превращать в аббатства, и наоборот, богатую епархию делить, бедные соединять.
8. Он один вправе распоряжаться знаками императорского достоинства.
9. Одному папе все князья лобызают ноги.
10. Только его имя поминается в церквях.
11. Он один в мире именуется папой.
12. Он может низлагать императоров.
13. Он может, по мере надобности, перемещать епископов с кафедры на кафедру.
14. В любую церковь, куда угодно, он может ставить клириков.
15. Поставленный папою может быть во главе какой-либо церкви, но не может быть в положении подчиненном; равно не может он принимать высшей степени от какого-либо епископа.
16. Ни один собор без его соизволения не может называться всеобщим.
17. Ни одно постановление, ни одна книга не могут быть признаны каноническими без его санкции.
18. Никто не смеет отменить его решения, а он сам отменяет чьи угодно.
19. Никто ему не судья.
20. Никто не смеет привести в исполнение приговор над взывающим к папскому престолу.
21. Важные дела любой церкви должны восходить до него.
22. Римская церковь никогда не заблуждалась и впредь, по свидетельству Писания, не будет заблуждаться.
23. Римский епископ, канонически поставленный, заслугами св. Петра непреложно получает святость...
24. По его изволению и разрешению подвластные могут быть пожалованы.
25. Без собора он может низлагать и восстанавливать епископов.

Медицинский трактат из библиотеки Николая Коперника. Музей Николая Коперника, Фромборк, Польша. Фото А.А. Опарина

26. Не считается католиком тот, кто не согласен с Римской церковью.

27. Он может освобождать подданных от присяги плохим владыкам¹.

Таким образом, папой были выдвинуты три основные положения: «1) божественный характер римской церкви; 2) право ее главы на полное и бесконтрольное владычество над нею; 3) примат папы по отношению к империи, церкви по отношению к государству и всякой светской власти как таковой... Папа — высший авторитет на земле для всякого христианина, мирянина или клирика: без освящения его авторитетом не имеет силы ни одно каноническое установление. Имя его — единственное в мире, и только оно должно возноситься в церквах... папа имеет право низлагать императоров и освобождать от присяги подданных императора в случае его неповиновения папе»².

¹ Средневековье в его памятниках // Под ред. Д.Н. Егорова. — М., 1913. — С. 98—99.

² Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. — М.: Наука, 1974. — С. 291.

Чтобы подчеркнуть надмирную власть папы, был разработан детальный церемониал его приема, разработанный и принятый на Первом Латеранском Вселенском соборе, который, в частности, говорил следующее. «Все смертные, а в особенности верные Христу, независимо от их достоинства и выдающегося положения, лишь только предстают они перед взором первосвященника, должны трижды преклонять на определенном расстоянии перед ним колени и в честь Спасителя нашего Иисуса Христа, Которого он замещает на земле, облобызать его стопы. Император, короли, крупнейшие князья, представители князей и властителей допускаются в первую очередь к поцелую в руку и в уста, прочие только к стопам. Кардиналы дважды низко кланяются, а на третий раз, подойдя близко, преклоняют колени и целуют ногу у первосвященника, управляющего святыней. Кардиналы целуют правую руку у застежки мантии, епископы только колени, императоры и крупнейшие князья — руку и ноги»¹.

Папа Иннокентий III прямо утверждал, что «Господь дал святому Петру в управление не только всю церковь, но и всю землю»².

«Что касается церкви, то Рим — госпожа и мать всех церквей. Повиноваться Риму значит повиноваться Христу. Это соответствует решениям святых соборов и святых отцов церкви. Единство церкви предполагает наличие центра, обладающего высшей властью. Папа определяет, как подобает исповедовать веру. Подчинение ему необходимо для спасения. Пойти еще дальше в превознесении церковничества уже невозможно»³. В истории мы видим, как постепенно и последовательно происходит возвышение папской власти. Вначале папа «викарий св. Петра», с XII века он становится уже викарием самого Христа, в XIII веке папская церковь превращается в настоящую монархию⁴. Тогда же разрабатывается учение о том, что папа обладает двумя мечами, и светским, и духовным. Так, «св. Бернар выдвинул учение, сводившееся, в конечном счете к передаче двух мечей папе. Апостол Петр обладал двумя мечами. Священник использует меч духовный, рыцарь — меч светский, но только во имя церкви, по знаку священника. Императору, таким образом, оставалось лишь передавать приказания. Папа стал викарием Христа — и уже это делало

¹ Хрестоматия по истории средних веков //Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. В 2 т. — М., 1938. — Т. II, ч. 1, с. 210.

² Эйкен. Указ. соч., с. 334.

³ Шафф. Указ. соч., т.5. с. 413.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 248.

его хранителем двух мечей, и лишь папа — наместник Христа — мог оба их использовать»¹.

Средневековое богословие дошло до того, что ставило папу между Богом и человеком!

Так, «Иннокентий III в приветственной речи, сочиненной для торжества папского коронования, называл папу существом, посредствующим между Богом и человеком. «Воистину, писал он: «наместник Иисуса Христа стоит по середине между Богом и человеком; он меньше Бога, но больше человека». Так же думал умерший в конце тринадцатого века английский францисканский монах Бэкон. Он тоже считал папу за сверхземное существо, стоящее между Богом и человеком. В своем произведении он в таких словах высказывался о принадлежащем папе авторитете: «Лишь ему одному дано откровение и он должен быть посредником между Богом и человеком и наместником Божиим на земле, которому весь род человеческий должен подчиняться и верить беспрекословно. Он есть законодатель и высший священник, обладающий в духовных и мирских делах всею полнотою власти, как человек — Бог, которому после Бога надлежит воздавать религиозное поклонение». Римский епископ настолько занял место Бога, что оба они составили одну инстанцию. Умерший в 1328 году Августин Триумф отвергал апелляцию на папу Богу, называя ее «смешной и легкомысленной», потому что «никто не может быть больше самого себя, а суд папы и Бога — одно и то же... Таким образом, власть римского папы была так же беспредельна, как власть Бога»².

Эту власть папы символизировала и его особая корона — тиа́ра, состоящая из трех совмещенных друг с другом корон. «Этот тройной головной убор символизировал власть папы над небесами, землей и преисподней»³.

Первоначально головной убор папы представлял собой фригиум — высокий белый колпак. Однако «Фригиум» быстро превратился в корону и установление IX в. называет его уже царственным. Вновь появившись в XI веке, он изменил форму и смысл, став тиарой. Круг основы митры трансформировался в диадему, украшенную драгоценностями. В XII в. ее сменила корона с зубцами. В XIII в. она была надставлена еще одной, а после, вероятно, при авиньонских папах, — еще и третьей, став — трижды царствен-

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 256.

² Эйкен. Указ. соч., с. 336-337, 343.

³ Шафф. Указ соч., т. 5, с. 480.

Папа Урбан Пятый

ной. Еще Иннокентий III в начале XIII века пояснял, что папа носит митру «в знак понтификата» — высшей духовной власти, и тиару — в знак высшей земной власти. «Царю-жрецу» соответствовал «жрец-царь»¹.

Священники по учению церкви становятся в понимании людей самыми ощутимыми посредниками между земным и небесным миром².

Исповедание государственной христианской папской религии ставилось в обязанность всем народам Римской империи³! Все, не согласные с учением государственной церкви, ли-

шались имущества и наказывались изгнанием⁴.

Средневековая церковь вводит понятие трехклассового общества. Первым классом было духовенство, в задачу которого входило молиться за народ. Вторым классом были воины, в задачу которых входило покровительствовать церкви и народу. Третьим классом были крестьяне, в задачу которых входило кормить и обслуживать духовенство и воинов⁵. При этом, как видим, духовенство стоит выше всех остальных, обособившись постепенно в особый класс.

Более того, «благополучие государства зависело от того, какие молитвы возносили «молящиеся» (т.е. духовенство). Церковь была посредником между земным и небесным мирами, от духовенства зависели и посмертная судьба каждого, и земные дела всех»⁶. При этом, «королевской власти отводилась роль «светской руки», исполняющей приказы духовного класса, делающей грязную работу, связанную с насилием, с пролитием крови, — всем тем, от чего цер-

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 253.

² Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — С. 147.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 120.

⁴ Эйкен. Указ. соч., с. 120.

⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 239—241.

⁶ Гуревич, Харитонович. Указ. соч., с. 98.

ковь умывала руки»¹. Исходя из этого, «традиционный взгляд церкви был таков, что всемирная империя есть учреждение, исходящее от церкви и основанное ради выполнения ее целей»². При этом на государстве должны лежать преимущественно обязанности, а церковь же должна пользоваться только правами³. «Уже в Римской империи церковь стала составной частью аппарата политического господства. На церковные учреждения, помимо идеологических функций, возлагались и чисто политические задачи»⁴.

«Церковь, включавшаяся органически в феодальную государственную систему, действовала обычно в союзе со светскими властями, помогая им своим авторитетом в деле подчинения и обуздания масс»⁵. «Церковь освящала королевскую власть и провозглашала необходимость того, чтобы все подданные слепо подчинялись этой власти, поскольку «тот, кто противится сей власти, противится порядку, угодному Богу»⁶.

Более того, церковные законы становятся одновременно и государственными. Причем, для упрочения своей политической власти папство нещадно карает всех, кто не принимает ее установлений и для острастки делает это как можно более публичным. Так, «строго требовалось празднование воскресных и праздничных дней.

Капитулярии 789, 794, 803 и 809 г. в такие дни были запрещены полевые работы, а капитулярий 813 г. запретил также открытие торговых базаров и судебные собрания по воскресеньям. Капитулярий 769 года возвел в закон даже требование о соблюдении церковных постов.

Так как предписания церкви сделались, таким образом, государственными законами, то неисполнение их влекло за собой светское наказание.

Законодательство Каролингов установило, что отлучение от церковного общения должно было иметь своим последствием и исключение из гражданского общества. Уже собор, бывший в 755 году при короле Пипине, определил, что отлученный не может

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 254.

² Эйкен. Указ. соч., с. 170.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 171.

⁴ История Средних веков //Под ред. Н.Ф. Колесниченко. — М.: Просвещение, 1986. — С. 332.

⁵ История Средних веков //Под ред. Н.Ф. Колесниченко. — М.: Просвещение, 1986. — С. 333.

⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 254.

ни у какого христианина ни есть, ни пить, ни иметь жилища. Тот, кто не подчинялся наказанию, наложенному епископом, подвергался изгнанию по суду короля.

Капитулярии 801 и 813 годов подтвердили эти определения. Насильственное введение христианской веры и христианских обычаев во вновь завоеванных саксонских землях совершалось с жестокой суровостью.

Падеборнский капитулярий 785 года назначил смертную казнь тем, кто не соглашался креститься. Даже несоблюдение церковных постов наказывалось здесь смертью, между тем как почитание языческих богов только денежным штрафом, величина которого соразмерялась с общественным положением виновного; если же у него не было никакого имущества, то он до тех пор должен был служить церкви, пока сумма штрафа не покрывалась его службою¹.

«Мы не пощадили ни пола, ни возраста, ни звания, но умертвили всех острием меча», — говорит вождь похода, организованного папой против альбигойцев, населявших Южную Францию и не желавших покоряться его власти².

«Так как священнослужители называли самих себя «посредниками между Богом и людьми», «наместниками Христа и хранителями ключей царства небесного», то происхождение королевской власти от милости Божией сводилось к происхождению ее от милости церкви»³.

«Священник должен был стоять так недостижимо над мирянином, что последнему даже запрещено было жаловаться на первого в суд»⁴.

«Римский престол был матерью церкви и его властью должны управляться все частные церкви»⁵.

Законодательство Каролингов учило, что «к церкви, которая имела власть связывать и разрешать на земле и на небе, которая приготавливала тело Христово и раздавало его народу, следовало относиться с таким же благоговением, как к Самому Богу»⁶.

«Папа является «наместником Христа на земле», к ногам которого величайший из светских правителей смиренно кладет свой скипетр и державу»⁷.

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 164.

² цит. по Эйкен. Указ. соч., с. XXXVI.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 173.

⁴ Эйкен. Указ. соч., с. 174.

⁵ Эйкен. Указ. соч., с. 175.

⁶ Эйкен. Указ. соч., с. 176.

⁷ Эйкен. Указ. соч., с. 176.

Для возвеличивания папских притязаний, «еще в середине VIII века в папской канцелярии был составлен документ, названный «Константиновым даром»¹.

Согласно ему, император Константин Великий якобы «передал папе Сильвестру все знаки своего сана: диадему, скипетр, пурпуровую мантию и все императорские почести. Он сам держит за повод лошадь, на которой едет папа, и заповедал всем своим преемникам поступать так же.

В заключение он подарил папе Италию и всю Западную Империю, потому что, как он объяснил, было бы неправильно, если бы светский правитель имел власть там, где, по воле царя Небесного, должен находиться первоверховный глава священства и всего христианства»².

«Тем самым папа оказывался верховным светским владыкой Запада, а короли — его подданными. В середине IX века был составлен другой документ, в соответствии с которым папская власть должна иметь превосходство над любой светской, а в самой церкви римские первосвященники — обладать безусловным главенством над епископами»³.

По мнению папы Николая Первого, «вся церковь получает свои божественные права только от папской власти. Постановления соборов получают законную силу только по утверждению их папой»⁴.

«Проникаясь божественными целями церкви, увеличивая и укрепляя ее могущество, государство, в тоже время, само теряло основы своей прочности»⁵. Папа Григорий Седьмой потребовал себе прав распоряжаться светской властью государства по своему усмотрению⁶.

Недаром, ведущие историки, изучающие институт средневековой папской церкви, отмечали следующее. «Средневековые аскетические учения иерархов — это лицемерная маска», — писал проф. Р. Бексман в своем труде «Папская политика от Григория I до Григория VII»⁷.

Вот, как папа Александр Третий принимал императора Фридриха Второго в 1176 г. «Папа, в своих пышных первосвященниче-

¹ Гуревич, Харитонович. Указ. соч., с. 98.

² Эйкен. Указ. соч., с. 176—177.

³ Гуревич, Харитонович. Указ. соч., с. 99.

⁴ Эйкен. Указ. соч., с. 177.

⁵ Эйкен. Указ. соч., с. 179.

⁶ Эйкен. Указ. соч., с. 192.

⁷ цит. по Эйкен. Указ. соч., с. XXXIV.

ских облачениях, окруженный кардиналами и другим духовенством, восседая на высоком троне перед церковью св. Марка, выстроенной по образцу св. Софии Константинопольской, ожидал императора, который прибыл к нему с моря. Последний, сбросив с себя императорскую мантию, повергся к ногам папы и поцеловал их»¹. В средневековой церкви «стремление к нравственному воздействию отходит на второй план, а на первое место становится обладание и власть», — писал проф. Ваттенбах в своей «Истории римского папства»².

В Средние века, благодаря стараниям церковных иерархов, «понятие церкви сузилось до понятия священства. С этого времени церковь сделалась учреждением посредствующих между Богом и человечеством»³.

Крупнейшим феодалом Средневековья становится папство⁴. «Источниками дохода папской казны были: ежегодная дань феодалных государств; выплаты прелатов и других обладателей церковных бенефициариев, называемые *servitia*, *visitationis* и *annates* а также налоги, которыми периодически облагалась вся церковь или ее части в связи с крестовыми походами и другими особыми надобностями. К этим обычным источникам дохода следует добавить выплаты за различные папские уступки и индульгенции»⁵.

История нам сохранила тексты этих индульгенций, которые весьма ярко характеризуют состояние правящей церкви средневекового периода. «Монахиня, неоднократно грешившая в своём монастыре, а также за пределами его и пожелавшая стать аббатисой, уплачивает штраф в размере 131 ливра 15 су... Священник, желающий получить разрешение на сожительство с родственницей, уплачивает 76 ливров 1 су... Женщина, желающая приобрести отпущение и в то же время продолжать греховные сношения, уплачивает 87 ливров 3 су»⁶.

«Отпущение содомского греха стоило 12 дукатов, святотатства 9, убийства 7, колдовства 6, отцеубийства и братоубийства 4. Со времен Иннокентия Восьмого можно было откупиться даже от чистилища»⁷.

¹ Робертсон. Указ. соч., т. 2, с. 103.

² цит. по Эйкен. Указ. соч., с. XXXIV.

³ Эйкен. Указ. соч., с. 105.

⁴ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 98].

⁵ Шафф. Указ. соч., т.5. с. 483.

⁶ Таксилъ Л. Священный вертеп. — М.: Политиздат. 1985. — С. 222.

⁷ Гейссер Л. История Реформации. В 3 т. — М.: Ленанд, 2018. — Т. 1, с. 15.

Папа Иннокентий Восьмой говорил: «Бог не хочет смерти грешника, но чтобы он заплатил и жил»¹.

Папа Лев Десятый в 1517 г. на индульгенции, изображавшей распятые руки и ноги Христа, приказал написать такие слова: «Кто целует их, тот получает всякий раз отпущение на 7 лет»².

«Покупающие индульгенции становятся от этого чище, чем после крещения, и даже чище, чем был Адам в раю в состоянии невинности»³.

«Красный крест, водружаемый в церкви у ящика с разрешительными грамотами, с привешанной к нему папской печатью, имеет такую же силу, как крест Христов»⁴.

В 1415 году даже участники Констанцкого собора писали: «Нельзя видеть без крайнего отвращения, как папы оценили грехи, как мелочный товар, и посредством индульгенций продавали отпущение грехов за звонкую монету»⁵.

«Сбор с разрешительных грамот отдали на откуп купцам и большим банкирским домам, которые приняли на себя взыскание денег за отпущение грехов в целых странах»⁶.

«Огромные доходы, связанные с различными церковными должностями, в самом деле возбуждали зависть и будили честолюбие; многие, к тому же, становились монахами или священниками, не имея к этому истинного призвания. Зло могло бы быть если и не полностью предотвращено, то, по крайней мере, ограничено, благодаря строгому надзору вышестоящих властей, но папы, высшая власть в Церкви, сами подавали пример, поощряя злоупотребления и пользуясь их плодами. В Риме возник настоящий рынок церковных должностей. За каждую должность взималась плата согласно доходу, который она приносила: ради бенефиция в двести флоринов платили сорок, шестьдесят, восемьдесят флоринов»⁷.

«Назначенные таким образом священники, естественно, преследовали двойную цель: вернуть свой задаток, увеличив свои доходы, и избавиться от всяких забот и обязанностей, связанных со своим служением. Симония, небрежение и коррупция фигури-

¹ Гейссер Л. История Реформации. В 3 т. — М.: Ленанд, 2018. — Т. 1, с. 16.

² Там же. — Т. 1, с. 16.

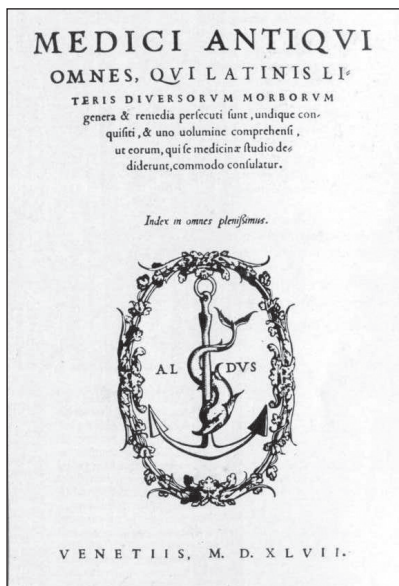
³ Там же. — Т. 1, с. 16.

⁴ Там же. — Т. 1, с. 16.

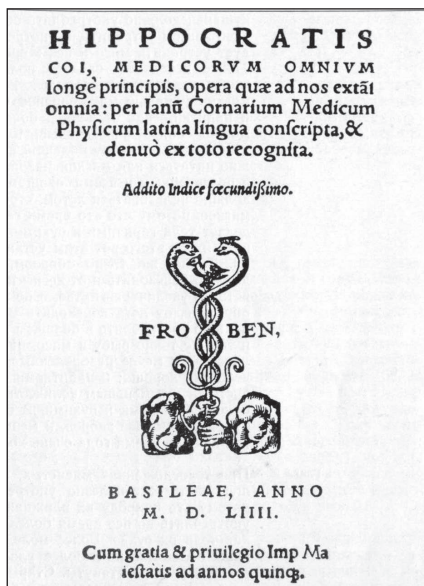
⁵ Там же. — Т. 1, с. 15.

⁶ Там же. — Т. 1, с. 15.

⁷ Дени Э. Гус и гуситские войны. — М.: Клио, 2016. — С. 17.

Титульный лист медицинской коллекции Альдов «Все древние врачи», Венеция, 1547 г.

Титульный лист Сочинений Гиппократ. Издание Фробена. Базель, 1554 г.

ровали не только в речах реформаторов, которые этими тремя словами определяли в сжатом виде состояние чешского клира, но и в официальных документах и заявлениях пражских архиепископов»¹.

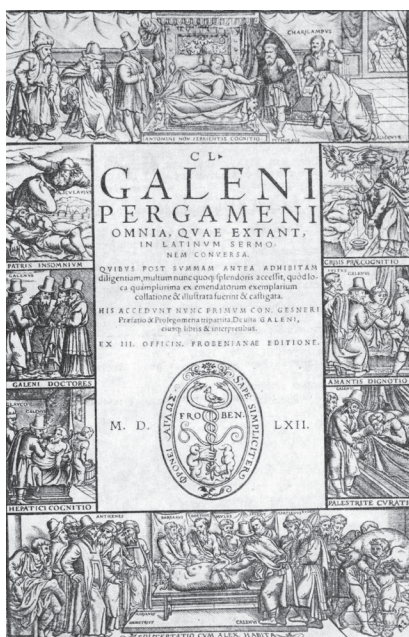
«Необходимы были деньги — их забирали у верующих. Каноны запрещали священникам требовать что-либо в оплату за религиозные обряды — не все ли равно! Свадьба, крещение, исповедь, погребение становились для клира неисчерпаемым источником доходов.

Один приходской священник отказывался служить погребальную службу по бедным до тех пор, пока один богатый, сочувствуя, не согласился заплатить за них, другие крестили детей лишь при наличии нескольких крестных, поскольку каждый из них был обязан сделать подарок священнику. Епитимьи заменялись штрафами, и существовала настоящая тарифная система штрафов за различные проступки, от мелких прегрешений до преступлений.

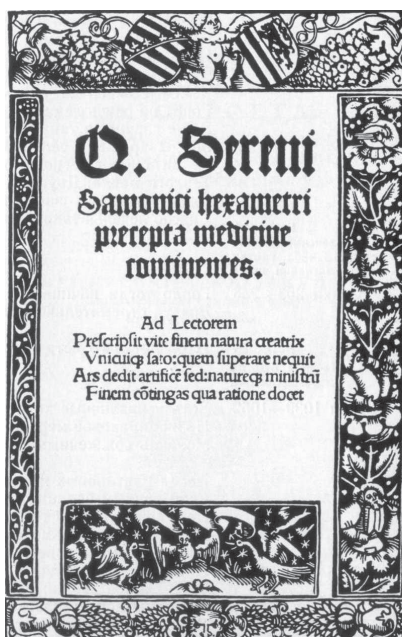
¹ Дени Э. Гус и гуситские войны. — М.: Клио, 2016. — С. 17.

Зло еще больше возросло с появлением индульгенций. Почти все церкви и монастыри получили от папы разрешение даровать отпущение части грехов за определенную сумму, барыши делились между монахами или священниками и римской курией. Десятина взималась с суровостью, неизвестной ранее; никакое имущество, ни один участок земли не избежал взыскательности церковнослужителей»¹.

«Священники были слишком заняты доходами, чтобы иметь время подумать о своих обязанностях. Большинство каноников не жили при соборах: сами приходские священники путешествовали, тратя свое жалованье в Праге, а приходом управляли арендаторы. Один священник мог отслужить мессу, когда ему заблагорассудится, другой не делал этого в течение семи лет. Жалобы возобновлялись так часто, что невозможно оспорить тяжесть злоупотреблений. Собор 1366 г. запретил начинать несколько месс одновременно, оставлять их неоконченными, заменять в воскресенье мессу с песнопениями тихой мессой. Казалось, что священ-

Титульный лист полного собрания трудов Галена на латинском языке, 1562 г.

Титульный лист поэмы Серена Самоника. Медицинская книга, Лейпциг, 1511 г.

¹ Дени Э. Гус и гуситские войны. — М.: Клио, 2016. — С. 17—18.

ники не сознавали своей вины, если архиепископ упрекал их — они оправдывались обычаем, устоявшейся привычкой. Заставить их жить при своих приходах, служить мессу! — это неслыханное дело. Некоторые даже снимали церковное облачение, не носили тонзуры»¹.

К сожалению, коррупция и мздоимство пронизало практически всю вертикаль средневековой государственной церкви того времени. «Добиться дружбы церковников и обещания царства небесного, отпущения всех содеянных и будущих грехов можно было только одним способом — дарением церкви своего земного достояния, отказом ей по завещанию земли, домов, денег. Эти блага притекали широкой струей к монастырям, церквям, к пражскому архиепископству. Церковные поместья округлялись и ширились за счет соседних земель. У таких деловых людей, какими были монахи, деньги не лежали недвижно. Святые отшельники отдавали их в рост. Крестьянин, у которого сторела хата, разорившийся ремесленник или купец, обнищавший рыцарь, если не могли достать займы у друга или соседа, шли к монастырскому казначею. Надо было долго бить поклоны перед иконами, молиться и поститься, чтобы, в конце концов, поклонившись в ноги игумену, получить денежки на грабительских условиях.

Монастыри стали первыми ростовщиками чешской земли, первыми ее банкирами.

Поразительное умение вымогать деньги католическая церковь проявляла, соприкасаясь с низами чешского народа, с маломощными, но многочисленными своими данниками — крепостными крестьянами и бедным городским людом. Не простая задача — отнять у бедняка последний грош. Чешские церковники владели в совершенстве этим искусством. Там, где крестьяне отрабатывали барщину на монастырских землях или платили монастырю оброк, церковники получали от них доходы по праву господина — феодала. Но феодал-церковник, в отличие от феодала светского, был хозяином не только труда, но и души своего крепостного. Это и позволяло ему выманивать у своего крестьянина сверх барщины или оброка еще и сбереженную про черный день копейку, пользуясь для того укорененными им же в душе крестьянина суевериями, опутав его ужасами загробных мук... К началу XV века католической церкви принадлежала половина всей земельной собственности в королевстве, в то время как земельные владения короля составляли всего лишь одну треть земельной собственности страны, а земельные владения панов, рыцарей и

¹ Дени Э. Гус и гуситские войны. — М.: Клио, 2016. — С. 19.

городских патрициев вместе — одну шестую этой собственности. Таким образом, могущественнейшим феодалом в Чешском королевстве была католическая церковь»¹.

«Со временем эти «рабы Божьи» обратились в не знающих над собой управы, требующих власти и почета честолюбцев и безудержных распутников. Такое перерождение черного духовенства было закономерно и неизбежно: вечное безделье и наложенное уставом, но никогда не осуществляемое на деле безбрачие создавали в их обиталищах гнилую, пронизанную лицемерием атмосферу. Но главное зло таилось в неумной жажде стяжания. Под обманчивым покровом святости, отрешенности от мирских интересов в монастырях рано угнездились торгашеский дух, ростовщичество, всякие разновидности вымогательства и взяточничества, мошеническая продажа тут же фабрикуемых «слез Христовых», «волос богородицы», а то и пропусков в рай — индульгенций.

«Откуда в духовных пастырях взяться такой жадности? Разве не должны священнослужители жить в евангельской бедности?» Среди пасомых мирян, глядевших на алчных пастырей, подобные еретические мысли возникали всюду и с давних времен. Церкви то и дело приходилось подавлять их суровыми карами, отлучениями и кострами.

Побуждая чешских королей и светских феодалов к щедрым дарениям, выматывая силы своих крепостных барщиной и оброками, опустошая кошельки деревенского и городского люда при помощи священных реликвий и всяких иных чудес, монахи в Чехии вели на глазах у народа жизнь вызывающе разгульную, обжорную и распутную.

Народ глядел на это непристойное зрелище со все возрастающим гневом. Возмущение усугублялось еще и тем, что большая часть монахов были немцы — невежественные проходимцы, прибывшие в Чехию на легкие хлеба. Очень часто они не умели даже прочесть молитву. В Чешское королевство их звали обычно настоятели-немцы. Чехов во главе чешских монастырей не было совсем. Верхи белого духовенства были развращены не менее монахов. Чтобы получить сколько-нибудь важную церковную должность в королевстве, надо было прежде всего понравиться Римской курии, а затем заплатить ей. В Риме для этой цели имелась подробно разработанная шкала. Например, возводимый в сан архиепископа Чехии уплачивал курии «сервиций» — взятку в две тысячи пятьсот золотых дукатов. Епископская кафедра, как менее доход-

¹ Ревзин Г. Ян Жижка. — М.: Молодая гвардия, 1952. — С. 46—47.

ная, расценивалась ниже. Еще меньше платили Риму за церковный доход от деканства, пробства, каноний. На римском рынке церковных должностей сан получали нередко люди, не имеющие ничего общего с делами духовными, — военные, придворные, а то и малолетние дети. Разумеется, они не знали богослужения, порой никогда и не бывали в своей церкви. Но оттуда в их карманы притекали «доходы». Для них это была выгодная коммерция.

Глядя на папу, все священнослужители меньшего сана — архиепископы, епископы, викарии — за всякую пожалованную им низшую духовную должность, за всякий, как они выражались, «церковный доход» требовали себе мзды. В Чешском королевстве было свыше двух тысяч приходов. Это определяло размеры торговли. В конечном счете, все оплачивала паства. С нее вымогали за поминальные службы, венчания, погребения, крещения. Всякий чех, который хотел получить доступ к чему-либо, связанному с церковью, должен был, прежде всего, широко раскрыть свой кошелек»¹.

Состояние тогдашнего духовенства хорошо видно из проповедей великого европейского чешского просветителя и реформатора Яна Гуса.

Так, «Гус решительно отвергает порядки чешской церкви. Гневными словами клеймит он жизнь священников и монахов:

28. О, пусть погибнут каноники, епископы и прелаты, которые жрут и лакают, пасут свои тучные тела, а о духовном своем призвании совсем забыли. Священники содержат красивых лошадей в дорогой упряжи, своры охотничьих собак. Не успеют они отслужить обедни, как тут же, в церкви, стовариваются между собой, в какой корчме сойтись пьянствовать.

29. В Чехии, — продолжал Гус, — монахи имеют пиво и старое и молодое, и густое и слабое. Нет у нас людей, которые имели бы такое изобилие на потребу телес своих. Сами короли и паны не имеют таких яств и питий, всегда столь хороших и всегда в таком изобилии наготовленных. Для такой жизни деньги вымогают у бедняков.

30. Что ни насильник-пан, ни грабитель, ни ночной вор не смогли забрать, то у бедного человека выманят священники и монахи за исповедь или за обедню, за отпущение грехов, за молитвы или за погребение. Последний грош, припрятанный старушкой, и тот вытянет у нее священник, обманщик и хищник. Он хитрее и злее вора.

И Гус рассказывает, как один монах, задумав поглубже забраться в карман верующих, говорил в своей проповеди:

¹ Ревзин Г. Ян Жижка. — М.: Молодая гвардия, 1952. — С. 48—50.

«Знайте, дети мои, есть три разных черта: один закрывает сердца, чтобы не скорбели они о сотворенных грехах. Это, дети мои, злой черт. Другой закрывает уста, чтобы не молились они и не прославляли Бога. Этот черт, дети мои, хуже первого. Но третий черт хуже всех — он закрывает ваши кошельки. Не давайте тому черту овладеть вашими душами, обратитесь к святости и раскройте кошельки». Мы встаем, — продолжал Гус, — против тех, кто крадет коров. Как же не восстать нам против грабителей в рясах, которые выманивают у бедняка последний грош?

31. Если заболит богатый, к нему спешат священники со всех сторон. А заболит бедняк, так к нему не заглянет ни один из них. Гус рисует перед собравшимся народом всю гнилость церкви:

32. Кто больше денег заплатит, тот и возьмет епископскую власть и всякую иную духовную должность. Костелами и алтарями торгуют, словно то вола и коровы. А что происходит от этого? Всякий дурак знает, что есть у нас в Чехии никудышные епископы, неспособные и свиной пасти.

Гус долго еще клеймит лихоимство и разврат священников и монахов, а затем, повысив голос, возглашает:

33. Как Христос и Его апостолы не были обременены земельными владениями, так точно и наместники и преемники их не должны владеть землями.

О, верные слуги короля, вельможи, паны и рыцари! Пробудитесь от непробудного сна, в который вас погрузили священники и монахи! Прогоните из их поместий жадных до наживы иереев! Иначе не минуть вам бури! Вспомните, вам доверено Богом управление народом! Потому покончите с алчностью священнослужителей. Не позволяйте им грабить народ с дьявольской хитростью. Не давайте вывозить из ваших панств богатства к вашей невыгоде»¹.

Таково было состояние той системы, которая в Средние века берет под свой контроль университеты.

Глава 7

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЦЕРКОВЬ. ПРЕДАНИЯ ВЫШЕ НАУКИ

Итак, как самый мощный, могущественный и прагматичный институт Средневековья папство берет под свой контроль всю систему образования, прекрасно понимая, какие это сулит ему выгоды и одновременно, какую может принести опасность, если вы-

¹ цит. по Ревзин Г. Ян Жижка. — М.: Молодая гвардия, 1952. — С. 48—50.

пустить ее из своих рук. Именно поэтому, изучая историю средневековых университетов, мы видим постоянно на ней тень святого престола.

— **Средневековая церковь не признавала и преследовала понятия индивидуальности.** В Средние века «за индивидом, вообще не признавалось право на существование в его единичной неповторимости»¹. Средневековая церковь формировала мировоззрение, согласно которому «быть индивидом означало быть ловкачом. Многообразный средневековый коллективизм окружил слово «индивид» ореолом подозрительности. Индивид — это тот, кто мог ускользнуть из-под власти группы, ускользнуть лишь при помощи какого-то обмана. Он был жуликом, заслуживающим если не виселицы, то тюрьмы. Индивид вызывал недоверие»².

Такая позиция средневековой церкви не являлась исключительной в истории, ибо, как известно, любой тоталитарный режим борется с понятием индивидуальности, который является неотъемлемой частью понятия свободы, и, в первую очередь, свободы мышления. Только лишив человека индивидуальности, т.е. права думать и считать по-другому, и тем более действовать, можно эффективно руководить им. Массой, и тем более, темной, необразованной править всегда легче. Но в отличие от других тоталитарных систем, средневековая церковь обосновывала опасность индивидуальности тем, что, согласно ее учению, якобы «спасение может быть достигнуто лишь в группе и через группу»³, т.е. через церковь.

Убивая понятия индивидуальности, убивалось и понятие науки, ибо в ней для того, чтобы что-то открыть, необходимо мыслить индивидуально, а не в рамках жестко установленных шаблонов, которые исповедовала схоластика. Убивая индивидуальность, убивалось и понятие творчества.

— **Папа открывал большинство средневековых университетов, когда стало ясно, что процесс просвещения не сдержать.**

Без папской грамоты университет существовать не мог⁴. Для основания университета требовалось утверждение его папской буллой⁵. Университеты утверждались папами с целью утвердить

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 261.

² Там же. — С. 270.

³ Там же. — С. 261.

⁴ Суворов. Указ. соч., с. 99.

⁵ Эйкен. Указ. соч., с. 530.

Начальная страница Бреславского
Салернского Кодекса, 1302 год

коррупции и лжеучений. Поэтому так называемых еретиков папство не только лишало всех прав, «но, по выражению Урбана II, несчастный становился дикой птицей, и тот не брал греха на свою душу, кто в порыве своего священного гнева убивал подобное лицо. При этом считается даже правильным, если отлученный от церкви будет убит предельским образом»⁵.

Одновременно с этим, понимая, насколько опасны будут те, кто получил неконтролируемое церковью университетское образование, церковь и подвластные ей короли ограждали своих подданных от обучения в таких университетах. Так, король Испании Филипп Второй «в 1559 году воспретил своим подданным учиться или преподавать в иностранных школах и университетах под страхом потери права национальности и всего имущества: он же-

свое влияние в науке и подготовке, в частности, врачей»¹. Именно поэтому университеты, основанные папами, становились центрами схоластики. Главным из них был в этом отношении Парижский университет, который по меткому выражению Ж. П. Марата был «очагом реакции и пустословия»². С усилением же папской власти университеты вообще теряют светский характер³.

— Университеты в Тулузе и Гейдельберге были прямо основаны папами для борьбы с «ересью»⁴.

При этом, «ересь» представляла собой, как правило, попытку реформировать римскую церковь, освободив ее от

¹ Сорокина Т.С. Атлас истории медицины. Средние века (476—1640). — М.: Изд-во ун-та Дружбы народов, 1983. — С. 99.

² Там же. — С. 99.

³ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 581.

⁴ Суворов. Указ. соч., с. 62, 96—97.

⁵ Суворов Н.С. О церковных наказаниях: Опыт исследования по церковному праву. — М.: Ленанд, 2015. — С. 97.

лал отделить непроницаемой стеной Испанию от умственной жизни остальной Европы»¹.

— **Даже короли и императоры просят у папы разрешение на открытие университетов** (император Карл IV на открытие Пражского университета, король Казимир Польский — Краковского, король Владислав — Венгерского)².

— **Руководство университетов составляли священники.**

«За редким исключением преподаватели на факультетах были священниками, а если они были мирянами, то неженатыми. Папа Иоанн XXII в 1331 году разрешил женатому мужчине преподавать медицину в Париже, но это было исключением из правил. Только в 1452 г. требование безбрачия было отменено на медицинском факультете в Париже, когда было разрешено вступать в брак дипломированным врачам, и только в 1479 г. — в Гейдельберге»³.

Причиной того, что врачами в Средние века в подавляющем числе случаев были лица священнического сословия, объяснялось тем, что в те времена «единственным ученым сословием было духовенство; все, кто умел в те времена читать и писать, становились церковниками и быстро ассимилировались духовенством, подчиняясь всем его правилам и законам, вплоть до обязательного celibата (безбрачия). Это объясняет нам, почему в Западной Европе в течение всего Средневековья врачи были церковниками или даже канониками. Церковь постоянно держала врачей в своей власти, и врач, безразлично — верующий или нет, лишался права практики в случае пропуска исповеди у своего духовника, совершавшейся каждые три дня»⁴. При этом в раннем Средневековье врачами вообще были представители высшего духовенства. К их числу принадлежали, к примеру, пражские епископы Тиеддаг (умер в 1017 г.), Иззо (умер в 1030 г.) и т.д.⁵.

Однако, уже согласно решениям Регенсбургского собора от 877 года священникам было запрещено заниматься медициной, так как этим они якобы демонстрировали то, что недостаточно молитв для исцеления больного. Реймский собор от 1131 г. постановил отправлять в отставку священников, занимающихся врачебной практикой⁶.

¹ Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Инквизиция. — М.: Либроком, 2017. — С. 144.

² Суворов. Указ. соч., с. 69.

³ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 343.

⁴ Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017. — С. 79.

⁵ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 585.

⁶ Там же. — С. 585.

При этом профессора и другие преподаватели принимали чаще всего низшую степень духовного посвящения, что, с одной стороны, давало им возможность не вступать в собственно духовное сословие (с ним их сближало, в первую очередь, обязательное безбрачие), а с другой — заниматься врачебной деятельностью и пользоваться церковными пособиями — бенефициями, составлявших большую часть университетских доходов¹.

— **Программа университетов утверждалась церковью.**

Учебные программы занятий утверждались папскими легатами². Так, «папа Александр IV в послании к Парижскому университету писал, что теология правит остальными науками, как их госпожа, а они следуют за ней, как ее служанки»³, и преподаватели должны были приносить присягу, что они в своих лекциях будут строго придерживаться догматов папства⁴. Но в любом случае преподавание в университете жестко контролировалось церковью, и весь строй жизни университетов был скопирован с церковных учреждений⁵.

«Содержание науки и практические занятия наукой находились исключительно в руках церкви. Вся область средневековой науки разрабатывалась почти исключительно духовенством и в особенностями монахами. В течение целых столетий философы, правоведы, физики, историки выходили почти без исключения только из рядов духовенства. Число мирян, получивших научное образование, было совершенно ничтожно»⁶.

В 1566 г. папа Павел IV издает буллу «*Supra gregem dominicum*», которая запрещает врачам навещать больного более чем три дня кряду, если последний в промежутках между посещениями не исповедовался.... Прежде, чем получить звание доктора, врачи обязаны были принести клятву в соблюдении этого предписания, долженствующего иметь силу закона не только в папских владениях, но и во всем католическом мире»⁷.

— **Языком преподавания в университете был латинский язык.** Сделав латынь, уже мертвый язык к тому времени, языком университетского образования, папство преследовало несколько целей. Во-первых, через это отсекалось практически все

¹ Гезер. Основы истории медицины. Указ. соч., с. 180, 183.

² Шафф. Указ. соч., т.5, с. 343.

³ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 340.

⁴ Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — С. 64.

⁵ Мультановский. Указ. соч., с. 68; 25, с. 137.

⁶ Эйкен. Указ. соч., с. 527.

⁷ Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Инквизиция. — М.: Либроком, 2017. — С. 102.

простонародье, которое не могло получить хорошего предварительного образования для поступления в университет, где все преподавание велось на латинском языке. А, во-вторых, средневековая церковь пыталась сохранить единство европейской цивилизации, которой она правила⁸.

— Превалирование богословского факультета над другими.

Примечательно, что «из трех высших факультетов: богословского, юридического и медицинского, предпочтением пользовался первый, тогда как последнего (т.е. медицинского) еще в четырнадцатом и пятнадцатом веках во многих университетах вовсе не было, а в других он был представлен одним или двумя преподавателями. Предметом преподавания на юридическом факультете до конца четырнадцатого века было исключительно каноническое право. До этого времени римским правом занимались лишь постольку, поскольку это было нужно для понимания канонического права. В Парижском университете изучение римского права было в 1218 году вовсе запрещено, так как опасались, что оно будет мешать занятиям каноническим правом. В основанной в 1348 году в Праге высшей школе лекции по римскому праву были введены только в 1390 году, а до тех пор читались лекции по каноническому праву. Из этого значительного преобладания церковной учености происходило то, что и в университетах преподаватели были большей частью из духовного звания. Поэтому в более раннее время университеты и содержались не за счет владельцев страны, а за счет церкви, именно соборными и коллегиальными капитулами, а также монастырями, оплачивавшими профессиру с церковных имуществ. Поэтому церковь имела также право наблюдения за университетами и за их научным преподаванием и право выдачи лицензий»².

— Высказывание новых идей приводило к сожжению их проповедующих.

В Средние века, как мы уже упоминали, «наука находилась во власти духовенства, не допуская даже малейшего отступления от установленных правил при изучении той или другой области. Все науки сводились к тому, что спасение человеческой души мыслимо только в лоне католической церкви и лишь при беспрекословном повиновении святейшему наместнику Иисуса Христа на земле, имеющему полную власть. В силу такой поста-

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия. 1992. — С. 258.

² Эйкен. Указ. соч., с. 530.

новки всего дела преподавания нередко происходили дебаты среди ученых при самой торжественной обстановке на тему об оселе, помещенном между двумя одинаковыми мерами одинакового овса; требовалось научно решить, откуда сначала возьмет осел корм, с правой или с левой стороны? На подобные бессмысленные дебаты тратились умственные силы учащейся молодежи»¹.

Те же, кто не желал участвовать в подобных пустопорожних дискуссиях и высказывал новые мысли и идеи — ждал костер. Эти герои науки «должны были, подобно мученикам за веру, претерпеть всякого рода преследования»², вплоть до мученической смерти³. Наиболее яркий тому пример — это Джордано Бруно, хладнокровно сожженный инквизицией. «Церковь требовала не рассуждающей веры»⁴. Она зиждилась на принципах схоластики, которой любые новые идеи противоречили в принципе! Более того, новое ассоциировалось с дьявольским⁵! Поэтому единичные пытливые умы Средневековья и сжигались на кострах, как еретики. Как тонко отмечено, переворот в области медицинских знаний, совершившийся в эпоху Великой Реформации, «произошел не благодаря, а вопреки консервативным медицинским университетам»⁶.

— Подавляющее большинство университетов находилось вначале в ведении ордена Доминиканцев, а затем Иезуитов, т.е. орденов, управляющих Инквизицией.

Доминиканцы «захватили в свои руки систему образования и, прежде всего, богословские кафедры в университетах»⁷.

«Доминиканцы требовали предоставления им строжайшего надзора над всем образованием. Они прибирали к своим рукам обучение богословию и схоластике и не допускали никакого «вольнодумства». Их деятельность в Монпелье и Париже, Кельне и Праге, Болонье и Падуе, Саламанке и Оксфорде пользовалась исключительным вниманием Рима. Борьба доминиканцев с новшествами в деле постановки образования восхвалялась папством как величайшая добродетель истинно преданных сынов церкви.

¹ Быков А.А. Лойола. Его жизнь и общественная деятельность. — М.: Республика, 1995. — С. 329.

² Гезер. Г. Основы истории медицины. — Казань: Изд. Н.А. Ильяшенко, 1890. — С. 160.

³ Там же. — С. 162.

⁴ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 142—143.

⁵ Там же, с. 161.

⁶ Болтон Г. Мистическая Прага. — М.: Вече, 2012. — С. 142.

⁷ История Средних веков //Под ред. Н.Ф. Колесниченко. — М.: Просвещение, 1986. — С. 341.

Из доминиканских школ вышло немало известных инквизиторов; еще в большей степени орден являлся поставщиком низшего и среднего персонала инквизиционных судилищ¹.

Главной целью доминиканцев была борьба с ересями. Именуя себя «псами Господними» (*domini canes* — созвучно «доминиканцы»), они громили еретиков не только с кафедр университетов, но и оружием инквизиции. Из них обычно «комплектовались трибуналы инквизиции»². Именно поэтому папство и доверило этому ордену контроль за системой образования, прекрасно понимая, насколько важно направлять и держать под контролем умы людей.

Вторгались в университеты и францисканцы³, неся туда свои суеверия и пытаясь периодами с целью наживы, хотя и безуспешно, захватить у доминиканцев контроль над системой образования.

И если вначале образованием ведали инквизиторы-доминиканцы, то во время Великой Реформации папство, видя, что прямые и жестокие методы доминиканцев уже не срабатывают, поручает образование зловещему ордену иезуитов.

Папа Урбан V в своем Послании к тому же Парижскому университету от 1366 года писал, что студенты «должны слушать лекции, сидя на земле, а не на лавках, для укрощения духа и для погашения в их молодости искушений и гордости»⁴.

Церковь открыто объявляла любые научные или технические новшества грехом! Более того, изобретать что-либо новое считалось безнравственным⁵! «Ревностные служители католической церкви усердно уничтожали все следы мысли и науки древних греков и римлян, у которых уже много было накоплено в области наук и искусств, разрушали памятники их искусства, жгли библиотеки. Тезис «неведение — мать благочестия» стал правилом... во имя такого благочестия уничтожалось все, что могло внести светлый луч в темное сознание полуязыческих народов, варварских народов, усвоивших себе только внешнюю, обрядовую сторону христианской веры». «Отцы и учителя католической церкви стали мало-помалу считать божественной истиной свои собственные

¹ Лозинский С. Г. История папства. — М.: Политиздат, 1986. — С. 130.

² История Средних веков //Под ред. Н.Ф. Колесниченко. — М.: Просвещение, 1986. — С. 342.

³ Гаустрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — С. 215.

⁴ Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — С. 64.

⁵ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 303.

мнения, а все, что было не согласно с ними, — греховным и еретическим. Благодаря этому, нередко они осуждали и самое простое, естественное стремление человеческого духа исследовать окружающий нас видимый мир»¹.

Инквизиция, особенно в Италии и Испании, которые считались в эпоху Ренессанса одними из ведущих стран в области науки и искусства, нанесла там всему просвещению смертельный удар такой силы, который продолжает сказываться там и по сей день. «Римской инквизиции, либо непосредственно, либо производимым ею давлением на пространстве всего полуострова, удалось подавить не только свободу писать или говорить, но даже мыслить. Животный страх, лицемерие и боязливое ханжество охватило ту Италию эпохи Возрождения, которая еще так недавно была полна радости, шума, кипела жизнью, всякого рода порывами и гением. Великие поэты и ученые, знаменитые писатели и дивные художники быстро исчезали, и повсеместно наступил упадок; процветали только монашеские ордена и церковные церемонии. Монашеские ордена, в особенности иезуиты, захватили в свои руки обучение и воспитание юношества. Некогда столь цветущие университеты в Падуе, Пизе и Болонье безвозвратно приходили в упадок, так как свобода исследования и научных доктрин, — этот жизненный элемент всякого университетского преподавания, — не мог существовать рядом с мрачным, недоверчивым и все более захватывающим авторитетом римской курии, ее епископов и агентов, зорко следивших за академическими курсами. Догматы и даже церковные церемонии ограничивали науку самыми тесными рамками, охраняемыми с большою строгостью духовной цензурой и инквизицией»². Так же, как Италию, самая печальная участь постигла и Испанию с Португалией, где инквизиция получила полную власть истреблять всякое инакомыслие и науку. «Не только умственное развитие испанского народа, но и материальное благосостояние его было раздавлено под двойною тяжестью светского и духовного деспотизма. Это было смертным приговором для величия и благополучия всего полуострова... Никто в Испании больше не решался думать иначе, чем Церковь и инквизиция, и умственное движение испанского народа было окончательно подавлено этим тяжелым, неумолимым гнетом и постоянным страхом, который он налагал на все классы народа.

¹ Величина В. Очерки истории инквизиции. — М.: Тип-я И.Н. Кушнерев, 1906. — С. 13.

² Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Инквизиция. — М.: Либроком, 2017. — С. 97—98.

Те, кто не хотел совершенно отказаться от свободы мыслить, бежали за границу»¹.

Университеты одобряли и обосновывали применение пыток². Инквизиторы были богословами и имели докторские степени от университетов³. Авторы зловещего руководства для инквизиторов «Молота ведьм» доминиканцы Шпренгер и Инститор были профессорами университета⁴.

— Университеты, как рассадники суеверий средневековой церкви

В средневековых университетах подробнейшим образом преподавалось учение средневековой церкви о ведьмах и других суевериях. Университеты придали всему этому мракобесию научную основу с помощью экспериментов в застенках и размышлений в монашеской келье⁵.

В 1491 году Келький университет выпустил предупреждение, что всякое оспаривание реальности колдовства «повлечет за собой грех противодействия инквизиции»⁶.

Примечательно, что одновременно с этим, папские богословы учили, что Библии недостаточно в деле церковного учения, и что она вообще затруднительна для правильного понимания⁷.

Заключение

Таким образом, средневековые университеты так и не стали за несколько столетий центрами подлинной науки и даже более того, превратились в подавляющем большинстве случаев в рассадники пустословия, суеверий и оккультизма, сдерживающими любую научную мысль и прогресс, как таковой. Причем, это имело четкие причины, коренящиеся в той базовой идеологии, на которой зиждились средневековые научные представления, утверждаемые средневековой церковью и которые мы рассмотрим в специальной части данной книги.

¹ Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Инквизиция. — М.: Либроком, 2017. — С. 145, 143.

² Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. Из истории борьбы церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С. 21.

³ Там же. — С. 152.

⁴ Там же. — С. 150—151.

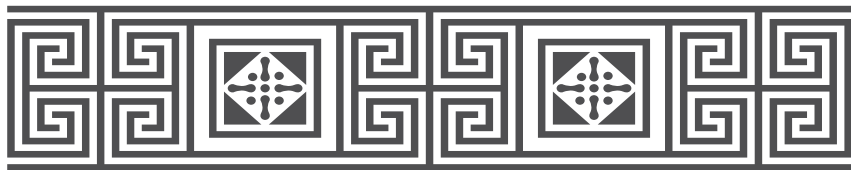
⁵ Там же. — С. 143, 148, 150.

⁶ Бейджент М., Ли Р. Инквизиция. — М.: Эксмо, 2003. — С. 131.

⁷ Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. Из истории борьбы церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — С.182—183.

Часть VII
ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ОСОБЕННОСТЕЙ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
МЕДИЦИНЫ

Что же обуславливало то, что на протяжении тысячи лет средневековые города пребывали просто в ужасающем санитарно-эпидемиологическом состоянии, почему отсутствовала личная гигиена, почему практически совершенно не развивалась медицинская наука, пребывая в оковах грубейших суеверий, магии и темноты, ведь были же великие умы, почему же их начинания не получали никакого продолжения, да и они сами порой уходили в то же невежество, что и остальные; почему, наконец, медицина в Европе начинает бурно развиваться с XVI столетия, причем, не во всей Европе, а именно в Северной (Германия, Англия, Швеция, Дания); почему медицина Италии и Испании, несмотря на наличие прекрасных ученых, дольше всего остается на позициях средневековых взглядов на болезнь. Кстати, и костры инквизиции именно только в Испании продолжали гореть еще в первой трети XIX века!

При исследовании этих важных вопросов, мы подходим к тому, что формировало базу средневекового миропознания, представлений, философии, что управляло умами людей долгие столетия, направляя и руководя всеми сторонами жизнедеятельности человека, а именно — средневековой церкви. Именно учения средневековой государственной церкви легли в основу тогдашней медицины, определив ее ведущие понятия, сформировав схоластику и на основе средневековых учений и догматов выработав принципы гигиены и лечения. Эти учения, в свою очередь, пришли в церковь из язычества. Ибо, «когда при императоре Константине Первом (306—337) были сделаны первые шаги на пути превращения христианства в государственную религию, вместе с притоком в лоно церкви большого количества новообращенных, веками практиковавшиеся народные обряды, заклинания, ношение амулетов, словом, все, от чего в течение первых столетий своего существования христианство себя тщательно оберегало, все более «легализуется» в повседневной жизни верующих» [2, с. 278]. Итак, какие же церковные учения сформировали средневековую медицину?

Глава 1

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕДИЦИНА И УЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕРКВИ О БОЛЕЗНИ

Средневековая церковь связывала причины появления болезней с тремя основными факторами.

Первое, — болезнь, как наказание Бога за грехи людей. Проповедуя о немилосердном суровом Боге, церковь учила, что за любую малейшую провинность Господь посылает на людей различные наказания, и, в первую очередь, болезни. Сами больные «стали воспринимать болезнь со смирением, видя в ней наказание или испытание, ниспосланное свыше Божественным Провидением, а в исцелении старались полагаться исключительно на волю всемогущего Творца»¹. Болезни, ниспосылаемые Богом, воспринимались людьми Средневековья, как вообще якобы стрелы, сыплющиеся с неба на людей².

Это представление, что «болезни посланные Богом, обрушиваются на человека — долго сохраняло свою актуальность и после Средневековья»³. Но так как Господь суров и всегда карает грешника, то обращаться за прощением и помощью к Нему напрямую нельзя. Для этого нужно, чтобы за человека кто-то походилтайствовал перед Богом. И это могут быть только, безусловно, святые. Но к тем, в свою очередь, чтобы добиться их лучшего расположения, необходимо обращаться при помощи священников, молитвы которых святые якобы слышат быстрее. А для оказания почтения и уважения к церкви надо сделать ей приношение.

Средневековая церковь также учила, что болезни могут наслать святые, если человек не уважительно относиться к ним или работает в их праздник. Так, «св. Антоний мог покарать за это «огнем св. Антония» (эрготизм), святой Власий — болезнью горла и карбункулами, святой Витт — «болезнью св. Витта» (род истерии), святой Урбан — подагрой, святой Валентин — эпилепсией»⁴. При этом, многие святые проявляли весьма большую жестокость. Так,

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 17.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 107.

³ Vania C. Krankheit P. Dinyelbacher. Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthemen in Einzeldarstellungen. — Stuttgart, 1994. — S. 195—200.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 104.

к примеру, св. Анно именем Христа ослепил женщину, усомнившуюся в его святости¹.

Таким образом, для излечения болезни необходимо приносить дары в церковь, просить заступничества священников, молиться святым и совершать паломничества к их мощам, обладающим якобы чудодейственной силой. Отсюда происходят рассмотренные нами выше принципы лечения, с помощью мощей святых, амулетов, талисманов.

Второе, — болезнь, как одержимость злыми силами. Отсюда этот страшный феномен Средневековья, когда болезнь объявлялась следствием глаза со стороны ведьм². А раз так, то и главным методом лечения этих болезней провозглашалось вначале обнаружение самих ведьм, а потом изгнание бесов из одержимых³.

Одной из самых мрачных страниц истории Средневековья является охота на ведьм. «Вероятно, в истории человечества нет главы более отталкивающей, чем та, где рассказывается о дикой вере в колдовство и о безжалостных наказаниях за него в Западной Европе, за век перед началом Реформации и последующее время. Во второй половине XIV века церковь и общество панически устремились на ведьм, и христианский мир вдруг мгновенно наполнился одержимыми, подчиняющимися непреодолимому влиянию сатаны. Эта мания из Рима и Испании распространилась в Бремен и Шотландию. Папы, юристы, **врачи** и деятели церкви всех уровней призывали к репрессивным мерам против ведьм, а протестовали в Средние века только жертвы, подвергаемые пыткам и погибающие на костре»⁴. Ведущий богослов средневековой церкви Фома Аквинский прямо писал «о сожительстве людей с бесами как о реальности, а также утверждал, будто старухи взглядом могут передать молодым некое злое влияние»⁵.

Следствием этого было то, что, во-первых, психически больных людей объявляли одержимыми и или сжигали на костре, или подвергали тюремному заключению, где эти несчастные погибали, или оставляли в качестве предметов развлечений при дворах вельмож. Во-вторых, многие нервные заболевания, сопровождаемые различными тиками, так же объявлялись признака-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 116.

² Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 329.

³ Шафф. Указ. соч., т. 6, с. 330-332; 14, т.3, с. 543.

⁴ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 6, с. 327.

⁵ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 6, с. 329.

Подозреваемую в колдовстве женщину бросали с моста. Если она всплывала, то ее обвиняли в колдовстве и сжигали. Если она тонула, то ее объявляли невиновной

ми одержимости и требовали изгнания бесов из этих людей. В-третьих, малейшее необычное течение заболевания у женщины объявлялось следствием ее связи с бесами и несчастную объявляли ведьмой, подлежащей сожжению на костре. Для дознания наличия одержимости приступали к пытке каленым железом, так как считалось, что она самая эффективная. Для выяснения окончательного вопроса, просто ли больна женщина или одержима, использовались наиболее часто следующие два метода. Согласно первому, считалось, что если несчастная может удержать раскаленное железо в руках и пройти с ним несколько шагов, то она не одержима¹.

Другим методом по выявлению одержимости, как мы писали выше, был следующий. Женщину бросали в реку с моста, и если она выплывала, то считалась одержимой и подлежала сожжению, а если тонула в реке, то объявлялось, что одержимой она не была².

¹ Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2008—2010. — Т. 6, с. 333.

² Реньяр П. Умственные эпидемии. — М.: Emergensy Exit, 2004. — С. 37; Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 241.

Вследствие постоянного страха перед расправой, чинимой инквизиторами, вследствие пребывания в церковных тюрьмах, через которые проходил большой процент средневековых жителей, где инквизиторы чинили свои допросы; вследствие постоянных запугиваний вечными смертными муками; вследствие длительных изнуряющих постов, приводящих к нервному истощению, нервно-психические заболевания были очень широко распространены в эпоху Средневековья¹. Средневековая церковь также учила, что раз все земное находится во власти демонов, то их жертвами могут стать даже невинные младенцы и праведники². Таким образом, само понятие болезни, принятое в средневековой медицине, согласно учению папства, сводило болезнь или к Божьему наказанию или к одержимости. И в том и другом случае ни о каком подлинном медицинском понимании болезни, а, следовательно, разработке методов диагностики и лечения заболеваний, не требовалось в принципе. Медицина ограничивалась в лучшем случае, как указывалось выше, сохранившимися понятиями врачей античного времени.

Третье, — болезнь, как следствие неблагоприятного расположения звезд, сглаза, родовых проклятий. Вследствие того, что со времен императора Константина Великого в учение Западной церкви вошло много языческих верований³, потому и лечение болезней также не ограничивалось исповедью, молитвой и средствами, допустимыми, с точки зрения церкви, но, как сетуют церковные авторы, сплошь и рядом соответствовало «обычаям язычников»⁴.

Это было, с одной стороны, обусловлено тем, «что поверхностная, формальная христианизация имела следствием тот факт, что уже крещеное (и даже не в одном поколении) население продолжало упорствовать в «суевериях: языческое и христианское продолжали сосуществовать»⁵. А с другой стороны, ассимилируя христианство, языческая культура и представления стали созда-

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 225.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетея, 2004. — С. 113.

³ Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. — ФРГ, Bielefeld: GBV, 1994. — Т.1, с. 300.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетея, 2004. — С. 19.

⁵ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетея, 2004. — С. 24; Schmitt J.C. Hidentispab und Hollenangst. Aberglaube im Mittelalter. — Frankfurt/Main, 1993. — S. 45.

вать уже якобы «христианские представления». «Так рождаются, например, христианизированные формы целительной магии, многие формы культа святых, «христианские суеверия»¹. И как в языческие времена, болезнь стали связывать с неблагоприятным расположением звезд и проклятиями. Так, «из проповедей, обличающих невежество и грехи прихожан, или «покаянных» книг, содержащих перечень церковных покаяний за прегрешения, мы узнаем, что в обыденной жизни возникновение болезней или внезапную и непонятную смерть, рождение детей-уродов и разные другие несчастья средневековый человек объяснял воздействием колдовства, «дурного глаза», вредом со стороны мертвых, «стрелами» эльфов, домовых и других сказочных существ, населявших, согласно народной мифологии, весь окружающий мир, и тщательно оберегал себя от их воздействия при помощи далеко не христианских ритуалов, амулетов, наговоренных трав и «магических» предметов»².

К таким заболеваниям, которые средневековая церковь считала наколдованными, относились: «острые психозы, параличи, потеря памяти, заикание, импотенция, медленно текущие заболевания с неясной локализацией симптомов»³.

Средневековые также верило в силу глаза при насылании болезней. При этом те, кто обладал такой силой по воззрениям средневекового общества, были одинокие старухи, бездетные женщины, женщины в период менструации, люди с врожденными уродствами, а также те, кто совершил убийства и сексуальные извращения. При этом весьма опасным считался и завистливый взгляд⁴. Верили, также, что «душа старой женщины чаще бывает исполненной зла, от чего сам взгляд ее становится ядовитым и опасным, особенно для детей, чье тело еще нежно и легко уязвимо»⁵. Кстати, эти суеверия процветают и в наши дни. И, в частности, многие родители предпочитают завешивать при прогулках коляски своих детей, чтобы чей-то недобрый взгляд не сглазил их. Таким образом, для лечения болезней прописывались самые настоящие магические рецепты с применением зубов дракона, толченых крыльев летучей мыши, плесени, взятой с погребальных плит, и воды, забранной в лунную ночь.

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 26.

² Там же. — С. 19.

³ Там же. — С. 80.

⁴ Там же. — С. 83, 84.

⁵ Там же. — С. 85.

Народное суеверие также приписывало появлению болезни нарушение различных примет. Так, к примеру, болезнь может быть вызвана, если плевать в огонь — тогда появятся волдыри на языке, бросать в огонь повязку, снятую с раны, то тогда рана обязательно воспалится¹.

Исходя из вышеизложенных представлений о болезни, лечение заболеваний собственно медицинскими средствами, считалось тяжким прегрешением, ибо получалось, исходя из воззрений средневековой церкви, что врач препятствует деяниям Бога, наказывающим, или допускающим наказание для человека. В этой связи весьма интересным является предисловие, написанное к «Фармакопее», составленной безымянным монахом Лоршского монастыря в самом конце VIII столетия и содержащей 282 рецепта врачей античности. В этом предисловии монах, возражая «тем строгим христианам, которые считали любую болезнь проявлением Божественной воли и потому отрицали какое бы то ни было врачебное вмешательство в планы Господа, он объявил, что лечение избавляет от страданий, а потому является ни чем иным, как проявлением подлинно христианской любви к ближнему»².

«Применение обезболивающих средств, анестезии, что по-гречески означает «бесчувствие», осуждалось некоторыми Отцами Церкви как противное религии, ибо означало уклонение с помощью хитроумных уловок от испытаний, которые ниспосылал Господь. Средневековый человек жил с постоянной болью, даже свикался с ней, не зная помощи целого арсенала современных многочисленных успокоительных и болеутоляющих препаратов»³.

С другой стороны, болезни, вызванные проклятием и другими действиями колдовских сил, подлежали лечению также священниками, «поскольку всякое колдовство и борьба с ним относятся к компетенции церкви»⁴.

Таким образом, врачу в любом случае не оставалось места в терапии заболеваний, прерогативу лечения которых на себя взяла средневековая церковь, тем самым еще более распространив свое влияние.

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 101.

² Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII-X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 78.

³ Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века: курс лекций. — Харьков: Майдан, 2021. — С. 189.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 80.

Глава 2

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕДИЦИНА И УЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕРКВИ О ДУШЕ

Одним из центральных учений, не имеющих места ни в Библии, ни в апостольский период церкви, разработанных в эпоху Средневековья, было учение о бессмертии души.

Само понятие бессмертия души было сильно развито практически во всех языческих верованиях, и особенно в греческой философии, последователи которой хотели научить людей не бояться смерти, которую они называли «роковым ударом, прекращающим нашу жизнь и избавляющим нас от житейских невзгод». «Они пришли к убеждению, что так как ни одно из свойств материи не может быть применено к деятельности ума, то, стало быть, человеческая душа есть такая же субстанция, которая отлична от тела, чиста, несложна и духовна, что она не может подвергаться разложению и доступна для гораздо более высокой степени добродетели и счастья после того, как она освободится от своей телесной тюрьмы. Философы, шедшие по стопам Платона, вывели весьма неосновательное заключение: они стали утверждать не только то, что человеческая душа бессмертна в будущем, но и то, что она существовала вечно, и стали смотреть на нее как на часть того бесконечного и существующего самим собою духа, который наполняет собой и поддерживает вселенную»¹.

● Учение о бессмертии души и задержка развития науки и экономики

«Отрицание всего земного составляло основу средневекового нравственного учения, золотой фон на картине средневековой культуры. Такому религиозному настроению аскет, изощренный в отрицании мира и самого себя, являлся идеальным образом человека. Такие люди, как Григорий VII, Бернард Клервосский, Норберт Премонстресский, Франциск Ассизский, Доминик и женщины, вроде Елизаветы Тюрингенской и Екатерины Сиенской, были самыми излюбленными идеальными образами Средних веков,— люди, все стремления которых были направлены к тому, чтобы убить в себе все естественные чувства и этим умерщвлением плоти разбить те преграды, которые отделяли их от сверхчувственного мира. Многие из этих идеальных людей в своем рвении к умерщвлению плоти довели себя до ранней смерти от истоще-

¹ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. — М.: Терра, 1997. — Т. 2, с. 30—31.

ния. Франциск Ассизский потерял зрение вследствие постоянно-го плача о своих грехах и о смерти Христа. Распятый Христос был путеводною звездою его жизни. Франциск действительно был во всей своей личности, как с духовной, так и с телесной стороны, самым верным изображением распятого Спасителя. Екатерина Сиенская так ослабила свое тело чрезвычайным постом, что с двадцать восьмого года жизни была уже постоянно больна и через пять лет в 1380 году умерла вследствие жестокой эпителимы, которой она себя подвергала»¹.

«Церковные писатели резко противопоставляли душу и тело: тело считали «темницей», в которую заточена пленница-душа, и она жаждет освободиться и соединиться с Богом. Этот взгляд распространяли на весь мир. Такое учение не могло способствовать развитию хозяйственной активности ремесленников. Когда ученые люди изображали в своих сочинениях общество в целом, то, они называли три разряда людей: «тех, кто молятся», «тех, кто сражаются» и «тех, кто пахут землю». А где же горожане — ремесленники, купцы? Церковные писатели, выработавшие тройственную схему общества, не принимали их в расчет»².

Таким образом, учение средневековой папской церкви о бессмертии души было одним из базовых, сдерживающих экономическое развитие средневекового общества.

• Учение о бессмертии души и антисанитария средневекового общества

Исходя из этого учения, церковь также вывела, что для победы над грехом, освобождения души необходимо умертвить плоть, выказывая ей всяческое пренебрежение. Христианское учение Средних веков «насаждает презрение к плоти, препятствующей расцвету души»³.

Церковь провозглашает жизненным идеалом «аскезу — отречение от всего земного, язвы и раны расцениваются как лучшее украшение тела... впервые боль, болезнь и связанные с ними страдания стали расцениваться не как несчастье, препятствие для совершенной жизни, а как великое благо... из беды и неудачи болезнь превратилась во благо, поскольку по воле Господа ведет к благодати»⁴. Так, к примеру, исходя из этой философии, епископ Кагора Маврилион тяжело страдал в старости подагрой ног, но к

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 286.

² Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 125.

³ Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. — М.: Ладомир, 2001. — С. 646.

⁴ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 144.

этим болям он прибавлял себе большие мучения, а именно, прикладывая к берцовой кости раскаленное железо. для того, чтобы еще больше увеличить страдания»¹.

Потому, «все, что кажется потворством телу, расценивается как источник дурных мыслей; соответственно, тело должно неизменно находиться под наблюдением и принуждением. Спать на земляном полу кельи, «как истинно кающийся грешник», носить одеяние из грубой и колючей, залатанной шерстяной ткани, добавляя к ней одну или две власяницы, разъедающие плоть, подниматься ночью, дабы бичевать себя розгами или железной цепью, — вот обычные их способы преодоления телесных слабостей»².

«Они, не колеблясь, терзают и наказывают свое тело, поскольку оно не заслуживает никакого уважения. Не будем говорить об элементарных гигиенических мерах, поскольку, порой, тело полностью предоставляется природе, содержится в отвратительной грязи и кишит паразитами. Для всех, кто стремится обесценить свою бренную оболочку, тело есть не что иное, как «море убожества», клоака, порожденная состоянием греховности; тело отвратительно, оно — средоточие пороков. «Я есть не что иное, как навоз; мне следует просить Господа нашего, чтобы по моей смерти тело мое бросили в сточную канаву, и оно было сожрано птицами и собаками. Не этого ли я должен желать как кары за мои грехи?» — восклицает Игнатий Лойола. Такому отношению к телу соответствовало осуждение радостей жизни. Все это вместе походило на закамуфлированную смерть. И потому тема гниения, запахов разложения, источаемых живым телом, достаточно часто в агиографической литературе: смерть уже присутствует при жизни»³.

Так «св. Иероним не стриг волос... и постился до того, что глаза его становились мутными, а кожа отвердела, как камень; св. Макарий 6 месяцев спал в болоте и боролся со страстями тем, что давал свое тело кусать насекомым; св. Пахомий в продолжение 15 лет не спал лежа; св. Авраамий 50 лет не умывался; св. Евпраксия дрожала при мысли о купанье, а св. Симеон 30 лет стоял на столбе, приковав себя к нему цепью, и постоянно отдавал земные по-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 157.

² История тела. В 3 т. //Под ред. А. Кобрена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т.1. От Ренессанса до эпохи Просвещения. — М.: Новое литературное обозрение. 2017. — Т.1, с. 41.

³ История тела. В 3 т. //Под ред. А. Кобрена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т.1. От Ренессанса до эпохи Просвещения. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — Т.1, с. 37.

клоны. Один из посетивших его попытался определить их количество, насчитал 1240 подряд и сбился со счета»¹.

Исходя из этих же положений о необходимости победы над плотью, население средневековой Европы принимало ванны нередко всего 2 раза в год, считая, по наущению церкви, что забота о чистоте тела является угождением плоти, а это являлось грехом! Монастыри прямо говорили о том, что отсутствие заботы о состоянии тела, с одной стороны, умерщвляет греховную плоть, а с другой — рассматривали нечистоту и связанные с ней страшный дискомфорт и заболевания, как испытания. Следствием этого намеренного средневекового отношения к нечистоте и попранию элементарных гигиенических норм была и рассмотренная нами выше страшная антисанитария домов и улиц средневекового города. Потому и тех, кто любил принимать ванны, изображали после смерти, находящимися в аду².

● Учение о бессмертии души и валеология

Средневековая церковь полностью извращает христианское учение о душе, теле и духе. Так, «призывая к целомудрию и воздержанию, Павел исполнен почтения к человеческому телу, «скинии Святого Духа». В Средние века, напротив, тело считают пособником дьявола, средоточием разврата, местом рождения греха и лишают его каких-либо достоинств»³.

Согласно учению средневековой церкви «путь к духовному совершенству лежит через гонения на тело: бедняк отождествляется с увечным и больным; благочестивый монах, пользующийся авторитетом в обществе, самоутверждается, истязая свое тело аскетизмом; святой, образец высшей духовности, безоговорочно становится таковым, только принеся в жертву свое тело, то есть претерпев мученичество. Тело человеческое не только прах, но и гниль. Всякую плоть ожидает загнивание и разложение. По мере того, как тело становится одной из излюбленных метафор общества и мира, это общество и этот мир оказываются вовлеченными в неизбежный процесс упадка. В самом конце XII столетия в своей знаменитой поэме «Стихи о смерти» Элиан из Фруамона подтверждает: куда бы ни вели пути тела, оно все равно стремится к собственной гибели:

¹ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 28.

² Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII-X века. — СПб.: Наука, 2018. — С. 79.

³ Гофф Жак Л. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 175.

«Тело упитанное, нежная плоть» — это всего лишь «оболочка, скрывающая червей и огонь» (кладбищенских червей и адский огонь). Тело «гнусное, вонючее и увядающее». Плотская радость несет в себе яд и разлагает человеческую природу»¹.

Исходя из этого учения, церковь вывела и учила этому через подвластные ей университеты, что для победы над грехом, освобождения души необходимо умертвить плоть, выказывая ей всяческое пренебрежение.

В Средневековье вообще «медицина считалась второстепенной наукой по сравнению с теологией, так как ставила себе задачей «излечение брэнного тела»².

«Кульг здорового красивого тела, земных радостей, который был характерным для мировоззрения античных греков и римлян, сменился культом «умерщвления плоти». Все, что делает жизнь радостной, светлой, — от дьявола»³. Эти идеи широко преподавались на медицинских факультетах средневековой Европы будущим врачам.

Идеалом для средневекового жителя был монашеский образ жизни. Но что он представлял собой? Вот какие, например, требования выдвигал к монахам бенедиктинский устав. «Монах», — говорится в этом сочинении, — не должен рассуждать даже о своих собственных родных. Его лицо не должно быть ни грустным, ни веселым: оно должно всегда сохранять холодное спокойствие человека, наполовину уже погрузившегося в могильный покой. «Пусть всякий монах», — говорит в заключении автор, — «будет подобно Мелхиседеку, без отца, без матери, без родных. Пусть он не призывает на земле ни отца, ни матери; пусть он считает себя одиноким, а Бога — своим Отцом. Аминь. Слава Иисусу Христу. Аминь»⁴.

● Учение о бессмертии души и половое неволадержание

Одновременно с этим тело, по учению средневековой церкви, — это тюрьма души⁵.

«Первородный грех, интеллектуальный грех гордыни, интеллектуальный вызов Богу, в средневековом христианстве был заме-

¹ Гофф Жак Л. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 158.

² Слярова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — С. 128-129.

³ Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — С. 53.

⁴ Жебар Э. Мистическая Италия. — СПб.: Т-я А. Пороховщикова, 1900. — С. 17—18.

⁵ Гофф Жак Л. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 157.

нен плотским грехом»¹. Со времени развития средневекового папского богословия первородный грех низвелся до понятия полового акта². Само понятие брака, освещенное в Библии, стало в Средние века чуть ли не синонимом греха³. Средневековая церковь всеми силами боролась с институтом брака, утверждая, что истинно верующие, не говоря уже о монахах и священнослужителях, должны быть свободны от брачных уз. Но это, как, впрочем, и почти все в средневековой государственной церкви, носило лицемерно-ханжеский характер.

Так, «подавление половой жизни относится только к институту брака. Д. Босуэлл показал, что до XII в. церковь, по крайней мере на практике, была достаточно снисходительна по отношению к гомосексуалистам. Гомосексуализм нередко расцветал под сенью церкви и даже в ее лоне»⁴. Это было не случайно. Ибо хорошо известно, какое распространение имел гомосексуализм в средневековых монастырях. И даже после того, как он был признан грехом, он продолжал прекрасно процветать в монастырских стенах.

Но эта борьба, осуществляемая средневековой церковью с воздержанием и утверждением целибата приводила, как раз, к совершенно обратному эффекту. Монастыри весьма и весьма часто становились средоточием, как мы уже указали, гомосексуализма. Между мужскими и женскими монастырями прокладывались подземные ходы, в которых уже в ходе раскопок XX века были найдены многочисленные захоронения младенцев.

Представители нищенствующих орденов францисканцев и доминиканцев славилась своими многочисленными любовными похождениями, становясь разносчиками половых болезней.

● Учение о бессмертии души и сеяние в людях страха

Изучая особенности средневековых европейских городов, всегда бросается в глаза серость и мрачность его домов. Эта мрачность и серость средневековых городов в целом, и домов, в частности, объяснялась учением церкви о Божьем суде, в контексте которого радоваться в этой жизни нечему, надо только тосковать о своих грехах и жить в ожидании Божьего наказания. «И в этом-то именно и заключался самый тяжелый недуг религиозного сознания, обращавшегося теперь к Богу только с чувством ужаса...

¹ Гофф Жак Л. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — С. 157.

² Там же. — С. 177.

³ Там же. — С. 180.

⁴ Там же. — С. 184.

образ Искушителя померк, и на его месте осталось только видение ужасного апокалипсического судьи... Завет Христа, столь богатый надеждами и упованиями в первые века христианства, теперь сделался символом страха и ужаса. Италия мучилась им не меньше, чем весь остальной христианский мир. Произведения первых итальянских мозаистов свидетельствуют об их религиозном ужасе ничуть не меньше, чем беспокойные скульптурные изображения французских романских церквей... даже в тех мозаиках, которые принадлежат к эпохе возрождения византизма, вызванного аббатом Дидие во времена Григория VII, преобладающей чертой является всегда страх. В церкви Сант-Анджело-ин-Форми, близ Капуи, в картине, помещенной над центральным порталом, изображен Иисус Христос, одной рукой подающий своим ученикам хлеб и вино, а другой — проклиная осужденных в последний день; и даже Распятый Иисус Христос, во фризях главного нефа, склоняет к Своей матери лик, дышащий угрозой. Угасли последние лучи евангельской любви. И вот снова всюду появляется на золотом фоне абсид, в Пизанском соборе, также как и в Монреальском, в Флорентийской Крещальнице, также как и в Латеране, напыщенный Христос, восточный деспот, с неподвижным и жестким взглядом, суровый и строптивый Бог, на груди Которого христианство не решается больше преклонить свою голову»¹.

Средневековая церковь, папство, по образному выражению проф. Жебара, «производит впечатление, подобное тому, что испытывается при виде церкви св. Петра в Риме: неумолимая правильность плана, равномерный свет, падающий из купола, роскошная орнаментация парализуют всякий непосредственный порыв благочестия.... Здесь душа, утомленная блеском храма и обрядов, тщетно пытается взмахнуть крыльями, чтобы подняться в бездонную синеву неба: огромный блестящий купол заграждает ей путь, и подобно птице с разбитыми крыльями, она падает на землю, на холодные мраморные плиты алтаря»². Напоминает эта картина и состояние средневековых университетов.

● Учение о бессмертии души и запрет хирургии

Одновременно с этим, исходя из созданного ею учения о бессмертии души, средневековая церковь объявила кровью вместилищем души, и потому любое ее пролитие, хотя бы и в медицинских целях во время операции, объявлялось греховным, отсюда возник запрет на развитие хирургии. Вместе с тем, вследствие раз-

¹ Жебар Э. Мистическая Италия. — Спб.: Т-я А. Пороховщикова, 1900. — С. 37-39.

² Там же. — С. III-IV.

вития языческих представлений и учений о бессмертии души, проникло в церковь и языческое учение о том, что, употребляя кровь животных или людей, человек якобы получает их силу. Поэтому в средневековых рецептах кровь различных животных входит в компонент «лекарственных» препаратов.

● Учение о бессмертии души и поклонение святым

Учение о бессмертии души стало одним из базовых и для обоснования поклонения святым, которое занимало, как мы видели, одно из важнейших мест в средневековой медицине¹.

Глава 3

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕДИЦИНА И УЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦЕРКВИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ

Мы не найдем за всю историю человечества более темного времени, чем Средневековье. Как отмечал крупнейший историк Средневековья, профессор Филипп Шафф: «Средние века» и «темные века» — термины — синонимы².

Не только простолюдины, но даже дворяне и священники не умели в подавляющем большинстве случаев даже писать или читать по слогам. «Не только крестьяне и бедняки-горожане, но и многие рыцари, занятые воинским делом и забавами, были неграмотными. Да и среди приходских священников и простых монахов нелегко было найти образованного человека. Люди, которые не могли читать и писать, воспринимали мир не так, как люди книжные. Они полагались в основном на слухи, молву, черпали свои познания из рассказов старших, из сказок и преданий, и им было нелегко отличить правду от вымысла, четко разграничить действительный факт и фантазию. Они были доверчивы ко всякого рода небылицам»³.

Более того, многие священники даже не знали молитвы «Отче наш»⁴. «Искренняя вера и любовь к Богу, как учило духовенство, не нуждаются в книжной мудрости. Ведь Господь избрал своих учеников (апостолов) не из числа ораторов и философов, а среди простых людей»⁵.

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 246—247.

² Шафф. Указ. соч., т.4, с. 372.

³ Гуревич, Харитонович. История средних веков. Указ. соч., с. 132.

⁴ Шафф. Указ. соч., т.4, с. 372.

⁵ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 141].

При этом библиотеки при монастырях — самых больших их хранилищах, насчитывали не более всего шести — двенадцати книг¹. Университеты средневековой Европы являли собой скорее не центры знаний, а рассадники суеверий. И чем больше церковь контролировала тот или иной университет, как мы видели выше, тем это было сильнее выражено.

И это при том, что средневековым западноевропейским миром правила церковь, именующая себя христианской, и это было не случайно.

Как известно, удерживать в повиновении лучше всего темных и безграмотных людей. Таким людям было легко внушить веру в любую небылицу. Причем, чем более дикой и нелепой она была, тем лучше и быстрее воспринималось темным средневековым обществом. Легко было и обирать это темное суеверное общество.

Хорошо понимала это и средневековая государственная церковь, являвшаяся самым крупным феодалом, владеющим около одной трети всех обрабатываемых земель Европы и крайне заинтересованная в сохранении этого своего положения, которое было возможным только при сохранении самого феодального строя, как такового.

● **Средневековая церковь и феодальный строй.** Средневековая «церковь является главным компонентом феодальной системы не только благодаря своему социальному статусу и богатствам, и стала тоже извлекать выгоды из феодального порядка, но особенно потому, что служила его идеологическим оправданием»².

Но именно феодальный строй являлся главным препятствием для экономического роста³, развития науки и техники. Ибо, «феодальная система — это, в сущности, присвоение сеньориальным классом — церковным и светским — всего сельского прибавочного продукта, обеспеченного трудом крестьянской массы. Эта эксплуатация осуществляется в условиях, которые лишают крестьян возможности участвовать в экономическом прогрессе»⁴. «Крестьянская масса была лишена избытков, а иногда и части необходимого из-за изъятий в форме феодальной ренты. Она не только должна была отдавать сеньору значительную часть плодов своего труда в виде натуральных или денежных оброков. Но и сама ее производительная способность сокращалась из-за вымогательств

¹ Шафф. Указ. соч., т.4, с. 373.

² Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. — М.: Ладомир, 2001. — С. 514.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 212.

⁴ Там же. — С. 213.

сеньора, который облагал барщинами или поборами за освобождение от повинностей, оставлял себе обычно лучшие земли»¹.

Поэтому средневековая церковь всячески препятствует и развитию городов, ремесел, торговли. Средневековая церковь учила, что «обосноваться в городе означало выбрать сей мир, и действительно, возникновение городов вместе с оседлостью, с установлением собственности и развитием инстинкта собственника способствовало становлению нового менталитета, заключающегося в выборе жизни деятельной, а не созерцательной»². А развитие экономики, науки неминуемо наносило удар по темноте, суевериям, феодализму и невежеству, на которых и зиждилась власть средневековой церкви. Недаром в Средние века говорили, что «городской воздух делает свободным через год и один день»³.

Средневековая церковь также обосновывает социальное неравенство людей и злоупотребления, которые творила она сама и светская власть по отношению к простому народу. Она учила, что якобы «Бог Сам соизволил так, чтобы среди людей одни были сеньорами, а другие — сервами (крестьянами), и чтобы сеньоры были склонны чтить и любить Бога, а сервы чтить и любить сеньоров»⁴. Лишь единичные церковные иерархи с грустью и возмущением писали: «Нет, не могу я смотреть без слез — мы, вожди церкви, трусливее неотесанных учеников Христа эпохи ранней церкви. Мы отрицаем и умалчиваем истину из страха перед светскими властями, мы отрекаемся от Христа, от самой истины! Когда грабитель набрасывается на бедняка, мы отказываем в помощи этому бедняку. Когда сеньор мучает вдов и сирот, мы не препятствуем ему. Христос распят, и мы молчим!»⁵

Поэтому при господстве феодального строя говорить о системе образования и тем более, ее построении, не приходится в принципе.

● **Учение церкви о труде.** Задача любой науки преследует, в конечном счете, цель облегчить жизнь общества в его различных проявлениях, повысить его социальный уровень. Однако учение средневековой церкви выступало в принципе против улучшения социального уровня людей в целом, и отдельно взятого человека, в частности. Сама по себе «экономика средневекового Запада

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 214.

² Там же. — С. 214.

³ Там же. — С. 276.

⁴ Там же. — С. 287.

⁵ Там же. — С. 287.

имела целью обеспечить людям средства существования. Далее этого она не шла»¹.

Фома Аквинский в своем богословском труде «Сумма теологии», ставшем базисным для средневековой церкви, утверждал, что «труд имеет четыре цели. Прежде всего, и главным образом он должен обеспечить пропитание; во-вторых, должен изгонять праздность, источник многих зол; в-третьих, должен обуздывать похоть, умерщвляя плоть; в-четвертых, он позволяет творить милостыни»².

Таким образом, «этот труд не имел целью экономический прогресс — ни индивидуальный, ни коллективный»³. «Всякий экономический расчет, который пошел бы дальше предвидения необходимого, сурово осуждался»⁴. Своим учением церковь противодействовала любому накоплению⁵.

Поэтому личная жизнь людей Средневековья постоянно балансировала на грани выживания, ибо создать какие-либо запасы на «черный день» не представлялось в принципе ни с точки зрения низкого развития экономики, ни главное, с точки зрения господствующей церковной идеологии.

Именно поэтому труд эпохи Средневековья — это действительно труд в поте лица, без всякого совершенствования ни техники, ни его условий.

«Жизнь верующих должна была быть не наслаждением, а ежедневным распятием плоти. Особенно большие ограничения полагались относительно пищи. Думали, что посредством воздержания от пищи, как и от половых сношений, верующий возвышается до сверхземного образа бытия»⁶.

При этом, учившая всему этому церковь, в повседневной жизни сама ни только не придерживалась этих правил, но поступала прямо противоположно им, скапливая несметные богатства и ведя роскошную и распутную жизнь.

• **Средневековая схоластика, как тормоз развития науки.** Основой средневековой науки, как мы рассматривали выше, была схоластика, что, безусловно, оказало кардинальную роль и на развитие науки, а точнее, на ее торможение и даже запрет. Представители схоластики, будучи богословами, собрали и систе-

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 208.

² Там же. — С. 209.

³ Там же. — С. 209.

⁴ Там же. — С. 210.

⁵ Там же. — С. 210.

⁶ Эйкен. Указ. соч., с. 112.

материзовали все известные до них как научные, так и богословские исследования, объединив их в единую систему с единственной целью: оставить это неизменным на все последующие времена¹. Целью схоластов было, с одной стороны, примирить догматы церкви и разум, а с другой — систематизировать церковные догматы в единую систему.

Таким образом, сама возможность появления чего-то нового исключалась в принципе.

Действительно, как указывает крупнейший специалист в области медицины профессор Л. Менье, «при таком положении вещей нет ничего удивительного в том, что в течение всего Средневековья не было сделано ни одного открытия, ни одной оригинальной работы. К тому же, книги отсутствовали или были величайшей редкостью, вследствие чего и медицинское образование не могло не быть крайне элементарным»².

Учитывая же господство Западной средневековой церкви, эта «защита» науки от дальнейшего развития осуществлялась с помощью меча и костра.

Все положения схоласты призывали брать на веру, попытки же дать им научные обоснования приравнивались к неверию и ереси. Они подчинили разум церковному авторитету, которому была подчинена ими и сама Библия. При этом одними из своих авторитетов они избрали Аристотеля и Галена, научные труды которых отныне стали последней точкой во всех отраслях знаний.

Тот же, кто не соглашался с теми или иными взглядами Аристотеля или Галена, объявлялся еретиком и подвергался сожжению. При этом даже доказательства положений Аристотеля или Галена схоласты проводили умозрительным, а не экспериментальным путем, что привело, в конце концов, к вырождению схоластики вообще и превращению ее в интеллектуальную софистику.

Церковь открыто объявляла любые научные или технические новшества грехом³. Более того, изобретать что-либо новое считалось безнравственным⁴.

При таком положении вещей нет ничего удивительного в том, что в течение всего Средневековья не было сделано ни одного от-

¹ Шафф. Указ. соч., т.5, с. 361.

² Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017. — С. 79-80.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 303.

⁴ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — С. 303.

крытия, ни одной оригинальной работы. «На средневековом Западе не было написано ни одного трактата по технике; эти вещи казались недостойными пера... Механизация практически не сделала никакого качественного прогресса в Средние века. Почти все употреблявшиеся тогда механизмы были описаны учеными эллинистической эпохи»¹. Более того, сама «ментальность господствующих классов оставалась антимеханической»².

К тому же, в схоластической системе видную роль играла диалектика, «введение которой повело к тому, что вскоре место трезвого мышления заняла пустая игра в понятия, для которых, кстати и некстати, находились слова»³. Управляемая церковью инквизиция нанесла страшные удары по развитию науки⁴.

● **Отрицание церковью науки, как таковой.** Церковь отрицала науку, поскольку последняя имела своим предметом земные вещи⁵. Церковь в принципе отрицала светскую науку.

На науку смотрели, как на помеху религиозному назиданию⁶. Святые пустыnnики учили, что незнание — это необходимое условие благочестия⁷. Средневековая церковь прямо противопоставляла знание и веру. Она учила, что если человек знает, то получается, что вера, как уверенность в невидимом, ему уже не нужна⁸. А это было равносильно обвинению в богохульстве со всеми вытекающими отсюда последствиями. Крупнейший средневековый схоласт монах Иоанн Дунс Скотт (1265—1308) учил, что догматы церкви тем определеннее, чем меньше основываются на разуме⁹. Более того, если папские догматы вообще не основываются на Священном Писании их следует признавать исключительно в силу доверия авторитету Римской церкви¹⁰.

Как образцы святости приводили в пример людей, которые не умели читать и писать, и даже более того, не знали, кто раньше жил, Христос или пророки¹¹.

«Отрицание светской науки направило все умственное образование на служение церкви. Так как всякое знание должно было иметь лишь одну цель — подготовить человека для будущей жизни, и так как верные сведения о последней могла дать только церковь, то вся человеческая мудрость имела, следовательно, одну цель — доказать и сделать понятной истину

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. — С. 188, 189.

² Там же. — С. 187.

³ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1—2. — М.: Книга по требованию, 2013. — С. 408.

⁴ Суворов Н.С. О церковных наказаниях: Опыт исследования по церковному праву. — М.: Ленанд, 2015. — С. 36-37.

⁵ Эйкен. Указ. соч., с. 112].

⁶ Эйкен. Указ. соч., с. 117.

⁷ Эйкен. Указ. соч., с. 113-114.

⁸ Иоанн Дунс Скотт. Трактат о первоначалах. — М.: Ленанд, 2020. — С. 13.

⁹ Иоанн Дунс Скотт. Трактат о первоначалах. — М.: Ленанд, 2020. — С. 14.

¹⁰ Иоанн Дунс Скотт. Трактат о первоначалах. - М.: Ленанд, 2020. - С. 11).

¹¹ Эйкен. Указ. соч., с. 114.

церковного учения о будущей жизни. Церковь утверждала всякое знание, всякое изучение в пределах ее аскетической и иерархической системы. Философия, историография, естествознание и искусство служили не для самих себя, но для церкви и ее учения»¹. Один из таких учителей церкви, выступая против теории о шарообразности земли, писал следующее. «Возможное ли дело, чтобы люди были так безумны и верили, что хлеба и деревья висят по другую сторону неба вниз и что люди держат ноги выше головы»². Религиозное невежество Средневековья делало невозможным и развитие анатомии, как фундамента всей медицинской науки. Врачей, занимавшихся вскрытием умерших, объявляли чародеями и уничтожали. Хирургия вообще не считалась наукой и заслуживала полного презрения. Любые попытки развития экспериментальной медицины также приравнивались к оккультной практике.

Вследствие рассмотренного выше учения средневековой церкви о душе, эпоха Средневековья была временем безраздельного господства антисанитарии и эпидемий³.

Именно для удержания этого своего положения — главного феодала Европы, средневековая церковь, с одной стороны, сеяла в умах людей самые дикие религиозные суеверия, с другой — всячески боролась с любым образованием и просвещением, а с третьей выступала против любого экономического развития.

Таким образом, статика в развитии медицинских факультетов средневековых университетов была обусловлена господством средневековой церкви и ее небиблейских догматов о бессмертии души, поклонении святым, власти священников, противопоставлении веры и науки и т.д., которые, с одной стороны, делали развитие медицинской науки и образования невозможным в принципе, а с другой — заменяли само понятие науки и образования проповедью грубых суеверий.

Понятия и принципы преподавания на медицинских факультетах Средневековых университетов просуществовали тысячу лет, пока не началась Великая Реформация, когда в 1517 году в Германии Мартин Лютер провозгласил необходимость возврата церкви к чистоте библийского учения, отказу от языческих верований и искажений, проникших в церковь и умы людей, отказу от суеверий, и о не противопоставлении веры и науки.

«Протестантизм установил новое понимание религии как непосредственной связи между верующими и Христом. Обращение к святым или Богородице было заменено прямой молитвой к Спасителю. Простое пассивное участие в церковном ритуале от-

¹ Эйкен. Указ. соч., с. 123.

² Величина В. Очерки истории инквизиции. — М.: Тип-я И.Н. Кушнерев, 1906. — С. 13.

³ Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018.

ныне считалось недостаточным. Вместо неуверенности относительно участи души в загробном мире, повсеместной в католической Европе, лютеранство и кальвинизм внушали человеку надежду на спасение в силу одной лишь веры, без «добрых дел». Религиозность сделалась более личной. При этом у каждого верующего предполагался известный минимум знаний. Распространение элементарного образования привело к тому, что через сто лет после выступления Лютера 50 процентов населения Германии было грамотным»¹.

«Протестантизм произвел немаловажные изменения в моральной жизни общества. Было пересмотрено отношение к труду, который отныне приобретал религиозноэтическую ценность, тогда как лень считали матерью всех пороков, а профессиональную некомпетентность — грехом, ибо Бог приставил каждого к его занятию и сделал профессию человеческим призванием. Протестантизм подчеркивал важность и высокую ценность семейной жизни и взаимные обязанности родителей и детей. Перед семьей была поставлена новая задача — воспитывать послушных подданных для государства»².

«Христианские проповедники и моралисты во все времена были склонны жаловаться на упадок или недостаток веры прихожан на их суеверия и неправомерное поведение. Однако данные о состоянии религиозности масс Западной Европы в XV—XVIII вв. говорят о большем, нежели об отсутствии у них благочестия и знания Слова Божьего.

Самое содержание их представлений о сакральном было в высшей степени противоречивым, если применять к нему евангельские стандарты. Крестьяне и горожане действительно подчас не знали элементарных основ христианской религии и воспринимали учение церкви, вернее, обрывки его в интерпретации малограмотных и неавторитетных в своей массе духовных наставников»³.

Принятие учения Реформации народами Западной и Северной Европы привело к крушению института средневековой церкви и поддерживаемых ею феодальных отношений, и как следствие этого, — к краху схоластики, развитию свободы совести и свободы слова, небывалому расцвету экономики и науки, ознаме-

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 353—354.

² Там же. — С. 354.

³ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — С. 349—350.

новавшейся подлинным появлением и медицинской науки, образования и совершением выдающихся в ней открытий в то время, как народы Южной Европы, отвергнувшие учение Реформации, продолжали жить в темном Средневековье с его схоластической медициной и средневековой сущностью университетов еще несколько столетий. И на сегодняшний день страны, принявшие Реформацию, такие как Швеция, Норвегия, Дания, Германия, Швейцария, Великобритания, США, Канада, Австралия являются передовыми странами мира, в том числе в области развития медицинской науки и образования.

Так же базовые принципы, заложенные Реформацией в системе университетского образования, такие, как свобода совести и свобода научных исследований, являются до сих пор краеугольными принципами Высшей школы.

Глава 4

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МЕДИЦИНА И СРЕДНЕВЕКОВОЕ УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ О СВЯТЫХ

Величественное снаружи здание средневековой церкви зиждилось на бесчисленном числе святых, требующих поклонения. «В долгий тысячедвухсотлетний период времени, протекавший с воцарения Константина до Реформации Лютера, поклонение святым и мощам исказило чистую и цельную простоту христианской религии.

Духовенство знало по опыту, что мощи святых были более ценны, чем золото и драгоценные камни, поэтому оно старалось размножать эти церковные сокровища¹.

Култ святых, в корне противоречащий библейскому учению о недопустимости поклонения кому-либо, кроме Бога, ставший в эпоху Средневековья одним из главенствующих в государственной христианской церкви, своим происхождением обязан двум основным источникам.

Во-первых, языческому многобожию. Язычники привыкли поклоняться многим богам, и поэтому идея христианства о поклонении только Единому Богу была им чужда и непонятна. Чтобы разрешить эту сложность, имперское духовенство начинает вводить поклонение святым, которые в глазах новообращённых язычников были полубогами и героями. «Народ, в сущности, не

¹ Лависс Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. — СПб.: Полигон, АСТ, 1999. — С. 616—617.

оставил своих прежних языческих богов, но только соединил поклонение им с именами разных святых, ангелов»¹.

Во-вторых, языческому культу мертвых. «Многие исследователи склоны рассматривать культ святых и их мощей как прямое происхождение от культа мертвых². Действительно в практике поклонения святым много общего с дохристианским культом мертвых не только в социально-правовом отношении, но и в ритуальном. Объектами поклонения становятся не только останки святых, но и их вещи, гробница, даже пыль с нее. Платок, лежавший на священной гробнице, сам становился чудотворным, чаша, которой пользовался святой при жизни, его посох, пояс, орудия пыток, от которых претерпевали страдания мученики, и более мелкие реликвии — зубы, кости, волосы, клочки одеяния — все это считалось способным творить чудеса и, прежде всего, возвращать здоровье страждущим»³.

В Средние века святых почитали «прежде всего, за способность творить чудеса: святые в их глазах были подобны кудесникам, магам, и им приписывали способность исцелять больных, спасать урожай от засухи и отвращать прочие несчастья»⁴. Стоит особо отметить, что, «разумеется, как правило, несчастные не излечивались. Но если хотя бы немногим из бесчисленных паломников делалось на время немного легче, молва о всемогуществе святого распространялась повсюду»⁵.

Средневековая церковь рисовала Бога далеким и жестоким Судьей, Который только и ждет возможности наказать человека. К такому Богу было невозможно обратиться в молитве, ибо это грозило, согласно средневековым воззрениям, немедленной смертью. И потому необходимо было иметь посредников между жестоким и безжалостным Богом и людьми. В качестве этих посредников и выступали священники и святые. Святой в представлении средневекового человека, это тот, который близок к Богу, и может замолвить доброе слово.

Поэтому для начала надо было расположить к себе дарами священника, а тот, в свою очередь, чтобы расположил святого, а уже тот походатайствует за человека перед Богом. Словом, на отношения Бога и человека была спроецирована чисто мирская мо-

¹ Величина В. Очерки истории инквизиции. — М.: Тип-я И.Н. Кушнерев, 1906. — С. 14.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 245.

³ Там же. — С. 245—246.

⁴ Гуревич, Харитонович. История Средних веков. Указ. соч., с. 126.

⁵ Там же, с. 126.

дель отношений между просящим и власть имеющим. Те же посредничества, которые требует подкупа, желание подмаслить и т.д.

Потому местный святой был намного ближе для средневекового человека, чем далекий в его понимании Бог¹. Так, величественное снаружи здание средневековой церкви зиждилось на бесчисленном числе святых, требующих поклонения.

«Без всякого уважения к правде или правдоподобию оно стало придумывать имена для скелетов и подвиги для имен².

Славу апостолов и святых людей... оно омрачило религиозными вымыслами. К непобедимому сонму настоящих и первобытных мучеников оно присовокупило мириады мнимых героев.... Но распространение суеверий было бы менее быстро и менее успешно, если бы духовенство не прибегало для укрепления веры в народе, к помощи видений и чудес, удостоверявших подлинность и чудотворную силу самых подозрительных мощей³. «Такие низменные страсти, как гордыня, корыстолюбие и мстительность, казалось бы, должны быть недоступны для небесных духов; тем не менее, сами святые снисходили до того, что с признательностью одобряли щедрые приношения своих поклонников и грозили самыми страшными наказаниями тем нечестивцам, которые... не верили в их сверхъестественную силу⁴.

«Люди постоянно обращались к святым по самым бытовым поводам: за помощью в делах хозяйственных, семейных, общественных, надеясь на их участие в избавлении от болезней, разных бед и напастей. Постепенно сложился церковно-народный месяцеслов, где абсолютно органично соседствовали христианские и языческие представления о святых». «Обычно утверждали, что останки чудотворных святых нужно погребать под главным алтарем и что заступничество таких святых имеет особенную власть и силу. Это привлекало тысячи и тысячи, чтобы увидеть чудеса, которые совершались здесь, или же заручиться заступничеством этого святого и почерпнуть пищу для своей души. Если путешественники или паломники были недостаточно щедры в своих да-

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 335.

² Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. — ФРГ, Biefild: GBV, 1994. — Т.1, с. 410.

³ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. — М.: Терра, 1997. — Т.3, с. 318—319.

⁴ Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. — М.: Терра, 1997. — Т.3, с. 321.

роприношениях, то возникало опасение, что их дело не будет воспринято этим святым. В течение шестого столетия возникли бесчисленные религиозные стремления в честь святых и введены бесчисленные праздники и торжества, чтобы они всегда проводились в воспоминание.

Обращение к святым, в конце концов, превратилось в такой всеобъемлющий обычай, что возникла опасность из-за множества забыть кого-либо из них. Календарь был так переполнен именами, что если восстаивал новый святой, то ему едва могли найти место, не отняв его у прежнего святого. Восток и Запад соревновались между собой, чтобы умножить число имен святых. Однако запад признавал лишь небольшое число святых Востока. Восток, со своей стороны, также отвергал многих святых западных церквей. Из этого множества святых мы можем воочию убедиться в распространении всеобщего идолопоклонства. Города, церкви, монастыри, ордена конкурировали между собой, кто из них привлечет к своим святым гробницам больше паломников. Слава какого-либо нового святого надолго останавливала посещение прежних мест, соответственно, отнимала их прибыль и доходы. Священники были поставлены перед необходимостью возобновить паломничество к святым, и начинали измышлять новые и новые истории чудотворения, чтобы привлечь внимание народных толп¹.

Начиная, с IX в. начинается перемещение святых мощей из Рима «в новообращенные области, в миссионерских целях, а также обычай выставлять останки святых и мучеников для всеобщего обозрения и поклонения»².

Жажда обладания реликвиями, связанными с тем или иным святым, послужила тому, «что они сделались объектами поиска (точнее сказать, охоты) и часто становились предметом воровства или торговли»³. Или жуткой дикости. Так, к примеру, Фоме Аквинскому после смерти отрезали руку⁴.

Останки других святых буквально растаскивали на мелкие части. Но чаще, «когда «нетленная плоть» по прошествии нескольких дней начинала разлагаться, ее варили и отделяли от мяса. Вываренные или эксгумированные кости и становились, как прави-

¹ Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. — ФРГ, Biefild: GBV, 1994. — Т.1, с. 574—575.

² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004., с. 247.

³ Там же. — С. 248.

⁴ Там же. — С. 249.

ло, содержимым разнообразных реликвариев, устанавливаемых на алтаре, под ним или в специально сделанной нише»¹.

Культ святых и вера в целительную силу талисманов и оберегов. Это учение средневековой церкви о святых привело, как мы видели выше, к представлениям средневековой медицины о целительной силе мощей, амулетов, талисманов т.д.

Культ святых, паломничества и распространение эпидемий. Огромная скученность народа во время поклонения святым и паломничествам, к так называемым, святым местам, особенно в периоды эпидемий, приводила к их быстрому распространению.

Культ святых, крестовые походы и проказы. Крестовые походы, ставящие цель освободить и возвратить Святую землю, привели не только к страшной жестокости, формированию межнациональной и межрелигиозной ненависти, но и появлению в Европе страшных болезней, и, в первую очередь, лепры — проказы, распространение которой в Европе в эпоху Средневековья было небывалым. Так после крестовых походов к XIV веку количество лепрозориев в Европе превысило 19 тысяч²!

При этом, «исцеление у святых мощей все больше напоминает сложный обряд, в котором без труда можно распознать все законы магии»³.

Культ святых и целительная церковная магия. Анализируя культ святых, мы видим, как народная магия, сливаясь с отступивший от евангельского учения догматами средневековой государственной церкви, привела к формированию самой настоящей «церковной магии». «Различие между религией и магией, и без того очень тонкое, еще более элиминируется с того момента, как Церковь взяла на себя роль хранительницы сверхъестественной силы, способной помочь верующим в их земных нуждах. Она открыла доступ магии в свои сферы. Магией пропитываются церковные ритуалы, формулы, магией пропитывается религия масс. «Магическое» отношение к молитве и те «суеверные обороты», магические слова и аббревиатуры, которые часто встречаются в благословениях, а также содержащиеся в рецептах подробнейшие рекомендации о том, как надо применять эти формулы

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 250.

² Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004. — С. 240.

³ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 376.

(например, писать на чем-нибудь и подвешивать, подобно амулету, сжигать написанное и выпивать пепел с водой и т. п.) убеждают нас в том, что население, их практиковавшее, хотя и объясняло их действенность с позиций христианской религии, плохо отличало церковные формулы от магических заклинаний и бессознательно стремилось достичь своей цели не «окольным путем», то есть через посредничество Бога и его власти, а непосредственно, собственными силами, как это и принято в магии»¹.

«Христианизация» народной магии шла не только «снизу». В большей или меньшей степени осознанно католическая Церковь внесла и свою лепту в этот процесс, принимая участие в далеких от сферы религиозного культа в узком смысле и призванных воздействовать на окружающий мир ритуалах и даже создавая новые. Подобно тому, как паства подстраивала свое поведение под «христианские» образцы, так и Церковь, по крайней мере, в лице своей низшей структуры — приходского духовенства, стремилась соответствовать потребностям и ожиданиям верующих. В итоге народная целительная практика обогатилась обрядами и «лекарствами», которые попадают под определение «церковной магии» — так историки называли те ритуалы, которыми Церковь попыталась заменить народную магию («суеверия»)»².

«Магия, проникая в церковные ритуалы и как бы «узаконенная» церковью, отличалась от магии народной, гонимой, как проявление язычества и дьявольщины, главным образом, лишь тем, что эти ритуалы совершал сам священник»³. Как верно отметил крупнейший специалист по истории Средневековья проф. Л.П. Карсавин: «Называя человека религиозным, мы подчеркиваем не то, во что он верит, а то, что он верит». Так, и якобы христианская вера средневекового человека имела крайне мало общего с самим христианством.

¹ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — С. 304.

² Там же. — С. 305.

³ Там же. — С. 319.

Список использованной литературы

Источники по истории медицины Средних веков

1. Абельяр Петр. История моих бедствий. — М., 1959.
2. Абу Али ибн Сино (Авиценна). Канон врачебной науки. Кн. 1-5. — Ташкент: ФАН, 1981.
3. Абу Али ибн Сино. Канон врачебной науки. В 10 т. — Одесса: Энио, 2003.
4. Абу-А-Касим Халаф Ибн Аббас Аз-Захрави. Трактат о хирургии и инструментах. — М.: Наука, 1983. — 285 с.
5. Аль-Фараби. О разуме и науке. — Алма-Ата: Наука, 1975. — 114 с.
6. Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья /Пер. Ю.Ф. Шульца. — М., 1970.
7. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англос. — СПб.: Алетейя, 2003. — 263 с.
8. Боккаччо Дж. Декамерон. — Харьков: Прапор, 1991. — 608 с.
9. Василий Валентин. Алхимические трактаты. К.: Пор-Роял, 2008. — 592 с.
10. Везалий А. О строении человеческого тела. В 7 кн. Т.1-2. — М., 1950—1954.
11. Везалий А. Эпитоме. — М., 1974.
12. Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. — М., 1997
13. Война рыцарей. Алхимические поэмы. — М.: Автограф, 2008. — 240 с.
14. Гален. О назначении частей человеческого тела /Пер. с лат. — М., 1971.
15. Гален. Сочинения. Том I. — М.: Весть, 2014. — 656 с.
16. Гален. Сочинения. Том II. — М.: Практическая медицина, 2015. — 800 с.
17. Гален. Сочинения. Том III. — М.: Практическая медицина, 2016. — 560 с.
18. Гален. Сочинения. Том IV. — М.: Практическая медицина, 2017. — 494 с.
19. Галилео Галилей. Диалог о двух главнейших системах мира. — М., 1948.
20. Гарсиласо де ла Вега. История государства инков /Пер. со староисп. — Л.: Наука, 1974.
21. Гиппократ. Избранные книги // Пер. В.И. Руднева. — М.: Биомедгиз, 1936.
22. Гиппократ. Сочинения // Пер. В.И. Руднева. — М. — Л.: Медгиз, 1941—1944, Т. II—III.
23. Грацианский Н. Западная Европа в средние века. Источники социально-экономической истории. — М.—Л., 1925.
24. Грацианский Н.П. Бургундская деревня в X—XII столетиях. — М., 1935.
25. Данте А. Малые произведения: Пир. О народном красноречии. Монархия. — СПб., 1996.
26. Данте А. Новая жизнь; Божественная комедия /Пер. с ит. М. Лозинского. — М, 1967.
27. И цзин «Книга перемен» и ее канонические комментарии. Перевод Яковлева В.М. — М.: Янус-К, 1998. — 267 с.
28. Ибн Сина (Авиценна). Избранные философские произведения. — М.: Наука, 1980. — 552 с.
29. История медицины. Учебное пособие в трех книгах. Книга третья. Хрестоматия //Под ред. Д.А. Балалыкина. — М.: Гэотар-Медиа, 2017. — 416 с.
30. Леонардо да Винчи. Анатомия. Записи и рисунки. — М.: Наука, 1965. — 586 с.
31. Макиавелли Н. История Флоренции. — Л., 1973.
32. Немецкий город XIV—XV вв. Сб. материалов. — М., 1936.
33. Одо из Мена (Мацер Флоридус). О свойствах трав /Пер. Ю.Ф. Шульца. — М., 1976.
34. Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. — М., 1974.
35. Салическая правда //Под ред. В.Ф. Семенова. — М., 1950.
36. Сборник документов по социально-экономической истории Византии. — М., 1951.
37. Священные книги древнего Востока. Су вэнь, Нэй цзин. — Кемерово: Серсон, 1994. — 443 с.
38. Социальная история средневековья //Под ред. Е.А. Косминского и А.Д. Удальцова. — М.—Л., 1927. — Т.1.

39. Средневековый город // Ученые записки МГПИ имени В.И. Ленина. — М., 1949. — Т. LIX, вып. 3.
40. Средневековые в его памятниках // Под ред. Д.Н. Егорова. — М., 1913.
41. Фракасторо Дж. О contagiis, contagiosis, contagiosis et ceteris. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1954. 324 с.
42. Фракасторо Дж. Сифилисе. — М.: Медгиз, 1956. — 100 с.
43. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы // Под ред. В.М. Корещкого. — М., 1961.
44. Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков // Сост. Б.И. Пуришев, Р.О. Шор. — М., 1953.
45. Хрестоматия по истории медицины / Сост. Э. Д. Грибанов; Под ред. и с прим. П. Е. Заблудовского. — М.: Медицина, 1968. — 359 с.
46. Хрестоматия по истории медицины: учебное пособие // Сост. Е.Е. Бергер, М.С. Турская; под ред. Д.А. Балалькина. — М.: Литера, 2012. — 617 с.
47. Хрестоматия по истории средних веков // Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. — М., 1949. — Т.1.
48. Хрестоматия по истории средних веков // Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. — М., 1950. — Т.2.
49. Хрестоматия по истории средних веков // Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. — М., 1953. — Т.1.
50. Хрестоматия по истории средних веков // Под ред. Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. В 2 т. — М., 1938.
51. Хрестоматия по истории средних веков // Под ред. С.Д. Сказкина. В 2 т. — М., 1961.
52. Цельс А.К. О медицине / Пер. с лат., под ред. В.Н. Терновского и Ю.Ф. Шульца. — М.: Метроснаб, 1959.
53. Шпренгер Я, Институтис Г. Молот ведьм. — Саранск: Норд, 1991. — 352 с.

Общие труды по истории медицины

1. Барашнев Ю.И. Паломничество в прошлое медицины. — М.: Триада-Х, 2013. — 296 с.
2. Бородулин Ф.Р. История медицины: Избранные лекции. — М., 1961. — 252 с.
3. Бородулин В.И. История клинической медицины от истоков до середины XIX века: учеб. пособие. — М.: Медицина, 2008. — 180 с.
4. Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — 352 с.
5. Гезер Г. Основы истории медицины. — Казань: Н.А. Ильяшенко, 1890. — 520 с.
6. Гезер Г. История повальных болезней. В 2 ч. — СПб.: Изд-е медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1867.
7. Гезер Г. Исторический обзор хирургии. — СПб., 1880.
8. Герье В. Расцвет западной теократии В 2 т. — М., 1916.
9. Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. — М.: Медицина, 1990. — 206 с.
10. Гуардия Ж.М. История медицины от Гиппократов до Бруссэ и его последователей. — Казань: Изд-во Н.А. Ильяшенко, 1892. — 545 с.
11. Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. — М.: Просвещение, 1981. — 352 с.
12. История медицины: Материалы к курсу истории медицины / Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — 282 с.
13. Лахтин М. Этюды по истории медицины. — М.: Универст. тип-я, 1902. — 200 с.
14. Лебедев И. Д. Краткая история медицины. — М., 1827.
15. Лисицын Ю.П. История медицины. — М.: ГОЭТАР-Медиа, 2008. — 400 с.
16. Менье Л. История медицины. — М.-А., 1926.
17. Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — 464с.
18. Мирский М.Б. История медицины и хирургии: учеб. пособие. — М.: ГОЭТАР-Медиа, 2010. — 528 с.
19. Мультановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1961. — 348 с.
20. Мультановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1967.

21. Опарин А.А. История Древней и Средневековой медицины. — Харьков: Факт, 2017. — 784 с.
22. Опарин А.А. История медицины эпохи Возрождения и Реформации. — Харьков: Факт, 2018. — 416 с.
23. Опарин А.А. Медицина Киевской Руси. — Харьков: Факт, 2019. — 392с.
24. Опарин А. А. Медицина Византийской империи. — Харьков: Факт, 2020. — 320с.
25. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. — М.—Л., 1965.
26. Семенченко В.Ф. История фармации: Учебное пособие. — Ростов-на-Дону: МарТ, 2003. — 640 с.
27. Складорова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — 346 с.
28. Сорокина Т.С. История медицины. В 2 т. — М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1992.
29. Сорокина Т.С. История медицины. — М.: Академия, 2008.
30. Сорокина Т.С. Атлас истории медицины: Первобытное общество. Древний мир: Учебное пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во УДН, 1987. — 168 с.
31. Сорокина Т.С. Атлас истории медицины: Новое время (1640—1917): Учеб. пособие для иностр. студентов. — М., 1987. — 168 с.
32. Сорокина Т.С. Атлас истории медицины: Средние века (476—1640): Учебное пособие. — М.: Изд-во УДН, 1983. — 192 с.
33. Шамин Л.Н. История аптек и аптечного дела: Краткий курс лекций. — М.: OSF, 2000. — 90 с.
34. Шенгелия М.С. История медицины Грузии: Учебное пособие. — Тбилиси: Ганатлеба, 1984. — 208 с.
35. Эмери А., Эмери М. Медицина в искусстве. В 2 кн. //Перевод, комментарий и науч. ред. Т.С. Сорокиной. — М., 2009. — 457 с.
36. Daremberg Ch. Histoire des Sciences medicales. 2 vol. — Paris, 1870.
37. Laignel - Lavastine M. Histoire generate, le la medecine, de la pharmacie, de l'art dentairc et de art veterinaire: V. 1—2. — P., 1936—1939.
38. Margo11a R. An illustrated history of Medicine. — Hamlyn, 1968.
39. Neuburger I. Geschichte der Medizin. 2 Bde. — Stuttgart, 1906.
40. Science in the Middle Ages. — Chicago: L., 1978.
41. Singer C h., Underwood E. A. A short History of Medicine. — Oxford, 1962.

Общие труды по истории Средних веков

1. История Древнего мира // Под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой В 3 т. — М.: Наука, 1983.
2. Булли К. Книга Даниила. — Варшава: Знамение времени, 1966.
3. Волкославский Р. Н. Энциклопедический атлас Библиейской истории. — Заокский: Источник жизни. 2005.
4. Всемирная история. В 10 т./Под ред. Е.М. Жукова. — М., 1955—1956.
5. Всемирная история. В 24 т. — Минск: Литература, 1996—1997.
6. Гаусрат А. Средневековые реформаторы: Пьер Абеляр. Арнольд Брешианский. — М.: Либроком, 2017. — 392 с.
7. Гаусрат А. Средневековые реформаторы: Арнольдисты. Вальденцы. Франциск Ассизский. Сегарелли. Дольчино. — М.: Либроком, 2017. — 328 с.
8. Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. — М.: Терра, 1997.
9. Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. — Ростов-на-Дону: Феникс. — М.: Зевс, 1997. — 576 с.
10. Иллюстрированная история религий. В 2 т. //Под ред. проф. Д.П. Шантепи де ля Соссей. — Сортуаала: Изд. отдел Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, Российский фонд мира, 1992.
11. История Древнего Рима // Под ред. В. И. Кузищина. — М.: Высшая школа, 1993.
12. История Европы. Т. I. Древняя Европа // Под ред. Е. С. Голубцовой. — М., 1988.
13. История Нового времени / Под. ред. Пфлуг-Гартунга. — СПб., 1910.
14. История религии // Под ред. И. Н. Яблокова. В 2 т. — М.: Высшая школа, 2002.
15. История средних веков. В 2 т. // Под. ред. Е.А. Косминского. — М., 1952.

16. Мисанс И., Павулс В. История Средних веков. — Riga: Zvaizdne ABC, 1997. — 270 с.
17. Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов. — СПб.: Наука, 2008. — 223 с.
18. Стасюлевич М. История средних веков. В 3 т. — Пг., 1915.
19. Уайт Е. Великая борьба. — К.: Вісник миру, 1993.
20. Уайт Е. Конфликт веков. В 5 т. — Заокский: Источник жизни, 2000.
21. Шлоссер Ф. Всемирная история. — СПб.: Типография И. Огризко, 1862.

Труды по истории Средних веков, их медицине и культуре

1. Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004. — 287 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4 т. // Под ред. В.Ф. Асмуса, З.Н. Микеладзе, И.Д. Рожанского, А.И. Доватура, Ф.Х. Кессиди. — М., 1975—1984.
3. Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. — СПб.: Алетейя, 2004. — 398с.
4. Баткин Л.М. Данте и его время. Поэт и политика. — М., 1965.
5. Бейджент М. Ли Р. Инквизиция. — М.: ЭКСМО, 2003. — 352 с.
6. Белов Георг фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. — М.: Либроком, 2019. — 296 с.
7. Бергер Е.Е. Особенности хирургического образования в средневековой Европе // История медицины. — 2014. — Т.1. — №3. — С. 112—118.
8. Бэринг-гулд С. Книга оборотней. — М.: Азбука, 2010.
9. Вейс Г. История цивилизации. В 3 т. — М.: Эксмо-Пресс, 1998.
10. Величина В. Очерки истории инквизиции. — М.: Тип-я И.Н. Кушнерев, 1906. — 340 с.
11. Верхратский С.А. История медицины. — К.: Здоров'я, 2011. — 352 с.
12. Виллардуэн Жоффруа. Взятие Константинополя. Песни труверов. — М.: Наука, 1984. — 320 с.
13. Гезер Г. История повальных болезней. В 2 ч. — СПб., 1867.
14. Гейссер Л. История Реформации. В 3 т. — М.: Ленанд, 2018.
15. Гергей Е. История папства. — М.: Республика, 1996.
16. Гессманн Г.В. Тайные символы алхимии, фармацевтики и астрологии средних веков. — К.: Пор-Роял, 2007. — 224 с.
17. Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. — М.: Терра, 1997.
18. Голенищев-Кутузов И. И. Средневековая латинская литература Италии. — М., 1972.
19. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1—4. — М., 1999-2000.
20. Городская жизнь в средневековой Европе. — М., 1987.
21. Городская культура: Средневековые и начало Нового времени. — Л., 1986.
22. Гревс И.М. Кровавая свадьба Буондельмонте: Жизнь итальянского города в XIII в. — Л., 1925.
23. Грибанов Э.Д. Медицина в символах и эмблемах. — М.: Медицина, 1990. — 206 с.
24. Григулевич И.Р. Инквизиция. — М.: Политиздат, 1985.
25. Григулевич И.Р. Крест и меч. — М.: Наука, 1977. — 296 с.
26. Гринингер Т. Иезуиты. Полная история ордена. — Минск: Минская фабрика цветной печати, 2004. — 640 с.
27. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989. — 368 с.
28. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972. — 320 с.
29. Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История Средних веков. — М.: МБА, 2008. — 320 с.
30. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990. — 396 с.
31. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. — М.—СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 423 с.
32. Губер Ж. Иезуиты. Их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии. — М.: Ленанд, 2016. — 328 с.
33. Дени Э. Гус и гуситские войны. — М.: Клио, 2016.

34. Дерумс В. Я. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. — Рига, 1970.
35. Дефурно М. Повседневная жизнь Испании золотого века. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2004.
36. Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. — СПб., 1902.
37. Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. — Ростов-на-Дону: Феникс. — М.: Зевс, 1997.
38. Доброхотов А.Л. Данте Алигьери. — М., 1990.
39. Дюби Ж. Европа в Средние века. — Смоленск, 1994.
40. Жебар Э. Мистическая Италия. — СПб.: Т-я А. Пороховщикова, 1900. — 334с.
41. Заблудовский П.Е., Крючок Г.Р., Кузьмин М.К., Левит М.М. История медицины. — М.: Медицина, 1981.
42. Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — 272 с.
43. Заборов М.А. Папство и крестовые походы. — М.: Изд. АН СССР, 1960. — 264 с.
44. Зудгоф К. Медицина Средних веков и эпохи Возрождения. — М.: Вузовская книга, 1999. — 160 с.
45. Иванов К.А. Средневековый монастырь и его обитатели. — М.: Либроком, 2014. — 200 с.
46. Иванов К.А. Средневековье. — М.: АСТ, 2018. — 384 с.
47. История медицины: Материалы к курсу истории медицины //Под ред. Б.Д. Петрова: Т. 1. — М.: Медгиз, 1954. — 282 с.
48. История средних веков. В 2 т. // Под. ред. Е.А. Косминского. — М., 1952.
49. История тела. В 3 т. //Под ред. А. Кобрена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т.1. От Ренессанса до эпохи Просвещения. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 480 с.
50. Канторович Я.А. Процессы против животных в Средние века. — М.: Ленанд, 2018. — 72 с.
51. Каррен Б. Оборотни: люди-волки. — М.: Эксмо, 2010.
52. Карсавин Л. П. Монашество в средние века. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912.
53. Квеннелл М., Квеннелл Ч. Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. — СПб.: Евразия, 2002. — 384 с.
54. Кернс Э. Дорогами христианства. — М.: Протестант, 1992.
55. Клулас И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2006.
56. Ковнер С. История арабской медицины. — К.: Т-я импер. ун-та св. Владимира, 1893.
57. Ковнер С. История средневековой медицины. В 2 ч. — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1893—1898.
58. Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Выпуски 1-2. — М.: Книга по требованию, 2013. — 636 с.
59. Ковнер С.Г. Сифилис в древности и средние века. — К., 1896.
60. Ковнер С.Г. Хирургия во второй половине средних веков (XIII—XV вв.). — К.: Тип. импер. ун-та св. Владимира, 1895.
61. Констан Ж.М. Повседневная жизнь французов во времена религиозных войн. — М.: Молодая гвардия, 2005.
62. Коллиас И. Родосские рыцари. — Афины: Ekdotike athenon, 2012. — 176 с.
63. Корелин М.С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. — СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901.
64. Котельникова Л. А. Феодализм и город в Италии в VIII—XV вв. — М., 1987.
65. Краснова И. А. Деловые люди Флоренции. — М., 1995.
66. Кулдер Б. История крестовых походов. — Ростов-на-Дону, 1995.
67. Культура и общество Италии накануне Нового времени. — М., 1993.
68. Лависс Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. — СПб.: Полигон, АСТ, 1999.
69. Ларгье Л. Никола Фламель: В поисках золота. — М., 1998.
70. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс, 1992. — 376 с.
71. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Прогресс, 2001. — 440 с.
72. Лебедев А. П. Исторические очерки состояния византийско-восточной церкви. — СПб.: И-во О. Абышко, 2003.
73. Ли Г.Ч. История инквизиции в средние века. — М., 2010.

74. Литтре Э. Варвары и Средние века. Зарождение средневековой медицины. Хроники, мистерии, поэзия. — М.: Ленанд, 2014. — 192 с.
75. Лозинский С. Г. История папства. — М.: Политиздат, 1986.
76. Льоренте Х. А. История испанской инквизиции. В 2 т. — М.: Ладомир, АСТ, 1999.
77. Любимов Л. Д. Искусство Западной Европы. Средние века. Возрождение в Италии. — М., 1976.
78. Мейер-Штейнег Т., Зудгоф К. История медицины. — М.: Госиздат, 1925. — 464 с.
79. Менье Л. История медицины. — М.: Ленанд, 2017. — 328 с.
80. Миллер А. История христианской церкви. В 2 т. — ФРГ, Biefeld: GBV, 1994.
81. Морозов Н. А. В поисках философского камня. — СПб., 1909.
82. Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов. — М.: Молодая гвардия, Классик, 2002.
83. Мультановский М.П. История медицины. — М.: Медицина, 1961. — 348 с.
84. Неедлы З. История чешского народа. — М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1952. — Т.1.
85. Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. — М.: Наука, 1974. — 538с.
86. Опарин А. А. Медицина Средних веков. Религия. Философия. Суеверия. // Східноєвропейський журнал внутрішньої та сімейної медицини. — 2015. — №1. — С. 75—81.
87. Опарин А.А. Сардис: город золота. — Харьков: Факт, 2014.
88. Опарин А.А. Фиатира: город отступлений. — Харьков: Факт, 2016.
89. Орчов М.А. Алхимия. — Пг., 1917.
90. Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. — М., 1979.
91. Реньяр П. Умственные эпидемии. — М.: Emergensy Exit, 2004. — 296с.
92. Робертсон Д. История христианской церкви. В 2 т. — СПб.: И-е И.Л. Тузова, 1890—1891.
93. Ру С. Повседневная жизнь средневекового Парижа. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2008. — 252 с.
94. Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения. — Л., 1987.
95. Садуль Ж. Сокровища алхимиков. — М., 2000.
96. Салернский кодекс здоровья // Исторический журнал. — 2012. — №3. — С. 34—95.
97. Свинцовые врата алхимии: История, символы, практика. — СПб., 2002.
98. Сидоров А.И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. — СПб.: Наука, 2018. — 223 с.
99. Склярова Е.К., Жаров Л.В. История медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. — 346 с.
100. Сорокина Т.С. История медицины. В 2 т. — М.: Изд. Рос. ун-та дружбы народов, 1992.
101. Сорокина Т.С. Атлас истории медицины. Средние века (476—1640). — М.: Изд-во ун-та Дружбы народов, 1983.
102. Сорокина Т.С. История медицины. — М.: ПАИМС, 1994. — 384 с.
103. Сорочан С.Б. Ромейское царство. В 3 т. — Харьков: Майдан, 2018—2020.
104. Сорочан С.Б. История культуры Европы. Средние века. — Харьков: Майдан, 2021. — 446 с.
105. Сперанский Н.В. Ведьмы и ведовство. Из истории борьбы церкви с еретическими движениями. XV—XVII вв. — М.: Ленанд, 2016. — 208 с.
106. Суворов Н.С. О церковных наказаниях: Опыт исследования по церковному праву. — М.: Ленанд, 2015. — 346 с.
107. Суворов Н.С. Средневековые университеты. — М.: Ленанд, 2014. — 256 с.
108. Таксиль Л. Священный вертеп. К.: Политиздат, 1985.
109. Теории и символы алхимиков. — М., 1995.
110. Тохович Л. Исторический очерк Краковской медицинской школы. — Краков. 1963.
111. Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Инквизиция. — М.: Либроком, 2017. — 152 с.

112. Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Триентский собор. — М.: Либроком, 2011. — 424 с.
113. Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке: Общество иезуитов. — М.: Либроком, 2019. — 208 с.
114. Фламель Н. Алхимия. — СПб., 2001.
115. Фома Аквинский. Сумма теологии. В 11 т. — К.: Ника-центр, 2007—2012.
116. Фукс Э. История нравов. — Смоленск: Русич, 2002. — 624 с.
117. Шафф Ф. История христианской церкви. В 8 т. — СПб.: Библия для всех, 2007—2012.
118. Шейнман М.М. Папство. — М.: Изд. АН СССР, 1959. — 212 с.
119. Эйкен. Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — 776с.
120. Юнг К. Г. Психология и алхимия. — М., 1997.
121. Ютен С. Повседневная жизнь алхимиков в Средние века. — М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005.
122. Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. — М.: Либроком, 2015. — 776 с.
123. Ястребицкая А.А. Западная Европа XI—XIII веков. — М.: Искусство, 1978. — 176 с.
124. Agrini J., Crisciani Ch. Wohltätigkeit und Beistand in der mittelalterlichen christlichen Kultur //M.D. Grmek. Die Geschichte des mediynischen Denkens, Antike und Mittelalter. — Munchen, 1996. — S. 182—215.
125. Attali J. Die kannibalische Ordnung: von der Magie zur Computermedizin. — Frankfurt/Main, 1981.
126. Berger J.M. Die Geschichte der Gastfreundschaft im hochmittelalterlichen Monchtum. Das Beispiel der Cistercienser. Diss. — Munster, 1996.
127. Boudriot W. Die altgermanische Religion in der amtlichen kirchlichen Literatur des Abendlandes vom 5 bis 11. Jahrhundert. — Bonn, 1928.
128. Boussel P. Histoire illustree de la Pharmacie. — P., 1949.
129. Coulton G. D. Life in the Middle Ages: V. 1—4. — Cambridge, 1967.
130. Daly L. J. The medieval university (1200—1400). — N.—Y., 1961.
131. Deaux G. The black death 1347. — N.—Y., 1969.
132. Demaitre L. Theory and practice in medical education at the University of Montpellier in the Thirteenth and Fourteenth centuries. — J. of the History of medicine and allied sciences. — N.-Y.—L., 1975. — №30. — S.103—123.
133. Die Geschichte der Medizin im Spiegel der Kunst. — Koln, 1980.
134. Dumesnil R. Histoire illustree de la medecine. — P., 1950.
135. Entralgo L. P. Historia Universal de la medicina. T. 3. — Barcelona, 1972.
136. Franz A. Die kirchlichen Benediktijnen im Mittelalter. Bd. 1-2. — Graz, 1960.
137. Hahn A., Dumaitre P. Histoire de la Medecine et du Livre Medical. — P., 1962.
138. Hamdard: Voice of Eastern Medicine. V. — Karachi, 1979.
139. Harmering D. Frankische Mirakelbücher. Quellen und Untersuchungen zur historischen Volkskunde und Geschichte der Frömmigkeit //Wuryburger Diözesangeschichtsblätter (28), 1966. — S. 25—240.
140. Haskins Ch. H. The Rise of Universities. — N.—Y., 1933.
141. Herrlinger R. Geschichte der medizinischen Abbildung. V. 1—2. — Munchen, 1972.
142. Hollander E. Die Medizin in der Klassischen Malerei. — Stuttgart, 1923.
143. Lea H. Ch. The inquisition of the middle ages. — N.-Y., 1961.
144. Medieval Medicine. — Toronto: University of Toronto Press, 2010. — 564s.
145. Mittler M. Libellus de Translatione Sancti Anthonis Archiepiscopi et miracula Sancti Anthonis. — Siegburg, 1966—1968.
146. Schmitt J.C. Hidenstab und Hollenangst. Aberglaube im Mittelalter. — Frankfurt/Main, 1993.
147. Siraisi N. G. Arts and Sciences at Padua: The Studium at Padua before 1350. — Toronto, 1973.
148. Vania C. Krankheit P. Dinyelbacher. Europäische Mentalitätsgeschichte. Hauptthesen in Einzeldarstellungen. — Stuttgart, 1994. — S. 195—200.
149. Ziegler Ph. The black death. — L., 1969.

Содержание

Предисловие	3
Часть I. МЕДИЦИНА СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА:	
БОЛЬНИЦЫ. ВРАЧИ. АПТЕКИ	5
Глава 1. Санитарно-эпидемиологическое состояние средневекового города	7
Глава 2. Больницы средневекового города	36
Глава 3. Врачи средневекового города	67
Глава 4. Средневековые хирурги и хирургия.....	81
Глава 5. Средневековая аптека.....	105
Часть II. МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНИХ ВЕКОВ.....	107
Глава 1. Методы лечения средневековой медицины.	
Святые и реликвии	109
Глава 2. Методы лечения средневековой медицины.	
Обереги и амулеты.....	115
Глава 3. Методы лечения средневековой медицины.	
Предметы церковного культа	119
Глава 4. Методы лечения средневековой медицины. Святая вода	121
Глава 5. Методы лечения средневековой медицины. Травяные зелья	122
Глава 6. Методы лечения средневековой медицины. Кровь и моча.....	124
Глава 7. Методы лечения средневековой медицины. Трупы.....	126
Глава 8. Методы лечения средневековой медицины.	
Засушенные жабы и волчье сердце.....	130
Глава 9. Методы лечения средневековой медицины. Гадания на Библии и толкование снов	132
Глава 10. Методы лечения средневековой медицины.	
Народные магические методы лечения.....	135
Глава 11. Методы лечения средневековой медицины. Минералы и камни	136
Глава 12. Методы лечения средневековой медицины. Алхимия и астрология	138
Глава 13. Методы лечения средневековой медицины.	
Исцеление рукой короля.....	140
Глава 14. Методы лечения средневековой медицины. Заклинания	141
Глава 15. Методы лечения средневековой медицины.	
Кровопускания и слабительные	145
Часть III. ПАНДЕМИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ: ЧУМА	147
Глава 1. Первая пандемия чумы или Юстинианова чума	149
Глава 2. Вторая пандемия чумы или «Черная смерть»	152
Часть IV. ПСИХИЧЕСКИЕ ЭПИДЕМИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ.....	173
Глава 1. Пляска св. Витта, тарантизм и ликантропия.....	175
Глава 2. Детские психозы	179

Глава 3. Процессы против животных и шествия обнаженных женщин	183
Глава 4. Охота на ведьм	184
Глава 5. Причины нервно-психических эпидемий Средневековья: аскетические учения Средневековой церкви	194
Глава 6. Причины нервно-психических эпидемий Средневековья: суеверия и схоластика средневековой церкви.....	210
Глава 7. Причины нервно-психических эпидемий Средневековья: церковная средневековая проповедь	215
Глава 8. Причины нервно-психических эпидемий Средневековья: инквизиция.....	253
Глава 9. Причины нервно-психических эпидемий Средневековья: гуманизм	275

Часть V. МЕДИЦИНА И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.....	281
Глава 1. Крестовые походы: исторический аспект	284
Глава 2. Плоды Крестовых походов	292
Глава 3. Крестовые походы: медицинский аспект	300
Глава 4. Крестовые походы и методы лечения заболеваний	314

Часть VI. СИСТЕМА МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА	319
Глава 1. Причины и история возникновения Средневековых университетов	322
Глава 2. Типы и принципы устройства средневековых университетов	330
Глава 3. Общая система подготовки в средневековых университетах	334
Глава 4. Принципы преподавания на медицинских факультетах средневековых университетов	339
Глава 5. Медицинские факультеты Салернского и Падуанского университетов	360
Глава 6. Средневековые университеты и средневековая церковь. История основания университетов.....	367
Глава 7. Средневековые университеты и средневековая церковь. Предания выше науки.....	383

Часть VII. ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МЕДИЦИНЫ	393
Глава 1. Средневековая медицина и учение средневековой церкви о болезни	396
Глава 2. Средневековая медицина и учение средневековой церкви о душе	402
Глава 3. Средневековая медицина и учение средневековой церкви об образовании	409
Глава 4. Средневековая медицина и средневековое учение церкви о святых	417
Список использованной литературы	423

Наукове видання

Опарін Олексій Анатолійович

МЕДИЦИНА СЕРЕДНЬОВІЧНОЇ ЄВРОПИ

Монографія

(Рос. мовою)

Формат 60×90 1/16 . Ум. друк. арк. 25,75.
Тираж 1000.

Видавництво «Факт»

Україна, 61166, м. Харків, вул. Бакуліна, 11, оф. 2-26.

+38 (057) 768-01-01, publish_fakt@ukr.net

www.fakt.kh.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3172 від 22.04.2008.

Виготовлено у ФОП В. Є. Гудзинський

Україна, 61072, м. Харків, вул. 23-го Серпня, 27.

+38 (057) 340-52-26, for_veg@ukr.net

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ХК № 269 від 23.11.2010.